
А·Н
МАЙКОВ
2

А.Н.МАЙКОВ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

А. Н. МАЙКОВ

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

Издание выходит под общей редакцией
Ф. Я. Приймы

Составление и подготовка текста
Л. С. Гейро

ПОЭМЫ

ТРИ СМЕРТИ

Лирическая драма

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НИКОЛАЮ АПОЛЛОНОВИЧУ
МАЙКОВУ

Поэт Лукан, философ Сенека и эпикуреец Люций приговорены Нероном к казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната в античном вкусе; посредине стол с яствами; около него Люций, эпикуреец, один, как следует, возлежит за обедом. Сенека пишет завещание. Лукан в глубокой задумчивости. В углублении сцены группа друзей и учеников Сенеки.

Люций

(омыв после еды руки водою в чаше, поданной рабом, говорит)

Мудрец отличен от глупца
Тем, что он мыслит до конца.
И вот — я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разит
Всего скорее аппетит.
Я целый час жую, глотаю,
Но всё без вкуса — и не сыт!..
Вина попробуем! Быть может,
Живая Вакхова струя
Желудок дремлющий встревожит...
Ну, кто же пьет со мной, друзья?
Лукан!.. да ты как в лихорадке!
В Сенеке строгий стоицизм
Давно разрушил организм!
И если вы в таком упадке —
Не мудрено, что в этот час
Мой здравый разум бесит вас!

Лукан

В час смерти шутки неприличны!

Люций

Но лучше умереть шутя,
Чем плакать, рваться, как дитя,
Без пользы!

Лукан

Мнения различны!
Кто жизнь обжорству посвятил,
Тот потеряет с ней немного!

Люций

Э, милый! не суди так строго!
Я, признаюсь, еще б пожил
И неохотно умираю...
Но, чтобы с честью этот шаг
Свершить,— в твоих, мой друг, стихах
Себе отваги почерпаю.
«Посланье к смерти» помнишь ты?
В нем есть высокие черты!
С скелета смерти снял ты смело
Земной фантазии цветы...
Ты помнишь:

(декламирует)

«Друзья! нам смерть страшна лишь чем?
Всё кажется, что не совсем,
Не разом мы умрем,

Что будем видеть мы свой труп,
Улыбку неподвижных губ,
Глаза с тупым зрачком;

А мухи стаей по лицу,
Без уваженья к мертвецу,
И по лбу поползут;

И с содроганьем от тебя
Родные, близкие, друзья
В испуге отойдут...»

Лукан

Ужасный образ! Как я мог!..

Люций

Позволь! В конце — благой урок.

(*Читает далее.*)

«Что даже из земли сырой
За резвой жизнию земной
Следить твой будет слух;

И между тем как над тобой
Весна покров расстелет свой
И запестреет луг —

Червь на тебя уж нападет
И жадно есть тебе начнет
И щеки, и бока...»

Лукан

(*перебивая его*)

Да перестань!

Люций

(*продолжает*)

«И будешь вечно рваться ты
На свет из душной темноты —
Да крышка-то крепка!

Но, смертный, знай: твой тщетен страх,
Ведь на твоих похоронах
Не будешь зритель ты!

Ведь вместе с дружеской толпой
Не будешь плакать над собой
И класть на гроб цветы;

По смерти стал ты вне тревог,
Ты стал загадкою, как бог,
И вдруг душа твоя,

Как радость, встретила покой,
Какого в жизни нет земной,—
Покой небытия!»

Ведь превосходно! Эпиктетом
Проникнут живо каждый стих!
Прошу покорно — верь поэтам!
Мечты и верованья их
Подвижней тучек золотых!..
Вы все на колокол похожи,
В который может зазвонить
На площади любой прохожий!
То смерть зовет, то хочет жить,
То снова к жизни равнодушен...
Задача, право, вас понять!..

Лукан

(вспыхнув)

Что ж этим хочешь ты сказать?
Что ветрен я и малодушен?..

Сенека

(переставая писать, удерживает Лукана)

Оставьте спор! Прилично ль вам
Безумным посвящать речам
Свои последние мгновенья!
Смерть — шаг великий!

(К Люцию.)

Верь, мой друг,
Есть смысл в Платоновом ученье —
Что это миг перерожденья.
Пусть здесь убьет меня недуг,—
Но, как мерцание Авроры,
Как лилий чистый фимиам,
Как лир торжественные хоры,
Иная жизнь нас встретит — там!

В душе, за сим земным пределом,
Проснутся, выглянут на свет
Иные чувства роем целым,
Которым органа здесь нет.
Мы — боги, скованные телом,
И в этот дивный перелом,
Когда я покидаю землю,
Я прежний образ свой приемлю,
Вступая в небо — божеством!

Люций

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего так создан свет,
Что где хоть два есть человека —
И два есть взгляда на предмет?
Твое, как молот, сильно слово —
Но убеждаюсь я в ином...
Существования другого
Не постигаю я умом!
Взгляни на лавры вековые:
Их листья, каждый в свой черед,
Переменяются что год —
Одни спадут, взойдут другие,
А лавр всё зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те ж...
Вот так и мы — Лукан, Сенека,
Слуга покорный ваш — умрет...
Отпадший лист! Но заживет,
Как прежде, племя человека!
Иной появится певец,
Другие будут жить и вздорить,
Страдать, любить, о том же спорить,
О чем и мы с тобой, мудрец!..
Но пусть по смерти жить мы будем!
(Тебе готов я уступить!)
А всё себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить!
Нам неприятна перемена.
Вот что мне кто-то говорил:
На острове каком-то жил
Философ секты Диогена.

Он в бедном рубище ходил.
Спал, где пришлось прилечь к сараю,
Босой, с клюкой, нужда кругом...
Каким уж случаем, не знаю,
Всему вдруг вздумалося краю
Его избрать своим царем.
Что ж? Царский пурпур одевая
И тряпки ветхие скидая,
О них вздохнул он тяжело
И пожалел удел убогой,
Сказав: ведь было же тепло
Под сей цинической тогой!
Не то же ль с жизнию земной?
Достигши вечного предела,
Жалеешь бросить это тело —
Покров убогий и худой!
Ты говоришь, что мы одною
С богами жизнью заживем?
Да лучше ль нам? Ну, как порою,
Смотря, как мы свой век ведем,
Богини с грозными богами,
Как волки, щелкают зубами!
Смотря, как смертный ест и пьет
И с смертной тешится любезной,
Они, быть может, бесполезно
Крепясь, облизывают рот!
Что мне в их жизни без волнений?
Мирами, что ли, управлять?
В них декорации менять,
И, вместо всяких развлечений,
Людьми, как шашками, играть,
И, как актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нет! клянусь,
Я в боги вовсе не гожусь...

Лукан

Нет! не страшат меня загадки
Того, что будет впереди!
Жаль бросить славных дел начатки
И всё, что билося в груди,

Что было мне всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятил!
Мне страшно думать — для чего же
Во мне кипело столько сил?
Зачем же сила эта крепла,
Росла, стремилась к торжествам?
Титан, грозивший небесам,
Ужели станет горстью пепла?
Не может быть! Где ж смысл в богах?
Где высший разум? Провиденье?
Вдруг человека взять в лесах,
Возвысить в мире, дать значенье,
И вдруг — разбить без сожаленья,
Как форму глиняную, в прах!..
Ужели с даром песен лира
Была случайно мне дана?
Нет, в ней была заключена
Одна из сил разумных мира!
Народов мысли — образ дать,
Их чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за всё живое —
Вот мой удел! Вот власть моя!
Когда для правды бесприютной,
В сердцах людей мелькавшей смутно,
Скую из слова образ я,
И тут врагов слепая стая
Его подхватит, злясь и лая,
Как псы обглоданную кость,—
Всё, что отвергнуто толпою,
Всё веселилося со мною,
Смотря на жалкую их злость!..
А злоба мрачных изуверов,
Ханжей, фигляров, лицемеров,
С которых маски я сбивал?
Дитя — их мучил и пугал!
Столпов отечества заставить
Я мог капризам льстить моим —
Тем, что я их стихом одним
Мог вознести иль обесславить!
С Нероном спорить я дерзал —

А кто же спорить мог с Нероном!
Он ногти грыз, он двигал троном,
Когда я вслед за ним читал,
И в зале шепот пробегал...
Что ж? не был я его сильнее,
Когда, не властвуя собой,
Он опрокинул трон ногой
И вышел — полотна белее?
Вот жизнь моя! и что ж? ужель
Вдруг умереть? и это — цель
Трудов, великих начинаний!..
Победный лавр, венец желаний!..
О, боги! Нет! не может быть!
Нет! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудом — о, я верю чуду!
Но должен я и — буду жить!

Входит центурион со свитком в руке.

Люций

(указывая на центуриона)

Вот и спаситель! Ну! покуда
Тут нет еще большого чуда.

(К центуриону.)

Какие новости?

Центурион

(подавая ему свиток)

Декрет
Сената.

Люций

Други! шлет привет
Сенат к нам! Уваженье к власти!

Лукан

Читай!

Люций

Стой! Кто решит вперед —
Жизнь или смерть? Заклад идет?

Лукан

Я б разорвал тебя на части
За эти шутки!

Вырывает свиток и читает декрет, в котором, между прочим, сказано, что Цезарь, в неизреченной милости своей, избавляет их от позорной казни, дарует им право выбрать род смерти и самим лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центурион обязан наблюсти за исполнением декрета и о последующем донести.

Люций

Недурен слог. Писать умеют.

Лукан

Злодеи! Изверги!

Люций

Притом
Приличье тонко разумеют —
Что одолжаться палачом
Неблагородно человеку...

(К центуриону.)

Но что ты смотришь на Сенеку?

Лукан

Ты тронут! Ты потупил взгляд!
В твоем лице следы смущенья!
О, верь мне, то богов внушенье!
Спаси нам жизнь! Благословят
Тебя народы! Пред тобою
Мудрец с маститой сединою —
Он чист, как дева, как Сократ!

Центурион

Мой долг...

Лукан

Твой долг! А жить без славы!
Для дикой прихоти губя

Людей, отечество, себя,
Прожить слепцом в грязи кровавой!
О, если долг в твоей груди
Не всё убил, то отведи
Меня в Сенат! Как с поля битвы
Пред смертью ратнику, сказать
Дай мне последние молитвы!
Дай мне пред смертью завещать
Без лжи, перед лицом вселенной,
Всё, что привык я неизменной,
Святою истиной считать!

Центурион, не обращая внимания на Лукана, удаляется в глубину комнаты. Лукан продолжает в сильном волнении.

Я им скажу: в них чести нет!
В них ум какой-то мглой одет!
Для них отечество и слава —
Речей напыщенных приправа!
Величие народа в том,
Что носит в сердце он своем;
Убив в нем доблести величье,
Заставив в играх и пирах
Забыть добра и зла различье,
В сердца вселяя только страх,
От правды казнью ограждаясь
И пред рабами величаясь,
Они мечтают навсегда
Избегнуть кары и суда...
Я им скажу: готовят сами
Свой приговор себе они!
Что, упоенные льстецами
И мысля в мире жить одни,
Себе статуи воздвигают,
Как божества, на площадях...
Но век их минет: разломают,
С проклятием растопчут в прах
Отцов статуи их же дети!
Детей проклятий ряд столетий
Не снимет с головы отцов...

Сенека

Лукан! оставь, оставь слепцов!

Люций

Пришла ж охота на циклопов
На двуутробок и сорок
Взглянуть пред смертью! Взять урок
У них дилемм, фигур и тропов!

Лукан

Но как без боя всё отдать!..
Хотя б к народу мне воззвать!
Певец у Рима умирает!
Сенека гибнет! И народ
Молчит!.. Но нет, народ не знает!
Народу мил и дорог тот,
Кто спать в нем мысли не дает!

Люций

Да, мил, как бабочка ночная,
Покуда крыльев не ожжет,
Через огонь перелетая...
Народ твой первый же потом
И назовет тебя глупцом.

Лукан

(закрыв лицо руками)

Но Цезарь!.. Мы ведь с ним когда-то
Росли, играли, как два брата!
Он вспомнит время детских игр
И приговор свой остановит...
В нем сердце есть... Ведь он не тигр...
Рим часто попусту злословит...
Что я ему? Мои мечты
Да песни — все мои заботы!..

Люций

Мой бедный мальчик, с жизнью счеты
Еще не кончил, видно, ты!

Один из учеников Сенеки входит в комнату. С ним раб. Он говорит шепотом.

Ученик

Друзья, чур тише,— я с надеждой!

Лукан

Прощенье?..

Ученик

В доме выход есть;
Со мной две женские одежды.
Пробраться к Тибру, в лодку сесть —
И в Остию! Беги с Луканом,
А я останусь здесь с рабом.
Лукан с ним сходен видом, станом,
Я сед, гляжу уж стариком...
Бегите! Время есть до срока.
И вы уж будете далеко,
Как нас найдут здесь поутру.

Лукан

Я говорил, что не умру!

Сенека

Беги, Лукан! Мне с сединою
Нейдет уж бегать от врагов.

Люций

А жаль! я б посмотрел, каков
Ты в юбке!...

Ученик

Гибель пред тобою!
Смерть в каждом доме! Целый Рим —
Что цирк. Людей травят зверями.
Постум убит рабом своим;
Пизон вскрыл жилы. Под досками
Раздавлен Кай. Чего ж вам ждать?

Сенека

Мой друг, не дважды умирать!
Раз — это праздник!

Ученик

Но с тобою
Погибнет всё! Ты много нам
Не досказал!

Сенека

Найдешь и сам
Всё, что осталося за мною,—
Лишь мысли, истину любя.

Лукан

Учитель! я молю тебя!

Ученик

Ведь ты последняя лампада
Во мраке лжи!

Сенека

Оставь меня.
Ни просьб, ни лести мне не надо.
Верь, каждый шаг свой — знаю я!

Ученик

Я это знал... я знал тебя!
О, горе! Что же будет с нами!..
Жить в мраке, плача и скорбя,
Что свет мелькнул перед глазами —
И скрылся!.. Ты душой высок!
Ты недоступен нам, Сенека!
Ах, правда, в сердце человека
Есть нечто высшее, есть бог!..
Сейчас я видел — и смущеньем
Я поражен как мальчик был...
Я через форум проходил.
С каким-то диким изумленьем
Народ носилки окружил.
В носилках труп Эпихариды...
(Под видом праздников Киприды
Пизон друзей сбирал к ней в дом.)

Вчера она, под колесом,
В жестоких муках, не винилась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
В носилках петлю изловчилась
Связать платком — и удавилась.
Воскликнул сам центурион:
«В рабынь вселился дух Катонов!»
А Рим? Сенат? Весь обращен
Иль в палачей, или в шпионов!

Лукан

Эпихарида!

Ученик

Да, она —
Душа безумных сатурналий!

Лукан

И ты хотел, чтоб мы бежали!

Люций

Бывают, точно, времена
Совсем особенного свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь поняв, остаться жить —
Клянусь, немалое геройство!

Лукан

И смерть в руках ее была
Для целой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы в золоте могла!
На площадях боготворима
В меди б и в мраморе была,
Как мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образ твой, как совесть, строгий!
Да разве мог я жить как трус?

Нет, нет! Клянусь, меня не станут
Геройством женщин упрекать!
Последних римлян в нас помянут!
Ну, Рим! тебе волчица — мать
Была! Я верю... В сказке древней
Есть правда... Ликтор! я готов...
Я здесь чужой в гнилой харчевне
Убийц наемных и воров!
Смерть тяжела лишь для рабов!
Нам — в ней триумф.

(Обнимает Сенеку и друзей и говорит, подняв глаза к небу.)

О боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Виденья древности седой
И олимпийские чертоги,
Затем чтоб стих могучий мой
Их смертным был провозвещатель!..
Теперь стою я, как ваятель
В своей великой мастерской.
Передо мной — как исполины —
Недовершенные мечты!
Как мрамор, ждут они единой
Для жизни творческой черты...
Простите ж, пышные мечтанья!
Осуществить я вас не мог!..
О, умираю я, как бог
Средь начатого мирозданья!

Лукан, обняв Сенеку и Люция, уходит, сопровождаемый ликторами.

Сенека

(хочет за ним следовать, но останавливается на движение бросившихся к нему учеников и, проведя рукою по челу, говорит тихо и торжественно)

Одну имел я в жизни цель,
И к ней я шел тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый в ней урок,

Есть буква новая, средь вечной
И дивной азбуки, залог
Науки высшей, бесконечной!
Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведал
И, что в себе и в ней познал,
В науку б поздним внукам предал;
Послал он ввстречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь, окреп в борьбе искусной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я всё свершил. Мой образ вылит.
Еще резца последний взмах —
И гордо встанет он в веках.
Резец не дрогнет. Не осилит
Мне руку страх. Здесь путь свершен,—
Но дух мой, жизнию земною
Усовершен и умудрен,
Вступает в вечность... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытия...

Друзья с воплями обнимают колена философа. Смотря на них, он продолжает.

Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно,
Когда не лишний я на пире,
Когда, идя с народом в храм,
Я с ним молюсь одним богам...
Когда ж толпа, с тобою розно,
Себе воздвигнув божество,
Следит с какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего,
Когда указывает пальцем,
Тебя завидев далеко,—
О, жить отверженным скитальцем,
Друзья, поверьте, нелегко:
Остатки лучших поколений,
С их древней доблестью в груди,

Проходим мертвые, как тени,
Мы как шуты на площади!
И незаметно ветер крепкий
Потопит нас среди зыбей,
Как обессмысленные щепки
Победоносных кораблей...

Наш век прошел. Пора нам, братья!
Иные люди в мир пришли,
Иные чувства и понятья
Они с собою принесли...
Быть может, веруя упорно
В преданья юности своей,
Мы леденим, как вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей.
Быть может... истина не с нами!
Наш ум ее уже неймет,
И ослабевшими очами
Глядит назад, а не вперед,
И света истины не видит,
И вопиет: «Спасенья нет!»
И, может быть, иной прийдет
И скажет людям: «Вот где свет!»
Нет! нам пора!.. Открой мне жилы!..
О, величайшее из благ —
Смерть! ты теперь в моих руках!..
Сократ! учитель мой! друг милый!
К тебе иду!..

(Уходит, сопровождаемый учениками.)

Люций

Ты кончил хорошо, Сенека!
И славно выдержал!.. Ну, вот —
Героем меньше!.. Злость берет.
Как поглядишь на человека!
Что ж из того, что умер ты?
Что духом до конца не падал?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоров задал
Дня на два! Вот и подвиг твой!

(Смотрит в окно на небо и дальние горы.)

Как там спокойно! Горы ясны...
Вот так и боги безучастно
С небес глядят на род людской!
Да что и видеть?..

(Оглядывается в комнату.)

Здесь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося не много...
Что ж пользы Немезиде строгой
Час лишний даром отдавать?
Для дел великих отдых нужен,
Веселый дух и — добрый ужин...
По смерти слава — нам не в прок!
И что за счастье, что когда-то
Укажет ритор бородатый
В тебе для школьников урок!..
До тайн грядущих — нет мне дела!
И здесь ли кончу я свой век
Иль будет жить душа без тела —
Всё буду я не человек!..
Ну, а теперь, пока я в силе,
С почетом отпустить могу
Я тело — старого слугу...
Эй, раб!

Входит раб.

Люций

В моей приморской вилле
Мне лучший ужин снаряди,
В амфитеатре, под горами.
Мне ложе убери цветами;
Балет вакханок приведи,
Хор фавнов... лиры и тимпаны...
Да хор не так, как в прошлый раз:
Пискун какой-то — первый бас!..
В саду открой везде фонтаны;
Вот ключ: там в дальней кладовой
Есть кубки с греческой резьбой,—
Достань. Да разошли проворно
Рабов созвать друзей... Пускай,

Кто жив, тот и придет. Ступай
К Марцеллу сам. Проси покорно,
Хранится у него давно
Горацианское вино.
Скажи, что господин твой молит
Не отказать ему ни в чем,
Что нынче — умирать изволит!
Ну, всё... ты верным был рабом
И не забыт в моей духовной.

Раб упадает к его ногам.

Да не торгуйся, не скупись —
Чтоб ужин вышел баснословный!..
Да! главное забыл... Стучись
В палаты Пирры беззаботной!
Снеси цветов корзины ей,
И пусть, смеяся безотчетно,
Она ко мне, весны светлей,
На ужин явится скорей.

Раб уходит.

И на коленях девы милой
Я с напряженной жизни силой
В последний раз упьюсь душой
Дыханьем трав, и морем спящим,
И солнцем, в волны заходящим,
И Пирры ясной красотой!..
Когда ж пресыщусь до избытка,
Она смертельного напитка,
Умильно улыбаясь, мне,
Сама не зная, даст в вине,
И я умру шутя, чуть слышно,
Как истый мудрый сибарит,
Который, трапезою пышной
Насытив тонкий аппетит,
Средь ароматов мирно спит.

<1851>

СТРАННИК

ПОСВЯЩАЕТСЯ Ф. И. ТЮТЧЕВУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гриша, двадцати лет.
Странник, сорока пяти лет.
Нищий.

Страннопріимная келья при купеческом раскольничьем доме, на фабрике, близ большого села. В келье стол, лавки, образа старого письма, лампадка.

Гриша

(один стоит в раздумьи)

Как он войдет, то прямо объявлюся:
«Аз грешный, мол, во тьме заблудший, свету
Желающий!.. Отверзи мне источник
Премудрости твоей, бо алчу, отче,
Я твоего учительского слова...»
Так и скажу ему, как затвердил!
А тут пока прибраться...

(Оглядывает келью.)

Ишь, подушку
Откинул он и положил поленце...
Голубчик! Снял ведь и соломку с лавки!
Пошел с своей посудинкой на речку...
Вот с лишком две недели: всю-то ночь
На правиле стоит, а днем читает...
И как себя-то соблюдает строго!
Раз отдохнуть прилег: вдруг едет тройка,
Да с песнями,— и кинулся молиться
Да час иль два поклоны клал земные...
Что, если б знал он, что я тут же, подле,
Из каморы своей смотрю всё в щелку?

Что ж! разве я то делаю для худа?
Томлюся я, что Даниил во рву...
Горе всечасно обращаю очи —
Не явится ль господень светлый ангел!
Да нет, не сходит!..

(Поправляет лампадку на полке, где видит книги.)

Вот книги-то его!..
Евфимиев *Цветник*... Да нешто он
Из бегунов?.. А это Аввакума
Послания... Как ведь писал, страдалец!

(Открывает книгу и читает.)

«У греков такожде пропала вера.
С поганым турком потурчали: пьют
Табак, приходят в церковь в шапках; жены
Того скверней,— им церковь яко место
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Сам патриарх браду обрил и с турком
Ест рафленых курей с едина блюда.
Нет, русачки мои не таковы!
В огонь скорее, миленькие, внидут,
А благоверия не предадут».
Воистину сказал: «Не предадут!»

(Перевертывает несколько страниц и читает.)

«К тебе, о царь, пред смертью из темницы
Я, как из гроба, ныне вопию:
Опомнися! Покайся!.. Изболело
Мое всё сердце по тебе, царю!
О душеньке своей попомни, милый!
Слукавили лгуны перед тобою!
Какие ж мы еретики, помысли!
Порушили ль мы где уставы церкви?
Вели престать нас звать бунтовщиками:
Мы пред твоим величеством, голубчик,
Ниже в малейшем не повинны! Токмо
Что о душе печемся, бога ради...»

Слыша шаги, поспешно кладет книгу на место и становится к стене. Входит с т р а н н и к, несет бурак с водою; проходит мимо Гриши, не замечая его и продолжая богомыслие.

Странник

Из глубины паденья моего,
О господи, к тебе взываю, грешный!
Вонми моим рыданиям и призри
С высот твоих, есмь немощен и шаток,
И дух мой, аки вал морской, всечасно
То в небеса пред светлый лик твой рвется,
То падает во ад кромешный паки!..

(Ставит бурак на стол, достает медный складень и готовится стать на правило.)

Гриша

(робко подходя к нему)

Не прогневись, благоутробный отче:
Аз грешный... аз, учительского слова
Из уст твоих желающий услышать...

Странник

Ох, что ты, сыне?.. Мне ль учительское слово
Кому держать! И сам бы поучился
От мудрого! Сам возлюбил бы плеть
Духовную от праведного мужа!

Гриша

Позволь с тобой на правило мне стать!

Странник

Нельзя!

Гриша

Я тоже старой веры, отче!

Странник

Что ж старой? Все вы нынче — пестряки!

(Садится.)

Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо верных
День ото дня в миру оскудевает!..
Ты грамотный?

Гриша

Почитываю книги,
Да одному не всё-то в них понятно!
У нас народ на фабрике всё буйный
И токмо что рекутся староверы.
Вот иногда у постояльцев спросишь,—
Да знающих не много между ними.

Странник

Коль грамотен еси, то прочитал ли
И помнишь ли, что писано о верных?

(Читает наизусть.)

Егда Христос приидет паки в мир,
Обрящет ли свою он веру чисту?
Он приидет в великие хоромы
С златым шатром, с подзоры и убрусы;
Покои ж багрецом наряжены;
И в тех покоях восседят мужи,
Во ферязях, сырцом и златом шитых;
А на столе и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И, жемчугом унизаны, подносят
Вина им в сребряных сосудах жены,
И поклоняются им, и лобзают,
Греховной срамоты не убояся,
Усты в уста. Он скажет: «Блудодеи
Вси суть они, и не мои суть овцы!»
Он приидет к властям, к архиереям;
Узрит: един с блистанием на митре
И злата, и жемчужных херувимов,
И бархатом на мантии кичася,
На башмаках же крест Христов имея,
Чтоб скверными топтать его ногами;
И вкруг синклит его, попы и мнихи,
И римские певцы, партесным пеньем
Не божью, а его поющи славу;

И все думцы его в парчах и камнях,
Окрест его седяще полукругом;
И купно всем собором измышляют
Погибель христианству, наказуя
По всей стране противящихся им
Во срубах жечь, и вешать на крюки,
И зарывать живых по перси в землю;
Он скажет: «Се не пастыри, а волки!»
В пустынях лишь, в лесу, забегших в горы
Найдет подвижников: им же молитва —
Кормленье, слезы — утоленье жажды,
И беса посрамление — веселье,
Гонение — сгово́р, а смерть — невеста...
И скажет он: «Со мною вы пребысте,
И с вами аз, отныне и вовеки».

Гриша

(в умиленьи)

Ты наизусть святые книги знаешь!
Вот всю бы ночь, кажись, тебя прослушал!

Странник

Великий змий вселенную обвил
И царствует... Про змия-то читаем:
«И было зримо, како по ночам
Сей змий, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храмине царевой подползал,
И царское оконце отворялось,
Царь у окна сидел, а змий, вздымаясь
По лестнице клубами, подымался
Вверх до окна и голову свою
Великому царю клал на плечо.
(И так он был огромен, что лежал
По лестнице всем туловищем темным,
А хвост еще из патриаршей сени
Не вылезал.) И так, к цареву уху
Припав, шептал он лестные слова:
«Не слушай честных старцев, о царю!
И старых книг, владыко, боронися!
Бо тесноты они тебе хотят!

А полюби, царь, Никоновы книги:
В них обретешь пространное житье,
И по средам и пятницам всеястье,
И телесам твоим во услажденье
Все радости мирские и утехи».

Гриша

Про змия, отче, я читал и знаю.
Исшел из ада он и днем являлся
Под видом Никона лжепатриарха,
А ночью принимал опять вид змия.
Про Никона написано еще:
Его видали, как в златой палате
От многих он бесов был почитаем.
Они его садили на престол,
Венчали, как царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
«Ты больший брат наш и любезный друг
И нам поможешь крест Христов сломити».
Но это всё стоит про никоньянцев,
И в их-то веру змий пустил свой яд.

Странник

Во все! во все!.. От змея народились
Змееныши; чуть вылезли из яиц —
И выросли, и стали жрать друг друга,
И своего отца грызут,— и все
В единый клуб свились, дышащи злобой
И лютости огнем распалены.
В писании стоит ведь явно: «Внидут
В селенья праведных и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрым
Очистятся постом и покаяньем,
Но в оное не внидет ни богатый,
Ни еретик». А ваш Андрей Денисов
Что сотворил? Когда явился Петр,
То был уж сам антихрист во плоти:
Одел себя и весь свой полк звериный
В немецкие кафтаны и по царству
Их разослал ниспровергать законы
Отечески и свой регламент ставить;

И позавел он разделенье в людях,
И свар, и бой, и брань междуусобну;
И вывез клеймы он из римских стран,
И стал клеймить везде себе людей;
А на кого уж то клеймо легло —
Так на весь род пойдет: и отрекутся
Отеческих святынь, преданий, даже
Гробов отцов, и будут что чужие!
Ужасно есть сие помыслить токмо!
Пойдут дружить со всяким вражьим духом,
Против всего, что сотворили древле
Великие цари, митрополиты
Московские Иона, Алексей,—
Их же трудами собрана земля
Российская и их цвела нарядом.
А славный ваш Андрей Денисов с оным
Антихристом, еже Петр Первый есть,
Хлеб-соль водил, копал ему руду
На цепи и с важнейшими его
Персонами братался; блудно жил,
Да блудно так и помер: девка,
Ишь, приворотным зельем опоила!
Он всю-то жизнь антихристу работал,
В империи торги-то разводя.
С него вот и пошли купцы-тузы:
Первейшие в Москве — всё их хоромы!
В хоромах-то картины и статуи
Поганские; как бал-то зададут,
По окнам-то не стекла — зеркала;
Зажгут такие белые шары,
Что солнца светят! Пляс и музыканты!
Перед крыльцом-то конная всё стража!
Карет, карет-то! Всё князья да графы
И всех наук бесовских хитрецы!
Вот, брат, цветы какие распустились
Из семени Андреева! Ликуют,
А вас-то, дурней, держат в кабале,
Иконами да лестовкой морочат!
Я побывал и у Таганья Рога,
На Иргизе, и в Керженце, на Выге,
И в Питере, Москве, в Казани, Ржеве:
Везде одно! Обоз идет: ан чей?

Чьи там плоты реку загородили?
Чьи баржи тянут огненною силой,
Да караван за караваном? Сало,
Пенька ли, хлеб — спроси ты только, чьи?
А пристани по городам, буяны?
А в Нижнем кто ворочает делами?
Всё веры древлия благочестивцы,
И всем-то им заводчик — ваш Андрей!
А на кого трудятся? Нешто богу?
Антихрист-то им нешто враг? Поди-ко,
Царю листы какие вописуют:
«Все за тебя, мол, животы положим!»
Вот каково! И погоди маленько,
Как уж совсем гоненье поутихнет
Да потесней спознаются друг с другом,
Да льгот дадут,— всем миром под *большие*
Колокола пойдете и с попами
Все в голос запоете! Тако будет!
Поширь вам только!

(Опускает голову и задумывается.)

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся от них! Они и есть
Мошна в сети, в которую, что рыбу,
Вас дьяволы шестами загоняют,
А вервия другие бесы тянут
Ко брегу, он же ад, а сатана
В аду-то у окна сидит и рад,
Что тяжело идет треклятый невод,
Что бесы-то потеют и пыхтят
От бремени!

Гриша

Ужель нельзя спастися?

Странник

Здесь, в мире? Нет! Но милосердьем божьим
Спасенья путь оставлен узкий, токмо
Немногие идут по нем.

Гриша

Кто грешен,
Тот уж ступить на оный путь не может?

Странник

А ты на совести имеешь грех
Особенный?

Гриша

Имею грех великий!
Так и лежит на сердце... так и мучит...
Ах, отче, я великий грешник!

Странник

Если
Доверие имеешь, то откройся!
Пооблегчит.

Гриша

Я знаю, полегчало б!
И это в мыслях я имел... Вот видишь...
Я расскажу тебе уж всё, как было...
К божественному был я склонен смлада.
И как был взят в привратники сюда,
От странников был в вере наставляем
По древнему закону. Только странник
Ведь поживет, да и уйдет потом.
А сколько их притом непутных бродит!..
И соблюдать себя я начал строго;
Кремнями, стеклами постель усыпал,
От всяких яств отстал, питался быльем,
Во дни же постные совсем не ел.
Тут надо мной кругом смеяться стали,
И я возмнил, что есмь един безгрешен,
И смех их был мне в сладость... Начал
Уж помышлять, что сам меня нечистый
Не победит. «Не одолеешь, бесе!» —
Твержу, а он зовет на вечерницу:
«Там власть свою яви ты надо мною —
И поклонюсь тебе...» Я и пошел...

Странник

Пошел? Ну, что ж?

Гриша

И... одолел лукавый...

Странник

Ну, как же он к тебе там подступился?
Во образе жены?

Гриша

Нет, уж уволь!
Что говорить!..

Странник

Стыдение имеешь.

(Подумав.)

Ох, сыне, сыне! Растлена земля
Людьми уже на тридцать сажен вниз!
И к господу всечасно вопиет,
Да попалит огнем ее господь
И от грехов и всяких скверн очистит!
Твой грех не есть еще великий грех...
Грехи бывают, сыне, потягчае...
Примером — кровь, непутное житье
С разбойники, и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумеешь,
И дай господь не разуметь вовеки!

С людьми толчешься — что по рынку ходишь:
Шум, гам! Купцы те за́ полы хватают
И в лавки тащат, и товар свой суют:
«Купи, купи, почтенный! Вовсе даром!..»
Ты и берешь, и невдомек, что эти
Купцы-то — переряженные бесы,
Товары — смертные грехи, а платишь
За них душой, оно и выйдет даром,
Она бо есть невидима, душа-то!..

Ох, миленький! В пустыньку б бог сподобил
Укрытися! Там райское-то есть
Веселие! Поют тебе там пташки!
Пустынька вся нарядится цветами!
Студен ручей с горы крутой падет...
Сиди над ним!.. А круг — густые ели...
Олень аль прочий зверь придет напиться...
И пташка тут на камешек же сядет
И крылушки полощет... Так-то любо!
И так душа исполнится твоя
Величием господним... и восплачет
Умильными и тихими слезами...
Вот там помолишься!.. Да, брат Григорий,
Велико дело есть пустыня!

Гриша

Отче,
А как же там зимой-то жить?

Странник

А славно!
Сидишь ты словно в светозарном царстве,
Как зорьки-то играют на снегу...

Гриша

Ты, может, отче, и живешь в пустыне
И ради неких нужд исшел?

Странник

Живал...
Да токмо гладом нудим был изыти.
Не одолел плотского человека,
И плоть еще не омерзила вдосталь;
А может, бог назначил и страданье,
И муки претерпеть мне, чтобы душу
Очувствовать... Но я умру в пустыне!
Святые тоже ведь не все родились
Во святости... Зато потом, смотри,
Какое житие прешли, смывая
С души своей греховные-то пятна!

В огне молитвы душу, яко в горне
Заржавое железо, распаляли
И правилом духовным, яко млатом,
Ее сгибали, да приемлет вид,
Какой ей дан был в помысле творца
И искривлен потом житейской нужей.
Прочти вот о святых мужах о наших.

(Достает книгу, перевертывает листы и дает Грише.)

Вот об отце Савватии стоит.

Гриша

(читает)

«И бысть еще сожжен отец Савватий,
В писании искусен, просветлен
Безмолвием. Когда молился он,
То был ли шум, смятенье ль между братий —
Ни душу к ним, ни ухо, ни глаза
Не обращал, но, в бозе пребывая,
Стоял что столп недвижим, в небеса
Молитвенной цевницей ударяя...»

Странник

(берет у него книгу и перевертывает несколько страниц)

А вот еще о Гурии читай.

Гриша

(читает)

«А также от земного бытия
И Гурий отошел. Блаженством жития
Был чуден: день и ночь молитвословил
И правила келейного вперед
На тридцать лет начел и наготовил.
Жил в бозе он, и егда нощь придет,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью творца,
Как солнцем озаренное зерцало».

Странник
(берет книгу)

Вот, сыне, свет, на оный и грядем!

Гриша

Так, отче... да!.. Но как же к сим мужам
Приблизиться? Они ведь, яко звезды,
Над нами в высоте небес сияют!

Странник

А от земли пошли!

Гриша

Что ж надо делать?

Странник

А что они творили? Под начало
Сперва к мужам достойным поступали
И, приобыкнув волю их творить,
Уж господу потом трудились сами.

Гриша

Возьми меня на послушанье, отче...

Странник
(как бы в испуге)

Ох, что ты! что ты! бог тебя храни!
И не моли! об этом и не мысли!
Я не гожусь!.. Наставника б обоим
Жестокого найти нам и в пустыню
Укрыться — да!

Гриша

Да отчего же, отче?

Странник

Не говори об этом... Ты не знаешь.

Гриша

Аль чем тебя я прогневил?

Странник

Молчи!
Не человек есмь — скот, и хуже, хуже!

Слышен стук в окно.

Голос нищего

(нараспев)

Мы здесь ни града, ни села не знаем!
Подайте милостыньку, христиане!

Гриша отворяет окно.

Странник

(вздрогнув)

Вот адовы-то цепи!

Гриша

Это нищий.
Я сбегаю за хлебом к пекарям.

(Уходит.)

Странник

(оглядываясь и подходя к окну, сурово)

Чего пришел?

Нищий

(высовывая голову в окно)

А что ты, черт, пропал?
Ведь две недели! От артели послан,
Чего ж валандаться? Аль уж попался,

Мы думали,— да Фенька угадала:
Уж человек такой непостоянный —
Там, мол, сидит, наверно замолился,
Вздыхает по пустыне.

Странник

И в пустыню б
Ушел — то вам какое дело?

Нищий

Волки —
Не мы, брат, нет! В артель не примут! Так-то
В пустыне жить — живот сведет. Да полно!
Кончай скорее да иди в Акулькин
Кабак. Уж встречу приготовим. Разом
Отдóхнешь от поста-то... Вольный воздух,
Веселые головушки!.. Слышь, Фенька
Ругается: «Иди, мол, беспременно,
Да не пустой. Гулять хочу с ним»,— баит;
Не то, смотри, гулять пойдет с Отпетым.

Странник

(глухо)

А что тебе за дело, с кем гуляет?

Нищий

Да мне-то что? Ты зарычишь, не я.

Странник

Я зарычу?.. Как я-то зарычу —
Все у меня оглохнете вы, сволочь!
Анафемы! Да что вы, слать приказы
Мне вздумали?.. Мне токмо бог закон!
Сам сатана не может надо мною
Возобладать! Уж думает, что держит,
Уж поборол, уж ухватил за горло
И говорит мне: «Отрекися бога» —
И не отрекся я!.. А вы? Да с вами

Когда я по земле иду, так лесу
Стоячего и облака я выше
Ходячего!.. И что хочу творю!
Хочу — у вас живу, хочу — уйду;
А восхощу мучений, сам явлюсь
К мучителям, и буду я спасен
Чрез муки добровольные... А вы,
Кроты, в норах живущие, вы, черви,
Во ад попадаете все, как сор,
Что баба выметает за порог!

Нищий

Ну, полно, дядя, больно осерчал!

Странник

Проваливай!

(Отходя.)

«Гулять хочу с ним...» Аспид!
Иродиада! Вздумала пугать!
Ну, нет! Еще постой, ты мне, голубка,
Поклонишься, мне руки целовать,
Ехидна, будешь!.. Знаю вас я!..

Входит Гриша, подает нищему хлеба.

Гриша

(в окно)

Может,
Поотдохнуть ты, дяденька, желаешь?

Нищий

Нет, родненький, спасибо! Тут дорога
Большая. Побреду. Господь с тобою!

Гриша

(затворяет окно)

Что ж, отче? Не возьмешь на послушанье?

Странник

(глядя пристально на Гришу)

Возьму.

Гриша

Ах, отче, то есть вот как буду
Служить тебе!

Странник

(в сторону)

Антихристова челядь!

Гриша

Когда же мы пойдем?

Странник

Когда пойдем...
Да ты тут у хозяйки как живешь?
Ты по дому ей нужен?.. И она
Тебе во всем ведь верит!.. Ты и ночью
В моленной поправлять лампадки ходишь?

Гриша

Хожу.

Странник

А там и сундуки стоят,
И деньги в особливом сундуке?

Гриша

И деньги.

Странник

Так. И невелик сундук?

Гриша

Да, невелик.

Странник

Спохватится, и станут
Искать тебя.

Гриша

Да я ж уйду не тайно.

Странник

(запальчиво)

А я б тебе сказал: пойдем сейчас!
Не знаешь, что такое послушанье?
Ты должен всё оставить и идти.
Наставник — голова, а ты — рука!
Сказала голова, рука и делай!
А ладно ли, не ладно ли веленье —
Не разбирай! Иди себе и делай!

Гриша

Всё знаю, отче! Всё, как есть, исполню!

Странник

А если ты окажешь противленье?

Гриша

Зачем же противленье? Буду вечно
Как раб твой.

Странник

Ну, смотри, завет свой помни!
Приемлю тя под длань свою.

Гриша становится на колени, странник кладет ему руку на голову.

Помилуй
Нас, господи Исусе, сыне божий!

Гриша

(целуя его руку)

Аминь!

(Встает.)

Ух! словно отлегло от сердца!

Странник

(пройдясь по комнате и обращаясь с важным видом)

Так вот же, чадо, вот тебе теперь
И первое веленье: пой мне песню
Бесовскую!

Гриша

(в изумлении)

Бесовскую петь песню?

Странник

Пой песню — ну, хоть «Дядя Селифан»!
Пой и пляши!

Гриша

(тревожно)

Да что ты, отче, как же?
Всё говорил такое... а теперь...

(Смотрит пристально на странника и в ужасе отступает.)

А если он не человек!.. а тоже,
Как и тогда... такое ж наважденье
От дьявола... как запою — и схватит.
И унесет!..

(Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричит.)

Отыди в место пусто,
Безводно! Князь бесовский! Запрещаю
Тебе крестом! Исчезни!.. Сгинь!.. Исчезни!..

(В бессилии опускается на скамью.)

Странник

(смеясь с укоризной)

Не выдержал и первого искуса!

(Подходя к нему.)

Да что ты, сыне, ты совсем сомлел?..

(В испуге отходя от него на авансцену.)

Аль чистая душа его-то чует
Другого господина моего...
Не поборол! Острожное исчадье!
Непостоянный, аки лист древесный!
Отыди! Сгинь! Заклятие младенца
Не повернуло всё нутро твое?
Отыди, зверь, во дебри и вертепы!..
Там обрасти струпьем и волосами,
Чтоб в ужасе и зверь и человек
Тебя бежал...

(Падает на колени.)

О господи! спаси!
И вся мирская злая — яко бурю
На озере Генисаретском словом
Утишил — укроти в душе моей!
Да с миром из сего изыду дому!

(К Грише.)

Очнися, сыне! что ты? бог с тобою!
Садись со мной, и облегчит господь!

Гриша

(вырываясь от него, живо)

Я знаю, что мне делать: утоплюсь!
Так что за жизнь? Там словно свет какой,
А тут, вблизи — всё темное! Всё рои
Бесовские... кувыркаются, скачут,
По лестнице бегут передо мною,
Согнувшися, что свиньи... хари, морды...
Так жить нельзя! Уж гибнуть, так уж сразу!

Странник

Ну, полно! Не хули ты дар господень!
Против бесов молитва есть... Я тоже
Егда был млад, то вочию их видел,
И дал от них заклятие мне старец.
С гор, сказывал, Кирилловых явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

Гриша

(рассеянно)

Что там,
Какие горы!

Странник

(с негодованием)

Эх, Григорий! мало ж
Ты просветлен! А христиане тоже!
В Ерусалим небесный, вишь, пошли,
Да в полпути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! Даже власти,
Прослыша, знать хотели, что за горы
Чудесные, какие, мол, там старцы
Скрываются? Круг всей бродили Волги,
И двадцать раз чрез самую обитель
И мимо самых старцев проходили,
А токмо лес и видели да камень:
Бо старцы и обитель зримы токмо
Для верных. Так господь сие устроил.
Но ты сего вместить еще не можешь
И многого, иде же благодать
Господня есть и действует поныне,
Спасая, аки праведного Ноя
С семьей среди великого потопа,
Немногое число избранных верных.

Гриша

Не гневайся, а отпусти мне, отче,
Вину мою! Со мной уж было это
От беса омраченье... Вот как было.

Тому теперь недели три, сошлися
К нам странники, да трое, разных вер,
И спорили, и всяк хвалил свою,
Да таково ругательно и блазно!
Как улеглись, я тоже лег на одр.
И так-то у меня заныло сердце,
И мысленно я стал молиться богу:
«Дай знаменье мне, господи, какая
Перед тобой есть истинная вера?»
И не заснул — вот как теперь смотрю:
Вдруг в келью дверь тихонько отворилась,
И старичок такой лепообразный
Вошел и сел на одр ко мне, и начал
Беседовать, да ладно так и складно!
Все хороши, мол, веры перед богом;
Зрит на дела, мол, главное, господь;
А что когда, мол, знать желаешь больше,
Так приходи к соборному попу...
И как сказал он только: «Поп» — я вздрогнул,
Вскочил и крикнул: *«Да воскреснет бог!»*
Он и пропал — ну, видел я — во прах
Рассыпался... С тех пор и опасаюсь...

Странник

(вполне веря)

И следует. Напущено от змия.

Гриша

Что я не спал, то верно!

Странник

Верно, верно!

Гриша

А что же, отче, ты про старцев начал?

Странник

Про старцев?.. Да, великое то дело!..
Вот прочитай из книжицы, увидишь,

Какие это старцы, как живут...

(Достает книгу и отыскивает место.)

Единого от них тут есть посланье
Ко братии... Отсель: «А обо мне...»

Гриша

(читает)

«А обо мне вы не скорбите, братья!
Живу я в месте истинно покойном.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сии цветут, что финики, что крины,
Что кипарисы в тихом, злачном месте.
От уст их непрестанная исходит
К всевышнему сердечная молитва,
Что миро добровонное, что ладан,
Что сладкий дым звенящего кадила.
И, егда нощь, сия молитва зрима:
Из уст их огненным столбом восходит
Она на небеса, и всей стране
В то время свет бывает от нее,
И можно честь без свещного сиянья.
И бог сие им дал, что возлюбиша
Всем сердцем господа, и сам господь
Их возлюби; и всё дает, что просят.
А просят же они не благ житейских,
Не временных, прелестных здешних благ,
А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живым и мертвым
Приидет он во славе и сияньи,
За подвиги великие им воздал
Веселием во царствии небесном».

(Останавливается и смотрит на странника в тихом изумлении.)

Ужели есть теперь такие старцы?

Странник

Ну и куда б еще деваться им?
Ведь сказано, что будут пребывать
Незримы до пришествия Христова!

Гриша

Так... так... Ну, а молитва их и ныне
На небе огненным столбом видна?

Странник

Видать-то все видают, да не знают,
Отколь столбы.

Гриша

А где же это будет?

Странник

Где? И в Поморье... и на Белом море...
Там с карбаса, идя на рыбный промысл,
Видали. Паче же — на Волге, место
Над Балахной, в стране нижегородской:
Там горы-то Кирилловы и есть!
И мимо их судов проходит много.
Коль на судах народ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдруг горы,
И друг за другом старцы те выходят,
И кланяются судоходцам в пояс,
И просят их свезти поклон ко братьям,
Живущим вниз по Волге, в Жигулях;
И подойдет расшива к Жигулям,
И судоходцы кличут громким гласом:
«Гой, старцы жигулевские! везем
Мы вам поклон с Кирилловой горы!»
И расступаются тут паки горы,
И алебастр разверзнется и камень,
И друг за другом выступают старцы
И за поклон пловцов благословляют.
И полетит тогда в низовье судно,
Ограждено от бурь и непогоды
Напутствием боголюбивых старцев.
А вот еще другое место есть:
Есть целый град, стоящий многи веки
Невидимый, при озере. И было
Сие вот так: егда на Русь с татары
Прииде лютый царь Батый, и грады

Вся разорял, и убивал людей,
И, аки огнь, потек по всей стране,
Против него великий князь Георгий
Ходил с полки свои, и был побит,
И побежал во славный Китеж-град —
Его же сотвори во славу божью;
И погнались татарове за ним;
И бысть во граде плач; и прибегоша
Во храмы люди, умоляя бога,—
И бог яви свою над ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда татары кинулись на приступ,
Внезапу град содеяся невидим!
И по ся дни стоит незрим, и токмо
На озере, когда вода спокойна,
Как в зеркале, он кажет тень свою:
И видны стены с башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви с позлащенными главами...
Пречудное то зрелище! И явно —
Всё на тени: как люди идут в церковь,
И старицы и старцы, в черном платье,
По старине одетые... И слышен
Оттуда гул колоколов... И тамо
Жизнь беспечальная, подобно райской!
А виден град всем жителям побрежным
Круг озера по утренней заре
Иль в тихие вечерние часы,—
Но внити в оный может токмо тот,
Кто путь прейдет, ни на минуту бога
Из мысли не теряя; бо сей путь,
«Батыева тропа» рекомый, страхи
И чудищи различными стрегом!
Претерпишь хлад и глад. Зверь нападет
И змии на тебя. Восстанет буря.
И бесы на тебя наскочут, с песьей
Главою, с огненными языками,
И эфиопы черные, как уголь!
Ты всё ж иди вперед и богомысли!
И победишь все дьявольские страхи,
Ни хлад тебя, ни глад не остановит,
Ни зверь, ни змий, ни сатанинский табор

Нигде тебе в пути не воспретит —
Тебе врата отверзнутся во граде,
И выйдут старцы друг за другом, с песнью
Приемлющи сподвижника и брата.

Гриша

О господи Исусе!

(Живо.)

Вот что, отче,—
Что хочешь, я исполню! Всё, что хочешь!
А покажи хоть тень святого града!..
Как древние ходили человеки...
И звон-то, звон колоколов послушать...

Странник

А звон у них серебряный и чистый,
И словно как не колокол гудит,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенит.

Гриша
(в изумлении)

Хрустальное-то небо!

Странник

Сие всё вам, в миру живущим, чудно,
Бо в тьме пребысте, а чудес немало
Есть на Руси. Град Китеж не один.
Есть церкви, перешедшие в пустыню
Из людных мест, с попами и с народом.
С Суры-реки из града Василя
Шел крестный ход в Перепловеньев день.
И люди те так богу угодили,
Что церковь вдруг пошла пред крестным ходом,
И крестный ход за ней! За ней!.. И горы
Ровнялися, и расступались реки,—
Всё шел народ с хоругвями и пеньем,
Доколе в Керженских пустынях церковь
Не стала, и взошли в нее все люди,

И до сих дней стоят в ней, и пребудут
До страшного пришествия Христова,
Святой канон пасхальный воспевая.
Поведаю о сем я благовестье
Тебе за то, что возлюбил тебя
И что твою неопытность жалею;
Бог даст, найдешь кого из добрых старцев
И под его началом укрепишься:
Бо добрая еси ты почва, семя
Не на песок он кинет, не на камень;
Прозябнет и, быть может, плод подаст,
И вкусишь ты от благодати...

(Со вздохом.)

Я же
Еще свершу здесь некакий обет
И удалюсь безмолвствовать в пустыню.
Прощай пока.

Гриша

(упадая на колени)

Я, отче, не отстану —
Возьми меня.

Странник

Нет, миленький, оставь!

Гриша

Не погуби! Возьми! Возьми с собой!
Уж говорю, всё сотворю. На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всем существом твой буду!
Возьми!.. Имею ревенье, отче... Только
Возьми меня!

Странник

(в сторону)

Ну вот ведь: сам толкает!
Сам лезет!.. Аль уж с ним пойти... Как знать?

Мне, окаянному, господь, быть может,
В сем отроке спасенье посылает...

Гриша

(встает и живо)

Петь повелишь мне песню и плясать?

Подпирает руки в боки. Слышно, как проезжает телега с колокольчиком и песнями.

Странник

(вскакивая)

Гуляют...

Гриша

Повелишь?

Другая тройка; женский голос слышнее прочих.

Странник

(в сторону)

С Отпетым катит!..
Ишь залилась! Чтобы ей пусто было!

(К Грише, сурово.)

Ну, что ты вздумал петь... Вон те орут...
А нам с тобой не это надо...

Гриша

Что же?
Что повелишь — всё сделаю.

Странник

(решительно)

А вот что:
Взаправду ли готов ты всяко бить
Антихриста? Еретики бо суть!..

Гриша

(горячо)

Еретика убить ведь можно?

Странник

Нет уж,
Что убивать! А если убивать —
Хозяйку-то убей ты сундуком...
Тот, с деньгами, подымешь ли?

Гриша

Могу.

Странник

Ну, так поди, неси его сюда!
Затопим печь и запалим! Иди!

(Толкает его к двери. Гриша уходит.)

Вот я ж вам дам ломаться надо мною!
Блудница вавилонская! Да стерли б
Ей черти черные-то брови! Змеи б
Ей высосали ясны очи!

(Затапливает печь, кидает дров и соломы перед печью; надевает суму, шапку-треух, охабень. Начиная собирать книги, останавливается перед ними.)

А грех-то сделан...

(Энергически.)

Ну, в последний раз!

(Выходя на авансцену.)

Всё замолю! всё замолю! Зарок
Даю! Ты благ, господь! Ты милосерд!
Разбойнику, блуднице ты простил...
Изыдут у меня слезами очи!
К ногам твоим паду — и уж не встану,

Доколе не простишь! Спасу и мальца...
Надену власяницу. Плоть растлил —
Ожесточу!..

Гриша

(приносит сундук, бледный, дрожащий)

Вот, отче.

Странник

Ладно, ладно.

(Кладет ему руку на плечо.)

Как только нечто справим здесь — в пустыню!
Теперь постой же.

(Достает из кармана связку отмычек и отпирает сундук.)

Гриша

Ровно как в тумане!

Странник

(выбирая бумаги)

Тут векселя... бумаги именные —
В огонь, в огонь!.. А это взять покамест.

(Сует в сумку пачки денег.)

Ну, зажигай!

(Зажигает солому.)

Да надевай шубенку!
Чего стоишь, Григорий! Заруби же:
Что б ты ни увидал теперь — не блазнись!
Наутрие в пустыню! Ну, скорее!

(Толкает его перед собой.)

Уходят. Пожар разгорается.

1866

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

<ГЛАВА> 4

Виденье было мне: внезапно небо
Разверзлося, и глас, трубе подобный,
Подобный шуму многих вод падущих,
Мне рек: взойди сюда и виждь, что будет.
И я узрел — престол. На нем Седящий
Сиял, как аспид-камень или сардис.
И радугой смарагдовой престол
Был окружен, и двадесять четыре
Вокруг него других престола было,
И двадесять четыре восседало
На оных старца, в белых одеяньях
И со златыми на главах венцами.
И от престола исходили громы,
И молнии, и гласы, и горели
Семь огненных светильников пред ним.
И пред престолом было словно море
Стеклянное, и вкруг него четыре
Животных, испещренные очами.
И первое подобно было льву,
Тельцу — другое, третье же имело
Лик человеческий, а остальное —
Летящего орла имело вид.
И по шести они имели крыл,
И день и ночь взывали: «Свят, свят, свят
Господь бог вседержитель ныне, присно
И вóвеки веков». Когда ж взывали —
С своих престолов поднимались старцы,
И поклонялися, и полагали
Свои венцы перед большим престолом,
И говорили: «Ты еси достоин,
Господь, прияти славу, честь и силу,
Бо сотворил ты всё и всё содержишь,
И волею твоей всё существует».

<ГЛАВА> 5

И видел я: Седящий держит книгу,
И книга та исписана снаружи
И извнутри. И семь на ней печатей.
И громким гласом ангел вопросил:
«Кто оную открыть достоин книгу
И сняти с оной седмь ее печатей?»
И никого достойных не явилось
Ни на земле, ни на небе, и плакал
Я, что достойных нет ее открыть.
Тогда один из старцев мне сказал:
«Не плачь: се лев, исшедший из колена
Иудина и корени Давида,
Что победил,— Он разогнути книгу
И сняти седмь ее печатей может».
И я взглянул — и видел: меж престола
И четырех животных и средь старцев
Стоит как бы закланный агнец, седмь
Рогов и седмь имеющий очес.
Он, подошед, взял книгу из десницы
Седящего — и пали перед агнцем
Животные и старцы, каждый гусли
Держащие и золотые чаши,
Из коих фимиам курился (а то были
Святых мольбы). И новую они
Воспели песнь: «Достоин взять ты книгу
И снять с нее печати: был заклан
И искупил своей нас кровью, всех,
Из всякого колена и народа,
И племени, и языка, и стали
Мы господу иереи и цари,
И на земле тобою воцаримся».
И видел я, и слышал голос многих
Окрест престола ангелов, животных
И старцев (их число же бысть тьмы тем),
И возглашали все: «Достоин агнец
Закланный честь приять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!»
И всякое создание на небе
И на земле, и под землей, и в море,
Вся сущая в них говорили: «Слава,

И честь, и крепость, и благословенье
От всех тебе, Седящий на престоле,
И агнцу ныне, присно и вовеки!»
И изрекли животные: «Аминь»,
И двадесять четыре старца пали
И поклонились сущему вовеки.

<ГЛАВА> 6

И видел я, что первую печать
Снял агнец,— и одно из четырех
Животных мне сказало громким гласом:
«Иди и виждь». И видел я: конь бел.
На оном всадник держит лук, и дан
Ему венец, и шел как победитель,
Чтоб побеждать.

Вторую снял печать он —
Второе мне животное сказало:
«Иди и виждь». И видел я: конь рыж.
На оном всадник послан был, чтоб мир
С земли унесть,— да убиют друг друга.
И дан ему большой был меч.

И третью
Он снял печать, и третье мне сказало
Животное: «Иди и виждь». И — се:
Конь вороной. Держал мерило всадник.
И слышал я среди животных голос:
«Хеникс[1] пшеницы за денарий. Три
Хеникса ячменя — денарий тоже.
Елея ж и вина не повреждай».

Четвертую печать он снял, и мне
Четвертое животное сказало:
«Иди и виждь». И я взглянул: конь бледен.
На оном всадник — Смерть. И целый ад
За нею шел. Ей власть была дана
Над четвертью земли, чтоб умерщвлять
Людей мечом, и голодом, и мором,
И всякими зверьми земными.

---

[1] Мера.

Снял
Он пятую печать, и я увидел
Под алтарем за слово божье души
Побитых, возопившие: «Доколе,
Святый владыко истинный, не судишь
За нашу кровь живущих на земле!»
И белые даны им были ризы,
И сказано, да почиют, покуда
Сотрудники и братья их не примут
Такую ж смерть и тем число пополнят.

Шестую снял печать он, и я видел:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретище, потускло. И луна
Кровавой стала. Звезды с небеси
Посыпались, как сорванные ветром
Незрелые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившися, как свиток,
С великим шумом. Всякая гора
И остров сдвинулися с мест своих,
И все цари земные и вельможи,
Богатые и бедные, рабы
И вольные — укрылися в пещеры
И слезно говорят горам и камням:
«Рассыпьтеся на нас вы, горы! Скройте
Нас от лица Седящего на троне
И гнева агнца! Се грядет день страшный,
День гнева и суда! Кто устоит!»

<ГЛАВА> 7

И четырех я ангелов узрел,
На четырех концах земли стоящих
И держащих земных четыре ветра,
И власть имевших оными ветрами
Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангел от страны восточной
Восшел и кликнул им: «Не повреждайте
Ни древ, ни трав, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабов господних
Печати не положим!..» И число
Запечатленных слышал я: сто сорок

Четыре тысячи от всех колен
Израиля; и сверх того несчетно
Людей из всех племен земных стояло
Перед престолом и пред агнцем, в белых
Одеждах, с ветвями от пальм в руках.
И восклицали все: «Хвала тебе,
Седящий на престоле! Слава агнцу,
Бо чрез него имеем мы спасенье!»
И ангелы, которые стояли
Вокруг престола, старцев и животных,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: «Аминь!
Благословение, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премудрость,
И крепость богу нашему вовеки».
И обратясь ко мне, един из старцев
Спросил: «Кто эти в белых одеяньях,
Откуда изошли?» Я отвечал:
«Тебе знать, господине!» И сказал он:
«Сии прешли через велики скорби;
И одеяния свои омыли
И убелили честной кровью агнца;
Чрез то стоят перед престолом божьим
И служат день и ночь ему во храме;
И он собой их как шатром покроет;
И уж они не взалчут и не взжаждут;
Не попалит уж их ни зной, ни солнце,
Бо агнец их пасти бездремно будет,
И на источник вод живых водить,
И всякую слезу сотрет с очей их».

<ГЛАВА> 8

Седьмую агнец разломил печать —
И сделалось безмолвие на небе
Как бы на полчаса. И видел я:
Семь ангелов стоят перед престолом,
И им дано семь труб. И кроме их
У алтаря еще, с златым кадилом,
Был ангел. Оному дан фимиам,
Чтобы его с молитвами святых
Он возложил на жертвенник господень.

И дым восшел от жертвенника к богу.
Он взял потом кадило, и наполнил
Огнем от алтаря, и опрокинул —
И в воздухе раздались гласы, громы,
И молнии взвились, и потряслась
От них земля; семь ангелов же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.

И первый ангел вострубил — и долу
Пал град и пламя, смешанные с кровью,—
И третья часть земли и древ от них,
И вся трава зеленая — сгорели.

И вострубил второй: как бы гора,
Огнем горящая, низверглась в море —
И моря третья часть вдруг стала кровью,
И третья часть созданий, в нем живущих,
И третья часть судов на нем — погибли.

И третий ангел вострубил — и пала
Звезда, свече подобная, на землю,
На третью часть источников и рек —
«Полынь» звезде сей имя,— и полынью
Их воды потекли, и умирали
Все пившие от сих прогорклых вод.

И вострубил потом четвертый ангел:
И третья часть луны, и звезд и солнца
Затмилась, и от дня и ночи свету
Убавилось на треть. И видел я:
По небу ангел полетел, взывая
К земле: «О горе, горе, горе всем
От остальных трех трубных голосов
Трех ангелов, имеющих трубить».

<ГЛАВА> 9

И пятый вострубил. И видел я:
Упала с неба на̀ землю звезда.
Ей дан был ключ, чтоб кладезь бездны
вскрыть,—

И вскрылся кладезь бездны, и исшел
Из оной дым, как из печи, и солнце
И небеса от оного потускли.
И выпала с тем дымом саранча,
И сказано ей было: не вредить
Ни трав, ни древ, ни злаков,— но людей,
Печатью бога не запечатленных,
Язвить и жалить, аки скорпионы,
И мучить их пять месяцев, но токмо
Не убивать. И взжаждут смерти люди,
Пойдут искать ее — и не найдут...
Та ж саранча подобна с виду ко́ням,
На битву снаряженным. Голова
Как бы с златым венцом. Лицо ж ее —
Как человеческие лица. Зубы
Подобны львиным. Косы как у женщин.
На теле словно как стальные брони,
А шум от крыл — как стук от колесниц,
На брань везомых множеством коней;
Хвосты же, как у скорпионов, с жалом.
И, яко царь, ее вел ангел бездны,
Зовомый по-еврейски Аввадон,
По-гречески ж Аполлион (губитель).
Се первое минуло горе. Вслед
За ним грядут еще два новых, горших.

Шестой господень ангел вострубил.
И я услышал громкий глас из рога,
Единого из четырех рогов,
Которыми снабжен алтарь был божий.
Он ангелу трубившему изрек:
«Четыре ангела стоят и ждут,
Окованные, при реке Евфрате:
Сними с них узы». И разбил он узы.
И — ждавшие сего часа, и дня,
И месяца, и года — устремились
Четыре ангела, чтоб третью часть
Людей убить. И было две тьмы тем,—
Сие число я слышал,— с ними войска.
То были всадники в горящих бронях,
Имевших цвет огня, и гиацинта,
И серы. Кони ж с львиной головой.

Из пасти их огонь, и дым, и сера
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змеями,— и гибли люди
От змей и дыма, пламени и серы,—
И треть из них сим образом погибла.

Которые ж осталися и зрели
Сии бичи — пребыли яко слепы;
И не покаялись в делах своих;
И кланялись по-прежнему бесам
Серебряным, и золотым, и медным,
И каменным, и всяким истуканам,
Руками сотворенным, не могущим
Ни видети, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись в своих убийствах,
Ни в блуде, ни в татьбе, ни в волхованье.

<ГЛАВА> 10

И се, нисшел еще от неба ангел...
Как облако его клубились ризы;
Над головою радуга блистала;
Лицо ж что солнце у него, а ноги,
Как огненные два столба, горели;
В руке держал развернутую книгу;
И правою ногой ступил на море,
А левою на землю, и воскликнул
Он грозным гласом, как рыкает лев.
Когда ж воскликнул, семь громов тогда
По всей вселенной подали свой голос.
Когда же громы подали свой голос,
Хотел писать я, но услышал с неба
Глас, говоривший: «Скрой и не пиши
Того, что седмь громов проговорили».
И ангел, тот, которого я видел
Стоящим на море и на земле,
Воздвиг десницу на̀ небо и клялся
Сотворшим небо и что в нем, и землю
И что на ней, и море и что в нем,—
Что времени отсель уже не будет...

<1868>

БАЛЬДУР

Песнь о солнце, по сказаниям
Скандинавской Эдды

1

Ночь и буря снежная в пустыне,
Вьюги рев неистовый и хохот...
Лишь на миг проглянет бледный месяц
И осветит мутным светом камни,
Между камней вековые ели,
И мелькнет, как тень, на горном гребне
Темный образ всадника... То Конунг,
На пути застигнут бурей, едет.
Ветер треплет волосы седые,
Рвет с могучих плеч медвежью шубу,—
Конунг бури яростной не слышит.
Добрый конь идет не оступаясь
По корням древесным и по камням,
Для него привычен путь пустынный:
Там в горах живет маститый старец,
А к нему не только люди — боги,
В виде смертных странствуя по свету,
На совет заходят и беседу.

Мрачны своды в темном подземельи.
По изломам их идет далёко
С очага колеблющийся отблеск.
Вещий старец и великий Конунг
У огня сидят в глубокой думе.
Тень от них едва дрожит на сводах.

Сын погиб у Конунга — последний
Из троих, и с ним погас могучий
Гальфов род, исшедший от Одина.

Девять дней среди пустых чертогов
Взаперти сидел великий Конунг.
Наконец коня спросил и молча
В горы к старцу вещему поехал;
Издали за ним следили слуги.

Пышет пламя всё светлей и выше,
Но сидит, потупив очи, Конунг:
И теперь, и дома, и как ехал,
У него повсюду, неотступно,
Атли труп безмолвный пред очами.

Вдруг возник — как бы сходящий с неба —
Луч пред ним и тихо проплывает,
А в луче ряд Конунгов брадатых.
Наверху, далёко — некто светлый.
Ниже — лица Конунгу знакомы:
Прадед, дед, отец; последний — сам он,
А за ним уж луч как бы обрезан.
Сдвинулись его густые брови...
Но виденье проплыло и скрылось;
Понемногу снова пред глазами
Атли труп безмолвный выступает...

Вот из тьмы опять выходит словно
Поле битвы. Ветер гонит тучи.
Между туч просвечивает месяц.
Девы битв, Валкирии, возводят
Падших в небо: Конунгов меж ними
Средний сын. Видение сокрылось...
Тьма опять кругом; перед очами
Снова труп безмолвный выступает —
Но не Робберт, а всё тот же Атли.

Вот из тьмы плывет блестящий город.
Корабли причаливают с моря.
Приступ. Люди на стенах, сам Конунг.
Вдруг в глазах его валится мертвый
Старший сын... И всё опять умчалось.
Снова тьма кругом; перед очами
Труп опять безмолвный выступает —
Но не Вилли, а всё тот же Атли.

Бурный мыс — скалистый дикий берег.
Сонм проклятых душ — убийц и татей,
Бедняков озлобленные души —
Вылетают вдруг из-за ущелий,
Корабли разбрасывают, топят;
Вот сам Конунг — держится за мачту...
Вдруг волна. Корабль захлеснут. Конунг
Борется средь пенящейся бездны,—
А вверху, над ним простерший руки,
Необъятный, во всё небо, образ,
Но лица, как на тени, не видно...
Проплыло видение и скрылось,
Выступает снова тело Атли —
Но над ним остановился образ
Необъятный, без лица и темный,
И схватить руками тело хочет...

В этот миг заговорил вдруг вещий:
«Боги — в небе, в мире — человеки,
В темном аде — яростная Гелла;
Надо всем — Судьба, лица которой
Не видал никто во всей вселенной.
Как слепцы, мы бродим в этом мире;
Жребий всем дается при рожденьи,
И его не только люди — боги
Изменить не властны».

Головою
Покачал, не отвечая, Конунг.

Уж огонь на очаге слабеет,
И горой лежит горячий уголь,
Словно дышит золото живое.
И еще длиннее и темнее
От сидящих протянулись тени.

«Сын был у Одина Бальдур,— снова
Молвил вещий старец.— Тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждут судьбы своей покорно».

Поднял Конунг против воли очи.
«Я тебе о Бальдуре, о Конунг,
Расскажу». И — словно мирозданья
Глубина пред ним открылась — вещий
Устремил в пространство взор и начал:

2

«Мрак был в мире. Вдруг орлы вскричали,
С гор небесных пролилися воды,
Грянул гром и свет в пространство брызнул:
Народился Бальдур златокудрый!
Народился и помчался в небе,
Сыпля стрелы в недругов бегущих,
Юный, светлый, в панцире и шлеме,
В колеснице с белыми конями.
Клик и пенье в воздухе раздались,
Восклицали все народы: слава!
Восклицали боги в небе: слава!
Слава свету родшемуся, слава!
Слава родшим — Фригге и Одину!

Так потом — на Бальдуровой свадьбе —
Вдохновитель песен, светлый Брагги,
Пел ему с заздравным кубком славу.
Да! тогда божественный не думал,
Что придется скоро песнь иную
Спеть ему на Бальдуровой тризне...

Уж в тот миг, как он родился, Фригга
Слышит — ворон ворону прокаркал:
«Чую, чую, народился Бальдур,
Радость в небе, да и пир у Геллы».
У подножья мирового дуба,
У ключа медвяного, так норны
В то же время предрекли Одину:
Век недолгий Бальдуру назначен;
Он умрет — всё в мире пошатнется,
И настанет общее крушенье.
Вдруг струя медвяная иссякнет,
От которой с каждою зарею
Боги пьют и почерпают силу,

Блеск и юность вечную, и крепость,
И они внезапно поседеют,
А на древе жизни свянут листья.
Все враги, которых лишь сковавши,
Боги мир создать могли, восстанут.
Лютый змей, на дно морское ими
Вкруг земли поверженный в оковах,
Встрепенется, пламенем и смрадом
Небеса наполнит, потрясая
И земли и неба твердь, а воды
От его ударов расплеснутся
И с земли, окроме гор, всё смоют.
Волк Фенрир, которому насилу
Увязали боги пасть,— он путы
Разорвет и челюсти раскроет,
А когда раскроет, то коснется
До земли одной, другой до неба,—
А уж он одним льдяным дыханьем
Убивает всё, что встретит. Солнце
И луну проглотит он, и боги —
Кто пойдет с ним в бой, окаменеет;
Светлый Азград рушится, и смертный
Мрак и хлад вселенную постигнет.

Вот что норны мрачные сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отчего у миродержца разом
На челе тогда ж запечатлелись
Две бразды, да так уж и остались.
Все с тех пор творения и боги
Устремили к Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый он выйдет
Иль совсем не явится на небо —
По вселенной трепет и смятенье.

3

Но о смерти и не думал Бальдур;
Не давал мечу в ножнах заржаветь,
Сыпал щедро золотые стрелы,

Избавляя страны и народы
От чудовищ, населявших землю.
Неудачу только раз он встретил:
Выезжал он мир смотреть, и видит —
Чудные на севере чертоги.
К золотым вратам подходит дева,
Подымает руку, чтоб щеколду
Отодвинуть, а от рук внезапно
Воздух, воды и весь мир чудесным
Озарились светом, а на землю
Вдруг цветы посыпались и жемчуг.
Удержал коней невольно Бальдур.
На него через плечо взглянувши,
Дева словно замерла. Вдруг слышен
Точно зверя рев: бежит косматый
Великан — и закричал, затопал,
Стал грозить на Бальдура, а деву
Вмиг жезлом серебряным ударил,
И она, как мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинул
И ушел с ней в горы, там и скрылся;
Бальдур отыскать не мог и следу,
Как ни бился. Наконец ударил
По коням и прискакал в Валгаллу.
Пышет гневом, шлем и панцирь сбросил,
Заперся в свой терем, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вести.
И вернулись вестники, сказали:
Великан тот — чародей великий,
Побежден был некогда Одином
И ушел на север; там построил
Изо льдов дворец себе чудесный
И сидит там, дожидаясь часа.
Дева — дочь его. Ей имя Нанна.
И, жезлом ее ударив, старый
Не убил, а в сон поверг глубокий,
И в горах на самую крутую
Положил, ту гору вплоть до неба
Окружив живым огнем, как тыном.

Друг за другом полетели боги
И пытались проскочить сквозь пламя —
Но напрасно! Пламя так и воет!
То сробеет конь, а то и всадник.
Слышит Бальдур: вдруг поднялся с ложа,
Панцирь, шлем, и — на коня! И только
Боги в страхе видели, как пламя
Взволновалось и за ним закрылось.
Он прорвался.

А прорвавшись, Бальдур
Видит — терем; входит — ряд покоев.
Тишина глубокая. Из окон
Полосами падая, играет
На столбах хрустальных красный отблеск.
Вот в последнем наконец покое
Видит он: в тяжелой броне, в шлеме,
Спит его красавица. Тихонько
Снял он шлем — рассыпалися кудри;
Распорол мечом ремни на броне —
И открылась грудь девичья; вскрикнул —
Тихо очи спящая открыла...
И чрез миг уж с нею мчался Бальдур,
И встречали радостно их боги.
Пир венчальный закипел на славу:
Из Валгаллы раздавались громы,
Дождь златой блистая падал с неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цветы, и жемчуг.

Вот с тех пор и началось то время,
Что потом все золотым назвали,—
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду песни в честь его гремели.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — как вдруг оно восстало
В полноте ужасной перед ними.

4

Утром — раз сошлись они на завтрак —
Вдруг вбегает Нанна и, в колени
Бросясь к Фригге, вся в слезах, вскричала:

«Скоро Бальдур наш умрет». Вскочили
Боги с мест, едва не расплеснувши
Мед из чаш своих. «Ему приснилось,—
Говорила Нанна,— что в глубокой
Он сидит темнице; рвется, рвется
И никак уж вырваться не может.
Хочет крикнуть — крику нет... и начал
Задыхаться... и еще рванулся —
И глаза открыл. Вскочил. На ложе
Весь в поту сидит... Всё это — к смерти!»
Побежать хотела Фригга к сыну,
Но Один ей повелел остаться,
На богов кругом сурово глянул,
Сделал знак невестке и с ней вместе
Вышел в спальню к Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сон. Вернулся
Царь Один и сел на троне, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда,
На него взглянувши, испустили
Вопль, такой пронзительный и сильный,
Что на полках зазвенели чаши.
Вслед за ними — кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить — но уж никто не слушал,—
Спор и крик, каких и не бывало,
Поднялся в обители блаженных.

Но между богами только Локки
Не упал один, казалось, духом.
Брат Одину, красотой с ним сходный,
Гордо он держал себя с богами,
Помнил все их промахи и рад был
Иногда в их мед влить каплю яду.
Вечно с новой выдумкой, он часто
И вводил их в тяжкие напасти,
И спасал порой от бед великих.
Между тем как вкруг его кричали,
Он, глазами упершися в землю
И поднявши плечи, начал — точно
Сам с собою — говорить; лишь после,

Увидав, что начинают слушать
И смолкать, к нему тесняся, боги,
Постепенно возвышал свой голос
И с обычным говорил искусством.
Он сказал, что, может быть, напрасны
Все тревоги. Не всегда правдивы
Сны бывают. Иногда напротив:
Страшный сон провозвещает радость.
Прорицаньям тоже он не очень
Доверяет: «Вещие те жены
Уж давно покоятся в могилах,
А из слов их не сбылось доселе
Ничего. Да и откуда может,
В самом деле, быть для нас опасность?
Те враги, которых мы когда-то
Заковали в цепи,— те не могут
Двинуться, пока жив будет Бальдур;
Стало быть, беда придет от твари
Иль от нас, богов. Но боги — кто же
На себя подымет руку? Твари —
А от тварей взять бы можно клятву,
Чтоб хранили, как зеницу ока,
Дорогого Бальдура, не смели б
Повредить ему никак, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болезни.
От огня, воды, от руд и камней,
От ехидн и змеев, зелий, ядов,
От дерев и трав, от всех взять клятву,
И дадут все, рады будут. Бальдур
Всем им мил. Тогда чего ж бояться?»

Осторожны были боги с Локки,
Но при этой речи, видя ясно,
Что коварства нет в ней никакого,
Стали духом веселеть. И вправду,
Рассудить нельзя б, казалось, лучше!
Локки сам доволен был, высоко
Тотчас поднял голову; а боги
Повторяли дружно: «Ай да Локки!»
И решили тотчас же исполнить,
Что сказал он, и самой же Фригге
В мир пуститься за всеобщей клятвой.

Фригга, вздев пернатую сорочку.
Обернулась лебедью и тотчас
В мир стрелой помчалась из Валгаллы.

5

Но Один, отец и мироздатель,
Из собранья, с золотого трона,
Поднялся, не просветлевши ликом.
Оседлал коня он и поехал
В темный ад. Там, близ чертогов Геллы,
Был курган из диких камней сложен;
Под курганом тем была могила,
А в могиле этой схоронили
Валу, ту из вещих жен, что много
Мудростью и даром прорицанья
Помогла Одину в оно время.
С ней теперь он пожелал беседы
И из тьмы ее решился вызвать.

Загремело и загрохотало
Вдруг по темным адским подземельям,
Как влетел в него огнедыша́щий
И скакал по камням конь Одинов.
Адский пес с разинутою пастью,
Грудь и шея облитые кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчас же, сшибленный копытом,
С громким визгом покатился наземь.
У могилы бог остановился
И, с коня спрыгнув, немедля начал
Вызывать покойницу из гроба:
Спел сперва, какую надо, песню
И сказал слова; потом ударил
По земле жезлом, на север глядя,
И, трикраты громко крикнув: «Вала!» —
Повелел восстать ей из могилы.

Из могилы поднялася Вала.

И о том, что ими говорилось,
Так в старинных сказывают песнях.

Вала

Кто дерзнул мой вечный сон нарушить?
Много лет в земле сырой лежу я.
Надо мною бушевали вьюги,
Дождь мочил, роса меня кропила.
Я мертва была. Кто ты? Что надо?

Кто он — скрыть хотелося Одину,
Он назвался смертным человеком.

Один

Смертный я— и странствую по свету.
Я — свет белый, ты — мир темный знаешь.
Для кого ж, о вещая из вещих,
Расскажи, у вас в подземном царстве
И скамью, и ложе золотое,
Кольцами украшенные, ставят?

Вала

В чаше мед кипит, щитом покрытый,—
Бальдур будет пить. Скамья и ложе
Для него ж. Но прекрати расспросы,
Страшные ты спрашиваешь тайны.
Поневоле говорю я. Будет!

Один

Погоди, скажи еще мне, Вала!
Знать еще хочу я: кто из смертных,
Кто лишит наследника Одина?
От кого погибнет светлый Бальдур?

Вала

Годр слепой — не смертный. Он откроет
К адской Гелле светлому дорогу.
Страшные ты спрашиваешь тайны.
Поневоле говорю я. Будет!

Один

Погоди, скажи еще мне, Вала,
Я желаю знать: неотомщенным
Бальдур быть не может. Мстить кто будет?

Вала

У Одина будет сын от Ринды.
Он волос чесать, мыть рук не будет,
Не отмстив виновному. Довольно.
Поневоле говорю я. Будет!

Один

Погоди, еще скажи мне, Вала!
Я еще желаю знать: как имя
Той жены, что не захочет плакать,
Как по Бальдуре все плакать будут,
И покрова с головы не снимет?
Прежде чем заснуть опять — скажи мне.

Вала

Ты всё знаешь сам. давно я вижу,
Но желал бы лучше ошибиться,
Чем всё знать. Один, отец вселенной!
Удались,— и можешь похвалиться,
Что меня не вызовет из мрака
С сей поры уже никто,— до часа,
Как придет всемирное крушенье.

И в могилу опустилась Вала.
Ускакал Один еще мрачнее.
Так в старинных говорится песнях.

6

Фригга, взяв от всех творений клятву,
Чтоб не ранить Бальдура ни в сердце,
Ни в сырую кость, ни в ясны очи,
Ни во всё живое бело тело,
Чтоб хранить его от всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,

Воротилась в Азград, и все боги
Были рады, высыпали на́ луг —
С Бальдуром играть и забавляться.
Все кругом красавца обступили
И давай метать в него — кто стрелы,
Кто каменья, с копьями, с мечами
Нападали на него с разбегу;
Но каменья, стрелы мчались мимо,
Копья и мечи по нем скользили,
И стоял в кругу неуязвимый
И еще светлей, чем прежде, Бальдур;
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокруг счастливой Фригги,
Издали следившей за игрою,
Был и смех, и говор; только Нанна
Не могла смеяться и сидела,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взором каждый камень
И стрелу, что в Бальдура летели.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у богов; но Локки,
Одержим какой-то новой мыслью,
Устремил орлиный взгляд на Фриггу;
Улучив минуту, вдруг он принял
Образ старой Фриггиной служанки
И подсел к ней, меж богинь пробравшись.
«Отчего, владычица,— спросил он,—
Отчего так разыгрались боги?»
Улыбаясь отвечала Фригга:
«Тешит их, что наш красавец Бальдур
Стал теперь неуязвим ни стрелам,
Ни каменьям, ничему на свете.
Я взяла со всех творений клятву,
Что вредить ему никто не будет».
— «Да от всех ли отбрала ты клятву,
И кого, смотри, не позабыла ль?»
— «Все клялися! — отвечала Фригга.—
Разве только у ворот Валгаллы
Мелкий есть кустарник — можжевельник,
Ну, да он так мал и так незначащ,—
Чем, кому он может быть опасен?

Что́ с него, я думала, брать клятву!
А то все — и дуб, и кедр клялися!»

Локки тотчас из ворот Валгаллы;
Можжевельник срезал, сделал стрелку
И — назад. Стоял вдали от прочих
Годр и не играл с богами: слеп был.
— «Что ж ты,— крикнул Локки,—
не стреляешь?»
— «Я, увы! и Бальдура не вижу,—
Отвечал слепой со вздохом,— где мне!»
Локки ж: «Эх, на радости попробуй,
Только так, хоть для одной потехи!
Вот стрела и лук, и вон где Бальдур,
Становись, а я стрелу направлю».
Боги, видя Годра тоже с луком,
Вкруг него столпилися, смеяся.
Бальдур сам слепому улыбался
И к нему оборотился грудью.
Локки Годру помогал прицелить;
И взвилась стрела, и полетела —
Прямо в сердце Бальдуру: шатнулся
И на землю пал он мертвый. Нанна
В то ж мгновенье бросилася к мужу
И со страшным, но коротким криком
Замертво упала на супруга.
Прибежали боги, смотрят, кличут,
Трогают то Бальдура, то Нанну —
Оба мертвы!.. Сами словно в камни
Обратились и стоят, не в силах
Молвить слова, бледными зрачками
Упершись друг другу очи в очи.

Годр — убийца — он за слепотою
Не видал, не понимал, что сделал,
И стоял вдали от всех. Как только
Первый ужас отошел, рыданьем
Неудержным разразились боги.
Сам отец Один, хоть знал, что будет,
Но, когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всех провидя,

Сколько зла от Бальдуровой смерти
И богам, и людям приключится.
Фригга — та не верила, что Бальдур
Навсегда от них сокрылся: Гелла
Возвратит его, не сомневалась,
В новом виде и еще прекрасней,—
И к богам немедля обратилась:
«Кто-нибудь скорей ступайте к Гелле
И какой угодно будет выкуп
Я, скажите, дам ей — только б тотчас
Отпустила Бальдура на небо».

Сын Одинов, Гермод быстроногий,
Побежал на вызов и в минуту
На коне отцовском в ад уж мчался.

7

Боги ж тело Бальдурово взяли
И снесли на берег синя моря.
Срублен был корабль и в море сдвинут,
И на нем костер устроен. Тело
На костер возложено. И Нанну
Тоже подле мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костер возвесть, и все при этом
Залилися новыми слезами.
Сто рабов и сто рабынь убитых
На костер уложено; оружье
И монеты, кольца, всё как должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пели песни жалостные, слезно
Причитали. Наконец, когда уж
Всё готово было, громовержец
Тор свой молот всеразящий бросил —
Грянул гром, и молния сверкнула,
И костер мгновенно объял пламень,
И корабль, пылая, поплыл в море.
Вслед за ним по воздуху громадный
Потянулся похоронный поезд.

Похорон таких уж не бывало
Ни потом, ни прежде, и не будет!

Все на них присутствовали боги.
Был Один на колеснице с Фриггой:
Впереди — орел, простерши крылья;
За орлом неслися с воем волки;
Над главою вороны кружились,
А вокруг блестящей колесницы,
На воздушных конях, в светлых латах,
Девы битв, Валкирии; за ними,
Тоже все в блистающих доспехах,
Бесконечным полчищем герои,
С поля битв восшедшие на небо.
В колеснице тоже, запряженной
Кабаном, красавец Фрейр и Герда;
На козлах золоторогих дальше
Ехал Тор, на плечи вскинув молот;
Там — другие боги и богини,
На оленях, лебедях и рысях;
А за ними карлы, великаны,
Духи в виде чудищ и драконов,—
Без конца тянулся пышный поезд!

Из богов там не был только Локки.
Он, когда свалился Бальдур мертвый,
Испугался больше всех: руками
Ухватившись за голову, мигом
Убежал из Азграда. По правде,
И не думал он, что всё так выйдет,
И, когда его хватились боги,
Он, дрожа, сидел уж в самых темных,
В самых страшных пропастях подземных.

8

Гермод в ад спускался девять суток
По глубоким рытвинам, во мраке.
И достиг до адской он решетки.
Там увидел: бледный свет, палата,
Длинный стол, и на почетном месте
Между теней Бальдур восседает.
Обратился Гермод с просьбой к Гелле:
«Отпусти ты брата снова в небо;

Все о нем жестоко плачут боги
И какой угодно предлагают
За него тебе богатый выкуп».
Отвечала адская богиня:
«Отпущу, пожалуй, но с условьем:
Если все, что только есть на свете,
Существа по Бальдуре заплачут,
Бальдур в небо снова возвратится.
Если ж нет, и хоть один найдется,
Кто о нем не будет плакать, Бальдур
Никогда на свет уже не выйдет».

9

Воротился Гермод снова в Азград
И привез ответ свирепой Геллы.
Как ответ тот услыхала Фригга,
Призывает тотчас буйных Ветров,
Говорит им: «Полетите, Ветры,
Вы во все концы по белу свету,
И скажите всякой божьей твари,
Синю морю, месяцу и звездам,
Темну лесу, всякой мелкой пташке,
И большим зверям, и человекам,
Что скончался Бальдур, мол, пресветлый,
Чтоб молили, да отпустит Гелла
Всем опять его на радость в небо».
Понеслись по белу свету Ветры
С лютой вестью каждой божьей твари,—
И поднялся стон со всей вселенной:
Взвыли Ветры, море заревело,
И леса завыли, заскрипели,
Люди, звери, у кого есть голос,
Возопили; у безгласной твари ж,
У металлов и у гор и камней,
Слезы вдруг безмолвные, такие,
Как весной лиют они, встречая
После хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тут от скорби),
Потекли обильными струями...
Но была в горе одна пещера.

Там, покров свой белый не скидая
Никогда, сидела великанша
(Некогда она царила в мире,
Но была побеждена Одином
И в пещере темной укрывалась).
Та на слово вестников небесных
Из скалы угрюмо отвечала:
«Я с сухими разве лишь глазами
О красавце Бальдуре заплачу:
Будь он жив иль мертв — он мне не нужен!
Пусть его сидит себе у Геллы!»

Так у Геллы и остался Бальдур».

10

Кончил вещий старец. Слушал Конунг
И еще поник главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
В забытьи склонился вещий старец.
Поутру открыл он очи: Конунг
Так же всё сидит на том же месте;
Чуть свалилась с плеч медвежья шуба,
Бледный луч скользил кой-где по складкам
Золотой истершейся одежды,
Освещая грозный облик, с длинной
Бородой, с нависшей бровью. Конунг
Был уж мертв. Судьбы его свершились.

<1870>

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ

В Неаполе,— когда еще Неаполь
Был сам собой, был раем ладзаронов —
Философов и практиков-бандитов,
Бандитов всяких — режущих, казнящих,
С тонзурою иль без тонзуры — в этом
Неаполе времен минувших, жил
Чудесный карлик... Маленький, горбатый,
Со львиною огромной головой
И с ножками и ручками ребенка.
Он был похож как раз на мальчугана
В комической, большой античной маске:
Таких фигур в помпейских фресках много,
Его мама̀ и померла от горя,
В уродстве сына видя наказанье
Господне «за грехи отцов...» Отец же —
Он был мудрец с вольтеровским оттенком,
Хоть волею судеб и занимался
Сомнительной профессией (знакомил
Он с красотой живой Партенопеи
Приезжих иностранцев) — он об сыне
Судил не так. Он говорил, что эта
Наружность — дар фортуны: Пеппо с нею
Наверно будет первым майордомом
У герцогов, пажом у короля,
И комнатной игрушкой королевы.
Он так и умер в этом убежденье.
Но не сбылось пророчество: бедняга
Не в практика родителя сложился.
Кормился переписываньем ролей,
Был вхож в театр чрез это, за кулисы,
А весь свой день сидел в библиотеке.
И что прочел он — богу лишь известно,
Равно как то, чего бы не прочел он!

Всё изучал: историков, поэтов,
Особенно ж — трагический театр
Италии. Душой он погрузился
В мир Клеопатр, Ассуров, Митридатов,
И этих-то сценических гигантов
Размах усвоил, страсть, величье, пафос;
Он глубоко прочувствовал, продумал
Все положенья, все движенья сердца,
Весь смысл, всю суть трагедии постиг,—
Так что когда, в кругу своих клиентов,
Оборванных таких же бедняков,
Читал он,— эти все гиганты
Всё становились меньше, меньше — но
Зато росло в размерах колоссальных
Одно лицо — без образа и вида
И без речей — которое безмолвно,
Неудержимо, холодно их губит,
И что в трагедии зовется Роком.
И этому безличному Молоху —
Как говорил один аббат, любивший
Его послушать, Пеппо особливо
Сочувствовал. Аббат в восторге
Говаривал не раз: «Ты, caro mio,[1]
Наверно был бы величайшим в мире
Трагическим актером, если б только
В размерах был обыкновенных создан,
Без важных недостатков и излишеств;
При этих же особенностях,— годен
Не более, как к роли — Пульчинелля».

Что ж делать! Бедность и — пожалуй — жажда,
Как говорил он, сцены и подмостков,
Его судьбу решили,— и Неаполь
В нем приобрел такого Пульчинелля,
Каких еще не видывал от века!
В театре — давка. Ездит знать и двор.
Тройные цены. Импрессарий — пляшет,
И в городе лишь речь — о Пульчинелле.

---

[1] Дорогой мой (итал.).— *Ред.*

Такого смеха у своих подножий
Не слыхивал конечно уж Везувий
С тех самых дней, как вечною угрозой
Над городом он стал и повторяет
Ежеминутно людям: «Веселитесь
И смейтеся, пока даю вам время!»

А тайна смеха вот в чем заключалась:
Пеппино никогда смешить не думал!
И в колпаке дурацком Пульчинелля
Всё так же роль свою играл серьезно,
Как будто роль Аякса иль Ахилла.
Он бросил фарс, дал душу Пульчинеллю
(К тому же был импровизатор чудный
И в роль вставлял горячие тирады,
Высокого исполненные чувства,
И пафоса, и образов гигантских,
Достойных кисти лишь Микеланджело!),
Он искрен был, язвителен, был страстен,—
Но это всё — при страшной образине,
При заплетавшихся кривых ногах,
При маленьких ручонках, при горбе —
В партере вызывало — взрывы смеха!
Он забывал себя, весь отдавался
Потоку чувств и вдохновенной мысли,
И ожидал в ответ восторга, слез,
Всеобщего, быть может, покаянья,—
А тут дурацкий смех, шальные крики!
Полиция — и та не возмущалась,
Когда вещал он в пламенных стихах
О благородстве, о «святой» свободе!
Бывало, с грустью, с жалостью он смотрит
В партер, как в пропасть с тысячами гадов
Хохочущих — и эта грусть и жалость
Такою в нем гримасой выражалась,
Что клик и смех в партере удвоялся...
Не выдержит, и кинется он к рампе,
И в ярости грозить начнет, ругаться:
«О! пошлости клокочущая бездна!
Чудовища! нет! я б свое уродство
Не променял на ваше»,— он кричит,—
И — пуще смех!.. Тогда, на зло глупцам —

Он пустится кувыркаться и прыгать,
И уж конца рукоплесканьям нету!
А упадет лишь занавес — директор
Его в объятья: «Так, maestro[1], так!
Ругайте их, и плачьте! плачьте больше!
Тем лучше: сбор — невероятный! Мы —
Мы мильонеры будем!» Не успеет
Директору в лицо он кинуть: «Porco!»[2] —
Как сотни рук его уж подымают,
И как он там ни бейся, ни лягайся,
А с песнями, при факелах, несут
Его до самой до его локанды,
Где, наконец освободясь от плена,
На бедное бросается он ложе
И горячо и горько, горько плачет!

Неаполь был в восторге. Говорят,
Из инквизиции тихонько члены
В закрытых ложах хаживали часто
Им любоваться и, как все, смеялись
От сердца, самым добродушным смехом.
Но он — кумир толпы и божество,
В душе возненавидел и Неаполь,
И сцену, и давно б ее оставил,
Когда б она ему не доставляла
Возможности — в глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она
Одно лишь понимает, поглощает
И обожает — это макароны!..

Так говорил он сам; а впрочем,
Еще был узел тайный, но могучий,
Его привязывавший к сцене,— это
Прелестная, как ангел — Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талант.
Он эту Коломбину и сыскал
В Сан-Карло, меж простых статисток, взял

[1] Маэстро (итал.).— *Ред.*
[2] Свинья (итал.).— *Ред.*

И стал учить, образовал и, словом,
Как говорится, создал. Коломбина
По временам одна не замечала
Его уродства: чудные мгновенья!..
Она — полулежит на оттоманке,
А он читает: комната, помалу
В чертог преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихийное иль божеское нечто
Блистает в них величьем колоссальным
Над сумраком обыкновенной жизни;
И вдруг средь этих исполинских сил
Послышится ей родственное что-то —
Любовь, как голубь, реющий над бездной...
У ней от страха сердце замирает,
Она глядит, и, точно в лихорадке
Следя за ним, чтеца уже не видит...
И лишь когда он кончит,— понемногу
Рассеется блистательный мираж,
Уйдет страстей клокочущее море;
И вместо блеска, красоты, величья,
Она увидит вдруг перед собой,
Как будто этим кинутого морем,
Какого-то нелепейшего карлу —
Тогда из уст ее — как будто бы со скорбью
И сожаленьем — вырвется невольно:
«Ах, Пеппо, для чего такой ты гадкий!»

— «Рок»,— отвечает он.

Да! страшный рок!

Он чувствовал, что раз не удержись,
А от себя, от своего лица
Скажи свое живое чувство,— в страхе
И омерзенье вскрикнет Коломбина
И от него отпрянет, как от гада!
Он понял, что совсем лишь стушевавшись
Мог быть при ней,— и сделался ей, точно,
Необходим: наставником был, другом,
Был чичисбеем, шаль за ней носил,
По порученьям бегал; даже больше,

Служил ей горничной — при туалете
Присутствовал, затягивал корсет,
Ей обувал изящнейшую ножку,
Сносил ее мигрень, капризы, словом,
Был для нее он тем же, чем Неаполь
И импрессарий для него, и также б
Мог звать ее он «злою Коломбиной»,
Как называли все его «злым карлой»;
В него летали точно так же веер
И башмаки, как от него каменья
На улице, или слова на сцене —
Такие, что иного стоят камня!
И от нее он всё переносил
С покорностью, чуть-чуть не с наслажденьем,—
Так наконец, что все его страданья
По сцене — отошли на задний план.
Перенести не мог он одного —
Одной фантазии своей царицы,
И все вражды свои сосредоточил
На арлекине. Этот арлекин
Был — тем же роком! — одарен красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
К артисту так идущей, и всегдашним
Высоким мненьем о своей особе.
Все женщины по нем с ума сходили:
Из-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтоб с ним в блестящем фаэтоне
По Кьяйе прокатиться... Это, впрочем,
Всё б ничего! но этот херувим
И виделся, и снился Коломбине!
Напрасно ей твердит несчастный карло,
Что арлекин — бездарный фат, хвастун,
Глуп—колоссально глуп!.. «Ты лишь послушай,
Как он поет! Где ставит ударенья?
О, ужас! на предлогах и союзах!
Не ясно ли, что у него нет сердца!
Что льнет к тебе он, diva [1], потому,
Что от тебя Неаполь без ума,
Что — ты царица в нем, и что готовы
Мильонные расстроить состоянья

[1] Богиня, звезда (итал.).— *Ред.*

С тобою дуки, нобили, банкиры».
Всё тщетно! страсть ей не дает покоя!
Его не слушают; ему велят,
Как тень, везде следить за арлекином;
Ей доносить, где был он, что он делал,
С кем говорил, устраивать им встречи,
И третьим быть лицом при этих встречах!
Ах! это время жил он постоянно
Под страхом бури... Если он, бывало,
Недобрые к ней вести принесет,—
«Ты лжешь, ты лжешь! — кричала Коломбина;
Вы все против меня, уроды, черти!
Я задушу, чудовище, тебя!
Прочь с глаз моих!» — и diva, как тигрица,
Кидается на Пеппо. «Вон, бездельник!»
За ним бегут, выталкивают в двери,
И с лестницы бросают в спину туфлю...
Он, впрочем, знал, внизу стоял в портоне,
Знал, что за ним пошлют,— и появлялся:
Мрак в комнате; лежит в постели diva,
Готовая сейчас же умереть
В жестоких спазмах: стоны и рыданья;
«Вот,— говорят ему,— ты до чего
Меня доводишь, каменное сердце!»
И как собака, чувствуя провинок,
К хозяину ползет, вертя хвостом
И голову понуря, пробирался
Он к ней тихонько и просил прощенья,
Садился на скамейку, утешал,
Молил ее на жизнь не покушаться,
Оправдывал неверного и клялся,
Что сам он лгал, что он всему виною,
Что он сейчас пойдет за ним, отыщет
И приведет... И diva возвращалась
К сознанию... рыданья утихали,
К нему протягивалась ручка... он
Бежал искать красавца, приводил —
И diva их встречала — уж здорова,
Кокетливо одета, и красою
Сияя, точно солнце после бури,—
И Пеппо должен был сиять с ней вместе.

Был наконец и день назначен свадьбы,
Вся труппа в ней участье принимала.
Всё, что смешит Неаполь — всё смеялось,
Но Пульчинелль был самым шумным гостем.
За молодых пил тосты, сочинил
И прочитал им в чёсть эпиталаму,
Смеялся, но — с гостями уходя,
От них скользнул в какой-то переулок,
Направо шел, налево, как, куда
Не думая, не видя в темноте,
И вышел вдруг к клокочущему морю.
И там, у шумных волн остановился...
Что делал там он? — то, буквально, мраком
Покрыто: ночь темна была, как гроб.
Во мраке слышен был лишь грохот моря;
Из Африки дул раскаленный ветер,
И словно тысячи бесов иль фурий
Рвались в дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу им из недр земли
Из кратера Везувия летели
В фонтане пламени и в клубах дыма
Бесчисленные демонские силы...
Вкруг ладзарони в ужасе бежали
С своих ночлегов, по всему побрежью,
И долго помнили об адской ночи,
Notte d'inferno: слышались им стоны
И страшные проклятья в реве бури,
Их сохранило только заступленье
Пречистой девы... Что же делал Пеппо —
Там, на террасе, выходящей в море?
Он никогда и сам не мог сказать...
Как будто дух его тогда носился
В пространстве, в этих африканских вихрях
И землю разорвать хотел и море,
И только к утру в маленькое тело
Вернулся и взглянул вокруг себя,—
А вкруг ладьи разбитые лежат,
И трав морских по необсохшим камням
И на сыром песке торчат лохмотья.
Стихает море. С севера прохладой,
Исполненной благоуханий чудных
С полей и вилл цветущих Позилиппа,

Повеяло, и серебристой дымкой
Подернулися город, даль и небо...

Когда под крик ослов и продавцов
Неаполь пробудился и пил кофе —
Смеющийся явился с поздравленьем
К счастливой Коломбине первый — Пеппо,
С огромнейшим букетом. День прошел
Как праздник. Были гости. На обед
Поехали на Капри. Пеппо точно
Торжествовал великую победу...
Потом всё потекло своим порядком,
Как прежде. Он для Коломбины стал
Пожалуй что еще нужнее в трудных
Заботах по хозяйству и по мужу;
Он у нее детей крестил и нянчил...
Но, как ни бился, счастья милой донне
Создать не мог; худела всё, худела
И наконец совсем она слегла.
Не ладно вел себя ее супруг.
Остепениться он не мог, и в браке
Не видел уз для ветреного сердца.
Почти и не жил дома. При больной
Безвыходно сидел лишь Пульчинелль...
Раз ночью стало ей уж очень худо.
С усильем обратясь к нему, она
Сказала: «Ты детей моих не кинешь?»
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась так она ему,
Как никогда! Быть может, начало
У ней в глазах уже мутиться зренье,
И уж не карло — нет! его душа
Во всей своей красе, во всем величьи
Ее очам духовным предстояла —
И бедный Пеппо чуть не задохнулся
От счастья... Но — о боже!.. вот ее рука
В его руке хладеет... взор недвижен...
Молчание... он ждет... она ни слова...
Свет лампы так лежит спокойно, тихо
На матовом лице... не шевельнется
Ни волосок, ни локон в беспорядке
Рассыпавшихся на подушке кос...

Проворно пульс он щупает; подносит
К устам ей зеркало... дыханья нет!
И нет сомненья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его — скончалась!
И он вскочил, как бешеный. Свирепый
Какой-то вопль из груди испустил,
И бросился направо и налево
Всё опрокидывать, всё разбивать,
Всё — канделябры, зеркала, сервизы,
И наконец среди опустошенья
Остановился перед хладным трупом,
И, заломив в отчаянии руки,
Вдруг прокричал: «Как я тебя любил!»
И тут, в ногах же у ее постели,
Упал без чувств,— и найден был уж мертвым

Неаполь плакал, но потом помалу
Все успокоились, когда наука
Решила, что скончались: Коломбина —
От «phthisis»[1], он же — от «ruptura cordis»[2].

1871

[1] чахотки (греч.).— *Ред.*
[2] разрыва сердца (лат.).— *Ред.*

КНЯЖНА ***

Трагедия в октавах

«КАК НАШИ ГОДЫ-ТО ЛЕТЯТ!»

1

Давно ль, давно ль, на траурных конях,
Под балдахином с княжеской короной,
Богатый гроб в гирляндах и цветах
Мы провожали... Поезд похоронный
Был без конца... Все в лентах и звездах,
Посланники, придворные персоны,
И духовенство высших степеней,
И во главе его — архиерей...

Мы крестимся всегда при виде гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бедняк, будь важная особа...
Обычай, полный смысла, глубиной
И злейшего пленявший русофоба...
И тут прощалась с чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но в высшем свете
Событьем были похороны эти...

Княжна... Но нет! письму я не предам,
Нет, не предам я новому злословью
Фамилии, известной с детства нам!
В войну и мир, и разумом и кровью
Служил сей род отчизне и царям
И встарь почтен народной был любовью...
Он в наши дни, с достоинством, одной
Представлен был покойною княжной.

И видом — ах! теперь как исполины
Пред нами те герои старины!..

Видали ль вы времен Екатерины
Ее штатс-дам портреты?.. Все, полны
Величия полунощной Афины
И гением ее осенены,
Они глядят как бы с пренебреженьем
Вослед идущим мимо поколеньям...

Могучий дух, не знающий оков,
Для подвигов не знающий границы,
Без похвальбы свершавший их, без слов,—
Всё говорит, что это те орлицы,
К кому из царства молний и громов,
Свершители словес своей царицы,
Ее орлы с поднебесья порой
Спускалися на миг вкусить покой...

Из этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился уж в ней
Весь этот пыл, весь пламень ненасытный
Под веяньем иных, счастливых дней.
Там — гордый страж пустыни сфинкс гранитный
В тысячелетней простоте своей;
Здесь — Пракситель или резец Кановы,
Где грация и дух уж веет новый.

Ей этот лоск был Франциею дан!
Да, Франция — и Франция Бурбонов,
Что пережить сумела как титан
Республику и гнет Наполеонов,—
Она княжну, цветок полночных стран,
К ней кинутый крылами аквилонов,
С любовию в объятья приняла,
И матерью второю ей была.

Ее певцов она внимала лирам,
Ораторов волнующим речам,
Всё приняла, чтоб властным быть кумиром
И первою звездой в созвездьи дам;
И даже Он, пришедший к людям с миром
И взоры их поднявший к небесам,
Ей просиял как свет и как защита
В проповедях отца иезуита...

Что?.. Странно вам слова мои звучат?..
Народность — всё же из понятий узких,
И в этом шаг мы сделали назад,
От образцов отрекшися французских...
Но — век таков! И все теперь хотят
Преобразиться в православных русских,
Меж тем как многие едва-едва
Осилить могут русские слова...

Вон — князь Андрей на это, лоб нахмуря,
Глядит как на опасную игру!
И говорит, что уж «глаза зажмуря
Давно живу и вечно на юру»,
Что, «впрочем, нас бы не застала буря,
А там — всё пропадай, когда умру!..»
Он в этом видит признаки паденья
И нравственных начал и просвещенья...

И до сих пор упрямый старый туз
Твердит одно: «Европа есть обширный
Салон, где всякий — немец иль француз —
Своя семья! У всех один, всемирный,
Тон, образованность, и ум, и вкус!
Нас только *терпят* там, пока мы смирно
Сидим себе, как дети за столом,
On nous subit — á contrecoeur [1] притом...»

Но князь чудак! Он парадокс ходячий!
Он отрицал Россию! И с княжной
У них всегда, бывало, спор горячий.
Патриотизм княжны был огнь живой!
России честь, победы, неудачи —
Воспринимала всё она душой,
Всё обсуждая без предубежденья,
С высокой, европейской точки зренья...

И вот с такой душою и умом,
Всё восприняв, что запад просвещенный
Взращал веками в цветнике своем,
Она явилась с ношей благовонной
В наш свет — и так поставила свой дом,

[1] Нас терпят — против воли (франц.).— *Ред.*

Что сам Кюстин, вторично занесенный
Судьбой в наш край, уж бы не написал,
Что к медведям и варварам попал!

Свидетели — опять-таки французы!
Да! из французов сливки, высший слой,
Твердили в хор, что грации и музы
Из Франции, от черни бунтовской,
Как от Персея с головой Медузы,
Умчалися на север ледяной,
Перенеся в салон княжны, в России,
Весь ум французской старой монархии.

И это знал и оценил наш свет,
И перед нею всё в нем преклонилось...
И хоть прошло событий много, лет,
И хоть княжна давно уж устранилась
От поприща успехов и побед,
Но всё ее звезда не закатилась —
Отшельница из своего угла
На мнения влияла и дела.

К обычному стремились поклоненью
К ней Несторы правительственных сфер;
Вступая в свет, к ее благословенью
Являлися искатели карьер;
К ней шли, к ее прислушаться сужденью,
Творцы реформ по части новых мер,
И от княжны иметь им одобренье
Бывало то ж, что выиграть сраженье...

Все знали, что ее словцо одно
Имело вес и слушалося мненье
В таких пределах, где не всем дано
Иметь и сметь сказать свое сужденье...
Конечно, ум тут много значил... Но
Один ли ум?.. У вас уж и сомненье?
О жалкий век! Как скор твой приговор!
Мерещится тебе лишь грязь да сор!

Нет-с! уж Париж, знаток по этой части,
Видавший цвет сынов своих княжной
Отвергнутых, со всем их пылом страсти,

Клялся богами, небом и землей,
Что нежных чувств она не знает власти,
Что перед ней, в досаде плача злой,
Сам Купидон, лукавый бог и смелый,
Разбил колчан и изломал все стрелы!

Хоть хроника падений и побед
Для света служит легкой лишь забавой,
И не педант он в нравственности, свет,—
Но высоко и достодолжной славой
Почтит он ту, в которой пятен нет!
Всегда в виду весталки величавой,
Как в оно время развращенный Рим,
Расступится с почтением немым!..

Княжна всю жизнь, как с кованой бронею,
Где каждая блестит на солнце грань,
Сквозь этот мир соблазнов, пред толпою
Чиста как день прошла... И отдал дань
Ей гордый свет, упрочив за княжною
До поздних дней названье Chaste Diane [1].
Был этот титул ей всего дороже,
Она гордилась им... и вдруг... О, боже!..

Нет! не могу!.. Ее вступленья в свет
Я не застал,— но с первого мгновенья,
При первой встрече, юноша-поэт,
Был поражен!.. Серьезность выраженья
(Ее встречал я не на бале, нет!
В прогулках, по утрам, в уединеньи),
Задумчивость, вдаль устремленный взор —
По небу ль грусть, земле ль немой укор?..

О, дальние дорожки Монплезира...
Или тенистый Царскосельский сад...
И вдруг — виденье неземного мира...
Чуть слышно кони быстрые летят...
О Пушкин! — думал я.— Твоя бы лира...
Ты лишь умел, твой вдохновенный взгляд,

---

[1] Целомудренной Дианы (франц.).— *Ред.*

Вмиг указать, где божество во храме,
Вмиг разгадать Мадонну в светской даме!..

Признанье позднее... Княжна была
Моим надолго тайным идеалом...
Трагической кончиной умерла —
Трагедию ж смешали со скандалом!
Она всегда известного числа
Давала бал, и перед самым балом
Упал кумир, и что страшней всего:
С ним рухнул образ нравственный его...

Да, падают империи — но слава
Переживает. Упадает храм,
Но бог, в нем живший, составляет право
На память и почет тем племенам,
Что с именем его прошли, как лава,
Как божий бич, по суше и морям...
Но человек, в котором уважались
Достоинства, которого боялись

Лишь потому, что он был совершен,
Со всех сторон велик и безупречен,—
И вдруг внутри его лишь гниль и тлен!..
Но нет! я не сужу!.. Кто беспорочен?
В падении, быть может, сокровен
Глубокий смысл, и, может быть, уплочен
Им страшный долг... А мы с своим умом
В чужой душе что́ смыслим? Что́ прочтем?..

2

На месте я из первых был. Успели
Едва лишь подхватить ее — куафёр,
Модистка — и сложили на постели.
На голове богатый был убор,
А между тем глаза уж потускнели...
А тут кругом блеск ламп, трюмо, прибор
Помад, духов, и надо всем — незримый
Из вечности посол неумолимый.

Да, этот гость был всеми ощутим...
Взглянул он всем в глаза мертвящим взглядом,

Всем в ужасе стоявшим тут живым...
И дрогнули под празничным нарядом
У всех сердца... Эх! шутим мы, труним
Над смертию, над судищем и адом,
А покажись чуть-чуть она — ей-ей,
Раскланяться забудем даже с ней!

Конечно, всё, как при внезапном громе,
Чтó было двор, чтó около двора,
Чтó приживало в старом барском доме,
Всё — в будуар! Явились доктора,
Но, главное, при этаком содоме,
Швейцар, без ног и впопыхах с утра,
И невдомек, чтоб, при событьи этом,
Отказывать являвшимся каретам.

И бальною, разряженной толпой
Весь дом наполнился. Толпа врывалась
И в будуар. При вести роковой
Цветы, брильянты — гасло всё, казалось.
Но над померкшей этой пестротой
Одна фигура резко отделялась:
Недвижно, руки на груди сложив
И — точно с вызовом на бой — вперив

В покойную упорный взгляд, стояла
Одна пред ней девица. Всё кругом
Ее как будто в страхе обегало.
Чужим для всех, казалось, существом
Она была и точно предвещала
Чтó роковое... Так перед судом
Господним ангел, может быть, предстанет
Нам возвестить, что — се грядет и грянет...

Сравненье это, впрочем, я схватил
Так, на лету... Передо мной их много
В тот миг как будто вихорь проносил.
То вспоминал дельфийского я бога,
Когда стрелу в Пифона он пустил,
То Каина мне чудилась тревога,
Когда он смерть увидел в первый раз,
Оставшись с мертвым братом глаз на глаз...

Вразрез со всем была девица эта,
Одета — самый будничный наряд —
В суконном черном платье, без корсета,
И волосы откинуты назад
A l'étudiant [1]. Ни брошки, ни браслета.
Всем уловить ее хотелось взгляд,
Хотелось угадать, что́ в ней творится,
Что на челе высоком отразится?

Но ничего — всё тщетно! — не прочли!
Княжне судьба как будто услужила,
Чтоб угадать у мертвой не могли,
Какая мысль в последний миг застыла
У ней в лице, под дымкой poudre de riz [2],—
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства, и везде
Держал их ум в натянутой узде...

А между тем хотелося так страстно
Их допросить... Не смерть уж тут одна,
Тут шепот пробегал еще ужасный...
«Как? Эта самая... она... она —
Воспитанница эта — вот прекрасно!
Она ей дочь?.. Возможно ли! княжна,
La chaste Diane?.. И так всё скрыто было?
И вот она-то, дочь, ее убила?..»

3

И матери увозят дочерей
Скорее прочь. Во все концы столицы
Летит толпа распугнутых гостей;
Вестовщики помчались, вестовщицы,
Заволновался свет, и князь Андрей
Уже к восходу розовой денницы,
Сообразя все факты и слова,
Доказывал, что всё — как дважды два...

---

[1] Как у студента (франц.).— *Ред.*
[2] Рисовой пудры (франц.).— *Ред.*

«Во-первых — сходство. Чудными глазами,
Известно, отличался весь их род.
Глаза княжны воспеты и стихами,
И очень метко: «В них гроза живет.
Когда в душе всё тихо, то над нами
Зарницами играет,— всё цветет,
Смеется вкруг; но мысль одна иль слово —
И молния разрушить мир готова!

И счастье, что над этою грозой
Сильна так власть ума и сердца».— Это
Едва ль не сам Гюго своей рукой
Вписал в альбом княжны — два-три куплета.
У девочки точь-в-точь: и взгляд такой,
Зрачки того ж изменчивого цвета,
Ресницы только больше и острей,
И та же складочка между бровей.

Засим — характер. Помните сравненье,
Ведь ваше,— та была еще дитя,—
Друг против друга станут в изумленье,
Уж больше слов как бы не находя,—
Ну так похожи, как изображенье
Большого «Я» и маленького «я»!
В обеих та ж непогрешимость, вера
В себя и то ж произношенье *эра*...

Ну-с, а когда, бывало, та поет,—
Ведь у княжны, мы помним, на всю залу,
Бывало, сердце просто такт ей бьет!
Ну-с, а когда...» — «Да будет! Ну, пожалуй,
Будь так, по-вашему!.. Мы после счет
Сведем грехам и всякому скандалу!..
Теперь же вспомните — ведь кто угас?
Кого не стало?.. Лучшей между вас!..»

О, человек! о, слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю меч,
А в самого уж крадется сомненье
И падает на полуслове речь...
А если — да?.. Какое откровенье!..
Но как же узел гордиев рассечь?!.

Сравненье с «Я» мое, без мысли всякой,—
Княжна тогда вся вспыхнула, однако!

Но пусть как знают и решат вопрос!
Одно я помню: сколько счастья, света
С собою в дом ребенок этот внес!
Что́ красоты, гармонии, привета
В самой княжне бог весть отколь взялось!
Ах, это был венец ее расцвета!
Все думали тогда: «Ну! влюблена!
Да! наконец-то!..» Бедная княжна!..

Но маленькое «я» всё подрастало
И начало теснить большое «Я»,
И выше всё головку подымало.
Тут нужен стал уж высший судия,
И миротворцем няня выступала —
Старушка крепкая, хоть жития
Под пятьдесят тогда ей, верно, было:
Она княжну вскормила и взрастила.

Она, внизу заслыша только «бой»,
Взойдет да покачает головою,
Да на княжну посмотрит — как водой
Ее обдаст, и ласково рукою
Потреплет девочку: «Ну, ты, герой,
Поди-ка повинись перед княжною»,—
И та на шею к няне, а потом
Уж и к княжне, и плачут все втроем...

Но эти бури только лишь скрепляли
Союз сердец. Уютна и тиха
Текла их жизнь, и в лад сердца стучали,
Как два с богатой рифмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
В ее душе, и не было греха
(Какие же грехи!), ни мысли тайной,
Что бы от них укрылись хоть случайно!

И дивный мир их души наполнял,
И всё вокруг сияло чистотою,
И, к ним входя, порой я ощущал,

Что вот сейчас же, спугнутый лишь мною,
От них как будто ангел отлетал...
Княжна умела обладать собою,
И хоть входил я к ним с доклада слуг —
В ней точно легкий пробегал испуг...

4

Ах, эти дни! Уж как они далёко!
Я молод был... Я принят был княжной
Так, зáпросто... О, как стоит высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нет, свет ее не знал, я был глубоко
В том убежден: пленяясь красотой,
Героя видит только в поле боя!
Нет, как он дома, посмотри героя!

И этот дедовский, старинный дом
В один этаж каким-то властелином,
С задумчиво нахмуренным челом,
Стоял, с своим высоким мезонином,
С колоннами... два льва перед крыльцом...
Теперь, увы! запасным магазином
Иль складом служит, с улицы же он
Другим большим совсем загорожен...

Внутри же эти залы — точно храмы
Истории... Портреты, вам твердят:
Бендеры, Кунерсдорф, где сам упрямый
Великий Фридрих был разбит... весь ряд,
Всё служит историческою рамой
Жилым покоям, где «Армидин сад»,
Как говорили, где уж шло движенье
Вокруг самой, при новом освещенье...

Но этот старый мир в пыли, в тени,
Из сумрака веков как бы глядящий
Разумным оком, в шуме болтовни
И смеха строгий вид один хранящий,
Лишь с глазу на глаз нам про наши дни,
Про нас самих свой суд произносящий,—
Княжна их понимала ль?.. Да!.. Но как?
По-своему... Один там был чудак,

Чудак совсем особенного рода,
Не дед, и не отец — последний был
Лихой гусар двенадцатого года
И декабрист,— в Париже больше жил;
Дед — вольтерьянец: век такой уж, мода
Тогда была. Нет, тот, который слыл
При жизни чудаком,— глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

«Il me fait peur parfois,[1] мой прадед — тот,
Что с Фридрихом сражался. Он железный
Был человек; фантаст во всем, деспот;
Как на войне — ни пропасти, ни бездны
Ему ничто, и сам всегда вперед —
Он для солдат был идол их любезный,—
Таков и в мире! Ужас наводил
На целый край! Чего уж не творил!

В дому — гарем; дела по всем приказам,—
И вдруг он всю губернию зовет
На пир. Все едут. Все к его проказам
Привыкли. Ждут. И вот двенадцать бьет,
И в черной ризе входит поп. Всё разом
Смолкает, музыканты, пир. Встает
С сиденья князь и — в ноги всем, прощенья
Прося за все грехи и преступленья,

Гостям, жене и людям, в ноги всем.
Приносят гроб — ложится. Поп читает
Над ним отходную, и он затем
Как бы совсем из мира исчезает...
Дверь на запор — и двадцать лет ни с кем
Не говорит, не видится. Вкушает
Лишь хлеб с водой. Когда же умер, тут
На нем нашли вериги с лишком в пуд.

En v'la un homme!..»[2] Да, в человеке этом
Та крепкая сказалась старина,

---

[1] Он меня пугает иногда (франц.).— *Ред.*.
[2] Вот это человек!.. (франц.).— *Ред.*

Что вынесла Россию... Пред портретом
Подолгу так стоит порой княжна...
На нем он был изображен атлетом,
Генерал-аншеф. Живопись темна,
И лишь глаза, их взгляд невозмутимый,
Их каждый чувствовал, кто шел лишь мимо.

«"Смирился,— нянька говорит о нем.—
И спасся..." И в ее понятьях это
Возможно и теперь... прийти — во всем
Покаяться — и умереть для света!
В Ерусалим уйти, одной, пешком...
Как просто всё у них! Всё кем-то, где-то
Уставлено...» — сказала раз она...
Я думал: «Эй, хандрите вы, княжна!»

А в Крым поездка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Там весь дворец она в своем именье
На берегах Салгира отдала
Под госпиталь... Что ангел воскресенья
Для страждущих у их одра была...
Ох, узнаю! Под бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройский дух, что там осуществил
Великую в народах эпопею,
На всех свой отблеск славный положил,
Всех озарил поэзией своею...
Генерал-аншеф — что ж, доволен был?
Доволен был — и очень, думать смею! —
Когда княжна, из Крыма воротясь,
О тамошних делах вела рассказ,

О том, как под огнем, на бастионах,
Шутя со смертью, смех не умолкал;
Как наконец, в виду врагов смущенных,
Наш старый вождь им город оставлял.
«В развалинах твердынь окровавленных,—
Суровый аншеф точно повторял,—
Парижский мир — не велика проруха!
За нами главное: победа духа!..»

С загаром на лице, душа полна
Неведомых дотоле впечатлений,
Как хороша тогда была княжна!
Что́ в этот мир ничтожных треволнений,
В салонный свет свой принесла она
И новых чувств, и новых откровений,
Душой святому подвигу уж раз
Со всем народом купно причастясь!..

5

А если — дочь?.. Так вот она, изнанка
И тайный смысл тревогам и слезам!
Так вот она какая «итальянка»!
В Италии подобрана, вишь, там!
Вот для кого нужна и англичанка,
Француженка и немка — языкам,
Предметам обучать, а там, с годами,
Учителя — и что с учителями!..

«Вот за детей кто богу даст ответ! —
Княжна, бывало.— Уж не то что́ Жене,
Большому оглупеть!.. j'en perds la tête! [1]
Тот буквы ѣ и ъ, а тот спряжений
Не признает!.. Поэзии — уж нет!
Один, так вместо всяких упражнений
В грамматике стал девочку учить —
Да нет! о том *мне* стыдно говорить!

Взяла другого. Чем же началося?
Читать стихи дал Пушкина «Поэт»
И сделал двести тридцать два вопроса,
Чтоб девочка на все дала ответ.
На этом — год ученье уперлося!
Да все поэты опротивят!.. Нет,
Они — о, прелесть! — сделали открытье,
Что нужны нам не знанья, а — развитье!»

Развитье, впрочем, удалось,— хотя
В ущерб грамматики, и муз, и граций.

[1] Я от этого теряю голову! (франц.).— *Ред.*

Но что-то в нас проснулося, светя
Огнем в глазах; мы всё, без апелляций,
Решили вмиг; все силы посвятя
Развитью смертных без различья наций,
Мы стали «женщиной» в осьмнадцать лет,
В которой всё ново́ от A до Z.

В то время все, севастопольским громом
От гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломом
Всё старое, за все его вины;
Вдруг очутились в мире незнакомом,
Где снились всем блистательные сны:
Свобода, правда, честность, просвещенье
И даже — злых сердец перерожденье...

И у княжны сиял тогда салон;
Сужденья были пламенны и смелы,—
Но умерял их вкус, хороший тон,
И знала мысль разумные пределы.
Потом всё в стройный облеклось закон,
И жизнь пошла, и началося дело,
Корабль был спущен — лозунг кормчим дан —
И мы вошли в безбрежный океан...

Всё Женя слушала — и не беда бы...
Но тут к княжне племянничек ходил,
Блондин и золотушный мальчик, слабый
И в золотых очках. Он подружил
Своих «сестричек» с Женей: «То-то бабы,
Да-с, Новая Россия! — он твердил.—
Не неженки, не шваль, не сибаритки!
Всё вынесут — и каземат, и пытки!»

Смешные были: сядут все кружком,
Как заговорщики, так смотрят строго
Из-под бровей и шепчутся тайком.
На всё ответ короткий, слов не много,
Отрубят раз и уж стоят на том.
Княжна терялась: резкость мысли, слога,
«Ужасный тон» и эта брань на свет,
Что это мир фразерства, лжи, клевет...

«Откуда это? что это такое?
Послушать их, так все мы только лжем,
Живем, чтобы жуировать в покое
И праздности! Свой «ко́мфорт» создаем
На крови и костях! А остальное —
Народ, le peuple, держим под ярмом
В невежестве, чтоб нам покорны были,—
Народ, который мы ж освободили!..

А о себе что думают! Какой
При этом фанатизм! В огонь и воду
Сейчас готовы! *жертвуют* собой!
Уверены, что бедному народу
В них лишь спасенье! Век, вишь, золотой
Откроют — братство, равенство, свободу!
Ну, пусть племянник,— он уж из пажей
Был исключен,— но Женя? С ней что, с ней?»

Княжна терялась, и, что день, то, видит,
Всё хуже. Началось молчанье. Спор
Лишь вспышками, бывало, только выйдет.
И, помню, раз: «Все эти толки вздор! —
Княжна сказала с жаром.— Ненавидит
Она меня — вот в чем весь разговор!»
И разрыдалась. Мне досадно стало:
Ведь малодушье только оказала!

6

Пропало всё веселие у нас!
Весь дом затих, и пенье замолчало,
И музыка как бы оборвалась;
Как будто два хозяина в нем стало
И надвое душа разодралась,
Что в нем жила и жизнь всему давала,
И стало две, и каждая с враждой
Следит упорно всюду за другой...

«Хоть кто-нибудь придите, ради бога,
Да помогите!..» Слава в дни те шла
Про одного в столице педагога —

Княжна тотчас его и позвала,
Про ум его наслышавшися много,
А главное, что вел свои дела
Он без педантства, действуя с успехом
На молодежь иронией и смехом

Уж был в чинах и в гору вдруг пошел,
Благодаря проекту пересадки
Каких-то к нам из-за границы школ.
Введись-ка план и все его порядки,
Он, уверяют, чудо б произвел!
Вся б наша Русь, от Прута до Камчатки,
Однообразием пленяя взгляд,
Вся б обратилась в чудный детский сад!

Прекрасная и смелая попытка
Уравновешенья духовных сил!
У нас в умах не стало б ни избытка,
Ни недостатка: всё б он устранил,
Все б ровно шли, не вяло и не прытко.
И вот свой план он в общем изложил;
Потом, когда уж по его расчетам
Была пора, он ловким поворотом

На главный пункт направил разговор,
Что, мол, хаос везде, раздор, тревога:
«Мальчишки — даже те вошли в задор,
Учителям толкуют, что нет бога,
Отечество, религия — всё вздор!
Что требуют от них уж слишком много,
И, с важностью взъерошивши вихры,
Шипят: одно спасенье — топоры!

Пусть мальчики б одни, молокососы,—
Нет с барышнями справы! Покидав
И музыку, и пяльцы, режут косы
И, как-то вдруг свирепо одичав,
В лицо кричат нам: вы, мол, эскимосы,
У женщин всё украли! Прав нам, прав!
Работы нам, разбойники, работы!..
Как будто мы-то трудимся с охоты!..»

Он был доволен. Думал — удалось.
Смеялся больше всех, но не смеялась
Лишь молодежь; и только поднялось
Всё общество, как Женечка подкралась
И показала педагогу «нос»,
И с хохотом наверх к себе помчалась;
Блондин же хамкнул: «В полдороге, брат,
Глупцы да подлецы одни стоят».

Как полководец, потеряв сраженье,
Стоял наш ритор... Но грустней всего,
Что вывела такое заключенье
Потом княжна по поводу его:
«Пусть Жени неприлично проявленье,—
Но в сущности и сто́ит он того:
Они все — красные! Кто так, из моды,
От глупости, кто плут уж от природы».

7

А занимала Женечка меня!..
Был у княжны обед — кой-кто из света
И, между знаменитостями дня,
Ее друзья, известных два поэта.
Один — он чудная душа! Огня,
Любви исполнен, жаждал мира, света,
Мог всё иметь, но презрел блеск и шум
И предпочел свободу чистых дум...

Он горячо душой скорбел за долю,
Что русскому народу суждена.
Разбросан по лесам, прикован к полю,
Он искони и сам, и вся страна
Обречены на вечную неволю...
Сперва — Орда!.. Едва низложена,
Встает Москва — с ней батоги и плаха,
И, как Молох, царит лишь силой страха...

«Чем можем мы гордиться? Где тут честь?
Где рыцарство? Крестовые походы?

Где революции святая месть?
Где истины исканье и свободы?
Чтó человечеству могла принесть
Россия в дар, чтобы ее народы
Благословить могли? Чтó создала?
Угрозой лишь для них всегда была.

А жаль! Народ с душой, как мир, широкой,
С поэзией, со страстью и умом!..»
Все поняли порыв души высокой,
И князь Андрей воскликнул с торжеством:
«Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы и беды наживем:
Дождутся эти наши самоучки,
Что нас возьмут да в Азию под ручки!»

Тут вышел спор... Не чудно ли, ей-ей!
Россия! ты — с заоблачной главою
Разлегшийся между пяти морей
Чудесный сфинкс,— а мы перед тобою,
Пред вечною загадкою твоей,
Кружим, жужжим, подобно мошек рою,
И спорим,— ты же, в думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на нас...

Другой поэт — он, голову понуря,
Сидел и слушал, но в душе его
Уж, видимо, накапливалась буря...
О, полное видений существо!
Я как теперь гляжу: глаза зажмуря,
Как бы помимо зримого всего,
Ты в глубь веков уносишься душою,
И говоришь как будто сам с собою:

«Да, бедная Россия!.. Лес и бор,
А с юга — степь! Не обозреть равнину!
И в людях: *род восста на род*, раздор,
Живяху бо по образу зверину...
И вот туда идет с Афонских гор
Смиренный инок, что *во челюсть львину*,
И дикарям являет идеал,
Что на кресте распятый миру дал...

Идет один — в леса, в места глухие
До Соловков,— и край преображен!..
Нахлынули народы кочевые,
Встает ислам и папа, с трех сторон
Крушится всё, крушится Византия,
Но уж в Москве оплот сооружен,
И пробил час из мрака ей изыти,
Как третий Рим, четвертому ж не быти...

И стал отсель ее народов дух
Един хранитель истины Христовой...
Что ж? Продолжать?..—Смотря с улыбкой вкруг
Спросил поэт.— Одно лишь, впрочем, слово!
Мы — высший свет — мы спрашиваем вдруг,
Что́ создала Россия, и нам ново,
В чаду чужих идей забыв свое,
Припомнить то, что создало ее!..

Там — силой мир был сплочен феодальный
И пестрый сброд племен в один народ;
Здесь весь народ, дотоль как бы опальный,
Великое призванье сознает,
И ради той идеи колоссальной
Он весь — от смерда до царя — идет
И государству в крепость отдается,
И терпит всё, лишь вера да спасется!

И вот предстал он в образе Петра
Пред миром вдруг как грозный триумфатор...
Содрогся мир: уж не пришла ль пора
И уж идет Восточный император?..
Но тут и блеск Версальского двора,
И Запада профессор и оратор
Пленили нас, поверили мы им,—
Да на раздумьи грустном и стоим!..»

Поэт умолк. В его горячем слове
Послышалась такая глубина,
Что смолкли все... «E pur si muove, [1] —

[1] И все-таки она движется (итал.).— *Ред.*

Послышалось,— и всё идет она,
Всё та ж *святая* Русь, своей основе,
Сама того не ведая, верна!
И всё ей впрок! Что нынче так оставит,
То завтра взять само себя заставит...»

То высказал какой-то старичок,
Когда-то бывший консул на Востоке,
Он продолжал: «Восток — нам свет, Восток!
В России — все несемся мы в потоке;
Нам не видать, куда летит поток,
Что океан могучий и широкий!
Нет! встань на Гималай, смотри с Балкан,
Лишь там поймешь ты этот океан!..»

Его слова затронули поэта,
Он подхватил: «И только б раздалось
С высот Кремля и до высот Тайгета
Одно словцо — и разрешен хаос!
Словцо — Восточный император...» Это
Я потому привел, что весь вопрос
Тогда же предложил на обсужденье
Девиц, и Женя высказала мненье:

«Наш век,— слова чеканила она,—
Век личности. И разум и свобода —
Его девиз. Былая жизнь должна
Окончиться для всякого народа;
И будет жизнь людей везде одна,
Без государств и без различья рода
И племени».— «Коммуна, так сказать?»
— «Как вам угодно можете назвать,

А уж так будет».— «Это ваша вера?» —
Спросил я. «Математика,— ответ.—
Я не люблю ханжи и лицемера,
Но искренни тот и другой поэт,—
Да старики!.. Для них свята химера
Их государства!.. Тысячи ведь лет
Уходят на него умы, таланты...
А про святых он — ну уж, обскуранты!»

8

Потом я видел Женю только раз.
Кой-кто собрался. Светская, живая
Шла болтовня, и Женя, наклонясь
В углу между своих над чашкой чая,
Ну отпускать «словца» на всех на нас,
И вслух. «Какая же вы нынче злая»,—
Сказал я ей, смеясь, как все ушли.
Она ж запальчиво: «Жгу корабли!»

Тот вечер был решительный. Пропала
Она из виду с этих пор. Княжна
Старалась скрыть от света всё сначала.
Всё вышло так: оставшися одна,
Уж проводив гостей, она послала
Позвать к ней Женю. В этот раз она
Явилася тотчас же пред княжною,
Но — боже! — как?.. С обрезанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдруг, в сердцах:
«Вон, стриженая, во́н!» Не дрогнув бровью,
Та повернулась и пошла. В слезах
Легла княжна в постель. Наутро — кровью
В ней сердце облилось: нет Жени! Страх,
Двоякий страх: и поприще злословью,
Да и жива ль?.. И как она могла?
И отчего, зачем, куда ушла?..

Куда ушла!.. В неведомое море!
Как утлый челн, оторванный волной!
Что ж манит так тебя в его просторе?
Какую пристань видишь пред собой,
Безумная!.. Нет пристани! Лишь горе
Да вечное скитанье пред тобой!
И час придет — очнешься ты над бездной
Разбитая, одна, во тьме беззвездной...

Я говорил, но уж трещал канат,
Уж ветер дул; она лишь улыбалась!
Гремел громов далеких перекат,
В ее глазах лишь пламя разгоралось,
И, на меня подняв с насмешкой взгляд,

Она хотела высказать, казалось:
«Ты слышишь ли, что сердце мне поет?
Звучнее ль песнь мне разум твой найдет?..»

О, если бы да наш не зачерствелый
В сомненьях ум иную тему дал,
И сами б мы уверенно и смело
Держали путь на светлый идеал,—
Иную песнь тогда б ей сердце пело,
Иной бы ветер челн ее помчал!..
Но разве в нас душа так обнищала,
Что у самих у нас нет идеала?

И, цвет народа, мы бредем впотьмах
И мечемся в кругу, как эфемеры,
Без верной цели, без любви в сердцах,
Без корня, без плода?.. Для нас химеры —
Добро и зло? И для всего в руках
У каждого свои весы и меры?
Нет идеала, нет того у нас,
Что живо так в инстинкте темных масс?

Нет, много их, но служат лишь отзывом
Все на чужой! Побрежный люд, должны
Бороться мы без устали с приливом
К нам издали катящейся волны...
Взлетит к нам всплеск неистовым порывом
Бог знает где взмущенной глубины,
Зальет поверхность и, до новой смены,
Уйдет, оставя гнить здесь клубы пены...

9

От Жени, впрочем, на столе у ней
Нашлась записка: «Рано или поздно
Мы разойтись должны, и, чем скорей,
Тем лучше. Вместе жить, глядеть же розно —
И тяжело, и подло. Из детей
Я вышла. В жизнь давно смотрю серьезно.
Иду. Вам не понять, чего ищу.
Ищу я *правды;* правды лишь хочу».
И всё. . . . .

10

О, как с тех пор все изменились лица!
И как неправ к княжне я был! Она,
Видал я, то, как бешеная львица,
По комнате металась: «Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамница,
Уж будет здесь!.. Я езжу к ней, княжна!
Прошу, молю... И что ж я ей? Забава?
Наладила одно: „У вас нет права!"»

Не то — так слезы, малодушный стон.
Лицо в подушку и рыдает страстно...
Я изумлен бывал и возмущен.
Я думал: вот он, деспот самовластный!
Привыкла жить и не встречать препон,
И вдруг теперь от сироты несчастной
Нашла отпор!.. Конечно, права нет!
Не дочь тебе и вышла уж из лет...

Но... если б знать, что в этих муках лютых
Больное сердце матери скорбит;
Что это — львица, в собственных же путах
Захлестнута, бессильная, лежит;
Что в этих горьких днях, часах, минутах
Всей жизни ложь несчастную казнит...
О, как теперь всё кажется иначе!
Любви что было в гневе том и плаче!..

Любви!.. И вот чего ей не понять:
«Так измениться вдруг!.. И отчего же?
Ребенком без меня не шла и спать,—
Откуда ж ненависть? За что? За что же?»
Да, да, княжна! теперь могу сказать:
В госпитале вам легче было (боже!),
Где, вольный крест на рамена взложив,
Вы в воздухе вдыхали кровь и тиф!..

Так с лишком год прошел. О бегстве Жени
Узнали все, жалели о княжне.

Сама она от первых потрясений
Уж успокоилась, и даже мне
О ней ни слова. Впрочем, на дом тени
Как будто пали. В мертвой тишине
Княжна как будто погреблась... Часами
Сидит, охватит голову руками,

Не слышит ничего, не говорит...
Или в огромном зале ходит, ходит...
Поедет вдруг в собор и там стоит,
Спустив вуаль; с пречистой глаз не сводит,
И руки жмет, душа вся к ней летит,
И шепчет ей, и точно не находит
Слов, наконец на помост упадет...
А вкруг — кадил бряцанье... хор поет...

Так подошел и бал. И, как всё было,
Мне куафёр рассказывал потом.
Княжна казалась в духе и шутила,
Прической любовалась и венком...
Вдруг входит та, да разом и хватила:
«Позвольте документы о моем
Рожденьи. Замуж выхожу. Желают
Читать попы. Иначе не венчают».

Княжна глядит недвижна и нема.
Та ж, глаз не опуская, без смущенья:
«А не дадите, так пойду сама
И расскажу всё в Третьем отделенье.
Я знаю, чья я дочь».— «Да ты с ума
Сошла! Чья дочь!» — «Да ваша». В то ж мгновенье,
Глядим, княжна шатнулась. «Эдуар,—
Кричит,— воды!» — и кончилась. Удар.

Тут шум и гвалт. Никак уже скандала
Не избежать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всех просто гнать. Тотчас, сама собой,
Став выше всех, она уже вступала
В бесспорные права над трупом той,

Что ей младенцем, с божья изволенья,
Была дана в любовь и береженье.

Осталась только Женя как была,
Да я промешкал несколько мгновений.
Крестясь, старуха к трупу подошла.
«Чего ж стоишь, простись!» — сказала Жене.
Та только тут как будто поняла.
В лице невольных несколько движений,
И вдруг — что вижу? — Женя — боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, как будто ледяная,
Обрушилась внезапно над княжной
И, страстно труп холодный обнимая,
К княжне на грудь прижалась головой
И плакала... И, плакать не мешая,
Взгляд на нее кидая лишь косой,
Кругом старушка стала прибираться...
Мне долее не шло уж оставаться...

11

О, тут роман и интерес огромный,
Я чувствовал... Но нить уж порвана!
Один источник, но источник темный,
Старушка няня, и притом она
К княжне пристрастна, верный, не наемный,
Старинный человек, и хоть умна,
Но где ж понять ей высших сфер волненье,
И тонкость чувств, и даже слов значенье!..

Весь век с княжной, и странствовала с ней
И нá воды, и по столицам мира,
Видала жизнь народов и людей
До берегов почти Гвадалквивира,
Фортуны прихоти, игру страстей —
Всего видала на веку, но мира
Души ее ничто не потрясло,
И, как мираж, всё мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждых форм, ни веяний чужих;
Неся свой крест как вольную веригу,
Она жила всё в мире душ простых,
Где набожно одну читают книгу,
Одной лишь верят — жития святых,
Как встарь еще, в блаженные те веки,
О внутреннем радея человеке...

Но как же быть! Все бросилися к ней,
Как на медовый цвет шмели и осы.
«И каково ж! Представьте (князь Андрей
Рассказывал потом): на все расспросы
Насупилась, молчит! Глядит темней,
Чем из-под туч Каламовы утесы!
Уж я просил, всё ставил ей на вид,
И соблазнял, и уличал,— молчит!..»

Я спрашивать не думал уж нимало,
И вообще жалел лишь о княжне.
«Вот подивись,— она мне рассказала: —
Вхожу к ней утром. Вижу — вся в огне,
И говорит,— как раз канун был бала,—
«Я видела прадедушку во сне».
— «Что ж?» — говорю.— «Да приходил за мною».
— «Ну, полно,— я опять,— господь с тобою!»

Перекрестила, ну, мол, ничего!
Ан — вот и сон!» Меж тем уж в ход пустили
И телеграф, и почту; до всего
Дошли и всё как должно разъяснили,
И князь Андрей скакал (о, торжество!)
Рассказывать, какие вести были
Получены им первым: в миг один
Он просиял и вырос на аршин!

Я, кажется, без очерка оставил
Вам князь Андрея? Впрочем, про него
Что ж и сказать? Себя он не прославил
Ничем, хотя честили все его;

Ни черт лица особенных, ни правил...
Милейшее был, впрочем, существо!
Княжна его хоть в шутку называла
Le prince «Tout le monde»[1], но очень уважала.

«Cette pauvre princesse,— он говорил,— как раз
Tout est connu![2] Теперь всё очень ясно!
Экстаз, религиозный был экстаз —
И — оскорбленье! Переход ужасный!
Душа искала пищи, а у нас
Где эта пища — да с такою страстной
Притом натурой?.. Ну-с, в Париже был
Тому лет двадцать проповедник. Слыл

Он за святого. Делал обращенья
Во множестве. Un saint François[3] собой,
Аскет, траппист. Княжне как откровенье
Он свыше был. Всей бросилась душой
В католицизм. Уж все приготовленья
Окончены, и вдруг как громовой
Удар — уехала!.. И вот теперь — разгадка!
Faut convenir,[4] что сделано всё гладко!»

И рад был, рад и счастлив князь Андрей.
Свет был не то что рад, но злоязычью
Дать пищу рад; рад каждый был пигмей
Подставить ножку падшему величью
(Самоуслада маленьких людей),—
Но внешнему не изменил приличью,
В глубоком трауре и в орденах
На пышных весь он был похоронах...

Шли речи в группах... Образ величавый
Еще в сердцах у всех был как живой.

---

[1] Князь «Весь мир» (франц.).— *Ред.*
[2] Эта бедная княжна... все понятно! (франц.)— *Ред.*
[3] Святой Франциск (франц.).— *Ред.*
[4] Следует признать (франц.).— *Ред.*

И кто ее заменит: столько здравой
В ней было мысли, этот взгляд прямой,
Возвышенный характер, вкусы, нравы...
Вопрос же насчет Жени суд людской
Так порешил: «Да! анекдот скабрёзной,
Но ей вольно же брать всё так серьезно!..»

«Что анекдот, ну лопнула струна,
Не в этом дело!— слышалось сужденье.—
Тут — исторический момент! Княжна —
Полнейшее его лишь выраженье.
В истории нет личностей. Одна
Идея смысл дает им и значенье»,—
Сказал один адъюнкт,— конечно, вздор,
Но, подхвативши этот приговор,

Москвич известный — борода большая —
Припомнил вот что: кто-то раз весной,
Княжну в чужие краи провожая,
Сказал ей вслед: «Поехала домой!..»
О Жене тоже, что она «такая,
Как и княжна, но только век иной,
В них в каждой книжка говорит чужая,
В княжне одна, а в девочке другая».

О Жене, кстати, отзыв привелось
Иной мне слышать. Встретились «сестрички»
И в голос прокричали на вопрос:
«Что Женя?» — «Сволочь! Барские привычки!
Разнюнилась, как действовать пришлось!»
И вдаль помчались стайкою, как птички,
Как будто нес их вихорь-богатырь,
Что по Руси гуляет вдоль и вширь...

12

Итак — княжна... Но — мир во гробе спящим!
И грех живым, идущим к их гробам
С своим судом, лишь в злобе дня судящим
И в похвальбе своим делам и дням!

И мы, чредой, и с нашим настоящим
Предстанем все к таким же судиям...
А кто безгрешен? Все мы — человеки!
Мир праху твоему, княжна, вовеки!

Два слова, впрочем. Няня сорок дён
Служила панихиды, всё как надо.
По случаю каких-то похорон
Я с нею встретился. Казалось, рада,
Что видит, ласковый, спокойный тон.
Речь о княжне, конечно — вот, отрада
Была ей Женя, да и та... «Да, да,—
Вздохнув, она сказала,— молода,

Еще глупа: ни что к добру, что к худу —
Понятья нет!.. Вон — замуж-то идет:
Я только так, мол, с ним и жить не буду!..
Все на нее теперь, что вот, мол, вот!..
Дивятся детской дури, словно чуду!
Эх, друг! *и небо, и земля пройдет,*
А дурь-то нешто вечная! Минует!
Дух у нее большой. Вот и бушует!..

Княжна, бывало, по ночам не спит:
«За что, мол, на меня-то держит злобу!
А, чай, теперь в нужде какой сидит!
Снеси-ка,— денег даст мне,— да попробуй,
Пообразумь». Приду: «Нет,— говорит,—
И не моги! Нога моя до гробу
Не будет к вам. А денег — хоть умру,
А не возьму». Ну в эдаком жару,

Гляжу, что делать? Время только трачу!
А бедность-то кругом: диванчик, стол
Да стул — и всё!.. Ведь забрала ж задачу!
Гостей встречала у нее. Пришел
Раз целый сонм. Галдят! А я-то плачу,
В уголушке сижу. «Да с кем те свел
Непутный»,— говорю. Она ж: «Да, путных
мало!»
Сама, поди ж ты, это понимала...»

«А что теперь она?» — «Да как сказать!
Никто как бог! Захочет — сердце тронет.
Что гордость-то людская? Благодать
Земных владык и тех главу приклонит!..»
Тут, признаюсь, не с тем, чтобы болтать
Ее заставить, я сказал: «Прогонит
Всю эту дурь, как разглядит, она,—
Как прогнала ж ведь патера княжна...»

Старушка на меня взглянула косо
И поднялася с места, от меня
Боясь прямого, может быть, вопроса,
Но обернулась... Изумился я:
Я чувствовал, что скорби поднялося
В ее душе! И, голову склоня:
«Коли судить,— сказала мне,— берешься,
Слыхал ли то, не падши, не спасешься?..

Затем — прости!» И тихими шагами
Вдаль побрела. Смотрел я долго вслед.
Тут свежий холм, усыпанный цветами,
Ее любовь и гордость стольких лет,
Та, что прошла победными стопами
Свой в мире путь, вкруг разливая свет,
Деля со *всеми* блеск, все жизни розы,
С *одной* лишь с ней — страдания и слезы.

Но отчего ж?.. И кто ей указал?..
Та, для кого великие стремленья
И всякий высший века идеал
Доступен был и близок,— утешенье
Нашла лишь там, куда не проникал
Ни блеск, ни шум всемирного движенья,
Где теплится лампада да одне
Лишь шепчутся молитвы в тишине...

Пылинка влаги, в небеса взлетая,
Там золотом горит и серебром,
То в радугах цвета переливая,
То разнося и молнию, и гром...

Отбушевав и отблистав, кончая
Свой горний путь, теряется потом
В бездонных глубинах, где от начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала ..

Счастлив, тысячекрат счастлив народ,
В чьем духе есть те ж глубины святые,
Невозмутимые и в дни невзгод,
Где всякие страдания земные
Врачуются, где разум обретет
И нищий духом на дела благие,
Затем что там от искони веков
Царит всецело чистый дух Христов.

1874—1876

КАССАНДРА

Сцены из Эсхиловой трагедии «Агамемнон»

Два величайшие идеала, созданные Эсхилом,— это Прометей и Кассандра. К тому и другому могут быть применены слова, которые Кассандре говорит хор. «Великий дух — твоя погибель!» Прометею посвятил поэт целую трилогию, т. е. три пиесы, из которых до нас дошла только одна. Кассандра является только как действующее лицо в одной из его трагедий, «Агамемнон». В переведенном мною отрывке переданы сцены, ей посвященные, и из предыдущего взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значение Эсхила для Греции это то, что все его трагедии — апофеоз водворения какого-нибудь высшего начала в жизни греков. В трилогии, которой «Агамемнон» составляет первую часть, «Молящие о защите» — вторую и «Эвмениды» — третью,— душу всего создания составляет прекращение кровной мести, переход от варварских нравов к высшим понятиям в жизни. Тут варварство стоит еще пред читателем во всем его ужасе (картина жертвоприношения Ифигении, видения Кассандры и пр.), тут господство еще старых богов, требовавших крови за кровь. Пред нами история дома Атридов — длинный ряд злодейств. Освещение, которое бросает на них Эсхил,— это, как выражаются старые эстетики, *спасительный ужас*, т. е. отвращение к злодейству: понятно, какое цивилизующее впечатление производила его трагедия на современников, в памяти которых еще живы были эти дела и времена! Фокус, из которого исходит это освещение в «Агамемноне», следовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это — Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Приама, доставшаяся, по разделе пленных, в добычу вождю ахейцев. Она одна выше всего окружающего ее мира; ни свои в Трое, ни чужие, здесь, в Аргосе, ее не понимают. Хор сочувствует ее несчастиям, указывает даже, что великий дух — ее погибель, но открываемых ею горизонтов будущего обнять не может. Она между тем возвещает, что в следующем поколении будет положен конец «крови», и действительно, в третьей части трилогии Орест, сын Агамемнона, преследуемый старыми богами за убийство матери, убийство, которое он должен был совершить, мстя за убийство отца, приведен наконец Аполлоном пред Афинский Ареопаг, где, под внушением Паллады, произносится приговор над старым варварским миром и торжествуется наступление новой, лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вот общая мысль трилогии Вот роль, какую в ней играет Кассандра.

Для уразумения переведенного мною отрывка напомню читателям только те черты кровавой истории Атридов, которые имеют отношение к нашей трагедии.

У элидского царя Пелопса было два сына: Атрей и Тиэст. Атрей, чтоб отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватил его сыновей, убил их и приготовил Тиэсту из них обед. У Тиэста был еще сын Эгист. Отец завещал ему отмстить Атрею и его детям. Он убивает Атрея и троих его сыновей. Из пятерых остались только Менелай и Агамемнон. Парис, сын троянского царя Приама, похитил жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главе всего флота ахеян, отправились под Трою. Дорогой послала им бурю богиня Артемида, для умилостивления которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнон приносит в жертву свою дочь Ифигению. Эгист, между тем, в отсутствие царей, вошел в связь с женой Агамемнона, Клитемнестрой, и, воспользовавшись ее злобой на мужа за жертвоприношение дочери, подвигает ее на убийство Агамемнона. К этому в ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершении убийства, Эгист и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этим кончается первая часть трилогии.

Во множестве изданий текста и его переводов, бывших у меня под рукою, во многих местах встречается поразительное разногласие в чтении. В выборе, которому из них последовать, я руководствовался не столько авторитетом ученых издателей, сколько ища соответствия внутреннему смыслу речи.

1

Площадка перед царским дворцом в Аргосе. Вдали — горы, море. Ночь. На плоской крыше дворца страж, поглядывающий то вдаль, то на небо.

Страж

Положат ли когда-нибудь конец
Моим мученьям боги!.. Вот, как пес,
Валяюсь столько лет на этой крыше!
Со звездами беседую!.. Уж знаю
Все наизусть, которые приносят
Нам холода, которые жары,
Когда они восходят и заходят...
Да!.. Не взята ли Троя — жду сигнала,
И, как увижу, тотчас доложить
Об этом госпоже. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вот и ходи
Вокруг своей соломы, а прилечь —
Беда: заснешь. Запел бы с горя песню
Иль так бы посвистал — противу сна

Всего бы лучше,— так приходят мысли
Различные: такой уж это дом,
Давно уж здесь всё деется не так,
Как следует. Ох, показался б, право,
Скорей огонь!.. Покончились бы муки!..

Вдали зажигается огонь.

Да это он никак? Сигнал... Да! да!
Ну, здравствуй, наконец! Вот ты, желанный!
Вслед за тобой такой восходит день
Для Аргоса, что будет всё с утра
Плясать и петь, на долах и горах!..

(Кричит.)

Ого! Ого!
Будить ее скорее...
Соскочит с ложа и весь дом подымет...
Легко сказать: победа! Взяли Трою!
Я первый торжество открою!.. Да,
Я выкинул счастливые-то кости
Для госпожи, я первый! Да и разом
Все три шестерки!

(Сходит с крыши.)

Первому бы тоже
Поздравить было мне и господина,
Как он вернется,— а о всем о прочем —
На рот замок повесить, помолчать...
Пусть лучше сами стены говорят,
Когда сумеют. С тем, кто знает,
Поговорим, пожалуй, и посудим,
А кто не знает — «ничего не знаем!»

(Уходит во дворец.)

2

Входит хор городских старцев. Хор разделяется на две стороны, у каждой свой корифей.

Хор

Ах, десятый уж год на исходе теперь,
Как помчались войной

Менелай с Агамемноном, братья-цари,
От Зевеса двойным
Наделенные троном и скиптром двойным,
На Приамов помчалися град,
Далеко от родимой земли,
Во главе всего флота ахеян.

Они подняли клик боевой по землям,
Что два коршуна, вдруг в разоренном гнезде
Не нашедши птенцов,
В перепуге замечутся в воздухе, вниз и наверх
И зовут, и кричат на весь мир
Об ужасной потере своей,—
И услышит их Зевс, или Пан, или Феб,
И укажет им след,
И проклятье пошлет
По пятам в наказанье злодею:
Так Зевес и Атридов послал
Звать Париса на суд,
Ради прав, опозоренных им, очага,—
И теперь из-за той вероломной жены,
Там под Троей, вкруг стен, в непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещат и стучат и мечи и щиты,
Наступают и падают люди во прах,
При неистовых криках кругом
Разъяренных троян и ахейцев;
И чем кончится спор — то неведомо нам,
Но ни слезы уже, ни сожжение жертв,
Ни мольбы не смягчат пробужденных войной
И следящих за ратями фурий.

Оба корифея

Под напором годов одряхлев, старики,
Мы отстали от них, от могучих бойцов,
И сидим по домам.
Бродим с посохом вкруг, словно дети — увы! —
Беспомóщны: у них перед кликом войны
В неокрепшей груди
Содрогается дух, как и в нас, стариках,

И с подпорой своей чуть плетется старик
По поблеклой листве, угасая, как тень
Перед днем, рассветающим в небе!

Из дворца по лестнице спускаются служанки с чашами, сосудами, факелами и украшают алтари.

Хор

(обращаясь к открывшимся дверям дворца)

О царица, скажи,
Клитемнестра, Тиндарова дочерь,
Что за праздник? Зачем убраны алтари,
И готовятся жертвы богам
И небесным, и адским, и им, покровителям града?
И везде поднимаются к небу огни?
Из палаты твоей то елей, то вино
В драгоценных сосудах служанки несут без конца...
Если вести к тебе дорогие пришли,
Облегчи нам сердца, неизвестность рассей!
Мы томимся в тоске,
А смотря на убранство твоих алтарей,
Предаваться ль надежде — не знаем.

Служанки продолжают свое дело. Из дворца никто не выходит на моление хора.

Корифей

Всё же есть утешение нам:
При отплытьи вождей
Были добрые знаменья им,—
А доверье к богам, песнопений родник
Не иссяк еще в нас,
И победе предсказанный срок — не настал!
В самый миг, как цари обнажили мечи,
Вдруг, от правой руки,
Опустились на кровлю дворца два орла —
Белоснежный один, чернoперый другой,—
И в когтях их живая зайчиха была,
И они принялися терзать и ее,
И зайчат, ею тут же рожденных...

Хор

Плачьте, о, плачьте,
Но да будет победа добру!

Корифей

Как увидал их Калхас прорицатель,
Тотчас на обоих Атридов взглянул —
Их он признал в двух орлах — и сказал:
«Будут Приамовы стены добычей ахейцев.
И вековые
Богатства отымет судьба у троян,—
Лишь бы над Троею взвившийся бич,
Прежде чем пасть на нее,
Гневом кого из богов не порвался.
Артемида не стерпит, что здесь
Зевса крылатые псы
Мать и детенышей еле рожденных заели.
Этот кровавый противен ей пир».

Хор

Плачьте, о, плачьте,
Но да будет победа добру!

Корифей

(продолжая речь Калхаса)

«Только б она, Артемида, которой любезны
И львицы пустынной,
И всякого зверя лесного
Сосущие мать порожденья,— только б она
Не мешала исполниться добрым обетам!
Будем молить отвратителя бед, Аполлона,
Чтобы нам она бурю и ветр не послала,
Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
Без пира и песен,
Которая злобу убудит, и новую кровь уготовит,
И, памятью дочери, в злой и коварной жене
Будет питать ежечасно о мщении мысль!»

Так усмотрел прорицатель Калхас
Из явленья орлов для Атридова дома
И великое благо, и зло.
Плачьте ж, о, плачьте о зле,—
Но да будет победа добру!

Хор

Плачьте, о, плачьте,
Но да будет победа добру!

Общий хор

Зевс! кто б ни был ты, взываем
Этим именем к тебе!
Ты один нам покровитель,
Вождь и помощь в злой судьбе!

Пал Уран, преград от века
Не видавший пред собой,
От такой же пал он силы
Кровожадной и слепой.

Кронос свергнут сыном — Зевсом;
Зевс, владыкой став среди
Мирозданья, человеку
Ум и совесть дал в вожди,—

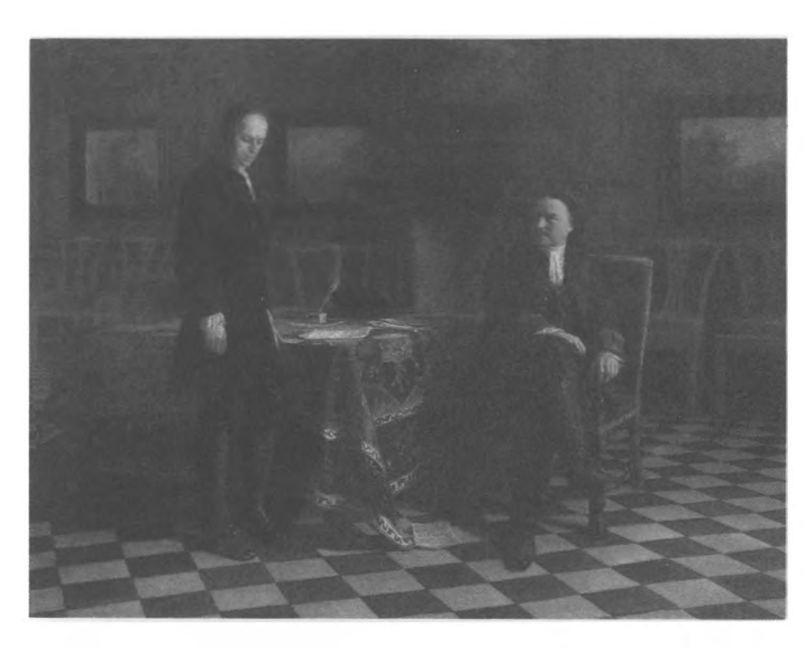
Ум, мужающий в невзгодах,
Совесть, даже и во сне
Направляющему сердце
К правде в мире и войне.

Корифей

Царь Агамемнон, в заботах вождя,
И забыл о Калхасовых вещих словах,
И невзгоды и беды покорно сносил,
Но когда, после мертвого штиля,
Изнурявшего войско ахеян,
Против Халкиса праздно стоявшее ночи и дни,
В водоворотах Авлиды,—

А. Н. МАЙКОВ. *Март. 1856.*

ПЕТР I ДОПРАШИВАЕТ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА В ПЕТЕРГОФЕ. *Худ. Н. Н. Ге. 1871.*

Вдруг от Стримона буря ударила с вихрем и ветром,
Запирая из гавани выход,
И срывая кругом корабли с якорей,
И о берег утесистый их разбивая,
И погибал лучший цвет ополченья ахеян,
И казалося, буре не будет конца,
И Ка́лхас вошел в круг смущенных вождей
И стал говорить,
И назвал ту жертву, которой желает богиня,
Пославшая бурю,
И ударили в скорби о землю жезлом
И заплакали оба Атрида,—
«Горе! — воскликнул тогда Агамемнон.—
Горе, когда не исполню веленье богини,
И горшее, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
Сам заколю и невинною кровью ее
Отцовские руки мои обагрю!
И там злое горе — и здесь!
Воротиться домой — одному — беглецом —
Всеми оставлену — всё потерять —
А всё войско — все требуют жертвы —
грозят —
И требовать право имеют!»

И, всеми кругом обступаемый, душу
Нечестивой, ужасной он мысли открыл.
И, скорый в решеньях всегда,
Приступить велел к делу тотчас.

Хор

Ах, первый ошибочный шаг
В нас разжигает упрямство и страсть!
Ради той вероломной жены,
Ради мести Парису
На жертву обрек он любимую дочь!

Корифей

И ни слезы ее, ни моленья к отцу,
Ни младая девичья краса
Не тронули сердца суровых мужей.

Отец — лишь умолкли молитвы,—
Словно лань молодую, велел,
Покровом окутав,
На жертвенник навзничь ее опрокинуть,
И крепче держать,
И рот завязать, чтоб она
Проклятий отцовскому дому не слала.

И схватили ее, и завязан был рот.
Брызнула кровь под ножом,
И лишь взгляд, как стрела,
Состраданьем сердца поразил...
Нема и прекрасна как мрамор, казалось, она
Хотела еще говорить,
Как прежде, когда на пиры
В отцовском дому выходила к гостям
И пела хвалебный пэан
Благоденствию дома Атридов и славе отца.

Что было потом — то неведомо нам,
Но исполниться должно пророчеству вещего мужа!
Учит разуму Зевс из страданий и бед...
Не хотим проницать в тьму грядущего мы!
Преждевременно плакать не станем...
А в грядущем зловещее чуется нам...
Только молим — да всё обратится на благо земли!

3

Тот же хор и Клитемнестра, выходящая из дворца.

Корифей

Пришли мы на твой зов, царица.
Когда царя нет дома, ты его
Нам заступаешь место. Если ты
Известие какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

Клитемнестра

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится от счастливой ночи!
Узнайте же теперь такую радость,
Какой едва и ожидать мы смели:
Взята ахейцами — и пала Троя!

Корифей

Что ты сказала?.. Вдруг и не поймешь.

Клитемнестра

Пал Илион пред эллинами. Понял?

Корифей

От радости я, кажется, заплачу...

Клитемнестра

И верю, что от искреннего сердца.

Хор

Но верны ли полученные вести?

Клитемнестра

Конечно, если боги нам не лгут.

Хор

Приятный сон тебя не обольстил ли?

Клитемнестра

Не верю я пустым мечтаньям сна.

Хор

Быть может, только мимолетный слух?

Клитемнестра

Ты говоришь со мною как с ребенком!

Хор

С какого ж времени? Когда взят город?

Клитемнестра

Сию же ночь,— на этот самый день.

Хор

Да кто ж так скоро передал известье?

Клитемнестра

Огонь: [1] сперва — пылающая Ида,
А от нее, один вслед за другим,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаром Иды озарился Лемнос,
Оттуда пламя перенял Афон;
С его высот священных, золотясь
По зеркальному морю, побежало
Всё дальше, дальше радостное пламя —
На Лесбос, на Мессану, Киферон;
Одно, блеснув, другое вызывает.
Везде их люди ждут, и десять лет
Костры из вековечных цельных сосен.
Через Саронский наконец залив
Блеснул огонь на скалы Арахнея,
И уж оттуда к нам, на дом Атридов,
И здесь теперь — последний это отблеск
В сей самый миг, теперь, горящей Трои.
Вот как мне передал известье муж.

---

[1] В подлиннике: Гефест. Весь этот монолог сокращен в переводе.

Хор

О, слава, слава вечная богам!..
Дивиться только, слушая тебя!
Хоть сызнова рассказывай, всё б слушал!

Клитемнестра

Да, пала Троя!.. Наши там ночуют.
Чай, стон теперь над городом стоит!
Перемешалися и победитель,
И побежденный, как в водовороте,
И не сольются, что вино и масло
В одном сосуде, как их ни болтай!..
Да!.. Побежденные!.. Там над телами
Мужей и братьев стонут жены, сестры,
Над стариками плачут дети: все,
Кто жив остался, все — рабы навек!..
А победители, еще в крови,
Истомлены и голодом, и боем,
Из дома в дом перебегают, жадно
Всё поедая, что найдут, кидаясь
Толпой и друг у друга отымая!
Наевшись, где пришлось, в домах, в чертогах,
Валятся спать, уж не боятся больше
Ни рос ночных, ни снега, и без стражи,
И мирно спят, как боги спят, всю ночь!..
И ежели богов, пенатов Трои,
И их святынь они не оскорбят,
Победа их останется за ними...
Не бросились бы только грабить храмов:
Им нужно счастье на обратный путь,
Как на бегу, на играх... Прогневят
Они богов, то пролитая кровь
Проснется и на них возопиет
О мщенье к небу...
Так я рассуждаю
Как женщина... «Лишь повело б к добру»,—
Без всякой, верьте, затаенной мысли
Я говорю, за это пожеланье
Ох, дорого я очень заплатила!

Хор

Ты женщина, но говоришь, как муж.
Идем теперь принесть благодаренье
Богам бессмертным: щедро нас они
За долгое страданье наградили.

4

За сим пропускается мною сцена, когда приезжает Агамемнон на торжественной колеснице, везомой народом. С ним рядом сидит Кассандра, дочь Приама, доставшаяся при разделе пленных Агамемнону. Хор приветствует царя. Выходит потом из дворца Клитемнестра и в длинной речи выражает, как ждала мужа, велит разостлать пурпурные ковры по лестнице во дворец, куда и уходит с Агамемноном. Остается Кассандра на колеснице, неподвижная, молчаливая, и хор старцев. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лестницы, приглашает Кассандру войти во дворец. В ее речах презрение, ирония и нетерпение.

Клитемнестра

И ты, Кассандра, кажется? Войди.
К тебе Зевес был милостив, позволив
Предстать перед алтарь свой в нашем доме
И с нашими рабами в жертвоприношеньях
Участвовать. Так отложи же гордость,
Спустися с колесницы. Сам Алкид
Был тоже в рабство, сказывают, продан.
И если уж такой удар судьбы
Постиг тебя, то в древнем, славном доме
Рабою быть еще счастливый жребий.
Кто только начал пожинать богатства,
Тот строг и жёсток со своей прислугой,
У нас же, здесь, на всё, что справедливо,
Что следует,— рассчитывать ты можешь.

Кассандра молчит.

Хор

(к Кассандре)

Царица правду говорит. Конечно,
Попавши в сеть, уж нечего тут биться,
Уж покорись, иди, куда зовут.

Клитемнестра

Ну ежели, как ласточка, она
На языке лепечет неизвестном
И речь мою не поняла, то всё же
Хоть сердцем чувствовать могла бы,
Что я хочу сказать, и — покориться.

Кассандра молчит.

Хор
(к ней)

Иди за ней. Уж лучшего не может
Тебе быть ничего теперь. Иди же!

Клитемнестра

А впрочем, ждать мне некогда. Готовы
У очага стоят уже овны, и праздник
Уж начался, какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если ж в самом деле
Не понимаешь слов моих, то сделай,
Как варвары, скорей хоть знак рукою.

(Сама делает пригласительный жест.)

Кассандра молчит.

Хор

Она дика, что пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.

Клитемнестра

Нет, бешенство в ней дышит и безумство!
Еще вчера с пылающих развалин
Родного города взята, она
Не покорится и не склонит выи,
Пока удил своих не окровавит.
Мне нечего позориться с ней больше!

(Уходит во дворец.)

5

Кассандра и хор.

Корифей

Нам жаль тебя, несчастная! Послушай,
Спустися с колесницы, покорись
И свой удел безропотно прими.

Пауза.

Кассандра

(воздев очи к небу)

О, горе! о, матерь Земля!
О, Аполлон! Аполлон!

Корифей

Зачем же ты взываешь к Аполлону?
Ведь с жалобой к нему не прибегают!

Кассандра

О, Аполлон!.. Аполлон!

Хор

Опять она взывает к Аполлону,
Который слез не любит, не приемлет!

Кассандра

Аполлон! Аполлон!
Куда ты привел меня, мой погубитель!
Какой еще новый готовишь удар!

Хор

(тихо)

Свою судьбу пророчит... Не покинул
И в рабстве дух пророческий ее!

Кассандра

Аполлон! Аполлон!
Куда ты привел меня! В какой привел дом!

Корифей

(с участием)

Не знаешь разве? Это дом Атридов.

Кассандра

(вне себя, обступаемая видениями, с возрастающим ужасом)

Дом, ненавистный богам!.. Злодеяний вертеп!
Удушенье! Убийство!.. Стены и пол
Человеческой политы кровью!

Хор

Как добрая ищейка, тот же час
Послышала давнишней запах крови!..

Кассандра

Словно в кровавый туман я гляжу...
Вон — душат детей!
Жарят — отцу подают на обед...

Хор

Ох, это мы давно и вдосталь знаем!
Да не к добру о том напоминанье.

Кассандра

Она... Что она замышляет?
Что там готовит еще?
Новое горе! Горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!
И нет спасенья кругом!

Хор

Что видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествует горе?

Кассандра

Несчастная! ты приступила уж к делу...
В баню ведешь его, мужа-владыку...
Не успеваю и говорить...
Так всё быстро вершится... Вон она, вся дрожа...
Протянула уж руки к нему...

Хор

Для нас всё это — темные загадки...

Кассандра

Боги! Что вижу еще?
Адская сеть!
Это — брачное их покрывало...
Фурии! Фурии!
Ненасытимые кровью проклятого этого рода!
Запевайте ужасную песнь...
Новую жертву встречайте!

Корифей

Каких зовешь ты фурий? О какой
Еще ужасной поминаешь песни?..

Хор

К сердцу вся кровь приливает моя!
Точно пронзил кто мечом мою грудь!
Точно глубокая ночь погашает кругом
Свет убегающей жизни...
Ждать нам, о, ждать нам беды!

Кассандра

Смотрите — ах! ах! удержите, держите ее!..
Накинула адский покров...
Опутала... боги!.. удар!
Упал он — упал.

Корифей

Не смыслю ничего в разгадке я
Оракулов — но чую тут беду!

Хор

В прахе рожденным — разве когда
Скажет оракул — светлую весть?
Темное слово вещих богов
Лишь в совершившихся ясно бедах!

Кассандра

Ах! Вот и мне, злополучной, конец!
Жребий мой связан с его!
Что ж ты привел меня в дом свой? Зачем?
Или затем чтоб одной смертью с тобой умереть!

Хор

Ты, вдохновенная! песнь о себе ты заводишь!
Скорбную песнь, как поет соловей,
Непонятную нам изливая печаль
В сладкозвучных рыданьях своих.

Кассандра

(успокаиваясь, с грустью, как и все последующие строфы)

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали бессмертные крылья ей быстрые,
Дали бесслезную, вольную жизнь...
Мне же двуострый нож впереди!

Хор

О, какие виденья тебя обступают?
Отчего этот ужас, отчаянья вопль?
Вопль этот, нам раздирающий душу, зачем?
Что вызывает, скажи, в откровеньях богов
Бесконечную скорбь в потрясенной душе?

Кассандра

О, Парис! О, погибель! О, брак твой
преступный!
О Скамандра родимые воды!
На твоих берегах я блуждала по дням,
Без забот пела детские песни свои...
А теперь — Ахерон и угрюмый Коцит
Огласятся стенаньем моим!

Хор

Вопли твои, о несчастная,
Были б и детям понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную песнь над собой!

Кассандра

О, Илион! Ты, в прахе лежащий теперь!
Дым от бесчисленных жертв, что богам приносил,
Строя стены его, злополучный отец!
Бесполезные жертвы, увы!
Гордый пал Илион — и ведут на убой
Вдохновенную жрицу его!

Хор

Те же речи... Всё те же виденья...
Черный демон тебе, полныя смертной тоски,
Ужаса полные речи внушает...
Что предвещают они?..

(Хор, под впечатлением речей Кассандры, погружается в раздумье. Краткое молчание.)

Кассандра

(совсем успокоясь)

О, пусть же всё теперь вам будет ясно!
И всё, что говорю я, потеряет
Вид новобрачной, как она глядит
Из-под венчального покрова!.. Пусть
Мои слова, как предрассветный ветер
Вослед за бурной ночью, вам раскроют,

Что нет для вас ужаснейшего горя,
Как то, что вынесет теперь волна
Из темных бездн и на берег к вам кинет!
Открою всё я вам в ужасной правде...
Но прежде вы скажите мне, что, правда ль —
Все ужасы, что говорила я
Про этот дом? Проклятия и стоны,
Как хор безумный, в нем не умолкают.
До бешенства уже упившись кровью,
Здесь поселились фурии, как дома,
И пляшут, и неистовствуют, славя
Злодейства дедов, и отцов, и внуков...
О, ежели неправда, уличайте,
Что на ветер я говорю, подобно
По улицам шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь, что всё то неправда!

Хор

Когда бы мы и поклялись, была ли б
Та клятва в прок Атридам? Мы дивимся,
Как ты пришла из-за моря, и знаешь,
Как будто видела, всё, что здесь было!

Кассандра

Мне дар всевиденья дан Аполлоном.

Хор

Он благосклонен был к тебе? Любил?

Кассандра

Доныне — стыд мне был бы в том сознаться!

Хор

Достоинство храним мы в счастье строже!

Кассандра

Любил и — требовал моей любви!

Хор

И ты его порывам уступила?

Кассандра

Дала обет, но не сдержала слова!

Хор

Уж получив сперва дар прорицанья?

Кассандра

Уж гибель я предсказывала Трое!

Хор

И гнев его тебя не поразил?

Кассандра

Ужасный гнев: никто не стал мне верить!

Хор

Меж тем как ты предсказывала правду?

Кассандра

(снова приходит в исступление)

Ах — боги! — вон, всё то ж опять виденье...
Как будто вихрь кругом, и голоса...

(Быстро.)

Вон там — перед воротами — вон — двое
Сидит детей — как бледные две тени —
Два мальчика — убиты дядей — держат
В руках остатки собственного мяса —
Кишки и сердце... Ужас! боги! боги!..
Остатки от тех блюд, что на пиру
Отец их ел!.. Они взывают к мести —
И мстить за них идет ублюдок льва,

Здесь на чужом упрятавшийся ложе
И броситься сбирающийся с ложа
На господина моего... Да, да,
На господина моего — ведь я
Его раба!.. А он, ахейцев вождь
И разрушитель Трои, он не чует,
Что кроется под длинными речами,
Под ласками собаки этой!.. Он
Не чует, что готовится ему
От этой фурии... Зарежет мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змея двулицая! В глухих пещерах
Живущее чудовище! к своим
Она горит ненасытимой злобой!
О, как ликует, точно собираясь
Плясать и петь на пиршестве победы!
Как притворяется, что это — радость
При встрече мужа... Верьте мне иль нет,
Ведь всё равно, всё сбудется, вы все
Увидите, все скажете тогда,
Что точно дар пророчества мне дан...

Хор

Ты говорила про обед кровавый
Тиэста, страшно говорила, точно
Сама была при этом, но что после
Еще сказала, нам пока темно.

Кассандра

Про смерть Агамемнона — я сказала!

Хор

Уйми язык, несчастная, молчи!

Кассандра

Не отразимо всё! ничем! никем!

Хор

Покамест нет еще и — да не будет!

Кассандра

Вы молитесь, а там убийство зреет!

Хор

Кто ж тот злодей, что мыслит об убийстве?

Кассандра

Несчастные, не поняли меня!

Хор

Не знаем, кто ж убийцей может быть!

Кассандра

А ведь на вашем языке сказала!

Хор

И Фебовых пророчеств темен смысл!

Кассандра

(опять возбужденная последними словами хора)

Ах!.. точно всё горит во мне... вся грудь...
Феб! Аполлон! да пощади же ты!

(Быстро указывая на дворец.)

Двуногая та львица, что спала —
Когда был лев далёко — с волком, жребий
И мой решит! К закоренелой злобе,
Как будто составляя яд, мешает
Еще мне месть, и, нож точа на мужа,
Бесстыдно хвалится, что умереть
Из-за меня он должен!.. О, к чему
Он мне теперь, мой жезл, моя повязка,—
Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

(Ломает и бросает жезл — ветвь лавра.)

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется их сила
Проклятая!.. На, Аполлон, иди,
Возьми назад мой жреческий покров!

(Кидает мантию.)

Ты сам, своими видел ты глазами,
Как надо мной, в одеждах этих, в Трое —
Безумные! — свои же насмехались!
Ругали, как врага, ехидной нищей,
Обманщицей — голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всеми!
И наконец всевидящий, меня
Всевиденьем своим сам одаривший,—
Ведет теперь на смерть! От алтарей
Отеческих ведет под нож убийцы,
В чужом краю!.. И всё ж тут не конец
Пролитой крови, и за нас опять
Придет и будет мстить еще другой,
И матереубийством он ответит
На смерть отца!.. Скиталец возвратится,
И только он — один — конец положит
Проклятью, что лежит на всем их роде:
Так боги поклялися — смерть отца
Ему откроет в Аргос путь...[1]
Но что же!
Чего стою я здесь? Чего я плачу!
Я видела погибель Илиона;
Теперь с небес упасть готова кара
На победителей!.. Чего ж мне медлить?
И мне пора, туда ж со всеми ими!

(Обращаясь к воротам дворца.)

Приветствую вас, адские врата!
Лишь об одном молю: чтобы под верным
Мне умереть ударом, чтоб спокойно,

[1] Она разумеет Ореста, сына Агамемнонова, которого Клитемнестра, со своим любовником Эгистом, удалила из Аргоса. В третьей части этой трилогии Орест, преследуемый фуриями, приходит в Афины, и тут Ареопагом, под влиянием Паллады, полагается решение о прекращении родовой мести, о чем здесь и пророчествует Кассандра.

Покамест, тихо замирая, будет
Струиться кровь моя,— смежит глаза
Покорно мне, без ропота, без стона...

(Сходит с колесницы.)

Хор

Вот жребий-то!.. И вещий дар при этом!
Зачем же, зная, что там ждет тебя,
Идешь ты к ним, навстречу лютой смерти,
Идешь сама, что жертва на закланье?

Кассандра

Не избежать, друзья мои, судьбы!
Подходит время и — влечет меня!..

Хор

Но для чего ж его предупреждать?

Кассандра

Его избегнуть — тщетное старанье!

Хор

Великий дух — твоя погибель, дева!

Кассандра

Но есть ведь утешенье в славной смерти!

Хор

Ах, тот, кто счастлив,— этого не скажет!

Кассандра

(хочет идти ко дворцу)

Приам! Приам! одна с тобой судьба
И всем твоим, тебя достойным, детям.

(Делает несколько шагов ко дворцу, но возвращается назад в ужасе.)

Хор

О, что ж еще ее там поразило?

Кассандра

(с отвращением)

Ах...

Хор

Что с тобой? Опять ты вся дрожишь?

Кассандра

Не пересилю запах крови — там!

Хор

Быть может, чад от жертвоприношений?

Кассандра

Нет, тленья, тленья дух, как из могилы!

Хор

Увы! не сирских ароматов запах!

Кассандра

(делая над собою усилие)

Иди! И там наплакаться успеешь
Еще о нем и о себе... Иди!..

(К хору.)

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—
Но не как птичка перед шумом листьев:
Вы это вспомните — уже тогда,
Когда давно в земле лежать я буду,
Когда за кровь мою падет другая,

За Агамемнона — другой... И это —
Привет мой за твое гостеприимство
И мой прощальный дар, о дом Атридов!

(Поднимается по лестнице дворца.)

Хор

Ты нам терзаешь сердце, чужестранка!

Кассандра

(взойдя на лестницу)

К тебе теперь последнее воззванье,
О Аполлон! Последним заклинаю
Тебя лучом, который вижу,— сделай,
Что так же бы легко мой мститель мог
Моим убийцам отомстить, как им
Меня убить достанется — рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человеческая! Счастлив ты?
Тень мимолетная найдет, и счастья
Уж нет!.. Несчастлив? — Вмиг — прикосновенье
Лишь влажной губки — и исчез твой образ,
И это, может быть, всего ужасней!

(Входит во дворец.)

1874

ДВА МИРА

Трагедия

По поводу трагедии «Два мира» считаю необходимым сказать несколько слов. Давно, еще в моей юности, меня поразила картина столкновения древнего греко-римского мира, в полном расцвете начал, лежавших в его основании, с миром христианским, принесшим с собою новое, совсем иное начало в отношениях между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее в поэме *Олинф и Эсфирь*. Затем следовала поэма *Три смерти*, вторая часть которой, именно встреча с христианами, так и осталась недописанною. В 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана в «Русском вестнике», под заглавием *Смерть Люция*. Далее, однако, углубляясь в изучение того и другого мира, я чувствовал всю недостаточность, всю внешность черт, какими характеризовал ту и другую сторону в моих опытах, и к 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. В *Смерти Люция* героем, представителем греко-римского мира, у меня являлся эпикуреец; но этого мне показалось мало. Герой должен был вмещать в себе все, что древний мир произвел великого и прекрасного: это должен был быть великий римский патриот, могучий духом, и вместе с тем римлянин, уже воплотивший в себе всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреец остался далеко назади пред этим образом. Вокруг этого нового героя, которого я назвал Децием, чтобы порвать всякое отношение к эпикурейцу, я сосредоточил все разнообразие элементов современного ему римского общества времен падения, как фон, на котором должна была нарисоваться его фигура. Здесь я уже сделал все, что мог, в изображении языческого мира. Но понять христианский мир не только в отвлеченном представлении, а в живых осмысленных образах, в отдельных личностях, оказалось гораздо труднее, чем сладить с миром языческим. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мне успокоиться, и я не пропускал ничего, что могло познакомить меня ближе с духом, образом и историей первых христиан, главное почерпая сведения уже не из вторых и третьих рук, а ища прямо в литературе, во главе которой стоит св. Евангелие. Так, мало-помалу, без ведома для меня самого, с какою целью я это делаю, у меня накопился материал, позволивший мне теперь выполнить вполне мою первоначальную идею, и даже по тому плану, какой был составлен до 1872 года. План этот следующий. Поэма должна состоять из трех частей (или актов). Первая часть — из двух сцен, из коих одна должна была служить преддверием к христианскому миру, а

другая к языческому. Обе сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести нас в самый христианский мир, имевший свой центр в Риме — в катакомбах. Она-то мне и не давалась и является только теперь. Третья часть — пир Деция, явление к нему друзей его, христиан Марцелла и Лиды, и смерть его. Таким образом, в трагедии, как она появляется ныне, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся переделана, а заключительная сцена третьей части значительно изменена.

Может быть, многим покажется странным, что человек чуть не всю свою жизнь возится с одною художественною идеей или, по крайней мере, столько раз к ней возвращается. Но, видно, я следовал инстинкту, подсказывавшему мне, что лучше сделать что-нибудь одно, да «по мере сил»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На одном из холмов Рима входные ворота в палаты Деция, знатного римского патриция времен Нерона. По обеим сторонам ворот на цепи по рабу: старец Иов и молодой человек Дак. Иов в забытьи, прислонясь к стене. К Даку подходит его однолеток Гет. Оглядевшись во все стороны, он садится рядом с Даком. Весь разговор их полушепотом, настроение их таинственное.

Гет

Что, старец дремлет?

Дак

Тс! Молчи!
Как будто задремал немного,
А может быть, и нет. В ночи
С ним было чудо: видел бога.

Гет

Как видел бога?

Дак

Говорил
Он как, да слаб уж очень был,
Невнятно. Час, пожалуй, целый

Лежал он словно помертвелый.
Так страшно было! Я будил,
Не слышит.

Гет

Бога видел!
А впрочем, если уж кому
И видеть бога, так ему!
Ну есть ли кто, кого б обидел
Хоть словом он?.. Вот за кого
Я б душу отдал — понимаешь,
Так, чтоб в мученьях!..

Дак

А ты знаешь,
У цепи он из-за чего?

Гет

Нет.

Дак

Видишь, прежде он в почете
Был в доме. Ни к какой работе
Не понуждали. Господин
С ним разговаривал. Один
Вот этот Давус ненавидел,
И раз стал бить его. У нас
Был мальчик: это он увидел,
Да хвать за нож, и тут как раз
Конец бы Давусу, да кто же
Его, как думаешь ты, спас?
Сам старец Иов.

Гет

Боже! боже!

Дак

Да, ухватил и удержал.
А Давус: «Это,— закричал,—
Твои дела! Ты их сбираешь,

Ты их мутишь и развращаешь,
Да у меня короток суд».
Ну, мальчика к муренам в пруд,
А старца к цепи!

Гет

(подумав)

А кто знает?
Ведь мальчик-то теперь в раю!
Всё ж душу положил свою
За ближнего!.. Вот что бывает
Со мною: будто у меня
Есть враг; и я иль из огня,
Иль из воды его спасаю,
И на меня дивится он.
И вот ему я объясняю,
Что уж таков Христов закон:
«Люби врага...» И так всё живо,
И говорю, и сам горю,
И даже плачу...

Молчание.

Дак

А ты во сне видаешь дом?

Гет

Уж редко.

Дак

Ну, а я видаю.
У нас крутой был спуск к Дунаю,
А против поле, и на нем
Становят станы: всё кругом,
Всё вежи... Шум такой и ржанье...
Тут как-то снилось, что пришли
С войны и пленных привели
И их готовят на закланье
Богам. И начал я просить,
Чтоб их не трогали; хулить

Стал идолов, и — закричали
И на меня все разом — взяли
И тащат, и хотят убить,
А я-то всё за них молюся...
И старец Иов вдруг уж тут
Явился...

Слышно хлопанье бича. Гет вскакивает и смотрит с горы; возвратясь впопыхах.

Гет

Давуса несут...
Бегом да в гору!

(Толкает Иова.)

Старче!
Проснися! Давус!..

(Убегает.)

Подбегают десять рабов, несущие золотые носилки, и ставят их перед воротами. Как остановились, двое из них упали без чувств, остальные с трудом переводят дух. Из носилок вылезает толстый дворецкий Дециев Давус.

Давус

(расправляя руку, держащую плеть)

Мерзавцы! Ломит ведь плечо!
Сегодня умирать изволит
Их господин, а им еще
Прибавить шагу трудно!..

(Смотрит на упавших.)

Пали,
Собаки! Слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью.)

Ты что глазеешь? Отворяй!

(К носильщикам, увидев, что они хотят поднять упавших.)

Да бросьте: мало их!.. Ступай
Вы все вперед, бегом! Стучите
В большую доску десять раз;
Потом чуть-чуть повремените —
Опять ударить десять раз!
Еще чуть-чуть повремените —
Опять ударить десять раз!
Пир на весь Рим!.. Ну, что стоите!

(Рабы бегут; Давус им вслед.)

Чтоб вылезали все из нор!
Бежали б к делу все, весь двор,
Чтоб все одеты, чисты были!..

Чего не позабыл ли?.. Ну,
Не в первый раз! Рим покормили
В свой век, и кесари хвалили!

Хор, танцы — этим я начну;
Цветы ко всяким переменам,
Бой гладиаторов — финал!

(Оглядываясь на рабов.)

Лишь бы из них кто не сплошал...
Да у меня — тотчас к муренам!
Не знаю всё — что мой народ?
Уж смирны очень, терпеливы...
Нет воровства совсем!.. Идет
Всё в струнку... Только молчаливы
И что-то шепчутся... И к ним
Всё кто-то шмыгает, к собакам...
Ох, на волкане мы стоим!
Спартаком пахнет, да! Спартаком!

(Уходит в ворота.)

Дак

(затворив двери, к упавшим)

Сс!.. Азиатик! Буривой!
Не слышат...

Входит Лида, молодая женщина, в темной тунике, с белым покровом на голове, низко спускающимся на лицо; за нею несколько человек христиан.

Лида

(увидя трупы)

Это кто?.. Кровь льется...
Несите вниз туда, к больным.

Несколько человек уносят тела.

Дак

Надорвались!.. Не жить уж им!..
Жаль Буривоя... Вместе взяли
И привели нас...

Иов

(с тихою скорбью; вообще речь его кроткая)

Отстрадали
Свой век и к господу предстали,
И пред его теперь лицом...
Святую кротость их помянет
Всевышний на суде своем!

Дак

И вот же, в эту ж ночь предстанет
И господин туда, и там
Их встретит... Здесь собой надменный,
Великий, недоступный нам,
А там — из огненной геенны
Смотреть он будет в светлый рай,
К своим рабам!..

Иов

Не упреждай
Господень суд!

Лида

О господине
Ты что сказал?

Дак

А хочет ныне
Он умирать...

Лида

Он болен!

Дак

Нет.
Сказал тут Давус — умирает
Сегодня...

Лида

(про себя)

Боже! И его
Я не спасу!..

Дак

Весь Рим сзывает
На пир. И Давус оттого
В тревоге...

Лида

Деций умирает!
Он, Деций! Да ведь в нем весь Рим,
В веках держащийся корнями,—
И сдвинуть слабыми руками
Мне, женщине?.. О нет, нет, нет!..
Безумная! а ты обет
Себе давала...

(К Иову.)

Отче, может
Поверить он?

Иов

Чего не может
Господь? Велит он, и гора
Подвигнется...

Лида

Ведь он добра,
Он истины искал...

Иов

Помилуй
Всех, господи! Всем даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, где день, где ночь!

Лида

К тебе я, отче; вот в чем дело:
Поручено мне от Марцелла
Сказать, что выйдет, может быть,
Декрет сегодня ж: объявить,
Чтоб завтра утром мы явились
К властям, как богу поклонились
Статуе кесаря, а нет —
То смерть. Чтоб обсудить решенье,
Всех в катакомбы на совет
Зовет Марцелл.

Дак

(восторженно к Иову)

Твое виденье!..

Лида

Предложат каждому один
Вопрос: ты кто? христианин?
Ответишь «да» — и отбирают,
К зверям иль в пламя назначают,
И тут же всех пытать тотчас,
Чтоб в муках вырвать подтвержденье
Всего, что взводится на нас.

Дак

Вот ангелов зачем виденье!

Лида

(к Иову)

О чем он, отче, говорит?

Дак

(живо, указывая на Иова)

Сегодня ночью откровенье
Имел он свыше!..

Иов

Смысл сокрыт
Видений... Вряд ли подобает
Об этих тайнах говорить...
Хотя и то же может быть:
Господь в виденьи возвещает
Свою нам волю...
Да! со мной
Свершилось ныне то, что даже
Я и теперь как сам не свой...
Сидел я здесь, и над собой —
А время шло к четвертой страже —
Вдруг слышу голос: «Встань!» — и вдруг
Как будто что меня подняло
На высоту — и только дух,
А тело на земле лежало,
Что риза снятая,— его
Я видел: бледно и мертво,
И без движенья... Подивился
Я сам в себе и взор возвел
На небо, и как бы раскрылся
Там облак... Вижу я: престол,
И некто был на нем седящий,
И свет великий вкруг него,
Как бы от солнца, исходящий
В пространство от лица его;
И, словно в радужном тумане,
С блистанием мечей и лат,
Полки несметные, ко брани
Готовые, кругом стоят;

И, с распростертыми крылами,
Внизу, на воздухе, пред ним
Всё были ангелы с мечами
В руках... И говорил он им:
«Которые не поклонились
Кумирам идольским, ни мук,
Ни смерти злой не устрашились,—
Блюдите души их...» И вдруг,
Всшумев крылами, обернулся
К земле сонм ангельский, и вниз
Они в пространство понеслись...
Я поглядеть на них нагнулся,
Но облак быстро запахнулся,
И скрылось всё... Темно кругом —
И так мне тяжко, страшно стало!
И я глаза открыл с трудом —
И всё как прежде: портик, дом,
И цепь — всё тут... Чуть-чуть светало...

Один старик

(благоговейно)

Господь уж это... по делам
Твоим... восхитил к небесам
Твой дух... быть может, упреждает
Через тебя, что сам идет
Судить, и знаменье дает...

Иов

Когда господь придет, не знает
Никто!.. И мир его узрит
Внезапно, во мгновенье ока,
Как молния: блеснет с востока
И разом небо озарит
До края запада...

Лида

...Теперь, отец, прости,
Иду к другим.

Иов

Всем повести!

Дак

(ей вслед)

Уж завтра встретимся, быть может,
При гласах трубных... день суда!

Лида

(делает несколько шагов и останавливается)

Сердца их радуются... Да!
Но душу мне еще тревожит
Обет, не совершенный мной...

(Оглядываясь на дворец Деция.)

О Деций, Деций... Боже мой!
Ужель и в миг, когда над бездной
Теперь стоит он, ты ему
Не бросишь луч свой с тверди звездной
Во всю им пройденную тьму!

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в термах. Деций, богатый римский патриций, отдыхает после бани, окруженный клиентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабов. Ювенал, молодой человек, заглянув в комнату, поспешно входит.

Ювенал

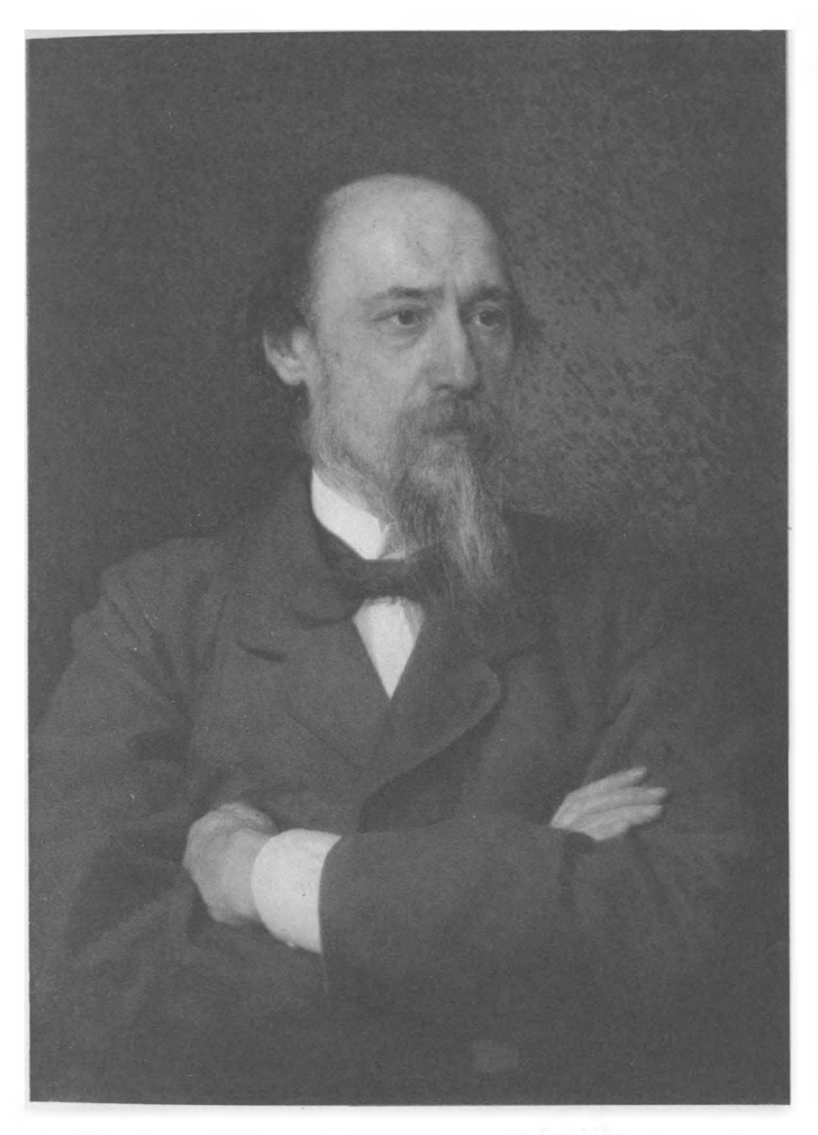
Ах, Деций! на одно мгновенье!

По знаку Деция клиенты и рабы удаляются.

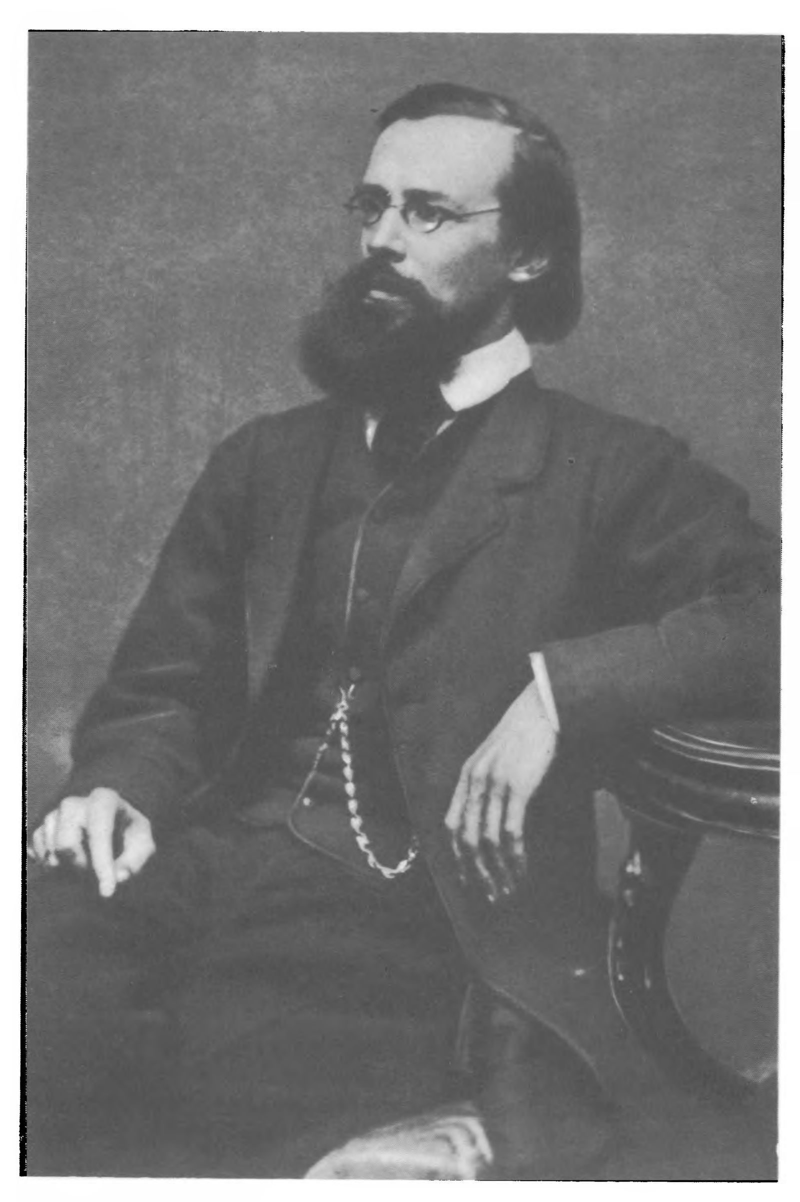
Ужели правда?

Деций

Жаль одно!
Задумал я уже давно,
Да отлагал всё исполненье
И кесарю доставил честь
Напомнить! Вот что мне обидно!
Я знаю, стоит произнесть
Мне только слово,— с тем бесстыдный

Н. А. НЕКРАСОВ. *Худ. И. Н. Крамской. 1877.*

А. Н. МАЙКОВ. *1861*.

И назвался ко мне евнух
Миртилл на ужин: обнимает
И ластится, как нежный друг,
На все лады мне намекает,
Скажи, мол, слово, и тотчас
Всё позабыто! Но уж нас
Врасплох, надеюсь, не застанет!

Ювенал

Ужель вся буря оттого,
Что декламацией его
Ты не был тронут?

Деций

Как кто взглянет!
Ему на чтеньи три лица
Своим присутствием уж в зале —
Помпоний, Руф и я — мешали,
И крикнул он: «Три мертвеца!» —
И вышел, в нас швырнувши свиток...
Что ж? Слово кесаря — закон!
В нем — Рим!.. Я тут же на прощанье
На пир всё пригласил собранье...
Но тотчас спохватился он:
От казней, от убийств и пыток
Рим отдохнуть успел едва;
Везде читаются слова
Предсмертные Сенеки; шепот
Еще идет, как умирал
Пизон и Люций, даже ропот
В преторианцах пробежал,—
И к нам клеврета за клевретом
Он шлет с намеком иль советом.
Руф и Помпоний, перед ним
Те извинились: *мы* молчим...
Весь анекдот, пожалуй, в этом.

Ювенал

В какое время мы живем!..
И жизнь, и смерть — всему значенье,
Цена утрачена всему!

Деций

(равнодушно, полушутливо)

Что значит жизнь? Из тьмы и в тьму
Промчался мотылек, мгновенье
Блеснув на солнце!.. Человек
Сам по себе что значит в мире?
Кому он нужен? Кончен век,
И за прибор его на пире
Другой садится...

(Вдруг одушевляясь.)

Но для нас,
Для старых римлян, для фамилий,
Которых с Римом жизнь слилась,
Которых предки Риму были
Отцами и которых дух
Из рода в род передавался
И держит Рим,— уж то нейдет
Сравненье!.. В Рим теперь собрался
Со всей вселенной всякий сброд;
В курульных креслах восседают
Чуть не вчерашние рабы
И грязным пальцем наклоняют,
Куда хотят, весы судьбы...
От этой сволочи презренной
Мы устранились и смиренно
Живем в провинциях, в полях;
На Рим, пока он в их руках,
Глядим извне, как чужестранцы
Или как трезвые спартанцы
На перепившихся рабов...
Мы ждем, и наша вся забота
Лишь в том, чтоб старый дух отцов
Являлся требовать отчета
В палаты кесарей порой;
Чтоб у поруганного трона
Он появлялся судией,
Грозящим призраком Катона,—
А этот призрак всякий раз
Встает, во все дома стучится,

Лишь только новое свершится
Самоубийство между нас!

Ювенал

Самоубийство, меч, отрава!
И в этом — лучших из мужей
Теперь величие и слава!
Что ж с бедной музою своей
Поэт тут сделает?.. Не знаешь,
На чем стоишь! Почти теряешь
Уж и понятие о том,
Что называть добром и злом!

Деций

Да, жаль мне вас!.. На вашу лиру
Из мира нечему пахнуть,
Чтобы аккордом звучным миру
Ей отозваться как-нибудь!..
У диких скифов и тевтонов
Видал ночные я пиры:
Среди глухих, лесных притонов
Зажгут они свои костры,
В кругу усядутся в долине
И пьют меды, а посредине
Поет певец. Напев их дик,
Для нас, пожалуй, неприятен,—
Но как могуч простой язык!
Как жест торжествен и понятен!
И кто там больше был поэт —
Певец иль слушатели сами?
Но эта ночь, в лесу, с кострами,
И между листьев лунный свет,
И в лихорадочной тревоге
Кругом косматый этот люд —
Всё — даже самые их боги,
Что в вихрях мчатся, тоже тут,
С высот внимают,— всё дышало
В тех песнях пламенных... Но в них
Певец вливал в свой звучный стих
То, что толпа ему давала...
А вы? Куда вас повлекут

И что вам слушатели скажут?
Какие цели вам укажут
И в ваши песни что вольют?

Ювенал

И Рим такой же был когда-то!
Такая ж песнь и в нем жила!
Он пел Виргинию, дела
Кориолана, Цинцинната!..
О Деций, нет! с собой самим,
С тобой к чему мне лицемерить?
Но я почти не верю в Рим!

Деций

Кто верит в разум, тот не верить
Не может в Рим!.. Афины — в них
Искусства нам явилось солнце;
Их гений в юном Македонце
Протек между племен земных,
С мечом неся резец и лиру.
Рим всё собой объединил,
Как в человеке разум; миру
Законы дал и мир скрепил.
Находят временные тучи,
Но разум бодрствует, могучий
Не никнет дух... И сядь на трон
Философ — с трона свет польется,
И будет кесарев закон
Законом разума. Вернется
Златой, быть может, век. Твой дар
Сатира. Помни ж, что сатира —
Дочь разума. Ее удар
Разит перед глазами мира.
Чтоб мир признал твои права,
Ты должен сам стоять высоко:
Стрела тогда лишь бьет далёко,
Когда здорова тетива!
Вот что тебе я на прощанье
Сказать могу!..

По знаку Деция рабы и клиенты к нему подходят и надевают на него верхнюю тогу.

Ювенал

(в раздумьи)

...Ужасное сознанье!
В чем, где же эта высота?
В душе кипит негодованье,
Под ним же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В КАТАКОМБАХ

Большая зала в катакомбах. Направо, налево внутренние подземные входы. При них лампады. По стенам несколько ниш для гробниц, и над ними надписи. В глубине сцены вырубленная в скале лестница. На повороте этой лестницы, в половину ее высоты, сидит Дидима, девочка, слепая; тут же светильник и свечки. В глубине сцены, около стены, где лестница, значительная группа разных лиц, странников и преимущественно рабов, слушающих Иова.

Дидима

(заслыша шаги приближающихся двоих, нараспев)

Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!

Один из проходящих

Мы к старцу Иову... Господь
С тобой, Дидима!

Дидима

С вами тоже!

Они сходят с лестницы и присоединяются к слушателям.

Девочка

(сама с собою, нараспев)

Мне он ненадобен,
Светоч земной!
Всё озаряет мне

Света небесного
Искорка малая
В сердце моем...

Один из группы слушающих Иова

А после женщин он потом
Ученикам явился днем?

Иов

Да, ввечеру. Как прибежали
К ученикам они, сказали,
Что видели, те всё почли
За их мечтанье. С этим двое,
Клеопа и Лука, пошли
В Эммаус. Место там пустое
Дорогой. Шли они одни —
Вдруг между них явился третий
И их спросил: о чем они
Печалятся и плачут? Эти
Дивятся: как же это он
Не знает, быв в Ерусалиме,
Что там Исус-пророк казнен!
Он речь повел об этом с ними,
И слушать сладко было им,
И на слова его горело
Их сердце. Между тем стемнело.
Подходят к дому. Дольше с ним
Побыть им хочется, и просят,
Чтоб с ними в дом и он вошел.
Зажгли светильник. Хлеб приносят,
Вино. И, взявши хлеб, возвел
Горе он очи, преломляя
Его с благословеньем: вмиг
Как бы открылись очи их,
И оба вдруг они признали,
Что это Сам Он — с ними шел,
И говорил, возлег за стол,
И делал так всё, как видали,
Он делал,— и взыграл их дух:

«Равви»,— хотели уж воскликнуть
И броситься к нему, как вдруг,
Глядят, он стал невидим...

Слепая

(у себя наверху)

Свечечкой, свечечкой,
Зрячий, от слепенькой
В путь запасись!

Двое молодых людей, Главк и Эвмен, подходят к ней, берут свечи.

Эвмен

(спускаясь с лестницы)

Отсюда без огня уж нам
Нельзя идти.

Главк

(указывая на девочку)

Она слепая?

Эвмен

Слепая, но по всем путям,
Свои приметы наблюдая,
И здесь, и в городе пройдет
Везде одна...

Главк

И раздает
Нам, зрячим, свет!

Эвмен

(приближаясь к авансцене)

Да, но простая
Одна случайность... Видишь, тут
У нас для странников приют,
Их первый отдых. Издалека

Приходят — с запада, с востока,
Из Африки. От всех церквей
Приносят вести, край от края,
Со всей земли. Вокруг гостей
Всегда беседа.

Главк

Тут слепая,
Свет раздающая!.. в цепях
У входа старец — руки, плечи
Изъязвлены, а в небесах
Витает дух и на устах
Любви исполненные речи,—
Всё это точно чудный сон!

Эвмен

Тот старец? Оглянись, вот он!
Как люди кончат труд, с тяжелой
Он цепи сменится — всё тут!
Все, как на цвет медвяный пчелы,
Послушать слов его бегут...
Начитан древних книг еврейских,
Сам он с Востока, был вождем
Племен каких-то арамейских
(Язык их сходен), жил царем,
Полн гордых замыслов когда-то,—
И вдруг разгром! Всего утрата!
Пленен и продан, дни влачит
Рабом — и что же?.. Говорит,
Что бытия познал он сладость
Лишь тут, по благости творца;
Что тут вкусил и понял радость
Он вдруг прозревшего слепца;
Что лишь в цепях, на жестком ложе,
Обрел он то, что нам дороже
Земного скиптра, и венца,
И всех сокровищ мира,— бога
И путь к нему! И с этих пор,
Как путник ночью у порога
Пред освещенным домом, взор
Он с совершенств его не сводит,

И в созерцаньи их находит
Ту мудрость, силу и покой,
Чем всех невольно покоряет,
И в высоты, где пребывает,
Всех увлекает за собой...

Главк

Не в этом ли и всё ученье
Христа, Эвмен? Не всё ль в одной
Молитве «Отче наш»? В моленье
О царстве божьем на земли?
Когда б мы все постичь могли
Отца святое совершенство
И все исполнились бы им,—
Жизнь стала б вечное блаженство
И мир стал раем бы земным!
Его лишь волю б мы творили,
И зло исчезло б навсегда...
Не только кары, мы б суда
Названье даже позабыли!

Эвмен

Ах, Главк, умом хоть и поймешь
И видишь дивные примеры,
Да вдруг ни силы нет, ни веры,
И ты колеблешься и ждешь,
Как перед пропастью,— спасенье
Иль шаг изменит — и паденье!
Пример нам старец Иов... Но...
Вот видишь, Главк, раздвоено
Всё существо мое! Тревожит
Меня сомненье: дай совет.
Назавтра брак мой, и, быть может,
Назавтра ж кесарев декрет!
Быть может, страх мой и не к месту,
Но против воли трепещу,
Что поведу я вдруг невесту
Не к алтарю, а к палачу,—
И тут испуг или невольный
Прочту укор в ее глазах,

Сам поколеблюсь... Вот мой страх!
И с ним мне тяжело и больно!
Так молода! Почти дитя...
Вхожу вчера, в душе так мрачно,
Она, с подругами шутя,
Спешит наряд окончить брачный,
И спор у них — из-за шитья!
Чтоб я решил, еще хотела!..
Потом другое: вечерело,
В саду сидела вся семья;
Два белых голубя над нами
Взлетали плавными кругами
Всё выше в синеву небес;
Она следит, дохнуть не смея,
Как светлой искрой, всё слабея,
В лазури вдруг их след исчез...
Она мне крепко сжала руку
И шепчет: «Это мы с тобой!»
И улыбается... Какой —
Ну как сказать — восторг и муку
В тот миг я разом ощутил...
Что отвечал уж — и не знаю...
Прости мне, Главк! Хоть облегчил
Признаньем сердце...

Главк

Понимаю.
Но вряд ли прав ты перед ней.
Всей новой жизнию моей —
А этой жизнью называю,
Когда Христа лишь начал знать,—
Я женщине обязан. Мать
Меня взрастила в неге, в холе.
Из этой роскоши потом
Вдруг очутился я рабом,
Но роскошь та же и в неволе:
Хозяин мой был меценат,
Поэт, певец, над ним, скорее,
Я деспот был, и он был рад
Служить любой моей затее,
Гордясь лишь правом надо мной.
Так я страстям не знал преграды

От детских лет; всегда с толпой
Друзей: где явимся — пощады
Уж нет и нет на нас суда!
Вдруг воспылал я страстью — да! —
К замужней женщине... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идет... Ребенок иногда
За палец держится... Сгораю
Я, вспоминая, от стыда...
Я тотчас план изобретаю
Из дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумал речь —
Уже заране торжествуя,—
Друзья в засаде, в дом вхожу я
И вижу: на густых коврах
Она, ребенок на руках,
Другой целует шею, третий
Из-за плеча, с боков, в ногах,
Кругом смеющиеся дети,
И улыбается она,
Живым венком окружена
Из детских лиц; все во мгновенье
Прижались к ней. В самой смущенье —
«Кто ты? Зачем?» — порыв души,
Здесь до меня без опасенья
Царившей в тайне и тиши
Своей святыни... Все расчеты,
Вся ложь, с какой вошел я к ней,
Разбились в прах. Что из детей,
Окроме двух, те все сироты,
Что это христианский дом,
Я прежде знал. Стою, стыдом
Как бы прикованный на месте...
Эвмен, я то хочу сказать:
Мне кажется, в твоей невесте
Должна, уж в девице, сиять
Такая ж будущая мать
И то ж для близких провиденье,
Как та мне сделалась потом...
Ну, в свой черед мне извиненья
Просить — я задержал, идем.

Уходят, засветив свечи.

С лестницы между тем спускается слепой старик, ведомый мальчиком.

Слепой старик

(к мальчику)

Здесь и сберутся и объявят
Декрет?.. Ну, вот! до своего
И дожил дня!.. Ведь я его
Сам близко видел... Запоздали
В пути мы и как раз попали,
Как выводил его Пилат
К народу... Помню этот взгляд,
Слегка опущенные веки,
Весь образ,— я был зряч тогда,—
Ну — точно в сердце навсегда
Отпечатлелся, уж навеки...
Два факела по сторонам,
И он в венце из терний сам...
Ослеп потом, и потускнело
Всё в памяти... Он как живой
Один остался...

(Останавливается, прислушиваясь к голосу Иова.)

Иов

Не льститесь благами земными!
Вот ты сокровищ приобрел
И спрятал — сердцем будешь с ними
Везде, куда бы ни ушел!
Сбирай сокровища для вечной
Лишь жизни...

Слепой старик

А! Иов тут!.. Пойдем к нему!
Ох, дивный муж!

Присоединяются к группе Иова.

Из галереи справа выходит Лида, ведя под руку пожилую женщину Менипп у, сажает ее на скамье.

Лида

Приотдохни, садись сюда!
Ты так устала, ослабела...

С лестницы спускается несколько человек детей; с ними женщина. Лида подходит к ним, оправляет их, ласкает.

Менippa

(одна)

Всё видела, всё осмотрела,—
И в Риме нет... Всё нет!.. Куда
Еще теперь? Куда? В какие
Еще края?.. И хоть бы след!

(К Лиде, к ней подходящей.)

Как хорошо у вас!.. Такие
Все добрые... Ко всем привет!
Пещеры... своды... лица эти —
Всё мирно, тихо... Я б у вас
Осталась...

Лида

Что же? В добрый час...

(Указывая на детей.)

А эти дети — «божьи дети»
Мы их зовем — на площадях
Подобраны, на пустырях...
Кто бросил? Чьи? Никто не знает:
Вот «божьи» и зовем мы их!

Менippa

(содрогнувшись, сильно)

Злодеи! Зверь детей своих,
И дикий зверь не покидает!

С лестницы несут на носилках раненого.

Лида

(к несущим)

Ко мне?

Носильщик

Уж перевязан. Раны
Не глубоки. Был принесен
Без чувств.

Менниппа

(бросается к раненому, смотрит и возвращается грустная. Детей между тем уводят)

Всё нет! Не он, не он!

(Возвращается на свое место.)

А так же, может, бездыханный
Подобран был... и был спасен...

(К Лиде.)

Нет, я не в силах... Нет, таиться
Я не могу — душа моя
Должна перед тобой открыться:
Я вас обманывала!.. Я —
Не христианка... Из Милета
Я родом. Век жила я там —
И вот теперь шестое лето
Скитаюсь по чужим землям...
Я *сына* всё ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдруг война... Свои враги...
Муж умер... Началась расплата —
И сын взят в рабство за долги!
Он был учен, играл на лире,
Слагать гекзаметры умел...
Раз господин ему велел
В честь Афродиты петь на пире.
Он отказался! Отчего —
Досель не знаю! Говорили,
Что христиане соблазнили...
Все поднялися на него,
Вмешалась чернь — такие нравы
У нас уж! Крики, брань и стон!
Бегу я, вижу след кровавый,

Его разорванный хитон,
А он исчез!.. Одни вопили —
Убит и в море труп стащили,
Другие — кем-то унесен.
Что ж? жив иль нет?.. Я больше году
Томлюсь! Покоя ни на миг...
Иду раз в гавани. Народу
Толпа! Грузят товары. Крик!
Вдруг предо мной остановился
Матрос. «Он жив»,— шепнул и скрылся.
Жив!.. Где ж искать его? Пошла
Я наудачу, где землею,
Где морем, к Риму прибрела
И тут... тут встретилась с тобою,
У вас смотрела... Что ж теперь?

Лида

Несчастный!.. Но надейся, верь:
Есть бог!

Мениппа

(не слушая, сама с собою)

Шесть лет передо мною
В глазах — разорванный хитон,
И площадь, лужа крови или
Залив и корабли — и он,
В даль уходящий!.. И манили
Опять надежды, и я шла...
О, да! скажу, что полила
Слезами долгий путь...

Лида

Ты с нами
Останься: может быть, найдем.
Скажи, как звать его. Потом
Расскажем старшим... Ах, путями,
Поверь, неведомыми нам
Ведет нас бог, и встретишь там,

Где и не чаешь... А слезами
Политый путь он видит... Сам
Христос прошел его...

Менипп а

Ты добрая душа...

(Вдруг от нее отпрянув.)

А если... умер?

Лида

Умер... боже!..
Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

(Увидав вошедшую пред тем и остановившуюся пред одною в стене гробницей К а м и л л у, *молодую женщину с двумя детьми, мальчиком 8—10 лет и другим 4-х, указывает на нее.)*

Смотри, вот мать с детьми, вдова.
В гробнице этой прах хранится
Отца их... Видишь, подняла
Ребенка к камню приложиться...
Гляди, как смотрит, как светла
Улыбка!..К старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говорит...

Камилла

(сыну)

Так помни ж, в этой нише прах,
Прах вашего отца. Он львами
Разорван был, и в небесах
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творим
Мы доброе и бога чтим,
А нет, то плачет... Может статься,
У вас и маму бог возьмет.
С ним вместе с голубых высот
Мы вами будем любоваться...

Смотри же, помни этот ход,
А подле крест и надпись...

(Припадает к камню головой на руки и шепчет.)

Милый!

Мальчик

(читает надпись)

Ж, д, у — жду — вас.

Камилла

(быстро вставая и отирая слезу и обращаясь к гробнице)

О, прости!
Невольно изменяют силы!..

(Становится с детьми на колени.)

Моли, чтоб нам к тебе пройти
Чрез все земные испытанья,
И суеты, и тяготы
Такими ж чистыми, как ты!
Чтоб там, где нет ни воздыханья,
Ни слез, ни скорби, ни стенанья,
Ты нас бы принял, веселясь
И духом радуясь о нас...

Мениппа

(Лиде)

Они с *ним* говорят?..

Лида

Он в небе!
Он видит их, их слышит... С ней
Свести тебя?

Мениппа

(радостно, тихо, с любопытством)

О да!

Лида

Камилла!
Вот мать несчастная — тебе
Довольно, чтоб принять участье...

Камилла

(подавая руку Менипне)

Да кто же счастлив здесь?.. Мне счастье
Вот — дети. Я живу лишь в них...
А что до счастия других —
То вот нам Лида провиденьем
Ко всем несчастным послана
Как добрый ангел с утешеньем...

Лида

(с испугом и удивлением)

Камилла, что ты, что!

Камилла

Она,
Где только слышит — есть страданье,
Она уж там, чужой ли, свой...

Лида

(быстро, с упреком)

Камилла!..

Камилла

Всё существованье
Ее для ближних!.. Боже мой!
А дети, сирые, больные...

Лида

(Менипне порывисто)

Не верь!

Камилла

В заботах день-деньской,
Как неусыпная Мария...

Лида отходит в сторону, в лице следы внутренней тревоги.

Когда б ты видела ее
Средь заключенных, средь страдальцев,
В тюрьме, где сотни у нее
Хотят одежд коснуться, пальцев,
Услышать слово...

Лида припадает к скамье, закрыв лицо руками.

Всё кругом
Благодарит, благословляет...

Слышны рыдания Лиды.

Но, боже мой!.. Она рыдает...

(К ней с тревогой и заботой.)

Что, что с тобой?

Лида

Оставь!

Мениппа

(тихо Камилле)

Уйдем!

Камилла

Да что с тобой?

Лида

(с большим нетерпением)

Уйди!

Камилла

Не знаю...
Что ж я...

Лида

(почти в отчаянии)

Уйди же... умоляю...

Менипп а

(Камилле тихо)

Знать, тоже горе...

Камилла

Своего
У Лиды горя не бывает!

Менипп а

Свое, чужое ли — кто знает!
Одна пусть выплачет его!

Уходят.

Лида

(одна, сев на скамью)

Я — как вчера еще была —
Той, что теперь,— и суд и кара!
Оставил дух!.. Что я могла
Сказать ей?.. Вдруг не стало дара
Ни слез, ни слов, душа нема,—
Что в ней горело, погасает...
Вошла и всё растет в ней тьма!
Два слова: «Деций умирает» —
Одни звучат в ней...
Деций...
Из прошлого лишь он один
Мне виден... Он лишь не разгадан...
Один стоит, как властелин,
Над этой тьмой...
Но что ж влечет меня к нему?
Тот мир уж обречен во тьму!
Тому ж, кто выше всех главою,

И первой молнии удар
Господня гнева...
Что же
Меня влечет к нему?.. Любовь?
Любовь, но та уж, для которой
В мученьях источить всю кровь,
Пройти моря, подвигнуть горы
Возможно — всё, чтобы *спасти!*
Бог указует ей пути,
И, может быть, чтоб сделать чудо,
Меня избрал — и мне велит —
И дух пошлет — и совершит,—
И дело здесь не до сосуда,
Куда он влил воды живой
Для путника в палящий зной...

(Падает на колени.)

Ты, сердцеведец, прозираешь
С твоих высот и в глубь морей,
И в глубь сердец! В моем, ты знаешь,
Нет места для земных страстей!
Даруй мне, сильный, да разрушу
Его гордыню! Да спасу
И в дар тебе да принесу
Его смирившуюся душу...

(Встает спокойнее, но судорожно-отрывочно продолжает.)

Но время нечего терять:
Сегодня ж этот пир безбожный!..
Там быть и ждать. И написать
Марцеллу, «старый друг, надежный» —
Всегда звал Деций... А пойдет
Марцелл? Спасти — пойдет, пойдет!..

Вынимает таблетку и пишет. В это время слышны слова Иова.

Иов

Иисус сказал ему в ответ: «Сказано в писании: „Не искушай господа бога твоего"».

Молодой человек

(поспешно сошедший с лестницы, подает Лиде таблетку)

Вот от Марцелла.

Лида

(берет ее и вручает свою)

А в обмен
Отдай Марцеллу.

Между тем зала все наполнялась христианами. Одни присоединяются к слушателям Иова, другие группируются в разных местах залы, между ними и Главк. Другие садятся на скамьи у стен. Между прочими Павзаний.

(Прочтя письмо, обращается к присутствующим.)

Марцелл нам пишет — просит вас:
«В вину мне братья да не ставят,
Что медлю; жду и тот же час
Прибуду, только лишь объявят
Декрет, касающийся нас...»

(Уходит вверх по лестнице.)

Один

(в группе молодых людей)

И всё еще не решено...

Другой

И вдруг отменится решенье...

Главк

(спокойно)

На всё господня воля!

(Вдруг одушевляясь.)

Но —
За что нас гонят? Озлобленье

На что — постичь я не могу!
И чем Христос,— он, отдающий
Динарий кесарю, врагу
Прощающий, свой крест несущий
Покорно, учащий любить,
Любить бесстрашно и безлестно,
И в мире совершенну быть,
Как совершен отец небесный,—
Чем ненавистен им?

(Помолчав.)

И всё ж
К нему придут! И зло, и ложь
Падут. Богатый и убогий,
Простой и мудрый — все придут!
Со всех концов земных дороги
Всех ко Христу их приведут...
Людское горе и страданья,
Все духа жажды и терзанья,
Источники горючих слез,—
Все примет в сердце их Христос,
Все канут в это море!..

Близ группы этих молодых людей сидит на скамье, с мрачным видом, Павзаний. На последние слова от отвечает.

Павзаний

(мрачно и с возрастающим отчаянием)

Братья!
Блажен, кто сам пришел к Христу,
Соблюв красу и чистоту,
Как дева к жениху в объятья;
К кому же низошел он сам
Его извлечь среди крушенья
Из волн кипящих,— о! спасенье
Тебе быть может тяжелей,
Чем смерть в волнах... В душе твоей
Все язвы прежние огнями
Горят... И слышишь над собой:
«Кто понесет мой крест, тот мой»,—
Но помнишь: чистыми руками

Он нес свой крест... А у тебя
Они в крови, и над тобою
Гремит проклятье...

Опускает голову на грудь. Молодые люди хранят благоговейное молчание, смотря на Павзания с участием и недоумением. Среди минутного молчания слышен голос Иова.

Иов

Поистине скажу вам: плачь,
Кому он скажет в осужденье,
Что ни студен ты, ни горяч...
Любовь — огонь, а сердце злато;
Лишь чрез огонь пройдя, оно
Светло и чисто...

Тем временем входят Эвмен и Аркадий и останавливаются близ Павзания, мрачно сидящего, склонив голову.

Эвмен

(продолжая разговор)

Я часто думал о тебе.
Знал, ты несчастлив,— мать крестила
Меня, когда еще мне было
Двенадцать лет,— в твоей судьбе;
Я думал, мир и утешенье
У нас, в Христовом лишь ученье,—
И вижу — ты идешь сюда!
Аркадий! расскажи ж, когда,
Как было это обращенье?

Аркадий

Как на вопрос твой дать ответ?
Ведь человек, родясь на свет,
Не знает, что был до рожденья!
Был слеп я и стал видеть; глух —
И слышать. Знал одно лишь тело,
И ощутил бессмертный дух,
Живую душу. Просветлело
Всё предо мной, и я в других
Прозрел такую ж душу. Все же,
Хоть разны жребии у них,

Перед отцом небесным те же
Возлюбленные дети...

(Помолчав.)

Тьма —
Та назади. И что в ней? Скроет
Пускай навек, мертва, нема!..

(Вздохнув.)

Да! сердце иногда заноет,
Но вспомнишь...

(Обрывает речь, вдруг увидав Павзания, отступает назад и смотрит с ужасом.)

Боже мой!.. Он! он!

(Хватаясь за грудь.)

Как бьется сердце... Он!.. И тоже
К Христу пришел... Чего ж, чего же
Стою и медлю?.. Чем смущен?

(Пересилив себя, делает несколько шагов к Павзанию.)

Павзаний! ты?

Павзаний

(содрогнувшись)

Аркадий! боже!

(Смотрит на Аркадия и, не смея взять протянутую к нему руку, медленно опускается перед ним на колени. Молодые люди от них незаметно отступают.)

Твой погубитель... твой злодей...

Аркадий

(стараясь его поднять)

Забудем всё, что совершилось
Там, там, во тьме!

Павзаний

(обнимая его колени)

Ох, истомилась
Душа моя...

Аркадий

Да будет в ней
Покой и мир!

Павзаний

(страстно)

Шли вереницей
Года, а я живу всё в *том* —
Когда как друг вошел в твой дом —
И выбежал потом убийцей!

Аркадий

Оставь!

Павзаний

Дай говорить мне, дай!

(Шепотом.)

Евфимия...

Аркадий

(с болью)

Не вспоминай!

Павзаний

(судорожным шепотом)

Святая тень!.. Она молила!..

Аркадий

Молчи!

Павзаний

(с силой)

Последним словом было:
«Будь проклят!»

Аркадий

(живо)

Нет! как я,— простила!

Павзаний

Как ты?.. И ты... простил?.. Простил...
И смотришь на меня — и плачешь...

Аркадий

От радости: я победил
Себя, себя, Павзаний!

(Обнимает его и уводит в глубину сцены.)

Сцена между тем все наполняется. Приходят Мениппа и Камилла. Последние к авансцене.

Камилла

Муж мне говаривал не раз:
Не мы детей, нас дети учат
И довоспитывают нас!
При них не сделает, не скажет
Отец, не поглядев вперед:
Ведь сеешь семя! То взойдет,
Что в сердце с детских лет заляжет!
Ах, милая! с детьми воочью
Увидишь бога!.. Разболится —
Ты что тогда?.. Горит, томится,
Всю душу надорвет твою,
И нет тебе ни дня, ни ночи!
Ты чувства все окаменишь,
Дохнет ли, двинется ль — следишь,
Вся в нем! И наконец нет мочи!
Сил что осталось соберешь

И выльешь все в одно их слово:
«Спаси, спаси!» — и упадешь
Пред тем, кто может всё...

Мениппа

Ужасно!
Ох, знаю, знаю! Поняла!
И всё теперь мне стало ясно!..
Уж ты-то очень мне мила!
И скажешь-то так всё понятно,
И речь-то тихая твоя...
Ах, ты мой ландыш ароматный,
Фиалка нежная моя!

(Обнимает ее.)

Ведь я давно о вашем боге
Уж помышляю! Всем богам,
Где только вижу по дороге,
Всегда снесу к их алтарям
Я хоть цветок. Да раз попала
Вот так и в христианский храм,
В горе, в Фессалии. Сначала
Мне стало страшно: свечи, мрак;
Жрец говорит в толпе молящих.
Вдруг он сказал, да ясно так,
Слова: «Наш бог — бог всех скорбящих!»
И точно в сердце у меня
Что дрогнуло. Упала я,
И стала этого я бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдруг слышу: «В Рим твоя дорога,
Там всё найдешь». Я подняла
Глаза: как раз передо мною
Какой-то старец был, но тут
Исчез. Все, вижу, вон идут,—
Я к выходу; перед собою
Всех пропустила — старца нет!
Я в путь, чуть занялся лишь свет,
И на корабль, и в Рим, и всюду
Как будто надо мной звучит:

«Бог всех скорбящих возвратит
Его...» И жду... И точно к чуду
Готовлюсь... А уж как теперь,
Не знаю...

Лида

(поспешно сойдя с лестницы)

Марцелл идет... декрет объявлен!

Общее движение.

Иов

(сойдя со своего места и выступая несколько вперед, как бы в центре полукруга всех присутствующих)

Се день, блаженнейший из дней!
Мы, церковь видимая, вступим
Уж в сонм невидимой и с ней
Сольемся в общем восклицанье:
«Господь наш бог благословен!»

Слепой старик

Господь наш бог благословен —
Да всякое гласит дыханье!

Все

(наклонясь головами к Иову)

Господь наш бог благословен!

После минутного благоговейного молчания, во время которого около Иова смыкается кружок, между прочими начинаются полушепотом частные разговоры.

Дидима

(раздает свечи, нараспев повторяя)

Готовьте светильники,
Близок жених!

Мениппа в волненьи рассматривает приходящих и присутствующих; Камилла близ нее, около гробницы мужа, прижав к себе детей, взор на небо.

Эвмен

(увидав между женщин Агнессу, свою невесту)

Агнесса!.. в брачном одеяньи!..

Агнесса

Да нынче брак ведь наш, Эвмен,
На небесах... И я невеста...

Эвмен

(восторженно)

Агнесса! ты меня спасла!..

Павзаний

(схватив за руку Аркадия с порывом)

Теперь душа уж не страшится
Встать перед ним лицом к лицу!

Главк

(к молодым людям, восторженно)

Знать, что чрез миг душа помчится
Чрез океан лучей к отцу!..
И что же смерть христианину,—
В глазах у всех стоит Христос!
Скорбеть о том ли, что покину
Обитель горечи и слез?
Что преступлю через мгновенье,
Здесь кесарю отдавши дань,
К отцу всего, в его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа, им полная, ведь знает,
Что оболочка сих телес
Ее едва лишь отделяет,
Как легкий завес, от небес!
Вдруг этот завес упадает...

Менипп а

(всматривается в него, бросается к нему с криком)

Главк, сын мой! Главк!..

Главк

Мать! Ты жива!..

Кидаются друг другу в объятья.

Менилпа

(не выпуская его из объятий)

Вот он, мой вдохновенный...
Мой *выстраданный*, вот он!..

(Ища взорами Камиллу.)

Камилла!.. вот он...

(Берет ее за руку и вдруг остановясь.)

Но как ты здесь?.. Христианин?

Главк

А ты?..

Менилпа

(вдруг вспомнив)

Бог всех скорбящих...

(Опускается на колени.)

Несколько человек поспешно сходят с лестницы, тихо сообща направо и налево: «Марцелл, Марцелл», все передают друг другу это имя. Все становятся полукругом, оставляя место Марцеллу. Он показывается на лестнице, наверху.

Марцелл

(спускается с лестницы и со второй или третьей ступени)

Господне будь благословенье
И мир вам, братия!..

Все тихо: «Аминь».

Зовет
Нас ныне бог на прославленье
Его любви, его щедрот

И на свидетельство пред миром,
Что он есть дух, и он один
Земли и неба властелин,
Что честь ему, а не кумирам,
Кумир же, чей бы ни был он,
Рукою смертной сотворен.

Идем пред кесаря. Поставлен
От бога он царем племен.
Во всем, чем может быть прославлен
Он на земле и вознесен —
Победой над неправдой, славой
В защите сирых, торжеством
Хотя б меча и мзды кровавой
Над буйной силой, над врагом
Ему поверенного царства,—
Служить ему нам бог судил
Всем сердцем, до последних сил,
Без лжи, без всякого коварства.
Всё, что у нас земное есть,—
Вся наша кровь, всё достоянье
И всё умение и знанье,—
Готовы каждый миг принесть
Мы с духом радостным к подножью
Его престола. Но чтоб быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Был наш обет, должны хранить
Мы душу чисту, только к божью
Суду внимательну во всем,
Что божье, что стоит вовеки
И в чем должны все человеки —
И кесарь сам — пред тем судом
Отдать отчет.

Повелевает
Нам кесарь: бога в нем признать,
Его ж кумиру честь воздать,
Как божеству лишь подобает;
Ослушным смерть. Пусть ваш совет
Решит, что делать. Наше тело —
Есть кесаря. Наш дух — всецело
Господень.

Один из старцев

Двух решений нет —
Идти! Но как не налагает
Христос ярма на душу — ей
Дан разум, воля,— то решает
По правде внутренней своей

(Обращаясь к собранию.)

Пусть каждый сам.

Общее благоговейное движение.

Голоса

(тихие, как бы каждый сам с собой; взор на небо)

— Идти, идти
К отцу небесному!..— В селенья
Его святых! — Из заточенья,
Из тьмы на свет!..— Идти, идти!

Слепой старик

Его узреть во славе!..

Павзаний

Сложить с души все тяготы
У ног его!..

Главк

...Исчезнуть в созерцаньи
Неизрекомой красоты...

Пауза. Взоры обращены на Марцелла.

Марцелл

Итак, грядущая заря
Для нас последней будет в мире —
И первой там!..

Иов
(из глубины сердца)

О ты, седяй в эфире,
Во свете вечном, со отцом,
Прославленный и вознесенный —
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятым крестом!
Ты пастырь, нас в едину паству
Овцу сбиравший за овцой!
Ты их вспоил живой водой
И тучную им подал яству,—
Когда бы где б ни прозвучал
Твой рог призывный — где преграды,
Где те загоны, те ограды,
Где та стена, тот ров, тот вал,
Который их бы удержал
На зов твой ринуться мгновенно,—
Свет бо светяй нам с небеси,
Свет истинный, свет неистленный,
Жизнь и спасенье ты еси!

Слепой старик

Слава тебе, победившему мир!

Все с зажженными свечами становятся на колени. При спускающемся занавесе слышно пение заутрени.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пиршественная зала на террасе Дециева дворца, выходящей в сад аркой. Ночь. Зала освещена канделябрами и висячими светильниками. Три длинные стола с ложами. Гости одни возлежат, другие прогуливаются по зале и опять садятся на свои места; вообще свободно группируются, сообразно требованиям минуты. За одним столом Деций. Рабы приносят и уносят кушанья. Хор певиц, флейты и лиры. Танцовщицы.

Хор

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спешите, спешите
Пожить хоть мгновенье!

Как мошки на солнце
В эфире роями
Кружатся и блещут,
Мы, оры, блистаем
Мгновение в мире,—
Ловите, ловите,
Не то улетим.

Танцовщицы удаляются.

Клавдий

(молодой патриций вслед танцовщицам, мимо его проскользнувшим)

Еще поймаем!.. Но пока
«Тем насладись, что под руками»,—
Нас учит мудрость. А пред нами

(Указывая на яства.)

Рог изобилья и река
Забвенья — всё естествознанье!
Я шел сюда на обонянье.
Одни уж запахи кричат
Тебе за милю: «Здесь, прохожий!»

Лелий

(другой молодой патриций)

Жаль, как ни лезь себе из кожи —
Всё съешь за одного!

Клавдий

Ну, да!
Два пальца в рот, и вся беда!
А вот что будет, как ворвется
Сюда весь женский Рим! Начнется
Вот тут-то оргия!..

(Декламирует.)

«Опротивеют уж яства...
Не изменит лишь вино!

Хлоя под руку иль Дафна —
Всё равно!

Флейты! трубы! Шум и грохот,
Песни, пляски! Всё вверх дном!
В голове хаос и в чувствах,
И хаос — кругом!»

Лелий

Да, Деций молодец! И жаль,
Что только раз он умирает!

Клавдий

А мой старик, моя печаль
И сокрушенье, процветает!
В один обед съедает три
И с астрологом до зари
Всё гороскопы составляет!..
Боится смерти! Я ж ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваров не засидится
Небось старик: они отцов
Торжественно, в виду богов,
При всем народе убивают!
И это старики считают
Себе за честь!

Лелий

Здесь старики
Законы пишут, там же, видно,
Не старики!..

Хохочут.

Галлус

(адвокат, прохаживавшийся с другим адвокатом, Гиппархом, остановясь близ великого жреца и указывая рукою на всё собрание, заключает частный свой разговор самодовольною речью)

Вы посмотрите, сколько нас:
Я галл, вон свев, ты фессалиец,

Он из Египта, тот сириец,—
А что же общего у нас
С Египтом, с Галлией, странами,
Где и взросли б мы дикарями,
Когда б не Рим!.. В одно нас слил
Его язык, закон, свобода!
Мир он в жилище обратил
Для человеческого рода.
На общий мы сошлися пир,
И хоть мы все разноплеменны,
Но все, как граждане вселенной,
Чтим за отечество весь мир!

Гиппарх

(эффектно-адвокатским тоном)

Единство в мире водворилось.
Центр — кесарь. От него прошли
Лучи во все концы земли,
И, где прошли, там появилась
Торговля, тога, цирк и суд,
И вековечные бегут
В пустынях римские дороги!

Великий жрец Энний

(старик, оборачиваясь к ним, внушительно, громко, чтобы все слышали. Молодые патриции, Клавдий, Лелий, и другие мало-помалу подходят к кружку)

Всё хорошо на первый взгляд,
Да вот беда: уходят боги!
Везде оракулы молчат!
Вот в Дельфах: пифию насильно
Ввели в святилище, молчит,
Бледнеет, льется пот обильно.
Все ждут, и вдруг она бежит
С ужасным криком из пещеры
И, как упала, умерла!
В богов умалилося веры,
И боги покидают нас
На произвол судьбы!..

Адвокаты улыбаются.

Галлус

(насмешливо)

Иные
Уж умерли!..

Великий жрец

И день, и час
В анналы вписан городские:
При Августе, перед концом,
Корабль шел. Заштилело море
Перед каким-то островком.
Все ветра ждали. Вдруг в просторе
Небес и моря, с островка,
Раздался голос, при котором
Всё потряслось — и облака,
И вод поверхность; точно хором
Сто тысяч медных труб зараз
Провозгласили в мир: «Скончался
Великий Пан!..» И повторялся
Три раза голос... Весь рассказ
Я слышал сам от морехода:
Его Тиверий призывал,
И я ж дословно записал
В анналы римского народа!

Галлус

Не боги покидают мир,
А суеверья...

Клавдий

(своим товарищам)

Люблю, чуть разгорелся пир —
И спорят!..

(Увидав рабов, приносящих жареных фазанов.)

Впрочем, прилетают
Фазаны, и молчат враги!..

Возвращаются на свои места.

Лелий

А факты иногда бывают,
Что с толку вас совсем сбивают.

Клавдий

(не давая ему досказать)

Еще бы! Например, долги!

Лелий

(продолжая)

У нас на прошлой же неделе
Был случай...

Клавдий

(вскакивая и со смехом указывая на Лелия)

Жертвы приносил
На той неделе ты, и скрыл!
Скрыл, признавайся?

Молодые патриции

(смеясь)

В самом деле?

Клавдий

Козленка, говорят.

Лелий

(сконфуженный, перебивая его)

Да мать
Послала!.. Вот что рассказать
Я вам хотел. Как вам известно,
У нас в саду есть грот. Чудесный
Там для пиров устроен зал,
И я намедни угощал
Там кой-кого...

Клавдий

А! Дионею.
А завтра я пирую с нею!

(Декламирует.)

«Мирта Киприды мне дай!
Что мне гирлянды цветные!..»

Лелий

(не обращая внимания на Клавдия)

Вдруг мы сидим и слышим стон...
Откуда ж?.. И всё ближе, ближе —
Из-под земли!..

Клавдий

(декламирует)

«Прозерпину бьет Плутон,
Стонет Прозерпина!..»

Молодые патриции

Ах, этот Клавдий! Нынче он
Невыносим! Да замолчи же!
Теперь везде, со всех сторон
Все говорят: то стон, то пенье
Послышится, то привиденье
Появится...

Лелий

(серьезно)

Ведь в старину,
Известно, мертвых хоронили
В подземных склепах, и прорыли
От склепа к склепу ходы...

Клавдий

(таинственно)

Ну,
Так это значит...

Все

Что такое?

Клавдий

(помолчав, с притворно-серьезным видом)

Гм!.. Предки наши...

Лелий

Ты в смешное
Всё обратишь.

Клавдий

Я не смеюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Над предками,— сам их боюсь:
Такие ж аспиды все были,
Как этот Фабий,— вон скелет!
Вон череп голый! Вон таращит
Глаза на канделябры!.. Стащит
Он что-нибудь здесь, людоед!
Вздыхает всё по древнем праве,
По силе коего меня
Он мог бы в рабство взять...

За другим столом Фабий, из древнейшей римской фамилии, своему соседу, квестору Теренцию.

Фабий

Пойми, я Фабий — и в сенате
Мне места нет!.. Кто ж там сидит?
Иберец, грек, сириец, бритт!
И что же стал сенат? В разврате
Все чувства их притуплены;
В особых заседаньях судят,
Что значат кесаревы сны!
Ну что в них слово «Рим» пробудит?
Им лишь погреться б от казны!
Ты посмотри-ка, в легионах
Кто полководцы? Всё из нас.

А при дворе?.. Они! В поклонах
И лести мастера уж! Да-с!
За то и откуп, и претура —
Всё их!.. Потом адвокатура:
За деньги за твои тебя ж
Так оберут, что ты отдашь
Последнее, лишь бы отстали...

За главным столом: Деций, по сторонам его философ Харидем и старый проконсул Публий, беззубый, лысый и шепеляет. Далее, средних лет, мрачного вида, сенатор Аспиций и завитой, пышно одетый молодой патриций Корнелий.

Публий

Ах, Лезбия!.. нас принимала
За туалетом!.. Что за грудь!
Ну если б даже и скрывала,
То видно — дочь царей!.. Дохнуть
Не смели... трое нас... сидели...
Всё старички... потеха... да!
Сидим.

Деций

Картина в самом деле
Преинтересная!

Публий

Беда!
Она, конечно, нас дурачит:
То ножку вдруг поцеловать
Протянет и тотчас опять,
Как только бросимся мы, спрячет...

Все слушают с улыбающимися лицами.

Сенатор Аспиций

(довольно едко)

А дорого за посмотренье?

Публий

(так же простодушно)

Да что! уж думаю просить
Провинцию на поправленье!
Она ж поможет!..

Деций

(Харидему)

Была иная между нас...
Ты помнишь оду Сафо:

«Перед жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелком кос и блеском риз.

Ты умрешь, и всё в мгновенье
С красотой твоей умрет!
На земле твой след забвенье,
Словно вихорь, заметет!

В адских пропастях бездонных
Пропадешь средь темноты,
В сонме душ, не просветленных
Вдохновеньем, как и ты!»

Вот это б Лезбии сказать
Могла — ты угадал кто? — Лида!

Харидем

О, Лида, то другая стать!
Но где она? Совсем из вида
Пропала!

Деций

Да!.. Она всегда,
Как бесприютная звезда,
Весь век металась средь хаоса!
Не раз с Левкадского утеса
Хотела броситься; потом,

Глядишь,— с Изидиным жрецом
Умерших тени вызывает;
Потом опять, глядишь, блистает
В Афинах, в Риме...

Харидем

Знаешь ты
Экспромт, ей сказанный в Афинах
Однажды на пиру?

«С зеленеющих полей
В область бледную теней
Залетела раз Психея,
На отживших вдруг повея
Жизнью, счастьем и теплом.
Тени вкруг нее толпятся,—
Одного они боятся:
Чтобы солнце к ним лучом
В вечный сумрак не запало,
Чтоб она не увидала
И от них бы в тот же час
В светлый луч не унеслась».

Деций

Психея!.. Это к ней идет...

Входит Циник с дубиной в руках, на плечах, сверх лохмотий, мех, как у Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Деция пальцем, говорит:

Циник

Э, да ты вот как!

Разные голоса

Ну, пропал
Веселый пир! Ведь затесался!

Циник

Приятель! умирать собрался
И не подумал, не позвал
Меня взглянуть на представленье!

Ишь вкруг тебя какой букет!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вам мой привет!

(Насмешливо кланяется на обе стороны.)

Всё ж без меня букет не полон:
В средине главной розы нет!
Ведь мудрости венец и цвет
Во мне!.. За то я вам и солон!
Уж дальше моего нейдет
Ум человеческий! Помалу
Свой цикл свершил, пришел к началу —
И больше некуда вперед!

Деций

Прошу, садися!

Циник

(присаживаясь на ложе завитого, пышно одетого щеголя Корнелия)

Друг любезный,
Откинь-ка ноги! Мне присесть
Ведь как-нибудь, лишь бы поесть.

Корнелий

Садись, не спорю!

Циник

Бесполезно!
Так сяду!

Деций

(к рабам)

Ложе, эй!

Фабий

Свинья!

Циник

(поместившись на ложе Корнелия, берет цельного фазана и ест, разрывая руками)

Нерону я сказал, что двое
Людей на свете: он да я.
Всё прочее — так, тля, пустое!
Мы что хотим, то и берем
И ничего не признаем!
Он тотчас понял, что свобода
Вся в этом! Прочее всё ложь!

(К Харидему.)

Ну, что ты морщишься? Всё — ложь!
Будь счастлив тем, что даст природа!
Родился гол и гол умрешь!
В природе ж, в этой общей чаше,
Нет ярлыков: мое и ваше!
Бери что хочешь, всё твое,
На что глаза лишь разбежались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся сам!.. Вот вам и всё!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятий, тонкостей, интриг,
Да и невмочь пришлось! Уныли
И ходят, высунув язык!
Нерон поправит вас: устроит
По Диогену! Сам возьмет
Дубину, города сожжет
И всех вас по лесам разгонит!

Деций

(смеясь)

Что ж после будет?

Циник

Ничего
Не будет!.. Главное, не будет
Философов!

Клавдий

(посреди общего смеха)

Долгов не будет —
Еще главнее!..

Провинциальный претор

(сидящий за столом с Фабием, к своему соседу, квестору Теренцию)

Скажи, дружок,— я здесь чужой,
Живу в провинции глухой.—
Кто этот господин с дубиной?
И с кесарем он говорил?

Квестор Теренций

С дубиной? Этою скотиной
Не знаю, кто нас подарил!
Раб, что ль, он беглый?.. Нет ведь знака
На роже! Лает как собака
На всех! И как сюда попал,
Так влез и к кесарю: пленился
Им кесарь! Только он сказал,
Что ты да я, и восхитился!
Дубину принести велел,
Всех напугал и озадачил!

Фабий

И нас устраивать уж начал
По Диогену: Рим горел
Неспрóста!

Квестор Теренций

Только он, по счастью,
Охотник строить: этой страстью
И отвлекли. А этот скот
С тех пор и тешится, и кстати,
Некстати нас ругает, пьет
И жрет...

Фабий

Уж будет он в сенате,
Как эта бестья, например,
Миртилл...

Вдруг умолкает при виде входящего евнуха Миртилла, в блестящей одежде, с лавровым венком на голове. Публий и Харидем предлагают ему свои места. Он принимает место Публия, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но он то приляжет, то начнет обходить столы и чрез головы гостей берет кушанья.

Харидем

(Миртиллу)

Здоровье кесаря?

Миртилл

Богам
Благодаренье — солнце светит!

Провинциальный претор

(квестору Теренцию)

...А это кто же?

Квестор Теренций

Тс! тише! если только кожей
Ты дорожишь!.. Евнух Миртилл,
Певец и мим. Да вот в чем сила:
В ногах у кесаря лежит
Весь мир, а кесарь сам сидит
У ног вот этого Миртилла!

Провинциальный претор

Так вот оно!..

Квестор

Да, да, оно!
Так, genus neutrum... [1]

---

[1] Средний род (лат.).— *Ред.*

Миртилл

Сегодня кесарю представлен
Проект дворца. Позолочен
Весь корпус, на горе поставлен,
И целый лес кругом колонн,
Всё белый мрамор, загляденье!
Внутри ж что шаг, то изумленье!
Хотя бы пиршественный зал:
Он сверху будет окропляться
Духами. Стены из зеркал;
Плафон же будет раздвигаться,
И вдруг средь пира с высоты
На вас посыплются цветы.

Разные голоса

Как это мило: вдруг цветы!

Циник

А если б вдруг весь зал с гостями
Насыпать доверху цветами?
Ароматический конец!
Шепни-ка кесарю, певец!

Фабий

(тихо квестору)

А надоумит ведь, подлец!

Миртилл

(смеясь)

Забавное соображенье!..
Ах, этот милый кесарь! Он
Три дня в великом восхищенье:
Из Дельф намедни привезен
Был этот дивный Аполлон,
И кесарь перед ним проводит
Всё время!.. Даже ночью встал
И факелами освещал!..

Великий жрец Энний

(тихо адвокатам)

Как я сказал, так и выходит:
Вон пифия-то умерла!
Из храма взять да в залу оргий
Поставить бога!..

Сенатор Аспиций

(идет со своего места и, подсаживаясь к Децию, говорит ему тихо)

Я точно как в глубокой тьме!
Пойми ты кесаря Нерона:
Как совмещает он в уме
И циника и Аполлона?

Деций

(с улыбкой смотря на него и не отвечая на вопрос, декламирует два стиха)

«Дельфийский бог! и он познал
Длань сокрушительную Рима!..»
Когда впервые увидал
Его я в Дельфах, волны дыма
От дорогих курений храм,
Как легкий облак, наполняли.
На чудный образ упадали
Лучи, и он по облакам
Как будто несся, быстробежный,
И перед ним в дали безбрежной
От светлых стрел его толпой
Титаны тьмы бежали!..

Завитой патриций Корнелий

Это
Эллады гений: по землям
Свершил он странствие и к нам
В суровый Рим луч бросил света,
И сделал нас людьми!

Ф а б и й

(со своего места, громко)

Людьми
Иль нет, а только перестали
Мы римлянами быть!

К о р н е л и й

Узнали
По крайней мере, что зверьми
Дотоле были!

Ф а б и й

Побеждали
Зато врагов! Разврат, пойми,
У нас от греков!..

К о р н е л и й

В старину-то
Лишь полбу ели, да ячмень,
Да сыр!

Ф а б и й

Зато имели Брута,
Кориолана! Ночи в день
Не обращали... Даже гадко
Их слушать!.. Ох, ужасный век!

(К Децию.)

Скажи ты, умный человек,
Кто лучше — римлянин иль грек?

Ц и н и к

(который во время предыдущего разговора лежал, разостлав свой мех на полу)

Стой! Разрешу одной загадкой:
Дурак болтун у дурака

Из простяков сидит на шее
И погоняет простяка,
И едут в ров!.. Ну... кто умнее?

Все принужденно смеются. Между великим жрецом и адвокатом громкий спор.

Великий жрец Энний

(кричит)

От философии!

Галлус

Тревоги
Напрасные!

Великий жрец

От новых вер!

Галлус

Отцеубийства и подлоги
От новых вер! Да, например,
Каких же?

Великий жрец

Мало ль? Из Халдеи,
Из Персии, из Иудеи!
Адонис! Митра!.. У рабов
Свой даже бог — освободитель
От всякой власти и оков —
Христос, всемирный, вишь, спаситель!

Публий

(со своего места)

Там тоже спор у них: о чем?..
Ученых споров я любитель!

Галлус

Всё о безбожьи и о том,
Что бога нового открыли
Себе рабы, зовут Христом.

Публий

А, христиане! да, знаком,
Знаком я с ними!.. Говорили,
Что Рим они сожгли?

Великий жрец

Схватили
Тогда же многих их с огнем!

Сенатор Аспиций

Живут всегда особняком,
Уж тем внушают подозренье:
От всяких должностей бегут,
Ни кесаря не признают,
Ни государства Рима!..

Великий жрец

(вне себя)

Пьют,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человеческую!

Сенатор Аспиций

Их
Нельзя терпеть!.. весьма опасно!
Мы терпим много сект дурных,
Но эти...

Деций

(смеясь)

Вот уж страх напрасный!
Ведь это жители небес!

Галлус

(Гиппарху)

От них всю жизнь хоть бы процесс,
Представь!

Гиппарх

Да, да! Но... почему же?

Фабий

Ну-с, эти уж и греков хуже!
Они работают во мгле,
Повсюду что ключи в земле,
И всевозможные химеры
Вбивают в головы рабам...

Миртилл

(вставая с места и жестом успокоивая общее движение)

Позвольте!.. Приняты уж меры!
Предписано: по городам
И здесь чтоб завтра же явились
Все к квесторам и поклонились
Статуе кесаря, его
Признавши тут же божество,
Как признается всей вселенной.
А воспротивятся — пойдут
Одни для травли в цирк, другие
Рубашки вздёнут смоляные,
Им в глотки факелы воткнут,
К столбам привяжут их, зажгут,
И кесарь в пышной колеснице
Между пылающих их тел
Проедет ночью по столице!

Великий жрец

И боги воздадут сторицей
Ему за это...

Фабий

...Прекрасно! Я б узнать
Желал, чья мысль?

Квестор

Да, без сомненья,
Его, Миртилла! Потешать
Умеет Рим!

Миртилл

А всех их будет
Здесь в Риме тысяч сто!.. В других
Провинциях мильоны...

Разные голоса

...Боги! Пусть же их
Огулом всех на смерть осудят!
Всех с корнем вон!

Харидем

(встает и поднимает чашу)

Благодаренье
Тому, кто бодрствует за нас!
Во здравье кесаря!

Рабы наливают вина в чаши.

Общий клик

(все встают)

Во здравье кесаря!..

Циник

(вскочив с полу)

Он да я!
Всех прочих с корнем вон!..

(Вырывает из рук Фабия чашу и пьет.)

Фабий за его спиной показывает ему кулаки.

Фабий

(обращаясь к молодым патрициям)

Вы напоили бы его,
Чтоб уж совсем он с ног свалился!

Молодые патриции привлекают к себе Циника и поят его.

Миртилл

(ласково Децию)

А ты смеешься и не пьешь,
И наших мер не признаешь
Во благо Риму?

Деций

Мер напрасных!
Жечь не опасных никому
Мечтателей!..

Миртилл

Как, не опасных?

(Указывая на всех.)

А глас народа?

Входит Лезбия в одежде восточных цариц; с нею несколько женщин и толпа рабов-эфиопов.

Клавдий

Метелла, Туллия! вы к нам!

Циник

Эван! эвое!
Мясцо живое!
К нам! к нам!

Женщины присоединяются к молодежи. Лезбия идет прямо к Децию. В то же время с другой стороны Лида и Марцелл являются и помещаются в глубине сцены за Децием, маскируемые рабами.

Лезбия

Герой мой, здравствуй! Очень рада,
Что ты еще не умер. Да!
Стремглав летела я сюда,

И главное затем, что надо
Тебя мне очень побранить!

Деций

(к рабам)

Эй, ложе!

Лезбия

Можем разделить,
Когда позволите, и ваше!
Лежи!

Деций

Раб вечной красоты,
Жду приказаний.

Лезбия

(садясь на его ложе, в ногах его)

Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?

Деций

А вот — от деда.

Лезбия

Много лет
Живет на свете! Золотая...
С волчицей крышка... небольшая...
А яд — стряпня Локусты?

Деций

Нет,
С востока тоже вывез дед,
Одна парфянка подарила.

Лезбия

Ну, им не соблазнишь меня!
Я жить хочу!..
(Громко, чтоб все слышали.)
К вам прямо я —
От кесаря!

Общее движение. Публий, вставший и поднявший чашу, чтобы приветствовать Лезбию, поспешно садится на свое место.

Фабий

(тихо квестору Теренцию)

Смотри, Миртилла
Как будто жаба укусила...
Она же смотрит на него,
Как на Пифона Феб...

Лезбия

Имела
Я счастье в первый раз его
Услышать пенье... Ничего
Подобного не знаю! Млела
И плакала я даже!.. Да!
А говорят, я никогда
Не плачу!.. Как он держит лиру!
Как смотрит в небо — Аполлон!..
Да, римляне! вы храбры! Миру
Вы предписали свой закон,
Но я скажу, что пред искусством
Вы — варвары! Не стоит Рим
Таких художников! С твоим —
Уж извини — изящным чувством
Ты б мог один его ценить!
Он это знает...

Деций

Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?

Лезбия

Отчасти...

Квестор Теренций

(провинциальному претору)

...Ты совсем растаял?

Провинциальный претор

Вот красота-то!.. И не чаял
Подобной встретить отродясь!
Патрицианка?

Квестор Теренций

Нет, иная
Генеалогия у нас.
Происхожденьем массильянка,
Отец был галл, а мать гречанка.
Он был плясун. По городам
Таскал повсюду дочь с собою.
Потом Изидиным жрецам
Ее он продал. С их толпою
Чуть не во всех странах земных
Перебывав, пришла к Афинам,
Везде попрыгав с тамбурином
И в банделетках золотых.
Тут распрощалася с жрецами
И появилась между нами —
Прелестной внучкою царей
Понтийских — и все верят ей:
Осанка, гордый вид царицы,
Перед крыльцом живых два льва.
Гляди, как смотрит: голова
Назад закинута, ресницы
Что стрелы, молньеносный взгляд,
А профиль?

Провинциальный претор

Голова Медеи!
И косы вкруг чела лежат,
Что перевившиеся змеи!

Квестор Теренций

Да, змеи!.. Как сказала тут,
Что к нам от кесаря, так сжалось,
Друг, сердце! Так и показалось,
Что змеи всюду уж ползут
По Риму, бьют фонтаны ядом,
И под ее упорным взглядом
Вокруг всё падает и мрет!

Провинциальный претор

Такая красота...

Раздаются звуки труб. Общее движение.

Разные голоса

Э! гладиаторов трубят!
Бой будет, бой!..

Циник

(стоя среди залы и передразнивая всех)

А! крови, крови!
Сказался зверь! А не хотят
По Диогену жить!..

Все

Места! места!

Входят гладиаторы. Попарно проходят мимо Деция, кланяются ему и потом строятся в ряд в глубине сцены. Рабы сдвигают ложа, очищая место для боя. Деций и Лезбия остаются на своих местах.

Лезбия

Вот это в римском вкусе! Браво!
И уж за это честь и слава
Вам, римлянам!.. Да, да... Люблю!
Ты много держишь их?.. Я знаю
В них толк, сама их покупаю,

Кормлю, учу и продаю —
Превыгодно!

Деций

Ста два!

Лезбия

Так мало?

Два гладиатора выходят на средину залы.

Недурны люди. Это — галл,
А этот... свев. Держу за галла,
А ты — за свева.

Гладиаторы наступают друг на друга. Галл с мечом. Свев с палицей.
Сыплются удары на щиты.

(Следя за боем.)

Ну — пропал!
А! извернулся!.. Этот свев
Раскормлен очень... Впрочем, годен
Для палицы. Вот галл — свободен,
Увертлив, худ и быстр, как лев
Ливийский!..

Свев наносит страшный удар. Галл роняет щит.

Деций

Ну, ты проиграла!

Свев снова замахивается. Лезбия встает на ложе.
Деций смотрит, приподнявшись на локте.

Лида

(глухо)

И Деций смотрит!..

Но галл увертывается; тяжелый удар свева падает на пол. Галл быстро вонзает свой короткий меч ему между ребер. Свев падает.

Лезбия

Угадала!
Ура! победа!..

(Рукоплещет, и все с нею.)

Галл вопросительно смотрит на Лезбию, наступив ногой на свева.

Лезбия

Ну, кончай!
Vae victis! [1]

Общие крики

Кончай! кончай!

Галл закалывает свева под горло.

Лезбия

(спрыгивает с ложа, подбегает к свеву и смотрит на рану. Около нее сбираются и другие женщины и молодые люди)

Удар на славу!

(К Децию, указывая на галла.)

Ты, Деций, мне его отдай!

Деций

Да всех бери!.. Хоть бы в забаву
Что удалось!

Циник

(шатаясь, подходит и толкает ногой убитого)

Матерый зверь!

---

[1] Горе побежденным! (лат.) — *Ред.*

Туллия

Уж близок к Стиксу, чай, теперь,
Так вот ему на переправу.

Кладет убитому в рот монету. Все смеются.

(Децию)

Теперь что ж? Общий бой?..

Лезбия

(возвращаясь на свое место)

Нет, полно! Некогда! вина
Налей мне! Жажда мучит. Рада
Всю ночь смотреть!.. до бела дня!..
Теперь к делам. Вот что мне надо.
Во-первых, ты поздравь меня
С другой победою!.. Большого
Она мне стоила труда,—
Но без труда и нет плода!
Теперь сказать мне только слово:
«Ты Деция мне подари!» —
И ты живешь...

Деций

(прерывая с закипающим негодованием)

Не говори,
Не думай... Это невозможно.

Лезбия

Не горячись. Мне всё возможно.
Ты выслушай. Дня через три —
Я всё обдумала — устрою
Я небывалый пир: с борьбою —
Род олимпийских игр — певцы
И бег... Конечно, все венцы
Получит кесарь... И, мой милый,
Ведь мы живем в чудесный век!
Его понявши, человек
Всего добьется, только б силы
Достало и ума. А ты

Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я ведь знаю
Людей и в будущем читаю,
Как пифия. Ты должен жить.

Деций

И в жизни лишь тебя любить!

Лезбия

Да, да, союз. А цель — тебе я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цель — «*Кесарь Деций*», и ничуть
Не трудно. Надо лишь умея
За дело взяться. Ты богат
И дашь мне средства...

Деций

(полунасмешливо)

О Цирцея!
Всё, всё за царственный твой взгляд!

Лезбия

(обидясь)

Упрямство, Деций, даже в детях
Нехорошо! С таким умом,
Как ты...

(Увидев Публия, который приближается к ней с чашей в руках.)

Да выгони мне этих
Bралей! Останемся вдвоем,
Я убедить тебя сумею...

Деций

Довольно!.. Всё, что я имею,
Твое, но с тем, чтоб не мешать
Мне умереть...

Лезбия

(смутясь)

Как понимать?

Деций

(в полном разгаре гнева)

Да! не мешать!.. И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я, издыхая, из могилы
Пред целым миром прокричать
Ему хочу! Пускай он знает,
Что с легионами рабов
Не сломит в нас он дух отцов,
Что кесарь — сам он забывает,
Что этот дух в лице его
Себя лишь чтит за божество,
И кесарь он — пока лишь полон
Сам этим духом!..

Общее оцепенение. Все притаились на своих местах.

Лезбия

(соскочившая со своего места во время речи Деция, смотрит на него с испугом, потом с озлоблением; наконец, принимая повелительный вид)

Да заколите же его
Во имя кесаря!..

Все нерешительно поднимаются с мест.

Деций

(указывая на чашу с ядом)

Напрасно! Не трудитесь...

(Вполне овладев собой, к Давусу.)

Эй! Дав! открыть им галереи,
Все кладовые, все музеи,
Им все сокровища открыть,
Подвалы с золотом!.. Берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..

Общее молчание; глухой и радостный гул проносится в толпе.

Квестор Теренций

(про себя)

Ух! отлегло!..

Фабий

(тихо соседу)

Всё нам дает?

Галлус

(хватает чернильницу за поясом, тихо Гиппарху)

Акт не составить ли? Donantis
Mens ne mutata sit? [1]

Гиппарх

Ну, вот!
Уж тут jus primi occupantis! [2]

Давус

(поднимая связку ключей, ко всем)

Прикажете?..

Все бросаются со своих мест.

Сенатор Аспиций

(мрачно про себя)

Чем кончится всё это!..

(Уходит опустив голову.)

Фабий

(оглядывая столы)

А это всё — сосуды, кубки...

---

[1] Дающему не изменил ли разум? (лат.) — *Ред.*
[2] Право — захватившему первым (лат.).— *Ред.*

Харидем

(подле него, берет один кубок)

Вот вещь изящная!.. Голубки
Целуются...

Фабий

(вырывая у него этот кубок)

Давай сюда!
Рабы растащат же!

Публий

(берет разную утварь)

Да, да!
В гостинец внучкам!..

Великий жрец

(тихо)

Я богам!

За ними все, кроме Лезбии и Циника, который, совсем опьянев, развалился на ложе, хватают сосуды, чаши и пр. Опрокидывают многие канделябры.

Лезбия

(неподвижно смотревшая на Деция, с досадой)

...Эх, Деций!
(К эфиопам, указывая на толпу.)
Дорогу мне!
(К Давусу, пропуская его вперед.)
Иди!

Эфиопы расталкивают толпу.

Клавдий

(пропустив Лезбию, бегом возвращается с молодежью и женщинами на середину сцены и, потрясая огромным золотым сосудом)

Ты, Деций, бог!

Вся толпа

Бог! бог!

(Убегают, опрокидывая последние канделябры.)

Деций

Стократ проклятье вам!.. И мог
С ватагой этой ненасытной
Одним я воздухом дышать!

Циник

(бессознательно увлекаемый общим движением, пробует встать, но падает опять на ложе и кричит)

Хозяин! будешь умирать,
Так разбуди! Прелюбопытно!..
Всё хорошо!.. Эй, вы!.. Вы к нам,
Вы, самки!.. Туллия...

(Засыпает.)

Деций

Еще раз всем проклятье вам!

Зал остается с опрокинутыми седалищами и канделябрами, освещенный только висящими сверху светильниками. Деций опускается на свое ложе, облокотясь на стол пред золотою чашей и глядя на нее.

Ну, что же?.. «Кончим представленье»,
Как тот сказал!..

(Берет чашу.)

Лида и Марцелл к нему приближаются.

Нужна не сила воли нам,
Чтоб жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье к жизни!..

(Сильным движением поднимает чашу, чтобы выпить ее.)

Лида

(бросаясь к нему и удерживая)

Стой!
Стой, Деций...

Деций

(быстро поставив чашу на стол)

Лида... ты!.. Марцелл!..

Лида

(едва удерживая рыдание)

Несчастный! видишь... видишь — вот
Что создала вам мудрость ваша!
Ты лучше всех, так яду чаша!..

Деций

Печально! да!..

(Протягивая руку к Лиде.)

Но где ж исход,
Философ милый, где ж исход?
И если б был — то утешенья
Не много: поздно!

Лида

Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидеть разом свет, понять,—
Мгновенья одного довольно!
А там, что делать, что начать,
Само уж скажется невольно.
Увидя свет, уж никому
Назад не хочется во тьму!

Деций

(смотря пристально на Лиду)

Но что, скажи, с тобою, Лида?
Ты как в огне! Какой наряд!

Простая, темная хламида,
Покров широкий... Как горят
Глаза... Да где же ты скрывалась?
В последний раз передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колеснице золотой,
Сама конями управляла
И оглянулась на меня...
Весельем, розами сияла,
Мне в дар улыбку уроня!..

Лида

Я выплыла из этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется бесполезно,
Ища в ней берега... И шла
Я указать тебе спасенье...
И сколько раз!..

Деций

(в недоумении)

Ты мне несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

Лида

Ты знаешь христиан?

Деций

(озадаченный)

Спасенье
Мне в христианах? Их ученье
Я знаю и не раз слыхал
Их проповедников: худые
И загорелые, босые...
Их в Риме много... Одного
Я живо помню. Был забавен
Восточный выговор его,
И жест порывист и неплавен,

Но диким пафосом своим
Он поражал... Я помню, было
Вне Рима. Солнце заходило,
И он указывал на Рим...
Сам на горе стоял... Открытый,
Высокий лоб... Народ кругом...
И мы подъехали верхом
С прогулки... «Змей многоочитый,—
Он восклицал,— ты мир земной,
Обвив, сдавил его собой,
И здесь, на семихолмье, в Риме,
В златом венце и диадиме
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блеск заката,
Весь вечный город, блеск огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змей —
Великолепное сравненье!
Он разумел разврат, паденье
И порчу нравов; говорил
Всё в апологах, но оставил
В нас впечатленье. Впрочем, был
Из римских граждан...

Лида

(быстро)

То был Павел!

Деций

Ты знаешь их по именам?

Лида

Я христианка.

Деций

Как? Давно ли?

Лида

Всё дело в истине, а там,
Как к ней пришел, не всё равно ли?..
Вот слушай...
В цирке раз, среди
Несчастных, обреченных казни,
Одна стояла — на груди
Сложивши руки, без боязни
Смотря на зверя и кругом
На нас, на кесаря — без гнева,
И чудо красотою дева...
К кому-то вдруг вверху подняв
Глаза и точно повстречав
Кого-то там, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Так, как бы к матери могла
Взглянуть невеста... Шум и клики
Тут поднялись... Но мне уж дики
Казались люди... Я ушла...
И с той поры три ночи рядом
Та дева, с тем же кротким взглядом,
Ко мне являлася и те ж
Слова мне тихо повторяла:
«Иди и мать мою утешь...»
И я пошла... И всё узнала...
И там, средь тихих, светлых слез,
Я всё нашла, чего искала,—
Я поняла, кто был Христос...

Деций

(уклоняясь от впечатления)

Виденье... А, Марцелл, ты веришь,
Что Бруту Цезарева тень
Являлась на рассвете в день
Фарсальской битвы?..

Марцелл

К убийце? Может быть. Не знаю...
Но я виденье понимаю,

Что было Павлу... Он скакал
В Дамаск, пустыней, в злобе дикой
На христиан — он замышлял
Их истребить,— и вдруг великий
Увидел свет и из него
Услышал голос: «Для чего
Меня ты гонишь, Павел, Павел!»
Пред ним стоял Христос... И Павел,
Прийдя в Дамаск, уж не к врагам
Пошел Христовым, а к друзьям.
Такая ж, как о Павле, повесть
И обо мне. Мы все пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совесть
Перепытать, как он в тот путь;
Так глубоко в себя взглянуть,
Чтоб въявь Христа увидеть...

Деций

(в изумлении, почти в испуге)

Боги!

(Вскакивает.)

И ты! ты, римлянин, ты, строгий
Патриций, воин, жизнь свою
Проведший в лагере, в бою...
Да ты... Ведь этот Рим Нерона,
Припомни, говорил ты сам,
Что два иль три бы легиона,
И разнесли вы по клочкам...

Марцелл

(по-прежнему спокойно и твердо)

Да, думал я, верна победа.
Но вдруг был в лагерь приведен
Ко мне под стражей Павел. Он
Судьбу мою решил!.. Беседа
Единой ночи!.. Весь раскрыт
Я перед ним стоял, разбит,
Как червь раздавлен...

Деций

(с возрастающим ужасом, перебивая его)

Озлобленье
В тебе, отчаянье...

Марцелл

Да! да!
Всё было: даже я всегда
С собой носил...

Лида

Прозренье,
Прозренье внутрь себя!

Марцелл

(тоном глубокого убеждения)

...Я понял, нам
Не бог предметом поклоненья
Во храме был, а самый храм!
Порядок в людях водворяя,
Цель жизни — мы открыли им?..
Одна случайность роковая
Являлась в ней и нам самим!..
Таков наш Рим: что он ни строит,
Он строит на песке морском;
Придет волна и зданье смоет,
И всех, кто жизни чает в нем...

Деций

(перебивая с величайшею живостью)

О, Рим гетер, шута и мима —
Он мерзок, он падет!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,
Есть нечто высшее!.. Завет
Всего, что прожито веками!

В нем мысль, вознесшая меня
И над людьми, и над богами!
В нем Прометеева огня
Неугасающее пламя!
В символ победы это *мной*
В пределах вечности самой
Навек поставленное *знамя*,
Мой *разум*, пред которым вся
Раскрыта тайна бытия!
И этот Рим не уничтожит
Никто! Никто *меня* не может
Низвергнуть с этой высоты...

Марцелл

(горько; потом строго)

И вот один перед толпою,
На высоте, всем чуждый, ты
Лишь сам любуешься собою
И с чашей яду лишь глядишь,
В красивой позе ль ты стоишь!..
Он, разум, значит, злая сила,
Когда, чтоб в высоте стоять,
Мильоны ближних надо было
Ему себе в подножье взять...

Деций

(в высочайшем разгаре страсти)

Мильоны ближних!.. Что такое
Мне эти ближние... Рабов
Ты разумеешь!.. О, пустое
Мечтанье *этих* мудрецов!
Рабы и в пурпуре мне гадки!
Как? Из того, что той порой,
Когда стихии меж собой
Боролись в бурном беспорядке,
Земля, меж чудищ и зверей,
Меж грифов и химер крылатых,
Из недр извергла и людей,
Свирепых, диких и косматых,—
Мне из того в них братьев чтить?..

Да первый тот, кто возложить
На них ярмо возмог, тот разом
Стал выше всех, как власть, как разум!
Кто ж суеверья их презрел
И мыслью смелою к чертогам
Богов их жалких возлетел,
Тот сам для них уже стал богом
И в полном праве с высоты
Глядеть, как в безотчетном страхе
Внизу барахтаются в прахе
Все эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество,— оно во мне!
И если, чтоб ему вполне
Раскрыться, нужно непременно,
Чтоб гибли тысячи тупых
Существ, несмыслящих, слепых —
Пусть гибнут!.. Такова их доля!
Им даже счастие неволя!
Лишь с дня, когда он в рабство впал,
Для мира раб хоть нечто стал!

(Продолжает ходить.)

Марцелл

(строго и горько)

Всё знаю! Так нас поучал
Наш славный разум! Он, который
Сам о себе нам говорит:
«Я истина», и без опоры
На меч бледнеет и дрожит!
Нерон, он убежден, что тоже
В нем истина!.. Великий жрец
И циник также... Отчего же
Твой разум лучше всех, мудрец?

Лида

(смотрит на Деция с ужасом)

Как ночь душа его мрачна!
Он — боже! — никого не любит...

(Плачет истерически.)

Их гордость римская... Она
Их ум мрачит... Она их губит...

Деций

(останавливаясь перед нею)

К чему же слезы?.. Перестань...

(Смотрит на нее внимательнее.)

Но как ты, Лида, изменилась...
О, как ты стала хороша...

Лида

(после сильного напряжения, голосом искреннего чувства и всё более одушевляясь)

Я, Деций!.. Я давно простилась
Со всем земным!.. Твоя душа —
Ты мир обнять не можешь взором,
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, пред которым
Ничто твой жалкий, бедный мир,
Где ты лишь сам себе кумир!
Да, гордость, Деций!.. Ослепила
Она тебя!.. В земных цепях
Душа источник свой забыла,
А он, о Деций, в небесах!
Слова Христовы западают
Мгновенно в душу — оттого,
Что нам его напоминают
И возвращают нам его...
И тут уж смерть — конец разлуки,
Победный выход из тюрьмы,—
И примешь всё ты — смерть и муки,
Чтоб к свету вырваться из тьмы...
Ах, Деций! мир — одно терзанье!
И к свету раз открыл пути —
Ты будешь знать одно желанье:
Всем указать — и всех спасти!..

Деций

Ты точно вне уж мира, Лида!
Куда умчалась ты? Из вида
Теряю... Точно от земли
Оторвалась — меж звезд носилась
И к нам на землю воротилась
В их золотой еще пыли...

(Смеясь.)

Вот видишь, ты не ожидала,—
Перед тобой и я поэт!..

Лида

Он шутит!..

Деций

Бросим этот бред,—
Прости, Марцелл, но только детям
И можно увлекаться им...

Лида

(с новым одушевленьем)

Бред, говоришь ты? Но уж Рим,
Уж мир исполнен бредом этим!
Уж мы на рубеже стоим,
И в Риме уж теперь два Рима!
Здесь — этот Рим; уж он как тень
Теперь, как призрак... Близок день,—
И он рассеется... и новый
Откроет Рим...

Слышно издали пение, и в глубине сада показываются медленно проходящие в сиянии светочей христиане.

Пение христиан

Ясный, немеркнущий,
Тихий свет утренний!
Ныне ведешь ты нас

К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному!

Деций

Кто это?

Лида

(торжественно)

Новый Рим!
Да! здесь
У вас пиры, а там, под вами,
В земле, там, в катакомбах, весь
Всечасно молит со слезами
О вас же — христианский Рим,
Чтоб вседержитель бог дал силы
Ему спасти вас...

Деций

Новый Рим!
Так христиане — новый Рим?!
Тут, в катакомбах, где могилы
Великих предков?!

(С судорожным хохотом.)

Новый Рим!
Да разве может быть два Рима?
Два разума! две правды! два
Могущества, два божества!..

Марцелл

И тот, где ложь, — неотвратима
Его погибель!.. Пусть нас жгут...

Деций

(порывисто)

Ужель мильоны вас?

Марцелл

(нерешительно)

...Не знаем...

Деций

Декрет ты знаешь?

Марцелл

(указывая на идущих христиан)

Исполняем,
Как видишь...

Деций

Как? Они идут
На смерть?

Лида

Что смерть!

Деций

(мрачно, смотря на христиан)

Глазам не верю!
На казнь идти и гимны петь,
И в пасть некормленному зверю
Без содрогания глядеть...
И кто ж? Рабы!..

(Почти в исступленьи.)

Да кто ж вы? Кто вы?
Марцелл! ведь строя Рим твой новый,
Пойми, ты губишь Рим отцов!
Созданье дел их! Труд веков!..
Рим, словно небо, крепким сводом
Облегший землю, и народам,
Всем этим тысячам племен,
Или отжившим, иль привычным
Лишь к грабежам, разноязычным,
Язык свой давший и закон!

И этот Рим, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тем, кто годен был,
Как вьючный скот, в цепях, лишь к носке
Земли и камня, к перевозке
Того, что мне б и мул свозил!
Рабы!.. Марцелл, да где мы? Где мы?
Для них ведь камни эти немы!
Что нам позор — им не позор!
Они

(Указывая на статуи.)

Пред этими мужами
Не заливалися слезами,
С стыдом не потупляли взор!
И вдруг, без всякого преданья,
Без связи с прошлым, как стада
Зверей, которым пропитанье —
Всей жизни цель, придут сюда!
И где ж узда для дикой воли?
Что их удержит?.. Всё падет!
И Пантеон, и Капитолий
Травою сорной зарастет!..

Лида

Проходит зримый образ мира,
Но, Деций, мир не погубить
Пришел Христос, а словом мира
В любви и правде возродить...

Марцелл

И жизнь вдохнуть в него!

Деций

(к Марцеллу с презрением)

Несчастный!

(Взглянув на чашу с ядом.)

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищем судьбы
Я был досель? С врагами бился,

А злейший враг меж тем подрылся
Уже под самые столбы
Нас всех вмещающего храма!
Я тени предков вызывал,
Противу моря зла упрямо
Средь ярых волн его стоял
Живым укором и проклятьем,
Непобедим, неколебим...

Циник

(проснувшись)

Хозяин, умер?

Марцелл

Вот твой Рим
Тебя зовет: к его объятьям
Стремись скорее,— что нужды,
Что этот муж в своем паренье
Не видит далее еды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тем почти рассвело. Христиане, все в возрастающем числе, продолжают проходить вдали, при пении гимнов. Из них выделяются группы рабов Деция, которые останавливаются пред входом в залу и потом, впереди Иов, входят в залу, по окончании следующей речи Марцелла. Марцелл и Лида делают несколько шагов к ним и смотрят на них с благоговением. Деций отступает на другую сторону сцены. К нему присоединяется Циник, со словами: «Это что?» — указывает на христиан и прислушивается.

Гимн христиан

Ясный, немеркнущий,
Тихий свет утренний,
Ныне ведешь ты нас
К незаходимому
Свету бессмертному,
Дню беззакатному...

Марцелл

Ну, Деций! время... Со своими
Я ухожу... Прощай...

(Хочет идти, но возвращается опять и говорит Децию, указывая на христиан.)

Ты видишь — вот — живые
Все души, в каждом разум свой,
Но все любовию одной,
Как солнцем глубины морские,
Озарены!.. Здесь нет вождей!
Творят дела здесь уж не люди!
Для всех, как для простых орудий,
Сокрыты цели! Без мечей
Идем к победе несомненной!
Пойми ж, что свыше лозунг дан!
То божий дух по всей вселенной
Летит, как некий ураган...
Что было светом — в мрак отходит!
Все солнца гаснут! Новый день
И солнце новое восходит,
Всё прежнее бежит как тень.
Что ж, гордый человек, усильно
За тень хватаясь, вместе с ней
Исчезнуть хочешь в тьме могильной,
В безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Над всей вселенной, никогда
Уж не признаешь над собою
Глаголов божьего суда?..

Деций

(к Марцеллу твердо и выразительно)

Мой суд — я сам! Всё, чем мой разум
Могуч и светел, дал мне Рим,—
И пусть идут все боги разом,
И с ними все народы — им
Не уступлю и упреждаю
Их вызов...

(Берет чашу; Лида бросается к нему, он ее отталкивает.)

Прочь!

(К Цинику.)

А ты беги
И в Риме всем кричи: враги
В его стенах! Что умираю
Я на посту своем за Рим!
За вечный Рим!..

(Выпивает чашу.)

Лида

(закрывая лицо руками и падая на колени)

Боже! Я
Имела веры не довольно!

Деций

(увидав вошедших христиан)

Прочь!

Иов

Боже сильный! отпусти
Ему грех вольный и невольный!

(Приближаясь к Децию.)

Ты ж, господин, ты нас прости,
Коль в чем виновны пред тобою!

Деций

(сурово)

Что надо вам?

Лида

Твои рабы
Идут на смерть и молят, Деций,
Чтоб бог простил тебя и ты
Простил бы их!..

Деций быстро от них отворачивается.

Циник

О чем хлопочут?
И ведь не плуты, не морочат!

Поди ж, ведь создают себе
Мученья!.. Мудрецы всё!..

(Уходит.)

Деций

(склонясь на ложе, Марцеллу)

А если все нас так рассудят,
Марцелл?

Лида

(искренно, страстно)

Суд только божий будет!
Ты, Деций, ты любил, что знал:
Знал Рим! Его любил ты много,
Собой пожертвовал, страдал...
О! жертва всякая у бога
Сочтется...

Деций

(с ненавистью, грозно)

Лида! я б вас гнал,
Когда бы жил еще! Терзал
Зверьми б, живого б не оставил!..

Лида

(слезы в голосе)

Ты б гнал, покуда б не узнал,
Покуда б не прозрел, как Павел.
И больше нас тогда б Христа
Великим разумом прославил!
В тебе была ведь прямота!
Прозрев, отдался б в искупленье
Всех зол, что сотворил!.. Прощать
Ты б научился... да!.. прощать!
Ведь христианство, всё ученье,
Нет, не ученье — жизнь — прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вечное!..

Деций

(приподнимаясь и пристально смотря на Лиду)

Не та!..
Не та!.. Так кто же ты?.. Виденье?
Дай руку...

(С ужасом.)

Свет вокруг тебя!
Что ж это? Что?

(Падает и умирает.)

Лида

(опускаясь перед ним на колени)

Он был один,
Кто был еще мне дорог в мире!..

Марцелл

(смотря на Деция)

Сын века! свет был пред тобой...
Не видел ты!

Солнце полным блеском озаряет сцену.

Уж солнце! Вот он,
Наш день!

Лида

(подымаясь)

Твоя теперь, господь,
Вся, вся твоя!

Иов

Слава тебе, показавшему нам свет!

Присоединяются к христианам и уходят с ними с пением гимна: «Ясный, немеркнущий» и пр. Занавес падает.

1872, 1881

БРИНГИЛЬДА

Поэма

ПРИ ПОСЫЛКЕ «БРИНГИЛЬДЫ» В МАЛУЮ АЗИЮ

Моя валкирия, дитя
Снегов и северных сияний,
Теперь внезапно залетя
В пору весенних ликований
Земли, и моря, и небес,
На светлый берег Пропонтиды,
Нашла ль в стране иных чудес
У сродной с нею Артемиды
Привет и ласковый прием?
Или воительница юга
С ней обошлась как со врагом,
И стали друг противу друга,
Движеньем безотчетным рук
Схватясь за меч, а та — за лук,
И с вызывающей осанкой,
И, по обычаю, на бой
Дух разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?

1888

ПОСВЯЩЕНИЕ

А. И. М.

Пусть вся в крови моя поэма,
Пускай Брингильды грозен вид,—
Но из-под панциря и шлема
В ней сердце нежное сквозит,

И душу ей святым крещеньем
Лишь озари, и освети
Ее высоким дерзновеньям
Христом открытые пути,—
Она бы образ тот явила
Душевных сил и красоты,
Который нам осуществила
В любви и жертве вечной — ты...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гудруна — жена убитого Сигурда
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны
Медди, Гермунда, Герварда, Урлунда-Красавица, Древняя Гильда — пять королев

Время — мифических преданий скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурд на высоком помосте лежит:
Весь с головы золотою покрыт он фатой,
Факел горит в головах, а в ногах у него
Бледная, взгляд неподвижный, Гудруна сидит.
Пять королев на ступенях помоста вокруг,
Древняя Гильда на креслах высоких одна:
Съехались с разных концов на ужасную весть.
Воины в шлемах стальных оцепляют их круг.
Сзади толпятся старейшины, двор и рабы.
Ропот в чертоге, и гул от толпы на дворе.

Прим. для чтения вслух: «Бога ради, читая вслух, не скандуйте стихов, как, к сожалению, у нас принято при чтении греческих и латинских поэтов и переносится также и на русские трехсложные размеры; ненадобно думать совсем о размере: читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на те слова в стихах, на которые следует по смыслу. Скандование убивает всякое одушевление, всякий лиризм, все переливы чувства, словом, пропадает вся сила диалога. В речах Гудруны и еще более Брингильды — скорее декламация, а не скандование...» *(Из письма автора).*

Утром с шурьями на ловы поехал Сигурд.
Тотчас почти принесен был домой, весь в крови.
Кровь из больших десяти изливалася ран.
Входит Брингильда в чертог, дверь наотмашь раскрыв.
Шуба соболья и волосы в снежной пыли.
Холод за нею в широкие двери пахнул.
В стороны с факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнул, заискрясь, Сигурдов покров золотой.
Глянувши быстро на всех, молча в угол прошла.
Слушает, пристально глядя, что вкруг говорят.

Подле Гудруны, у ног ее, Медди была.
Горе чужое — да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колени ее положив,
Молвила: «Милая! Жалко смотреть на тебя!
Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышишь, и то ведь вздрогнешь всякий раз!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Светлый был свет на душе — темна ночь налегла!
Цветик в прогалинке — всякий затопчет тебя!
Ёлочка край леску — всякий обидит тебя!
Лань ты моя круглоокая! Серна моя!
Чуется, тяжко тебе одинокой-то жить!
В горы ль, бывало, олень твой бежит,— ты за ним!
Пьет ли в ручье,— ты уж скачешь и плещешься вкруг!
Будь моя волюшка,— ох! — унесла бы тебя!
Холила б в замке своем!.. Здесь ведь ужас и мрак!»

Молча Гудруна в ответ лишь тихонько с колен
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвит Гермунда: «И вправду уж лучше ты плачь!
Легче, как выплачешь горькое горе зараз!
Слез еще много на первое горе найдешь.
Вот как другие пойдут — так и рада б, да нет!
Высушат в сердце вконец все живые ключи!
Я схоронила двоих — да каких ведь! — мужей!
Пять сыновей у меня в одном пало бою!..
С факелом в бурную ночь я бродила меж тел,
Всех собрала. Нагрузила телами ладью.
Еду. Над ними стою — и ни слов нет, ни слез.
Думаю: что же? Зачем же осталась я жить?..
Только — живу. Двое внуков остались: ращу.

Дом свой, народ — всё, как было, во страхе веду.
В фольстинг старшин собираю. Суды им сужу.
С моря ли, с суши ли враг,— я встречаю сама:
Всех впереди колесница моя иль корабль...
Внукам отцовский венец поклялась передать,
В женских руках не сломав ни едина зубца.
Так вот и ты поступай. У тебя ведь есть дочь».

Молвит Герварда: «А я-то? Что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у нас!
В доме — большая семья, вечно гости, пиры!
На берег выйдешь — и нету конца кораблям!
Словно бессчетно чудовищ морских на песок
Всплыли с глубин и на солнце рядком улеглись,
Головы с пастью драконов подняв высоко!
Нынче — волчец там да вереск: аланы прошли!
Всё сожжено!.. что побито, что угнано в плен!
Я, королева, в толпе очутилась рабынь!
Гнали нас с места на место, голодных, босых...
Взял меня в жены каган. У него на пирах
Мужнин, отца, троих братьев — всех пять черепов —
В кубки обделали их — наливала вином,
Их разносила с поклоном пирующим я!
Что же? Привыкла! Сжилась! И с каганом сжилась!
В почестях тоже, как след... Принимали царей...
Только его отравили... Какой-то там грек...
Вслед пришло войско... Сам кесарь... Всё
бросилось врозь!
Я по болотам скрывалась, по дебрям, совсем
Думала — смерть! да попала сюда, и еще
Мужа нашла,— королева опять, в третий раз!
Ты молода еще: что же крушиться тебе?
Мужа, постой, не такого найдешь! Уж поверь,
Знаю я, все они, каждый по-своему мил!
Дикий алан — и по нем даже плакала я!»

Словно не видит, не слышит, Гудруна сидит.
Взгляд устремила вперед. Ни кровинки в лице.

Молвит Урлунда-Красавица: «Год пожила
С первым я мужем, Гудруна. Как умер он, я
Думала: кончено! Больше уж нечего жить!

Бросилась даже за ним на костер: удержать
Люди насилу могли! Целый год я была
Словно как мертвая: плачу, не ем и не пью.
Встретился Оттен — и стыдно б признаться мне в том —
Стыдно, но я, государыни, вам признаюсь:
Встретился Оттен — и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди — я не знаю, но, слава богам,
Благами их как цветами осыпана я!
Дети красавцы! А старший уж правит рулем,
Знает все снасти, как парус поставить, когда.
Так уж его и прозвали Волчонком Морским!
Разве мы знаем удел свой!.. Как ты родилась,
Норны связали уж в узел твой жребий навек,
Нам — ни распутать, ни вновь своего не скрутить!»

Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всех очи к ее устремились устам.
Всюду как жемчуг слова подбирались ее.

«В старые годы нам слезы вменялись в позор.
Замуж шла — знала, что мужнин конец — твой конец,
Шла с ним на одр — знала: так же пойдешь на костер.
Чуть не сто лет я живу. Что же, в радость мне жизнь?
Сорок годов уж, как в море ушел мой король.
Я рассылала гонцов — возвращались ни с чем.
Башню на крайнем утесе поставила я,
Стража на вышке, а я на бойнице весь день.
Парус его покажись — я узнаю из ста!..
Вещий есть старец, ведунья-жена у меня.
Валка — ведунья: в пещере над Геллой [1] живет,
Ход там в пещере есть узкий и в Геллу окно;
Всех истязуемых тени там видит она:
Нет до сих пор между них моего, говорит.
Вещий же — Снорро. Являлся к нему сам Один.
Травы он знает. Нажжет их — что сноп упадет,
Духом же к самой Валгалле восходит тогда.
Там, притаясь, он в толпе челядинцев глядит:
Видел и светлого Бальдура, Брагги-певца,
Фриггу, Одина — сидят за высоким столом.

---

[1] Гелла — ад.

Тени ж сражаются, мчатся на белых конях,
Жены, любуясь, стоят по сторонкам вокруг,—
Нет короля моего, нет Олафа и там!
Так я его по трем царствам по всем сторожу.
Как где явился — узнаю и тотчас к нему!
Лодка с горючей смолой наготове всегда,
Царское платье, венец. В тот же миг уберусь,
Сяду, спущуся в открытое море сама,
Брачную песнь запою и смолу запалю —
И полечу голубицей вдогонку к нему!»

Смолкнула Дивная: вспыхнувший пламень погас.
Молча склонили главы королевы пред ней.
С низким поклоном лишь Медди дерзнула сказать:

«Нынче, как ты, государыня, мало таких!
Где же нам с этим терпеньем и верой прожить!
Муж уезжает... На годы пропал о нем слух:
Ждешь ты, живешь, сирота — ни жена, ни вдова;
Ждешь, узорочья ему вышиваешь сидишь,
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крепишься, крепишься, стелешь стежок за стежком,—
Нет да и капнет тебе на работу слеза...
Ты ведь весь век на гнезде, а ведь он-то кружит,
Так залетит, что, гляди, и забыл обо всем!..»

Молча сидела Брингильда в тени, на скамье.
Умных речей королев уж не слышит давно.
Вдруг она встала, на помост к Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью с крутого плеча,
На руку белый спустила покров с головы,
Черные косы откинула быстро назад.
Ферязь на ней золотая, за поясом нож,
Гладкое, низко на лбу, золотое ж кольцо.

Сдернув с Сигурда покров с головы и груди,
Десять зияющих ран обнажила на ней.
Вмиг отскочила Гудруна и вскрикнула так,
Воплем таким, что гуденьем тот крик отдался
В кованых чашах на полках кругом по стенам.

Точно мечом поразил ее сердце в упор
Грозных Брингильды очей торжествующий взгляд.
Тут полились, что поток, у Гудруны слова:

«Прочь, ненавистная! Скройся, уйди ты от нас!
Только ты горе и слезы приносишь с собой!
Дело твое — эта кровь! неповинная кровь,
К крови ты с детства привыкла, что к сладким медам!
Диким аланом, не девкой родиться б тебе!
Чем виноват он, Сигурд, пред тобою, скажи?
Тем ли, что между мужей он что солнце сиял?
Тем ли, что слава его облетела весь свет?
Видела ты, что, когда выходил он со мной,
Все расступалися, с радостью глядя на нас,
Ты только черною тучей смотрела, одна!
Летом, когда уезжали они на войну,
Я не хотела, чтоб с братьями ехал Сигурд,
Я, как над малым ребенком, дрожала над ним,
Три дня, три ночи молила — и сдался бы он,
Если б не взгляд твой, не сжатые губы твои,
Это презренье и вместе насмешка в лице!
Сел уж когда на коня, я упала без чувств,—
Помнишь, каким залилася ты смехом тогда!
Смерти его ты уж хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся ж — вот он!.. Твое это дело, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои уж глаза —
Взглядом убьешь, обернешься медведем, орлом,—
Прежде была,— говорят же,— Валкирией ты!
Братья приедут — постой! Старшину соберут,
Люб ли Сигурд был народу — узнаешь тогда!

Речь перебить ей хотела Брингильда: «Молчи!»
Вскрикнула снова Гудруна: «Оставь хоть на миг!
Дай хоть в последний-то раз поглядеть на него!
Ах, государыни! горькая доля моя!
Только как вспомню... вот нынче — поднялся чем свет.
Ходит на цыпочках, сам снарядился, один,
Бережно крался к дверям, чтоб меня не будить,—
Я притаилась, лежу и всё вижу, молчу;
Только он к двери — вскочила, его обняла,—
Поднял меня, как ребенка, опять уложил
И — уходил и смеялся, кивнул головой,—

Только и видела!.. Встала, во двор выхожу,
Вижу — бежит его конь, его Грани, один...
«Где ж твой хозяин?» — я в шутку спросила его.
Конь пал на землю — и слезы из глаз полились,
Плакал слезами — а мне еще всё невдомек!
Только вдруг вижу — несут!.. Что тут сталось со мной!
Я и теперь даже в разум прийти не могу!
Где я? С какой я упала теперь высоты?
Вот ты хотела, ехидна, чего — моих слез!
Радуйся ж! Хватит тебе их на всю твою жизнь!
Пей их, соси их, суши мое сердце, змея!
Ишь, нарядилась как! Золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у нас в доме, а свадебный пир!
Бедный мой, бедный!..» И, сильно руками всплеснув,
Голосом стала рыдать и упала на одр,
Жаркой к коленям Сигурда прижавшись щекой.

Сжалося сердце у всех у пяти королев:
Искоса взгляд на Брингильду бросают порой.
Стража сурово глядит, на щиты опершись.
Тихие женщин рыданья в толпе раздались.
Тихо Брингильда Гудруне в ответ начала:

«Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни,
Всё что есть злобы в душе изливай на меня!
Прежде... вчера еще... голос твой, имя твое
Кровь подымали во мне и мутили глаза,—
Кажется,— так бы тебя растерзала сейчас!
Только в железной узде я держала свой дух,
Руки сжимая — ногтями их резала я!
Нынче ж спокойно, без злобы, отвечу тебе!..

Нынче, когда принесен был убитый Сигурд,
В полную грудь мне хотелось вздохнуть в первый раз!..
В горы ушла я, блуждала по белым снегам,
Пела во всю свою волю победную песнь,—
Пела, как в детстве певала по ранним зарям,
Розовым блеском их тешась на горных высях!..
«Крошкой Валкирией» звали тогда уж меня,
После уж «Грозной Валкирией» прóзвали... Да!
Бросила прялку я, броню одела и шлем,
Грозной Валкирией — вправду — являлась в боях:
Меч мой, к кому я хотела, победу склонял!

Ах, эти годы мои — золотые года!
Я, что орлица, жила в недоступной выси!
Мелкую тварь, что ютится в норах, по земле,
В жалкой вражде,— и не знала, не видела я!..
Ах! для чего им хотелось, чтоб замуж я шла!..

Был у нас замок,— спасенье, я думала, там!
Замок — и в лето на снегом покрытой горе.
Только подъемный над пропастью подняли мост —
В замок и доступу нет... Царство вечной зимы!
Только один и цветет там минутный цветок —
Подле оттаявшей глыбы — фиалок семья.
Вкруг — клокотанье ручьев, водопадов грома,
Радуги всюду над ними в алмазной пыли,
Синее небо и — мир беспредельный кругом!

Я и сказала своим, что туда удалюсь.
Только тот смелый, кто в замке добудет меня,—
Только один он и будет мне муж. И ушла.

Сколько там дней — и не помню, не знаю — прошло...
Раз открываю глаза — светозарный ли бог,
Горний ли дух-повелитель льдяных этих стран,
В чистом эфире рожденный, в нетленной заре,
Смертный ли чудной неведомой мне красоты,—
Шлем золотой, изумленный и радостный сам,
Меч обнаженный опущен,— стоит предо мной...
Он — этот витязь — он здесь!.. Вот он —
мертвый — Сигурд!
Вот,— продолжала, касаясь Сигурда рукой,—
Вот эти волосы в кудрях вились по плечам...
Бледные щеки румянцем пылали тогда...
Сжаты уста, но с приподнятой верхней губой,—
Как отвечали они изумленью в очах,
Ясному взору, что вместе и грел, и ласкал!
Миг — и зажглися сердца наши тем же огнем;
Вот на руках его обручи — видите — вот
Эти три — белого золота — это мои!
Красного — вот на руках моих — это его!

Тут же, пред ликом небес, обручилися мы,
В вечной любви поклялись и на жизнь, и на смерть!»
Слушали все, удивленно к ней очи подняв,
Только Гудруна смущенный потупила взгляд,
Сердце смиряя с трудом, та опять начала.

«Знали, Гудруна, вы с матерью — чей был Сигурд!
Знали, что едет он сватов за мной посылать!
Зельем ли вы опоили его на пиру,
Чарами ль память отшибли,— но в этот же день
Дочь обручила, Гудруну, с ним нежная мать!

Что? вы подумали, что же со мной будет, что?
Жизнь мою, сердце мое — пожалели тогда?
Смерили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, где в вечной ночи нет ни солнца, ни звезд,
Разве из ада лишь жгучее пламя пахнет,
Слышны лишь стоны, проклятья да скрежет зубов
Муки осмеянной — чистой как небо любви!
С ним — когда ластилась с подлой ты страстью к нему,
В неге постыдной гася в нем божественный дух,
Лаской кошачьей геройство в нем тщась усыпить,
Думала ль ты, что тут подле же, о бок с тобой —
Та, чьи обманом украли вы честь и права,
Та, для которой любовь — это подвиг и долг?!
Думала, да!.. но судила о ней по себе:
«О, покорится!.. Не тот, так другого нашла!
Родом не ниже, красавец, Морской же Король» —
Душу, несчастная, в разум-то взять ли тебе,
Душу — небесный тот свет, что нам светит в богах,
То, что в Валгалле нас вводит в их радостный
круг!

Слушайте ж все теперь. Да! это дело — мое!
Всё, как задумала, всё довела до конца.
Сватов Гуннара заставила выслать ко мне.
В дом их, в семью их — невесткою ей — я вошла.
В муже — и в братьях ее стала зависть будить.
Стала им зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить им тяжкую долю и стыд.
Будет, твердила, Сигурд здесь один королем.
Мужу Гудруна покоя не даст ни на миг —
Со свету всех нас сживет или пустит с сумой.

В рунах стоит: «На Сигурда — Сигурдов лишь
меч».
Меч его надобно было тихонько достать.
Ночью — вы спали — в светлицу прокралась я к вам...
Месяц тебя освещал у него на груди,
Меч же высоко над вами висел на стене:
Через тебя я ступила, чтоб снять его там...
Мысль: «Не тебя ль заколоть?» — промелькнула,
но вмиг,

Как от шмеля, от нее отмахнулася я!..
В ночь это было вчера, а с зарей этот меч
Сделал уж дело свое — у Гуннара в руках!
Да, у Гуннара, и все твои братья с ним,— всех
Я натравила и в волю свою привела...
Волчью срубила им печень с кусками змеи,
В крепкую брагу — из жабы им желчь подлила,—
Ели и пили всю ночь — и озлились вконец!»

В ужасе Медди к Урлунде прижалась плечом.
Ждут с любопытством Герварда с Гермундой конца;
С дрожью всем телом провидица Гильда сидит,
Пристальный взор свой соколий в Брингильду вперив.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
К ней обратила Брингильда последнюю речь:

«Слушай. Теперь в моем сердце нет зла на тебя.
Всё, что давило, как снег растопилось с души,
Ей и легко, и светло — как тогда, на горе,
В замке, в тот миг, как Сигурда увидела я.
Даже... тебе утешенье могу я сказать...
Взор мой в грядущее видит теперь далеко...
Крови там... крови... В крови ваш погибнет весь род...
Этли отмстит за Сигурда... но ты... ты найдешь
В мстителе счастье свое... и забудешь о нас...
Разве как сон какой вспомнишь, как будто твой дух
В чудное царство взлетал, где всё чуждо ему,
Где всё давило, как вечные горы, его —
Люди, их облики, души и замыслы их,—
Вспомнишь — душа содрогнется, как робкий пловец,
Вдруг очутясь в океане на утлой ладье,

И пожелаешь домой, поскорее домой,
К детям и мужу, к рабыням и прялке своей.

Будет ужасен на первое время мой образ тебе!
Злой и холодной Валкирией буду казаться я вам,—
Новое ж счастье тебя и со мной примирит.
Этого счастья, ты скажешь, она б не могла
Здесь ни себе, ни другому кому-либо дать,—
И скажешь правду!.. Не здешнее — счастье мое!
Счастье мое — и не здешняя мера ему,
Счастье мое без конца, без предела и — с ним!»

Властно перстом на Сигурда при сем указав,
Радостным вся торжеством просияла она,
И, как бы взором во глубь проницая небес,
Медленно, голосом твердым, сказала еще:

«Боги с престолов своих уж взирают на нас,
Мчатся навстречу валкирии к новой сестре,
В славу героя герои мечами стучат о щиты —
Брачный в Валгалле готовят нам пир».
И, обратившись к рабыням: «Подайте венец»,—
Словно на пир, непоспешно, надела его.
Встала коленом к Сигурду на одр и еще
Слово сказала: «Последняя воля моя —
Вы на одном нас с Сигурдом сожгите костре».
Тут же, на ферязи с петель застежки разняв,
Грудь обнажила и, сердце ощупав рукой,
К месту меж ребер приставила нож острием.
Сильно ударила правой рукой рукоять
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди с Урлундой. Гудруна глядит,
В страхе широко прекрасные очи раскрыв,
Словно не в силах всё бывшее мыслью обнять.
Древняя ж Гильда, порывисто с кресел вскочив,
Прядями белых волос потрясая, одна,
Руки воздев, восклицала в наитьи святом:
«Слава, Брингильда, тебе,
Мужа обретшей навек в безразлучную жизнь!»

1888

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893 ГОДА

СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Г. БЕНЕДИКТОВУ

Стражи мирной нашей хаты,
Деревенские пенаты,
Вас приветствуют, поэт!
Вы примите в уваженье
Их простое приношенье,
Дружелюбный их привет.

Где гремел, при ярком стуке
Хрусталя и серебра,
Под литавр воинских звуки,
Праздник Третьего Петра;
Где, на бреге усыпленном,
Серых камней дикий свод
Лобызают всплеском пенным
Беглецы балтийских вод;
Где каштаны и сирени
Темной зелени шатром
Осеняют сельский дом —
Мирный храм мечты и лени:
Там есть скромный уголок,
Аонидам посвященный,
Где готов для вас венок,
Чистой дружбой сплетенный.

Не лимонные сады,
Не восточные фонтаны,
Не гесперские плоды,
Не гремучие тимпаны
С звуком цитры золотым
Наши сени оживляют;
Но, поверьте, чаще к ним
Сны веселые слетают,

Чем к палатам дорогим.
Вместо амбры, в них дыханье
Трав от скошенных лугов;
Вместо пышного блистанья
Златом убранных дворцов,
Для гостей не слишком строгих
Стол со скатертью в углу,
Пара стульев колченогих,
Книг вязанка на полу,
Но приволье, но прохлада,
Но весенний фимиам,
Томный говор водопада,
И гулянья по ночам.

Вот, из моря величаво
На златые облака
Выйдет витязь светлоглавый,
И багряная река
Вдоль по морю кровью хлынет;
Ночь от вод и от брегов,
Встрепенувшись, отодвинет
Свой таинственный покров...
Сладко первый луч Авроры
Свежей грудью принимать,
И бестрепетные взоры
В очи солнцу устремлять!
Но когда багряным шаром
В небеса оно взойдет
И лучей палящим жаром
Воздух утренний нальет —
Стихнут воды, отягченный
Чуть дрожит на ветке плод,
Раздается отдаленный
С зеленеющих лугов
Топот стад и звук рогов;
Здесь, в колосьях пышной нивы,
Серп сверкает и стучит,
И по роще говорливой
Сталь упругая звенит;
Там, у брега, опочило,
Нежась, зеркало зыбей,
Реют белые ветрила,

Будто стаи лебедей,
А за ними в ткани дымной
Ждет их брег гостеприимный...
О, отрадно той порой,
Сбросив тягостные платья,
К морю кинуться в объятья,
Свежей брызгаться струей!

А когда парчой звездистой
Ночь окинет горний свод,
В роще дремлющей вспорхнет
Песнопевец голосистый,
Гимн его — то арфы звон,
То души глубокий стон —
Упадет и вновь воспрянет,
Как свирель и как гроза,
И с цветка безмолвно канет
Серебристая слеза;
Здесь, над озером стеклянным,
В гладкой скатерти воды,
Опыленные туманом
Дубов смотрятся ряды;
Там, сквозь листья ивы дикой,
Серповидный, среброликий
Сыплет месяц из ветвей
Бледный дождь своих лучей.
О, как сладостно трепещет
Грудь в таинственный сей миг,
А в устах горит и блещет,
Замирая, вольный стих!

Наши лары и пенаты
Вам привет заздравный шлют
И под кров пустынной хаты,
Низко кланяясь, зовут.
Научите, как к союзу
Сельских фавнов и дриад
Вашу доблестную музу
Заманить в наш вертоград.

1838
Ораниенбаум

ЛУННАЯ НОЧЬ

Тихий вечер мирно над полянами
Сумрак синий в небе расстилал,
Главы гор оделися туманами,
Огонек в прибрежьи засверкал,
И сошло молчанье благодатное,
Дремлет, нежась, зеркало зыбей:
Лишь в поморьи эхо перекатное
Вторит глухо песням рыбарей.

Чудный миг! Вечерние моления
С фимиамом скошенных лугов
День увлек к престолу Провидения,
Будто дань земных его сынов.
Ангел мира, крыльями звездистыми,
Навевает сон и тишину,
И зажег над долами росистыми
Стражу ночи — звезды и луну.

Вот пора святая, безмятежная!
Взор, блуждая, тонет в небесах...
Эта глубь лазурная, безбрежная,
Говорит о лучших берегах.
Что же там, за гранию конечного?
Что вдали сиянье звезд златых?
То не окна ль храма вековечного?
То не очи ль ангелов святых?

Не живая ль летопись вселенныя,
Где начертан тайный смысл чудес?..
Кто постигнет руны довременные
Этой звездной хартии небес?
Слышу, грудь восторг колеблет сладостный,
Веет на душу безвестный страх,
Будто зов знакомый ей и радостный
Ей звучит в таинственных словах...

То не глас ли от глубокой Вечности,
Голос божий? то не он ли нас,
Пред лицом туманной бесконечности,
Поражает в полунощный час?

Дух наш жаждет, в этот миг молчания,
В сонм святых архангелов взлететь
И в венце из звезд Отцу создания
С ними песнь хвалебную воспеть.

1838
Ораниенбаум

ЧЕРНОГОРЕЦ

Нет у меня ни стад рогатых,
Ни златокованных коней,
Ни чепраков, ни узд богатых,
Ни городов, ни кораблей;
Ко мне не шлет алжирский бей
Послов с обильными дарами —
Мечей с насечкой золотой,
Ни бус, ни пленницы младой
С победоносными очами.

Иные блага у меня:
Подземных родников струя,
Леса в зеленых их уборах
Да пес на страже ночь и день,
Ружье двуствольное, да порох,
Да верно ввинченный кремень,
Да свод пещер, да хмель у свода.
Да горы,— а в горах свобода.

1839

ЧУДНЫЙ ВЕК

Был чудный век, но век сей золотым
Не нарекли потомки в ослепленьи,
Хотя ему хвалы и славы дым
Они кадят в немом благоговеньи,

Хотя и их сиянием своим
Объемлет он, как ангел вдохновенья.
В тот век, в его горниле закален,
Был новый мир из пепла возрожден.

Тот чудный век не Греции блаженной
Ниспослан был Юпитером с небес:
Он воссиял в стране, загроможденной
Цепями гор; в стране, где вьется лес
Средь блат и тундр; в той храмине священной,
Где льды горят, как в храмине чудес,
При зареве и пламенном блистаньи
На севере кровавого сиянья.

Не пастырем скитался человек:
Он злато нив в степях разлил волнами;
Не бедный челн скользил по лону рек:
Котлом моря вскипали под судами,
И Беринга могучий руль рассек
Льдяную грань между двумя мирами,
И царство вдруг восстало, дрогнул враг,
И загулял в морях наш белый флаг.

В тени дубов коломенских, смиренно
Возрос небес помазанник младой.
Там изучал, в тиши уединенной,
Все язвы он страны своей родной,
И, прадедов ошибкой наученный,
Он скиптр приял, как бога жезл святой,
Небес мечом перепоясал чресла,
Воззвал... и Русь из бездны тьмы воскресла!

И сам венец он слил ей на главу;
Сардамский млат скрепил ее основы
И выковал ей меч и булаву;
Петра топор громовый сбил оковы
С широких врат в Европу; а в Неву
Приял гостей младенец — город новый...
Был чудный век, но золотым сей век
Потомков глас в смущеньи не нарек.

1839

* * *

Туда, где море спит у скал пирамидальных,
В священной дикости лесов патриархальных,
В пустынной глубине таинственных дубров,
Сокрой святую скорбь, питомец злополучья!
На торжище сует, при оргиях пиров,
Ты не найдешь душе своей созвучья.
Но там, где нет людей, где вкруг запечатлен
Еще господень перст в гармонии созданья,
Пади на грудь скалы, ей вверь свои страданья,
И, голову склоня у царственных колен,
Поведай тайну ей. Ни пенистые волны,
Ни томный скрип дерев ее не разнесет:
Она ее навек в груди своей запрет...
Ее участие глубоко и безмолвно!

1839
Ораниенбаум

* * *

Люблю над Рейном я громадные твердыни,
Как гнезды орлии на гребне диких скал.
Там буйствовал восторг; глас чести созывал
Воителей на брань к спасенью благостыни.
Такой ли в вас огонь пылал в годину сеч,
Наследники гербов их, славы и гордыни?..
Бессмысленны для вас обломков их святыни,
И дремлет в бурю войн ваш прадедовский меч!

Так, сада дикого среди пустынной чащи,
Где некогда фонтан взвивал кристалл шумящий,
Из урны треснувшей разросся злак густой;
Где с скал рвалась волна, шумя как бездны ада,
Чуть вьется слабый ток по руслу водопада,
И заросла плющом и длинной осокой
Листовенчанная из мрамора наяда.

1839
Ораниенбаум

В. А. С.....У

Опять судьба переселила
Меня под тот счастливый кров,
Где море тихо опочило
В объятьях диких берегов;
Где наше северное небо
Порой как южное горит
И жар зиждительный дарит
Лугам и пышным всходам хлеба.
С какой отрадой встретил я
Зеленошумные деревья,
К себе на летнее кочевье
Опять призвавшие меня!
Как жадно я на воды моря
С крутого берега взирал,
И волн в шумливом разговоре
Знакомый голос узнавал!
Опять завидовал я быту
Питомцев моря, рыбарей,
Их жизни бурной и забытой
На лоне гибельных зыбей,
Их мирным хижинам по брегу,
Где труд живит ночную негу,
Их белопарусным ладьям
И их дымящимся кострам.
Я посетил, восторга полный,
И тот пустынный, дальний мыс,
Где сосны густо разрослись,
Где с тростниками шепчут волны...
Люблю печальные места,
Приют свободных вдохновений!
Но звать ли вас под наши сени,
Питомца дела и труда,
В объятья сладостныя лени?
Не дикость наших берегов,
Не прелесть северной природы,
Обломки скал, шатры дубов
И шумно плещущие воды
Влекут ваш взор: приют иной
Мечта вам тайная рисует;

Страна иная вас чарует,
Маня под кров приветный свой,—
Туда, где древняя Гренада,
Дитя Аравии, цветет
Под сенью пальм, под говор вод,
Средь пышных гроздий винограда...
Там, средь обломков древних дней,
Величье гордое блистает,
И темный мирт, как черный змей
Над белой грудою костей,
Пустынный мрамор повивает...
Но тщетно пурпур и лазурь,
И стих Корана громозвучный
С него сгоняет сила бурь:
Среди Альгамбры злополучной,
Где в чудных мускуса волнах,
При звуках цитры, на коврах,
В восточной неге утопая,
Краса покоилась младая,
Поныне грозно на стенах
Гербы халифские блистают;
Поныне гордые главы
Кариатиды подымают,
И раззолоченные львы
Кристалл звенящий изрыгают.

Туда летите вы мечтой!..
Там солнце льет лучей разливы
На влаги жаждущие нивы
И померанец золотой;
Там пахарь, сын беспечной лени,
Бежит под пальмовые тени,
И андалузски табуны
Несутся в поле, вея гривой,
Или над бездной конь пугливый
Вдруг стал и внемлет плеск волны;
Там ночь из снежных гор подъемлет
Янтарный месяц над рекой,
И кипарис, и пальма дремлет,
Кивая сонной головой.
В волшебном сумраке Гренады,
При плеске усыпленных вод,

Лишь стих влюбленной серенады
Любовник пламенный поет:
«Явись ко мне, мой ангел нежный,
Мой милый друг, мой светлый рай!»
И ручка белая небрежно
Роняет, будто невзначай,
Букет с чугунного балкона...
Всё спит вокруг! Чудесный сон!
Как густо воздух напоен
Дыханьем бледного лимона,
И мирт росою окроплен,
И тихим звоном мандолины
Как очарованы долины!

1839
Ораниенбаум

КОНЕЦ МИРА

Пируй в огне и фимиаме,
Порок, венчайся на земле!
Витийствуй в дерзостной хуле
Богопротивными устами!
Свой трон златой воздвигнул ты
В обломках падшия святыни:
В чаду убийства и гордыни,
До этой грозной высоты
Тебе ступени были — трупы!
И ты восшел, как некий бог,
На святотатственный чертог,
Попрал ливанских кедров купы;
К твоим стопам поверг Офир
Трудами купленное злато,
Янтарь и пурпур гордый Тир,
Питомец степи и булата
Стада кипучих кобылиц.
Как остов тлеющий гробниц,
Ты отвратительность нагую
Одел в виссон и ткань златую,
И жертва буйства твоего,
Обрызган кровью, стонет правый..

Но небо зрит твой пир лукавый
И язвы тяжкие его:
И прийдет миг — миры вселенной
Вдруг остановятся в пути;
Собор творения мгновенно
Отчет великий принести
Пред лик божественный предстанет...
О! неожиданно тогда,
Светло, торжественно настанет
Святой и грозный час суда!
Творец речет, громоподобно
Архангел брани возгремит,
Труба усопших пробудит,
И камень ринется нагробный,
И червь отпрянет от костей,
И кости вновь соединятся
И вновь из праха облачатся
Земною ризою своей...
Блажен, под знаменем любови
Чья ярко блещет правота,
Чья риза белая чиста
От жгучих пятен братней крови!

1839
Ораниенбаум

РАДОСТЬ

Долго ль радости сиянье
Озаряет темный мир?..
Други! сядем ли за пир,
Сотворивши возлиянья
Вин на жертвенник богов
По начаткам от плодов;
Пышно чаши золотые
Темным миртом обовьем;
Осеним чело венком
Алых роз; струи живые
Кипра пеной осребрим;
Храм веселья ярым воском
Озарим, и огласим

Пирных песен отголоском:
Что ж?.. Еще горят огнем
Розы свежие Пестума,
А, как ворон черный, дума
Тенью вьется над челом!

1839

ИЗМЕНА

Алой ризою играя,
Быстро Цинтия младая
Покидала небеса.
«Подожди, богиня тени,
Оставлять восточны сени,
Тмить долины и леса.
В час, как Геспер засребрится
И в густые тростники
Белый лебедь удалится
И вечерний луч, с реки,
Плеща крыльями, окликнет,—
Под скалою в этот грот
Нимфа резвая придет
И к груди моей приникнет...
Но уж гаснет синий свод,
Спит тростник в поморьи диком,
Геспер светит, рощи спят,
Белый лебедь томным кликом
Уж приветствовал закат...
Подожди, богиня тени,
Покидать восточны сени,
Росы долу рассыпать,
Горы мраком устилать!»

Я молил; но в тверди чистой
Вея мантией звездистой,
С синим факелом в руках,
Ночи мирная царица
Мне явилась в небесах:
Быстры кони, колесница

Черной тканью обвиты;
Сонмы бледных привидений,
Грезы, призраки и тени
Вкруг вились средь темноты;
В кудри девы мак росистый,
Зыбкий колос вплетены,
И звездой сребролучистой,
Как венцом, озарены.
И небесная с любовью
Улыбалась мне в тиши
И бросала к изголовью
Маки пестрые свои...
«О, помедли в быстром беге,
Дщерь небес, не улетай!
И лобзаньем тихой неги
Ты лобзай меня, лобзай!»
Я молился, но сияла
Уж Аврора в небесах,
Солнце пышно восплывало
Утра в розовых лучах.

1839

ВЕНЕРА МЕДИЦЕЙСКАЯ

Между археологами и художниками существует поверье, что статуя, известная под названием «Венеры Медицейской», есть изображение одной римской императрицы.

«Невольницы мои младые!
Курите чистый фимиам,
Развесьте ткани шелковые,
Рассыпьте по цветным коврам
Гирлянды розанов душистых
И померанцевых цветов,
И, выжав брызги вод струистых
Из золотых моих власов,
Их благовоньем умастите,
И, диадимой осенив,
На грудь высокую пустите
Змеистых локонов разлив.

Пусть изумруд и жемчуг млечный
По шее цепью упадет,
Порфира алая беспечно
Тунику белую повьет.
На триумфальной колеснице
Златовенчанною царицей
Я вниду в семихолмный Рим.
Пусть, преклонен к стопам моим,
Тогда народ его упрямый
Меня богиней наречет
И рабски мне из рода в род
Жжет фимиам и зиждет храмы!

Чья грудь так гордо, высоко
Вздымает волны снеговые?
Чьи гуще косы золотые?
И чьи ланиты так легко
Сияют заревом денницы?..
Где мне соперницы, о Рим?
Не вы ли, с блеском подкупным,
Продажные порока жрицы?..
Пред строгой гордостью моей,
Пред блеском царственной осанки,
Замрет невольно яд речей
И взор неистовой вакханки.
Сразит ли он, сей взор немой,
Молньеметательные очи?..
Прочь, прочь! Вы бледны предо мной,
Как бледны звезды синей ночи
Перед денницей молодой!
Я в Рим явлюсь, как к рощам Книда
Являлась пышная Киприда
На колеснице золотой,
Влекомой плавно лебедями,
И жертв веселыми огнями
Горел алтарь ее святой».

Так говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая,

И, сладким трепетом полна,
В ковры кидалася она.

И вот красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломок бренный
И это гордое чело,
Венчанное красой Изиды,
И стройный стан, и снег грудей:
И Рим нарек ее Кипридой!
И Рим молился перед ней!

Прошли века. Их молот твердый
Величья храмы раздробил;
Взнесенный к небу мрамор гордый
Перун завистливый сразил;
Мифологические боги
Забыли пышный Пантеон,
И бродит нищий, тать убогий,
В пыли дорических колонн.
Как труп, как остов молчаливый,
Лежат в песках златые Фивы:
Там блещет змей, иль, беглый раб,
Степной скрывается араб...
Но вы, обломки величавы,
Которым гений чистоты
Лучами вечной красоты
Одеял мраморные главы!
Как завещание веков,
Вы сохранились средь гробов.
Не жертвы кровь, не бледный пламень,
Не фимиама легкий дым
Объемлет жертвенный ваш камень:
Нет, блещет даром он иным!
На нем сияет вдохновенье,
Восторг, как фимиам, горит,
И, чуя бога, в умиленьи
Душа трепещет и кипит.

1839

СЛАВА

Какой таинственною силой
Влечешь нас, дивная, к себе?
Старик над бездною могилы
Еще мечтает о тебе;
Тебя безумно юность ловит,
Подъяв Алкидовы труды,
Тебе на жертвенник готовит
Их многоценные плоды.
Ирисы лентой лучезарной
Пред ней ты стелешь жизни путь...
Сирена пышная! Коварной
Твоя любовью дышит грудь!
Сияя в ризах триумфальных,
В короне звезд и пальм венчальных
Ты перед жадною толпой
Поешь, прельстительница, пляшешь,
Зеленым лавром гордо машешь
И ослепленных манишь рой
К тобой воздвигнутому храму:
Но горе тем, кто за тобой
Идет к венцу и фимиаму
Злаченых терниев тропой!

Так змей, на солнце греясь, блещет
Сребром и златом чешуи;
Свиваясь кольцами, трепещет,
Как влаги светлые струи.
Но не ходи, о, путник дальный,
К его броне сизокристальной,
К его блистательным красам:
Тебя приманит он, а там
Столпом подымется, с размаху
Клубами обовьет тебя,
И, жало в сердце утопя,
С тобой покатится по праху.

1839

ПЕВЦУ

Когда поносит чернь хулою
Тебя, божественный певец,
И святотатственной рукою
С главы срывает твой венец,
Еще ты можешь сладким мукам
Ожесточенных грудь открыть,
Священной арфы ярким звуком
Подъяту длань окаменить,
И, разволнованы и сжаты,
Сердца почуют твой напев,
И, укрощен, приляжет лев
К твоим стопам главой косматой.

Но если, буйные, они
Глагола мира и любви,
Как гробы хладные, не слышат;
Когда, под гимн молебный твой,
Как пред архангельской трубой,
Они коварной злобой дышат:
В последний раз ты обойми
Златую арфу со слезами,
И струны вещие перстами
Со звонким грохотом порви!

1839

ДОРИДЕ

Дорида милая, к чему убор блестящий,
Гирлянды свежие, алмаз, огнем горящий,
И ткани пышные, и пояс золотой,
Упругий твой корсет, сжимающий собой
Так жадно, пламенно твои красы младые,
Твой стройный, гибкий стан и перси наливные?..
Нет, милая! Оставь, оставь уловку ты
Нас разом поражать и блеском красоты,
И блеском пышных риз. Явись мне не богиней:
Благоговение так хладно пред святыней!

Я не его ищу. Явися девой мне,
Земною девою. Со мной наедине
Ты косу отреши из-под кольца златого,
Сорви с своей груди рукой своей перловой
Ту розу бледную, желанный дай простор
Горящим персям. Пусть непринужденный взор
Забудет все любви приманки!.. Друг мой нежный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадет во прах и злато, и жемчуг
С твоих роскошных плеч, с полупрозрачных рук...
Ах, боже мой! Как ты мила, как мил и сладок
Одежды и речей волшебный беспорядок!

7 октября 1840

МАГДАЛИНА

(Эскиз)

Посмотри: прикрыв власами
И косматой кожей льва
Стан свой, в гроте, меж скалами,
Дева. Бледная глава
Оперлась в изнеможеньи
Грустно на руку; в другой —
Сей символ уничтоженья,
Белый череп гробовой.
Злато, пышные одежды
Топчет с гордостью нога,
Очи подняты с надеждой
Ко кресту из тростника.

<1841>

ПЕРИ И АЗРАИЛ

Пери

Останови свой меч горящий
В долине бранной, Азраил!
Повсюду смерть и огнь кипящий
Он по земле распространил;

Везде, где человек ни ступит,
На серебро ль полярных льдов
Иль огнь тропических песков,—
Он их костьми своими купит,
Он их обрызгает в крови!

Азраил

Мой меч недаром обагряет
Дождем кровавым грудь земли:
Где только кровь ни напояет
Творящей силой бедный прах,—
Как ночью звезды в небесах,
Как клас от темного посева,
Как из зерна младое древо,
Растут и блещут города;
В священный храм ложатся кедры,
Кидает мрамор горны недры,
Ширококрылые суда
Текут в реках окровавленных,
И на костях не погребенных
Народ престолы создает
И скиптр с венцом себе кует.

<1841>

* * *

Долин Евфратовых царицы,
Прекрасны розы на заре,
Блестя в росистом серебре
И ярком пурпуре денницы,
Еще милей, когда венком,
Роскошно, с зернами алмаза,
Они блистают над челом
Младой красавицы Кавказа.
Прекрасен перл, цветок морей,
Затворник раковин беспечный;
Но он прекрасней, нитью млечной
На шее мраморной у ней,
По груди пышно рассыпаясь
И в черных локонах теряясь.

<1841>

* * *

O femina, semper mutabile...[1]

Отвергла гордая мой чистый жар любви:
На все моления, на клятвы все мои,
Она улыбкою презренья отвечала!..
Но прежде для чего искусно раздувала
В горячем сердце огнь? Зачем всегда со мной
Была так искренна? Зачем, на мне порой
Свой взор рассеянный остановив случайно,
Смущением моим так любовалась тайно?
Зачем порою речь из милых уст ея
Текла то медленно, то бурно... и меня
Меж юношей ее искали взоры?
Что значат скрытый вздох и робки разговоры?
Уловки женские!.. Но, гордая, прийдет
Твоя пора! Твой час мучительный пробьет!
Узнаешь ты любовь!.. Над ложем, в тайном мраке
Напрасно будет сон свои цветисты маки
Бросать тебе: сама ты их отвергнешь! Ты
Единый светлый лик узришь средь темноты;
Ты станешь, страстная, склонясь на пух суровый,
И плакать, и молить, шептать одно лишь слово;
В немом томлении и с жаждою любви
Прижмешь подушку ты к пылающей груди,
И будут жаркие уста твои, бушуя,
Искать горячего невольно поцелуя!

<1841>

МСТИТЕЛЬ

(Скандинавская баллада)

Не пускайся в море сине
За невестой, конунг мой!
Верь предчувствию — а ныне
Море нам грозит бедой.
— «Мне ли верить, о мой латник,
Бабьим сказкам! Храбрый ратник
Вечно тверд. Гремит гроза —

[1] О женщина, вечно изменчивая... (лат.).— *Ред.*

Против бурь нам боги дали
Весла, руль да паруса;
На коварство ль, на врага ли —
Меч, да конь, да лук тугой;
На охоте — роги звонки,
Псы, да стрелы, для догонки
Легких ланей в мгле лесной».

Готовятся ладьи. Лобзая пяты скал,
Вкруг ропщут сумрачные воды.
Закат пурпуровый их главы обливал
Златыми искрами; темнели неба своды;
Леса широкие синелися вдали;
Утесы, и на них Гаральда замок черный,
Между зеленых сосн обнявших скаты горны,
Дремали у моря, и тихо прилегли
К водам серебряные ивы.
В воскресшем царстве зим всё грозно, молчаливо,
И птицы хищные одне
Между утесами у гнезд своих витают
И бури, спящие в пещерной глубине,
Зловещим криком вызывают:

«Пробудись, о, ветер мощный!
Тучи в небо вызывай!
Край широкий полунощный
К брани злой вооружай!
Где потока вал кипучий
В море синее упал,
Там Гаральд, орел могучий,
Свил гнездо на гребне скал.
Презирает вас он, бури!
Вас на брань зовет с собой.
Взвейте тучи по лазури,
Волны вспеньте вы горой!
Волны бранью заиграют,
Строй за строем полетит
И размоют, раскидают
Замка страшного гранит».

Но дремлет шумный вихрь и бури роковые
В ущельях и скалах, склонясь на мхи седые.
Гранита ль надобно перунам громовым?
Он, моря колыбель, под ними недвижим.

«Принесли иные вести,
Духи спящие, мы вам.
С пира брани, с пира мести,
По Ботническим волнам
Корабли Гаральда мчатся:
Горы злата и сребра,
Горы перлов в них хранятся,
Мех медведя и бобра,
И сигтунская кольчуга,
Поморян янтарь и мед,
Вина фряжские, и с юга
Золотой здесь чуждый плод...
Мигом верви оборвите
У летучих кораблей,
Их богатства размечите
В глубь Одиновых зыбей!»

Всё дремлет грозный дух; во мраке
вихри зреют;
Пред ним спят молнии и громы цепенеют.
У моря ль шумного сокровищ нет на дне,
Таящихся в тиши в безвестной глубине?

«Знаем, ты любил, бывало,
С бедной девою играть,
Рвать от персей покрывало,
Щеки бледные лобзать
Поцелуем леденящим.
Посмотри! По безднам спящим
Мчится юная чета:
Гордый враг твой мчит орлицу
В недоступную светлицу
Над-утесного гнезда.
Там уж древний дуб пылает,
Скальд поет и мед сверкает...
Посмотри, как прилегла
Дева к другу головою

И дрожащею рукою
Стан героя обвила.
Иль не видишь их лобзаний?
Иль не слышишь слов любви?
Встань, у челна взмахом длани
Белый парус оборви
И невесту молодую
Ты прими на грудь льдяную,
Заласкай и зацелуй!..
К мести!.. Взвейся и бушуй!»

Проснулся бури царь, расправил крылья сизы,
Седые волосы по ветру распустил,
Завыл и засвистал, облекся белой ризой,
И к мести молнии, как факел, запалил.

<1841>

ИТАЛИЯ

Повита миртами густыми,
Страна искусств, страна руин,
Под звучным говором пучин,
Ты, убаюканная ими,
Как в колыбели, мирно спишь...
Твой кончен век!.. Как старец хилый,
Ты погреблась в свои могилы...
Но их торжественную тишь
Зачем, младые поколенья,
Тревожить вам? Зачем с гробов
Срывать последний их покров —
Кудрявый плющ, символ забвенья?
Хотите ль на обломках тленья
Вы имя, скрытое в веках,
Прочесть в рунических чертах?
Триумф гробниц ли их убавить,
Хозяев прежних их изгнать,
Чтоб после нагло осмеять
Или бессмысленно прославить?

Страна величья! Мрамор твой
Давно попрал пришлец чужой
И пыль седая спеленала...
О, где сыны твои? Зачем,
Как прежде, вняв угрозам галла,
Не вздёнут гордо бранный шлем,
Не вскинут ржавое забрало?
Где Цезарь? Кто их кликнет в бой
На за-альпийские языцы?
Зачем старик, как лунь седой,
Не двигнет манием десницы?
Зачем не выше всех корон
Его духовная корона?
Зачем, когда выходит он
И с ватиканского балкона
Благословляет мир и град,
Народы в страхе не дрожат
Его анафемы громовой?..

Умолкли бранные мечи,
Но льются звонкие ключи
От Альп в ломбардские дубровы
Поить руин твоих плющи;
Как прежде, вскормленные кровью,
Твои холмы осенены
Оливой, с вечной к ним любовью,
И в виноград оплетены.
Но не срывать твой персик сочный,
Не ждать верховного суда,
Текут к брегам твоим суда
И с Альп народы полуночны:
Недвижный мраморный народ
На поклоненье их зовет —
Немые памятники славы.
Их много там залито лавой,
Зарыто в смрадных погребах,
Иль в галерее величавой,
Иль в вековых монастырях...
Так море, бури в час мятежный,
Набегом берег затопив,
Уходит, жемчуг обронив

Волной утихшей и небрежной...
Себе толпу поработил
Там облик мальчика лукавый;
Там Леды лебедь среброглавый,
Там лиры бог, там полный сил
Алкид, и лев его немейский,
Там лик Сибиллы чародейский,
Там образ горней чистоты
В небесной деве Рафаэля,
И роскошь женской красоты
В нагой Киприде Праксителя.

<1841>

ДВА ГРОБА

Богат наш край дарами горных недр,
Закамским серебром и золотом Алтая:
Вдоль ребр его порос сибирский темный кедр,
И брызжет влага голубая;
Покинув страны тундр, родные озера́,
Гранит Финляндии блестит, во град сложенный,
И, творческим резцом преображенный,
Стал грозным сторожем под образом Петра.
Леса, пробуждены державною секирой,
В пловучих городах летают по морям;
Внимают воды рек ликующим пловцам;
Оделись пажити цветущею порфирой;
Вкруг скал таврических богатый виноград
Блистает в гроздиях златопрозрачным соком;
Долины Грузии цветут под топот стад;
В даль синюю морей глядят строптивым оком
Средь флагов пристани и ждут к себе судов;
Есть много ратников и огнеметной меди...
Но слава нам дана не блеском городов,
Не громкой пышностью прадедовских наследий,
А славой двух прославленных гробов.

Один среди степей. Вкруг вихри завывают;
Волнуяся, ковыль выводит песнь над ним,
И грозные орлы, шумя, над ним витают

И кости стерегут под небом степовым.
Померкла там звезда младого Скандинава,
И пепл ее сокрыт под грудою костей.
Тот гроб — нагая степь; в гробу почила слава;
Носилки бранные — надгробный мавзолей.

Другой... над ним трофей воздвигся знаменитый:
Под сенью дряхлых стен московского Кремля
Другая слава спит, другое солнце скрыто...
Гиганта погребла московская земля!
Взманив к себе на грудь увенчанного змия,
В объятиях его замучила Россия,
И гробом стала. Там, над гробом сим святым,
Не волны ковыля, не клики вольной птицы,—
Твердыни и сады ликующей столицы
И пение молитв, кадила сладкий дым.

Вот два сокровища народной Немезиды,
Трофеи славные мужающей земли!
Познавши крепость мышц и доблести свои
И кровью искупив границ своих обиды,
На памятники те мы твердо оперлись;
В обломках сих гробов мы славой упились;
Сорвав с двух падших звезд лучи их золотые,
Их свили над главой блистательным венцом
И гордо высились... Почти ж гроба святые,
Не оскорби ни речью, ни стихом
Залогов гордости полунощного трона —
Носилки Карловы, венец Наполеона!

Март 1841

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

И он угас! и он в земле сырой!
Давно ль его приветствовали плески?
Давно ль в его заре, в ее восходном блеске
Провидели мы полдень золотой?

Ему внимали мы в тиши, благоговея,
Благословение в нем свыше разумея,—
И он угас, и он утих,
Как недосказанный великий, дивный стих!

И нет его!.. Но если умирать
Так рано, на заре, помазаннику бога,—
Так там, у горнего порога,
В соседстве звезд, где дух, забывши прах,
Свободно реет ввысь, и цепенеют взоры
На этих девственных снегах,
На этих облаках, обнявших сини горы,
Где волен близ небес, над бездною зыбей,
Лишь царственный орел да вихорь беспокойный,—
Для жертвы избранной там жертвенник достойный,
Для гения — достойный мавзолей!

Сентябрь 1841

SCHOLIA[1]

Не мирты с лаврами, а грустный кипарис
Срываем на пути сей жизни скоротечной;
Любимых сверстников не портики беспечны,
А гробы их вкруг нас печально вознеслись...
Что ж, други, унывать! И наши дни не вечны!
Возьми Горация, у древних научись
Идти — не замечать потери бесконечной.
Под сводом древних лип, где дружно сплелись
Темно-зеленый плющ и тополь бледнолистый,
Где катится, журча, источник серебристый,
Вели связать венков, принесть столетних вин,
И пей классически, на зло судьбам упрямым
И Вакха чествуя: ему там будет храмом
Навес дерев, а гимн — отзвучие долин!

1841
Санкт-Петербург

---

[1] Застольная песнь (греч.).— *Ред.*

* * *

Свершай служенье муз в священной тишине.
Пускай рождения гармонии высокой,
Рождения стиха не узрит смертных око.
Ты сам, творец, прими дитя свое, свой стих;
Ты воспитай его, и, в латах золотых,
Уж мужем, не дитей, введи в арену мира.
Так зреет молния на пажитях эфира,
Во чреве грозных туч: их огнь мутит и мчит,
Но грянули, и вот, стрельчатая летит,
Огне-змеистая, струится и сверкает,
И режет небеса, и море обагряет.

1841
Санкт-Петербург

ЭЛЕГИЯ

В груди моей кипит святое чувство:
Им улелеяны и бурны сны мои,
Вдохновлены и думы и искусство...
Зачем же мне таить волнение любви?
Пойду и обнажу пред девою избранной
Своей души мучительные раны!..
Но чувство, взросшее в молчании, в тиши,
Пугается, как голубь дикий, слова:
И речь моя мертва! Угрюмый и суровый,
Хочу ли перелить волнение души
Порой в рифмованные звуки,
Пишу, и бойкий стих и блещет и поет.
Но он восторгу чужд и чужд душевной муки...
И что же он?.. Он проскользнет
По сердцу милому, как сон пустой, летучий,
Как ветерок по лону спящих вод,
Как разразившиеся тучи,
Как томный звук пастушеских рогов
Между далеких гор, когда, ища прохлады,
Плывет пестреющее стадо
Чрез озеро меж диких берегов.

1842

А. Н. МАЙКОВ. *1861.*

КОСЦЫ. *Худ. Г. Г. Мясоедов. 1887.*

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я знал тебя, когда любви
Твоя душа еще не знала,
И буря сердца не смущала
Сны безмятежные твои;
И грудь твоя, во дни и ночи,
Вздымалась мерной чередой,
И не увлаживались очи
Любви загадочной слезой.
А ныне?.. Быстрыми очами
Ты искры льешь, полна тревог,
И вдохновенными устами
Незримо движет некий бог.
Так, древле, жрица Аполлона,
Доколе им не призвана,
У мрачных капищ Геликона,
Нема, спокойна, холодна.
Но он воззвал: она трепещет,
По жилам огнь бежит струей,
И вдохновенной красотой
Лицо божественное блещет;
В движеньях косы по плечам;
Речет — дрожат пещеры своды,
И внемлют с ужасом народы
Ее пророческим речам.

1842

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Тебе пятнадцать лет. Я верю, ты — ребенок.
Румянец на щеках; твой смех, твой голос — звонок.
Но, знай, мой друг, близка, близка пора любви!
Всё говорит о ней,— и тайное желанье,
И очи влажные, и в дыме кисеи
Полуразвитых форм живое очертанье.

1842

МИНУТНАЯ МЫСЛЬ

Когда всеобщая настанет тишина
И в куполе небес затеплится луна,
Кидая бледный свет на портики немые,
На дремлющий гранит и воды голубые,
И мачты черные недвижных кораблей,—
Как я завидую, зачем в душе моей
Не та же тишина, не тот же мир священный,
Как в лунном сумраке спокойствие вселенной!

1842

* * *

Для прозы правильной годов я зрелых жду;
Теперь ее размер со мною не в ладу;
И слог мой колется, как терн сухой и колкий;
А рифмы легкие, все в звуках и цветах,
Как средь колосьев ржи в украинских полях
На дудочку ловца младые перепелки,
Бегут и падают в расставленных сетях.

1842

<ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА В РИМЕ>

1

Лишь утро красное проглянет в небесах,
Я с верной книгою и посохом в руках
Иду из города, брожу между развалин...
Мне как-то хорошо! Тогда, полупечален
И полурадостен, я полон тишиной
Неизъяснимою. Я полюбил душой
С всеобщим сладостным беседовать
молчаньем;
Тогда мой ум открыт мифическим преданьям,
Мечта работает и зиждет предо мной
Весь древний Лациум: Лавинии, Энея
Проходит предо мной живая эпопея;

И семь холмов, еще покрытые густой
Дубровою, и Тибр еще в пустыне роет
Крутые берега и невозбранно кроет
Разлитьем вешних вод долины меж холмов,
Неся волной своей двух братьев-близнецов;
Волчица и пастух и мальчиков спасенье,
И града юного великое рожденье,
И домик Ромула, где после вознеслись
Чертоги Августов и в мрамор облеклись —
Всё, всё так близко мне! понятно, величаво!
Есть прелесть тайная в обломках падшей
славы!
И холм, в котором прах руин священных
скрыт,
Священ величьем их, и сердцу говорит,
И страшно оскорбить, что спит в нем,
в вечном мраке,
Как мощи скрытые в благоговейной раке.

2

Уж месяц март. Весна пришла: так густ,
Так тепел воздух; ищешь тени жадно,
Бежишь на шум воды, и так отрадно
У свежих струй, лиющихся из уст
Уродливых тритонов в гроте мрачном.
Но мне не верится: когда ж она
Пришла сюда, игривая весна,
Как дева пышная в наряде брачном?
Я не видал ни пара талых льдов,
Ни дивного всеобщего журчанья
Из-под снегов лиющихся ручьев;
Ни тонкого, шумливого жужжанья
Летучих темным, облачным столбом,
На краткий миг рожденных насекомых.
Не всходит осень бархатным ковром;
Мне нечего в местах моих знакомых
Любимую березку над прудом,
Пустынную иль посреди дубровы,
Прийти поздравить с зелению новой.

1843

3

ДВУЛИЦЫЙ ЯНУС

Мне снилось, взошел я на холм, от вершины до низу
Покрытый обломками некогда славного храма:
Разрушенный мрамор, низвергнуты своды, аркады,
Священные урны, алтарь, испещренный ваяньем
Жрецов, закалающих тучные жертвы, статуи,
Обрубленный торс, голова, раздробленные члены,—
Как падших воителей трупы на поле сраженья...
Люблю любоваться, как чудом, изящной резьбою
Печальных обломков: люблю я коринфской колонны
Аканфные листья, живым обвитые аканфом,
Овна завитые рога, увенчанные хмелем ползучим.
Над грудой развалин, в пыли и поросших травою,
Один возвышался из мрамора Янус двулицый:
Одно обращал он лицо к заходящему солнцу,
На запад, где в темной, глубокой долине, густые
Верхи кипарисов на пламенном небе чернелись;
Другое глядело на темный восток; созерцая
Грядущего книгу, хранило угрюмую тайну.
Проникнутый вымыслом дивным, в священном восторге,
Стоял я и думал, как много б открылося тайны,
Когда бы изрек он, что в будущем видит.
«Скажи мне, таинственный бог, проникающий взором
В грядущие веки; молю, просвети наши очи
И лживые басни рассей наших бедных гаданий!
Что ждет нас? Ответствуй! Куда мы стремимся?
Зачем здесь на холме громады камней громоздили,
И кто он, откуда, сей зиждущий дух, в нас живущий,
Который в нас мыслью пылает и движет могучею дланью,
И зиждет, и зиждет... чтоб после разрушить; разрушив,
Из праха опять созидает?» Безмолвствовал идол,
Угрюмый, как жрец, погруженный в глубокое чтенье
Таинственной книги, неведомой черни. Внезапно
Последнею вспышкой вечернего блеска другое
Лицо просияло и речью уста разомкнулись.
— Ты хочешь проникнуть в грядущего тайны; но, ведай,

Мы связаны оба таинственной силой, и прежде
Прошедшего голос внемли — а потом уж подъемли
Завесу с того, что в чреве грядущего зреет.
Во мраке гробниц обитает мой взор: там почиют
Народы, как спят у вас в памяти мысли и думы —
Спокойно и тихо: я властен их вызвать из вечной
темницы,
Как можешь в душе пробудить ты прошедшие мысли...
Как образы их предо мною в тени кипарисов,
Накрывших могилы, встают исполинские тени
Людей и народов, и царств,— всё умчало
всесильное время!..
Я вижу великую реку... всечасно я слышу паденье,
Удары низверженных волн с высоты величавой...
Пространство миров ей русло, и меж них, низвергаясь,
Свергая, снося, обрывая утесы и камни,
Она всё несется, подобная вечно живому,
Падущему грозно из урны веков океану...
И где ей начало, и где ей конец?.. я не знаю...
Но с бегом быстрей и полнее, шумнее и шире
Свирепые воды, и мнится, с паденьем их в бездну,
Обрушится всё, что встречалось им в беге,
Что мчалося с ними, противясь их силе —
Всё рухнет — и сущие ныне народы, и царства,
Туда же обрушатся в омут, куда уже пали
И Рим колоссальный, с всемирным венцом и рабами,
Со златом палат, колесниц и кровавых ристалищ,
И Фив пирамиды, и Мемфиса мраморны стены —
И он — Вавилон, с своей донебесною башней...
Я вижу, бледнея, взираешь ты нá эту реку
(И смертный, бесплотной душой отрешившись от тела,
Обнять ее взором способен), и ужас колеблет
Твой дух: оглушенный неистовым гулом паденья,
Влекомых, низверженных ею громадных обломков,
Ты мыслишь, что значишь ты сам в сем безмерном,
Бездонном горниле, средь царств и империй?
И страшно исчезнуть тебе в нем, как легкому пеплу,
Под крыльями ветра, свой путь не означив, где шел ты,
Не бросивши труд исполинский в всеобщую бездну...
Смешное мечтанье!.. Источник отчаянья горький!
Взгляни вкруг себя на роскошную матерь-природу,
Как с каждой весной она новые силы являет,

Богатства свои изменяя, как новую ризу;
Всё так же она, как и прежде, в величии стройном
Рождает деревья и травы и льет голубые
Ручьи, оглашая их пеньем пернатого царства.
Но это — одежда, не боле, она ж неизменна...
Подобно природе живет человечество: часто
Сменяются, шумно чредуясь, идут поколенья:
Они — лишь одежда бессмертного, вечного духа...
Как тополь и ландыш прекрасны в убранстве
природы —
Так каждому место свое в поколенье; — как роза,
Как терний, в природе,— в гармонии общей все люди
В цепи человечества — все непременные звенья...
Как там, посреди преходящих явлений юдольного мира,
Однажды рожденные высятся горы,— так вечно
Останется ясен в потомстве не гаснущий гений,
И мысль не погибнет в том омуте мрачном;
Сам гений не мыслит о славе,— и зреет в труде он...
Ты хочешь, чтоб пред твоей триумфальной статуей
Потомок с главой проходил обнаженной... Послушай,
Не бегай, как юноша пылкий за гордою девой,
За славой: трудися. Сама прийдет гордая дева,
Отыщет чело ей любезное, лавром накроет;
В живых не застанет — отыщет гробницу, украсит
Венцом и триумфом, и если бы кости и прах твой
Рассеялись ветром и в черепе нетопырь дикий
Гнездо свое вил,— освятит она пепел бездушный,
Вкруг сторожем станет и путника вдруг преисполнит
Восторгом, и слезы, и думу тебе посвятит он...
Так жертвуют Гвебры могучему Фебу не в храме —
На снежных горах, под шатром бесконечного неба.

1843

4

Во мне сражаются, меня гнетут жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекут мечты, во мне бунтует кровь,
И знаю я, что всё — и пылкая любовь,
И пышные мечты пройдут и охладятся
Иль к бездне приведут... Но с ними жаль
расстаться!

Любя, уверен я, что скоро разлюблю;
Порой, притворствуя, сам клятвою шалю,—
Внимаю ли из уст, привыкших лицемерить,
Коварное «люблю», я им готов поверить;
Порой бешусь, зачем я разуму не внял,
Порой бешусь, зачем я чувство удержал,
Затем в душе моей, волнениям открытой,
От всех высоких чувств осадок ядовитый.

1843

ГОМЕРУ

Твоих экзаметров великое паденье
Благоговейною душой я ощущал.
Я в них жизнь новую, как в первый день рожденья
В сосцах у матери младенец, почерпал,
И тихо в душу мне вливалось вдохновенье...
Так морю Демосфен ревущему внимал:
Среди громадных волн торжественного шума
Мужал могучий глас, и, зрея, крепла дума.

1843

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕГИЯ В РИМЕ

N. N.

Стократ благодарю тебя, о Рим священный!
Суровый, гордый скиф, как предок дикий мой,
Я варваром ступил на вечный пепел твой
И вот прощаюся с тобой, преображенный,
И горько мне тебя покинуть навсегда
Без вдохновенного и вечного следа...
Отважно на алтарь твой чистый и нетленный
Молитвенно кладу я варварский свой стих,—
От родины моей пришлец у вод твоих
Его здесь повторит с душевным умиленьем,
Довольный, что восторг его предвкушен мной,
Что думе я его мог образ дать живой...
Иль... тщетно на меня ты веял вдохновеньем,—
И вечно будешь цвесть средь лавров, старый Рим,

И люди севера прийдут к садам твоим,
Внимая вод твоих таинственному шуму,
Немея в тишине дряхлеющих руин,
Воспитывать в тиши мужающую думу,
Над пепелищами граждан, средь сих равнин,
В восторге чувствовать, что значит гражданин,
И, разгадав огонь, что жил в твоем народе,
Свой дух обожествят мечтою о свободе!
Они прийдут сюда... а мой исчезнет след,
Забудешь даже ты меня, моя подруга,
Чьи клятвы слышали и лавр, и небо юга,
Как всё забудется — как шалость юных лет.

1843—1844

РОМАНС

Мой взор всегда искал твоих очей;
Мой слух ловил привет твоих речей;
Один другим как счастливы мы были...
О как тогда друг друга мы любили!

Разлуки час потом ударил нам;
На вечную любовь и *здесь* и *там*
Мы поклялись... но клятве изменили:
В разлуке мы других уже любили.

Мы встретились потом; полусмеясь,
Полувздохнув, ты помнишь ли, в тот час
Друг друга мы почти шутя спросили:
«Ты помнишь, как друг друга мы любили?»

1844

ЭЛЕГИЯ

Нам каждый день приходится оплакать
Не сбывшийся, но праведный порыв.
Бесплоден он в грядущем остается,
Но чувствуешь, что, потрясенный им,
Становишься ты чище, благородней...

О, жизнь, на что же ты? Какую ж дань
Мы принесем далекому потомству?
Где наших рук дела? И как узнают
Потомки имена отцов — не славных,
Но чья душа сражалася с судьбою,
С ее двумя орудьями — приманкой
Обетов лестных и нуждою бледной,
Чей дух окреп в святом негодованьи
И убивать привык свои надежды?..
Иль мы, несклонные главою падать
Пред пошлостью, лишь золотом могучей,
Лобзать привычную к злодейству руку,
Иль мы насмешка демона над миром?..
Друзья мои, сдержите строгий суд,
Не называйте робким малодушьем
Моей души мучительную думу...
И в пире молкнет шутка у меня,
И кубок падает, как эта дума
Внезапно сердце холодом охватит...
Так посреди безумства карнавала
Вдруг падают пестреющие маски,
И шарлатан, и пестрый арлекин
Исчезнут, как раздастся звон печальный,
И меж толпы бледнеющей идут
Суровые монахи и поют
Протяжным голосом: «Memento mori» [1].

14 декабря 1844

* * *

Для чего, природа,
Ты мне шепчешь тайны?
Им в душе так тесно,
И душе неловко,
Тяжело ей с ними!
Хочется иль словом,
Иль покорной кистью
Снова в мир их кинуть,

[1] Помни о смерти (лат.).— *Ред.*

С той же чудной силой,
С тем же чудным блеском,
Ничего не скрывши,
И отдать их миру,
Как от мира принял!

<1845>

РОЖДЕНИЕ КИПРИДЫ

(Из греческой антологии)

Зевс, от дум миродержанья
Хмуря грозные черты,
Вдруг — средь волн и всю в сиянье
Зрит богиню Красоты.

Тихо взором к ней поникнул
Он с надоблачных высот
И, любуясь ей, воскликнул:
«Кто хулить тебя дерзнет?»

Слово Зевса подхватила,
В куче роялся, свинья
И, подняв слепое рыло,
Прохрипела: «Я, я, я!»

1845 или 1846

СКУЛЬПТОРУ

Был груб когда-то человек:
Младенцем жил и умер грек.
И в простоте первоначальной,
Что слышал в сердце молодом,
Творил доверчиво резцом
Он в красоте монументальной,
Творил, как песнь свою поет
Рыбак у лона синих вод,
Как дева в грусти иль веселье,
В глуши альпийского ущелья...

И вкруг священных алтарей
Народы чтили человека
В созданьях девственного грека...
А ты, художник наших дней,
Ты, аналитик и психолог,
Что в нашем духе отыскал?
С чего снимать блестящий сколок
Ты мрамору и бронзе дал?
Ты прежних сил в нем не находишь,
И, мучась тяжкой пустотой,
Богов Олимпа к нам низводишь,
Забыв, что было в них душой,
Как лик Гамлета колоссальный
Актер коверкает шальной
Пред публикой провинциальной.

<1846>

АНАХОРЕТ

Двадцать лет в пустыне,
    На скале я прожил,
Выше туч, туманов
    И громов, и молний.

Изгнанный из мира,
    В гневе мир я бросил,
Но забыть с ним трудно
    Порванные связи.

И когда вдруг солнце
    Облака разгонит,
Города в долине
    Заблестят как искры,

Мне на мысль приходит —
    В двадцать лет, быть может,
Всё давно свершилось,
    Из чего я бился:

Бедный сверг оковы;
    Сильны и прекрасны,

Разумом и волей
    Племена земные...

Снова к ним пошел бы...
    Ну, а если в людях
Самые преданья
    О добре исчезли?

И мои им речи
    Будут непонятны,
И они от старца
    Отойдут со смехом?

<1846>

* * *

Думал я, что небо
    Ясное полудня,
Сень олив и мирта,
    Музыкальный голос,
Жаркие лобзанья
    Жен высокогрудых
Исцелят недуги
    Страждущего сердца;
Думал я, что сила
    Строгого искусства,
Вековая почва —
    Прах святой героев,
Хоть забвеньем сладким
    На душу повеют;
Что в ней хоть замолкнут
Жажда теплой веры
    И безверья муки,
Жажда дел высоких
    И тоска бессилья;
Разума гаданья,
    И над ним насмешки...
За порыв восторга
    Платишь горькой мукой:

Старая проснется
Прежнего острее,
Как хозяйка злая,
За один взгляд беглый
На красу чужую,
Встретит бранью злее,
Старое припомнит
И язвит, и колет...
Хоть беги со света!

<1846>

НА МОГИЛЕ

Сладко мне быть на кладбище, где спишь ты, мой милый!
Нет разрушенья в природе! нет смерти конечной!
Чадо ума и души — твоя мысль пронесется к потомкам...
Здесь же, о друг мой, мне с трепетом сердце сказало —
В этой сребристой осоке и в розах, в ней пышно цветущих,
В этих дубках молодых — есть уж частица тебя.

1850

* * *

Только пир полночный,
Как задремлют старцы,
Продолжая речи
Важные впросонках;
Только смех вакханки
Дерзкой и румяной —
И люблю я в жизни.

Сладки поцелуи,
Если в опьяненьи
У тебя, у девы,
Голова кружится
И еще не знаешь,
Кто тебя осилит:
Купидон иль Бахус.

Лепет уст и говор,
Страстное дыханье,
Кровь в упругих жилах,
Даже сами мысли
В слухе отдаются
Музыкой чудесной,—
Точно всюду струнный
Гул идет, волнуясь:
Тут и самой смерти
Не услышишь зова.

<1851>

* * *

Сухим умом, мой милый, ты
В меня сомненье не забросишь.
Ты из поэзии мечты,
Как декорации, выносишь.
Нет, мой философ, я поэт!
Мне нужны ангелы и духи,
Все эти тайны, этот бред,
Что завещали нам старухи;
Мне нужны вера в чудеса,
И рай, и ад, и злых тревога,
И если пусты небеса,
То сам бы выдумал я бога.
Я не стою за них горой,
Они пугают лишь невежду,—
Но в них для истины святой
Я вижу дивную одежду.

1852 или 1853

* * *

Полно притворяться,
Юноша счастливый!
Повинись, признайся:
Что ты так встревожен
И хитришь неловко?
Я попал некстати?

Видел я, мелькнуло
Беленькое платье
Посреди деревьев;
Из саду да к дому
Убежала Нина,
По цветам ступая,
Портя и ломая
Милые ей розы,
Мак и гиацинты...

Знаешь ли ты, ветер
Вьется вокруг розы,
Вдруг, как бы спугнул кто,
От нее умчится,
Всё еще исполнен
Запахом чудесным
Благовонной розы:
Что же ты стыдишься?
Очи блещут негой,
На душе так ясно,
Голова весенним
Счастием сияет —
Не бывал ты лучше!
Годы страсть уносят,—
И, поверь, успеешь
Ты еще быть старцем...
А уж что за юность
Без любви и счастья!

1853

ПОЭТУ

Хвалами ты свой дух насытил,
И мыслишь, внемля торжеству,
Что лавр ты Пушкина похитил
И им обвил свою главу.
А думал Пушкин простодушный,
Что прочен здесь его венок.
Но видел я другой урок
Фортуны гордой и бездушной.

Раз, близ Неаполя, осел
На гроб Вергилия забрел
И — лавр поэта многовечный
Переломил бесчеловечно,
И, что ужаснее всего —
Представь себе,— он съел его!

1853

Н. А. НЕКРАСОВУ

ПО ПРОЧТЕНЬИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ «МУЗА»

С невольным сердца содроганьем
Прослушал Музу я твою,
И перед пламенным признаньем,
Смотри, поэт, я слезы лью!..
Нет, ты дитя больное века!
Пловец без цели, без звезды!
И жаль мне, жаль мне человека
В поэте злобы и вражды!
Нет, если дух твой благородный
Устал, измучен, огорчен,
И точит сердце червь холодный,
И сердце знает только стон,—
Поэт! ты слушался не Музы,
Ты детски слушался людей.
Ты наложил на душу узы
Их нужд строптивых и страстей;
И слепо в смертный бой бросался,
Куда они тебя вели;
Венок твой кровью окроплялся
И в бранной весь еще пыли!
Вооруженным паладином
Ты проносился по долинам,
Где жатвы зреют и шумят,
Где трав несется аромат,
Но ты их не хотел и видеть,
Провозглашая бранный зов,
И, полюбивши ненавидеть,
Везде искал одних врагов.

Но вижу: бранью не насытясь
И алча сердцем новых сил,
Взлетев на холм, усталый витязь,
Ты вдруг коня остановил.
Постой — хоть миг! — и на свободе
Познай призыв своей души:
Склони усталый взор к природе.
Смотри, как чудно здесь в глуши:
Идет обрывом лес зеленый,
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И как ковром устлал дорогу,—
Идешь — как будто по водам,—
Нога шумит... И ухо внемлет
Смятенный говор в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет
И красных мухоморов ряд,
Как карлы сказочные, спят;
А здесь просвет: сквозь листья блещут,
Сверкая золотом, струи...
Ты слышишь говор: воды плещут,
Качая сонные ладьи;
И мельница хрипит и стонет
Под говор бешеных колес.
Вон-вон скрыпит тяжелый воз:
Везут зерно. Клячонку гонит
Крестьянин, на возу дитя,
И деда страхом тешит внучка,
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай летит кругом.

Поэт! Ты слышишь эти звуки...
Долой броню! Во прах копье!
Здесь достояние твое!
Я знаю — молкнут сердца муки
И раны тяжкие войны
В твоей душе заживлены.

Слеза в очах как жемчуг блещет,
И стих в устах твоих трепещет,
И средь душевной полноты
Иную Музу слышишь ты.
В ней нет болезненного стона,
Нет на руках ее цепей.
Церера, пышная Помона
Ее зовут сестрой своей,
К ней простирают руки нежно —
И, умирив свой дух мятежный,
Она сердечною слезой
Встречает чуждый ей покой...
Отдайся ей душою сирой,
Узнай ее: она как мать
Тебя готова приласкать;
Брось человеческого мира
Тщету и в божий мир ступай!
Он лучезарен и чудесен,
И как его ни воспевай —
Всё будет мало наших песен!

1853

ВЕСЕННИЙ БРЕД

(М. П. З . . . . . у)

Здорово, милый друг! Я прямо из деревни!
Был три дня на коне, две ночи спал в харчевне,
Устал, измучился, но как я счастлив был,
И как на счет костей я душу освежил!
Уж в почках яблони; жужжат и вьются пчелы;
Уж свежей травкою подернулась земля...
Вчера Егорьев день — какой гурьбой веселой
Деревня выгнала стада свои в поля!
Священник с причетом, крестом и образами
Молебен отслужил пред пестрыми толпами
И, окропив водой, благословил стада —
Основу счастия и сельского труда.
И к морю я забрел: что плещется уклейки!
В бору застиг меня весенний первый гром,

И первым дождиком облитый как из лейки,
Продрогши, ввечеру согрелся я чайком
В трактире с чухнами, среди большой дороги.
Но сколько испытал я в сердце новых чувств!
Продумал сколько дум о мире и о боге,
Проверил наши все теории искусств,
Всё перебрал, о чем с тобой мы толковали,
Искали истины — и беспощадно врали!
Поверишь ли, мой друг, что на коне верхом,
Или ворочаясь в ночи на сеновале,
Меж тем как вкруг шумел весь постоялый дом,
Проезжие коней впрягали, отпрягали,
И подле же меня до утренних лучей
Я слышал чавканье коров и лошадей,—
Я, друг мой, нашу всю науку пересоздал!
Ученым и тебе — всем по заслугам воздал!
Я думал: боже мой! Ну, вот, меж тем как я
С душою, раннею весною обновленной,
Так ясно вижу всё, и разум просветленный
Отвагой дышит, полн сердечного огня,—
Ты, в душной комнате, боясь сквозного ветру,
О мире, может быть, систему сочинил...
О, вандал! Ты весну не сердцем ощутил —
Прочел в календаре, узнал по барометру!
Ведь так и с истиной в науке-то у вас!
Вы томы пишете, начнете свой рассказ
С ассириян, мидян и кончите Россией,—
И что ж? Толкуя нам, как думали другие,
Сказали ли хоть раз, как думаете вы?
Ну, что бы подойти к предмету просто, прямо,
Чем споры древних лет поддерживать упрямо
С надменной важностью бессмысленной совы?
О, эрудиция! О, школьные вериги!
Да что за польза нам, что поняли вы книги!
Нет, дайте истины живое слово нам,
Как виделась она старинным мудрецам
Еще блестящая восторгом вдохновенья
И окропленная слезами умиленья!
Она — дитя любви и жизни,— не труда!
Ученость ведь еще не мудрость, господа!
Системы, сшитые логически и строго,—
Хитро созданный храм, в котором нет лишь — бога!

Но, впрочем, вы враги восторга и мечты!
Вы — положительны! Для вас в науках точность
Ручательство за их достоинство и прочность,
И, изучая жизнь, что вам до красоты!
«Всё бред, что пальцами ощупать невозможно!
Нам греки не пример: они учились жить
И мир невидимый старались объяснить;
Мы ценим только то, что твердо, непреложно»,—
И в цифрах выразить готовы вы весь мир!..
Что я пойму, когда, описывая пир,
Ты скажешь — столько-то бутылок осушили?
Нет, было ль весело, скажи, и как вы пили?
И в грязном кабаке бутылкам тот же счет,
Что у дворецкого в Перикловом чертоге,
Где пировал Сократ и поучал народ
О благе, красоте и о едином боге.
И много стоит вам и муки и трудов,
Найти у греков счет их сел и городов
Или республик их определить доходы...
О, близкие еще к младенчеству народы!
Ведь о грамматике не думали они,
А пели уж стихи великой Илиады,
И эта песнь жива еще по наши дни
И служит нам еще, как ключ в степи, отрадой...

Я каюсь, милый мой, брани меня, ругай,
Иль действием весны на разум объясняй,
Но мысли странные в уме моем рождались,
Представил живо я наш непонятный век,
Всё, что мы видели, чем жили, вдохновлялись
И, как игрушкою наскучив, в быстрый бег
От старого вперед всё дале устремлялись;
Припомнил лица я, и страсти, и слова,
И вопль падения, и клики торжества,
Что вырывалося внезапно, вдохновенно,
Что было жизнию, казалось, всей вселенной,
В чем каждому из нас была и роль, и честь,—
И вдруг подумал я — пройдет столетий шесть,
И кинется на нас ученых вереница!..
Я думал — боже! как их вытянутся лица,
Когда в громаде книг, что наш оставит век,

Ища с трудом у нас Сократов и Сенек,
Найдут какие-то печальные заметки —
Сухого дерева раскрошенные ветки!
Увидят кипы книг, истлевшие в пыли,
Где правила ремесл в науки возвели;
Там сочинение, под коим гнется полка —
«О ценности вещей в правленье Святополка».
Увидят, что у нас равно оценены
За остроту ума и реалист, и мистик;
Там цифры мертвые безжизненных статистик,
Романы самые статистикой полны...
Найдут, как тщилися тугие корнесловы
Язык наш подвести под чуждые оковы;
Откроют критиков и важных, и смешных;
Грамматиков — и, ах! несходство между них!
Историков идей, историков событий,
Историков монет, историков открытий...

Но, исчисляя тут познаний наших круг,
Одну припомнил я науку, милый друг,
И так захохотал среди ночного мрака,
Что спавшая в сенях залаяла собака.
Ведь мало нам наук и сложных, и простых!
Нам мало даже книг, хоть перечесть их мука!
Для нас нужна еще особая наука —
История... чего?.. Да этих самых книг!..

Но мой шутливый смех и грустию сменялся,
И с горем пополам, ей-богу, я смеялся,
Покуда крепкий сон меня не уломал.
Когда ж проснулся я, восток зарей сиял,
Летели облака с зардевшими краями,
Как полчища, пройти пред царскими очами
Готовые на смотр; и несся пар седой
Над сталью озера; земля ночным морозом
Была окреплена с подмерзнувшей травой,
И тонкий лед звенел, дробяся под ногой.
Пора уж двигаться ночевщикам-обозам!
Взъерошенный мужик уж вылез на крыльцо
Расправить холодком горячее лицо

И мрачно чешется... Там мальчуган пузатый
Впросонках поднялся и выскочил из хаты,
И стал как Купидон известный у ключа...
Весь дом задвигался, зевая и ворча.
Пора на рынок в путь ленивому чухонцу...
Телеги тронулись... И мне коня! И в путь!
Куда?.. Куда-нибудь! Да хоть навстречу солнцу!
О, радостная мощь мою подъемлет грудь!
Дыханье так свежо и вылетает паром!
И мысль во мне кипит, светлея и горя,
Как будто глянула и на нее заря,
Пылающая там, по небесам, пожаром!
Как будто кто-то мне таинственно шептал,
Когда вчерашний бред я свой припоминал,
И — «радуйся! вещал, что ты рожден поэтом!
Пускай ученые трудятся над скелетом!
Пусть строят, плотники, науки прочный храм!
Мысль зданья им чужда,— но каждый пусть
келейник
Несет соломинку на общий муравейник!
Ты ж избран говорить грядущим племенам
За век, за родину! Тебе пред светом целым
Глаголом праведным и вдохновенно смелым
Их душу возвестить потомству суждено!
Ученым — скорлупа! Тебе, певец, зерно!
В тебе бьет светлый ключ науки вечно новой!
В тебе живая мысль выковывает слово —
Пусть ловят на лету грамматики его:
Оно лишь колыбель созданья твоего!
Пускай родной язык непризванные мучат,
На чуждый образец его ломаться учат,
Клеймят чужим клеймом и гнут в свое ярмо:
Ты видишь, точно конь он дикий не дается
И в пене ярости и бесится, и бьется,
И силится слизать кровавое клеймо.
Но как он вдруг дохнет родных степей разгулом
Под ловким всадником! Как мчится по полям!
Ведь только пыль змеей виется по следам,
И только полнится окрестность звонким гулом!»

1853

ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О ПОБЕДАХ ПРИ СИНОПЕ И АХАЛЦИХЕ

Что слышу? Что сердца волнует?
Что веселится царский дом?..
Опять Россия торжествует!
Опять гремит Кагульский гром!
Опять времен Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторг неполон! Нет!
Наш век велик, могуч и славен;
Но где ж, Россия, твой Державин?
О, где певец твоих побед?
И где кимвал его, литавры,
Которых гром внимал весь мир?..
Неполны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!
Кто днесь стихом монументальным
Провозвестит потомкам дальным,
Что мы всё те же, как тогда,
И что жива еще в России
О христианской Византии
Великодушная мечта!
К тебе, Державин, как в молитве,
К тебе зову! Услышь мой глас,
Как слушал бард о чудной битве
Простого пахаря рассказ.
С тех пор как жреческий твой голос
Умолкнул, много Русь боролась
Со злым врагом и клеветой.
В нас сил твоих недоставало
К ним стать лицом, поднять забрало
И грянуть речью громовой.
Пора забыть наветы злые,
Пора и нам глаза открыть
И перестать нам о России
С чужого голоса судить.
Пора! Завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось!
Мы прозреваем наконец
В самосознании народном —

Нам не в Париже сумасбродном,
Не в дряхлой Вене образец.
В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она;
Там человека гордый гений
Зрел средь насильств и потрясений;
Дух партий злобу там таит;
Все живы старые обиды;
Над каждым мрачной Немезиды
Там меч кровавый тяготит.
А мы за нашими царями,
Душою веруя Петру,
Как за искусными вождями,
Пошли к величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разум спали
В богатыре земли родной,
Лишь бы монгольских зол заразу
С него стряхнуть и, как алмазу,
Дать грань душе его младой.
Чем быть во изумленье миру —
Ему впервой разоблачил
Тот, кто сложил с себя порфиру
И как матрос и плотник жил;
За Русь пошел страдать, учиться,
Кто восхотел переродиться,
Чтоб свой народ переродить!
Познай, наш враг хитроугрозный!
С ее царем дороги розной
России ввек не может быть.
И пусть она еще ребенок,
Но как глядит уже умно!
Еще чуть вышла из пеленок,
Но сколько ею создано!..
Державин! Бард наш сладкострунный!
Ты возвещал России юной
Всё, чем велик здесь человек;
Ты для восторга дал ей клики,
Ты огласил ее, великий,
Трудов и славы первый век!

Восстань же днесь и виждь — как снова
Родные плещут знамена́!
Во славу имени Христова
Кипит священная война,
И вновь Россия торжествует!..
Пускай Европа негодует,
Пускай коварствует и лжет:
Дух отрицанья, дух сомненья,
Врагов бессильное шипенье
Народный дух в нас не убьет!
У нас есть два врага — мы знаем!
Один — завистников вражда:
Не усмирив их, не влагаем
Меча в ножны мы никогда;
Другой наш враг — и враг кичливый —
То дух невежества строптивый!..
О Русь! их купно поражай!
Одних мечом, других сатирой,
И бранный меч с правдивой лирой
Единым лавром обвивай!
В ряду героев Измаила
Да узрят наши имена,
Да знают: с ними в нас одна
Мощь разума и длани сила;
Да глубже мысль нам ляжет в грудь,
Что наш велик в грядущем путь,—
И тень певца Екатерины
На наше кликнет торжество:
«Они всё те же исполины
И помнят барда своего!»

2 или 3 декабря 1853

* * *

Нет, не для подвигов духовных,
Не для спасения души
Я б бросил мир людей греховных
И поселился бы в глуши,—
Но чтоб не видеть безрассудства
И ослепления людей,

Путем холодного распутства
Бегущих к гибели своей.
Нет, с правдой полно лицемерить!
Пора решиться возгласить:
В грядущем — не во что нам верить
И в жизни нечего любить!
Одно безмолвие природы,
Поля и лес мне могут дать,
Чего напрасно ждут народы,—
Спокойной мысли благодать.

1853 или 1854

ОСЕНЬ

Два раза снег уж выпадал,
Держался день и таял снова...
Не узнаю леска родного —
Как светел он, как редок стал.
Чернеют палки гнезд вороньих
На дереве; кой-где дрожит
Один листок, и лес молчит...
А утопал он в благовоньях,
И лепетал, и зеленел,
В грозу шумел, под солнцем зрел.
И всё мне здесь твердит уныло:
И ты пройдешь огонь земной,
И захиреешь ты душой
Еще, быть может, до могилы.
Нет,— тайный голос мне звучит,—
Нет, что-нибудь да устоит
Во мне в крушеньи прежней силы,
Как эта царственная ель,
Еще блестящая досель
В своем зеленом одеянье,—
Не ум, так сердце; не оно —
Так чувство чистое одно,
Одно отрадное сознанье,
Что путь свой честно я свершил
И для чего-нибудь да жил.

1853 или 1854

<КОЛЯСКА>

Когда по улице, в откинутой коляске,
Перед беспечною толпою едет он,
В походный плащ одет, в солдатской медной каске,
Спокойно-грустен, строг и в думу погружен,—
В нем виден каждый миг державный повелитель,
И вождь, и судия, России промыслитель
И первый труженик народа своего.
С благоговением гляжу я на него,
И грустно думать мне, что мрачное величье
В его есть жребии: ни чувств, ни дум его
Не пощадил наш век клевет и злоязычья!
И рвется вся душа во мне ему сказать
Пред сонмищем его хулителей смущенным:
«Великий человек! Прости слепорожденным!
Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
Когда история пред миром изумленным
Плод слезных дум твоих о Руси обнажит
И, сдернув с истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей твой образ колоссальный
На поклонение народам водрузит».

5 марта 1854

ВСТРЕЧА

Случается порой, в весенний ясный день,
Когда к нам ветерки с полудня прилетают,
С крыш капли быстрые как золото мелькают,
И на душе твоей томленье, сон и лень;
И смотришь, как народ идет толпой шумящей,
Как вздулось синее стекло замерзших рек,
Как скачут вóроны, копая рыхлый снег...
Вдруг посреди толпы, как метеор блестящий,
Идет красавица... внезапно пред тобой
Как будто бы пахнёт цветами и весной,
И словно обожжет тебя, как гордо взглянет
В лицо тебе, и ждет, что ты потупишь взор
И, как царице, дашь стопам ее простор:
О, как тут хорошо и вместе стыдно станет!

Вся жизнь в груди в тот миг воспрянет ото сна,
И знать хотелось бы, что думает она —
Меж тем, как ослеплен, потерян и встревожен,
Ты кажешься так мал, незначащ и ничтожен...
Стоишь как вкопанный, а взор за ней следит
В толпе, во множестве мелькающих нарядов,
И всё в душе твоей как струнный гул дрожит
Под электричеством двух встретившихся
взглядов...
Вот так рождается и мысль твоя, поэт,
Как образ пламенный, как мимолетный свет,
И только силишься, при трепете блаженства,
Запомнить резких черт красу и совершенство,
Покуда не прошла та творческая дрожь
И душу не объял художнический холод:
Прочь, зодчий! План готов, размерен и хорош,
И плотничать иди пила, топор и молот!

1854

ПАСТУХ

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты меня на добрый путь наставила,
Дурака меня оболванила,
Добрым молодцем в люди вывела,
Как я был еще млад-младешенек,
А потом как был и на возрасте,
Нерадивый был, непонятливый.
Возьмусь за соху — полоса крива,
Возьмусь за косу — из рук валится.
Только песни петь умел девкам я,
Да разжалобить хмель кабацкую
В стариках умел я по праздникам.
Долго ждал-глядел и грозил отец,
Да и грянул вдруг, что по небу гром,
И, что гул в бору, мать поддакнула.
Отобрали мой новый синь кафтан,
Шляпу с пряжкою, пояс шелковый,
Дали в руки кнут да дыряв зипун,
В пастухи меня, дурня, отдали.

И пастух-то я нерадивый был:
Пас в лесу сперва — да соскучился,
Стал в луга гонять — закручинился,
Норовил потом на дороженьку
На проезжую, на шоссейную.

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Как пришло тебе твое времечко,
Не дорогой ты — стала улицей.
Разлетелися галки, во́роны,
По березничку в стороне сидят;
Серый заинька в кустик спрятался,
Приложил ушки, сам дрожит как лист;
Господа ль катят, шестерик валит —
В стороне и те дожидаются;
Тройка ль бойкая несет купчика,
Пьян ямщик стоит, гонит что есть сил,—
Да и ты, купец, поворачивай:
Ровно птицы снуют всё фельдъегери.
Только утро-свет замерещится,
Уж скрыпуч обоз без конца ползет,
Всё добро везут, кладь казенную,
Вслед полки идут, едет конница,
Кони фыркают, сабли звякают,
Усачи сидят, подбоченились,
Говорят-шумят добры молодцы,
Пастуха корят рохлей-увальнем,
Дураку кричат: «На кобылу сядь,
Сядь на пегую, да лицом к хвосту,
Мы с собой возьмем, прямо в вахмистры!»
А потом идет артиллерия:
Пушки медные, всё сердитые,
Фуры крашены с сизым порохом;
Офицер идет хоть молоденький,
Только быстрый взгляд, носик вздернутый.
Пастуха опять дразнят молодцы,
Дурака корят рохлей-увальнем
И с собой зовут позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! Зубки беличьи!
Погрызи, поди, всласть и досыта,—
У нас фуры вон всё с орешками,
Всё с орешками, всё с чугунными».

Им пехота вслед: вперед музыка,
С запевалами, с пляской, с гиканьем;
Ружья — что твой лес! Каски медные,
Полы загнуты, сапоги в пыли:
Идут — стонет дол! Чуешь — сила валит,
Проучила меня зевать конница,
Проучила глазеть артиллерия:
Уж пехоте я в пояс кланялся,
С головы скидал шапку старую,
Заслужил пастух слово доброе.
Брал я удали, заговаривал,
Провожал солдат семь и восемь верст;
Разузнал от них, на чем свет стоит,
Сколько в свете есть городов и сел,
И которые христианские,
И которые басурманские;
Как задумали злые нехристи —
Полонить пришли землю русскую,
Наругаться пришли над иконами,
Обижать пришли царя белого;
Да легко сказать — надо с бою взять,
А на то пошло — так не выдадим:
С нами бог и царь, дело правое.

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты не долго была битой улицей,
И прошло твое красно времечко,
Поосела пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безответная.
Приосмелился заяц, выглянул
На дороженьку, стал осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И один пастух одинешенек
При дороженьке, сиротинушка;
Он стоит, глядит в дальню сторону:
Словно всех родных проводил с двора,
Проводил на пир, сам не прошен был.
И брала его тоска лютая,
И привиделся небывалый сон.
Словно буря идет, с громом, с молнией;
С треском небо, гляжу, разорвалося,

И в сияньи стоит высока жена
Красоты в очах неописанной.
Громким голосом на все стороны
Говорит она, мать детей зовет:
«Подымайтеся, детки милые!
Обижают меня, ох, соколики!»
И по слову ее, что ковыль-трава,
Колыхается, подымается
С четырех сторон рать великая;
И, что лебеди по заре кричат,
По поморью кричат камышовому,
Детки матери откликаются:
«Слышим, матушка! Не бойсь, выручим!»
И, отколь возьмись, белый конь летит,
На меня пахнул из ноздрей огнем;
И схватил коня я за гривоньку,
На коня вскочил храбрым витязем,
И на мне доспех — воронена сталь,
Полетел как вихрь, засверкал мечом
И откликнулся звонким голосом,
Как откликнулись храбры полчища:
«Слышим, матушка! Не бойсь, выручим!»

А как крикнул я, то и сон пропал,
И вскочил, гляжу — а и нет коня,
Не доспех на мне, а дыряв зипун,
Не булат в руке — пастуховский кнут.
И швырнул я кнут, залился слезьми,
Наземь ринулся, рвал сыру траву.
В сердце зла тоска пуще прежнего.
«Али хуже я да честных людей?
Аль что плох пастух — так нет удали?
Да хоть песни петь молодецкие
Пригожуся я, как пойдут на бой!..»
Трое суток я пропадал с села,
Трое суток я не гонял коров.
На четвертые поздно вечером
Я пришел с степи к отцу, к матери,
До земли челом поклонился им,
Заклинал забыть гнев родительский,
Что я сам нашел свою долюшку
Без отцовского изволения.

«Грех с души сними, родна матушка,
Отпусти вину, родной батюшка,—
Сплю и вижу я: мне в поход идти».
Испужалася родна матушка,
Почала корить, горьки слезы лить.
Сердце рвалося, да не сдалося!
Что надумалось во сыром бору,
Что под благовест намолилося
(Сам дивлюсь теперь, отколь речь взялась),
Пошел сказывать, перепархивать
Сперва птенчиком низко по земи,
А потом пошел что орел гулять,
Что в своей воде рыба вольная.
Всё ей выложил: рассуди сама,
Коль губить — губи! В пастухах держи —
Лыко драть, лапти плесть — да коров гонять!
Молча слушал отец, на печи лежал;
А и вижу, с печи опускается,
Сед как лунь, старик, прямо к образу,
На колени пал; замолчала мать.
Был грозён-умён родной батюшка.
«Не кори,— сказал,— не вопи, жена.
Не по глупости говорит дитя,
Он добро сказал, и добру быть так!
Ты зажги свечу перед образом,
Осени дитя, как быть следует,
Нерушимым ввек крестным знаменьем:
Сам свезу чем свет и сдам в рекруты».

Просбирала мать во всю ночь меня,
Просидел отец до зари со мной.
С солнцем впряг коней, словно к празднику,
С расписной дугой, сбруя с бляхами.
Девки, молодцы все сбежалися,
Как с родным, со мной попрощалися.
Гордой поступью вышел батюшка:
Шапки снял народ, расступилися.
Помолясь еще, тронул вожжи он —
Кони взвилися, люди ахнули,
Завопила мать, наземь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо нас избы с клетями,

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА. *Рафаэль. 1515—1519.*

А. Н. МАЙКОВ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ. *1897.*

Зелены луга, ходуны-мосты,
С громом въехали мы в губернию.
Тут и жизнь моя пошла сызнова.

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Не видал я, где ты начинаешься,
А уж знаю теперь, где кончаешься.
Привела меня ты, дороженька,
К славну городу к Севастополю —
Отстоять его, коли бог судил,
Или лечь костьми во честном бою.

1854

АРЛЕКИН

Меня всю ночь промучил сплин...
Передо мной, к стене прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висел бумажный арлекин.
Едва хочу я позабыться —
Вдруг арлекин зашевелится,
Начнет приплясывать, моргать
И точно хочет что сказать.

Я ободрил его. Он начал:
«У вас мне просто нет житья.
Здесь для детей забава я,
А то ли я в Европе значил?
Там все уж знают и твердят,
Что нынче век арлекинад.
Мы маскируемся, хлопочем,
Кутим, жуируем, морочим
И, свет волнуя и губя,
Тишком смеемся про себя.

Но ты меня не понимаешь...
Не мудрено! Ты знаешь свет
Из книг французских да газет;
И, верно, всё воображаешь,
Что арлекин — остряк и шут,

Философ жизни, умный плут,
Друг Бахуса и всякой снеди —
Есть вымысл площадных комедий.
Так было прежде, в старину.
Тогда нас в строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно... Даже не одну
Услугу людям оказали...
Скажу не обинуясь: мир
Вперед мы двигали чудесно,
Когда какой-нибудь безвестный
Нам роли сочинял Шекспир.
Таких Шекспиров было много
Во всех родах. Их здравый ум
Всем и всему судья был строгой.
Их смех был плод глубоких дум...
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И к нам езжала даже знать,
Чтоб каламбур у нас занять,—
Инкогнито!.. Мы беспристрастно
Тартюфов ставили на смех;
Критиковали даже тех,
Кого критиковать опасно:
Известный взяточник и вор
Боялся нас как привиденья;
В делах правленья самый двор
Нас принимал в соображенье.
А шарлатанов-докторов,
Сластолюбивых старичков
И легких модников аббатов,
Скупцов и плутов-адвокатов,
Старух — охотниц до интриг —
Держал в острастке наш язык.
Так в нашем смехе и злословье
Нашли орудье короли,
Чтоб сор мести с лица земли;
И нас любили все сословья:
В них силы наша болтовня
Возобновляла, как лекарство,
Тем в равновесии храня
Все элементы государства.

Пленясь критическим умом
И нашей речи бойкой солью,
Нас свет иной, важнейшей ролью
Решился наградить потом.
«Вы гнать умеете пороки,—
Сказал,— подайте же вы нам
Высокой мудрости уроки!
Как дети вверимся мы вам.
Всей государственной машине
Вы чудный сделали разбор,—
Так перестройте ж нас вы ныне,
Да новый мир пойдет с сих пор!»

В нас ум всегда был смел и скор.
Вмиг план готов, и ухватились
За труд с уверенностью мы.
Мы к той поре уж поучились
И наши бойкие умы
Уж в философию пустились;
Пьеро надел уже парик,
И точно — царь был в царстве книг!
И мы пошли ломать. Трещало
Всё, что построили века...
Грядущее издалека
Нам средь руин зарей сияло...
Но вдруг средь наших сладких снов,
Средь наших пламенных теорий —
Мы слышим черни ярый рев:
Как будто вдруг из берегов,
Бушуя, выступило море!..
Мы в ужасе глядим кругом,
И что ж? Как демоны в потемках,
Одни стоим мы на обломках:
Добро упало вместе с злом!
Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...

Но это всё тебе известно;
Ты знаешь, как одни из нас,
Противу черни ополчась,

Погибли праведно и честно;
Но ты не знаешь одного —
Что многим голову вскружило
Господство, власть и торжество,
А с тем и деньги... Да, мой милой!
Кто раз уж сладко ел и пил,
Тот аппетит уж наострил!
Мы взять попробовали силой —
Да не смогли. «Ну так постой,—
Мы думали,— народ пустой!
Подобье вечное Сатурна!
Мы как-нибудь найдем лафу,
И так подденем на фу-фу!
Половим рыбки: море бурно!..
Мир сам пойдет своим путем,
А мы с него свое возьмем —
И вот как: решено, что дурно
Всё старое, как сгнивший плод,
Ну, так возьмем наоборот,
Перевернем всё наизнанку,
Взболтаем целый мир, как склянку:
Чему на дне быть — упадет,
Чему вверху — наверх всплывет!..
То, что считалось безобразным,
Мы совершенством назовем;
Что искони казалось грязным,
Мы в том высокое найдем...»
Но, впрочем, эти штуки мелки,
И занимают лишь детей
Литературные проделки.
Тут были вещи покрупней.
Притом у нас литература
Была неважная фигура:
Один слезами тешил дур,
Другой ругался чересчур,
Так что открылась штука эта,
И мир смекнул, стряхнувши сплин,
Что в маске чахлого поэта
Румяный крылся арлекин.

Нет, вот где более отваги!
Смотри-ка, дерзость какова!

Мы появилися как маги,
Вещали чудные слова;
Со всем величием пророка
Провозглашали: «Нет порока!
Для плоти наступил свой век!
Стыд, совесть — робких душ тревога!
В страстях познайте голос бога,
И этот бог — есть человек!..»
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецов, а особливо жриц
Из жен, скучающих мужьями,
И неутешенных вдовиц.
В своем бессовестном ученье
Открыв всем мерзостям прощенье,
Пустили по свету гулять
Мы Мессалин и Дон-Жуанов,
И куча мелких партизанов
Пошли их роль перенимать.
Они взялись за дело прочно
И, пред испуганной толпой,
Плевали с наглостью тупой
В лицо весталки непорочной,
Им недоступной, им чужой!
Прикрывши грацией бесстыдство,
Они всем блеском сибаритства
Ловили в сети и детей,
Их развращая в цвете дней...
Тут было чистое злодейство,
Но наши новые жрецы
Втирались в мирные семейства
И утучнялись, как тельцы...

Но всё же этим аферистам
Не так проделка удалась,
Как арлекинам-журналистам.
В них оценить ты можешь нас.
Вот знают, где и как ударить!
Вот мастера-то, черт возьми,
Насчет умов в карманах шарить
И слыть честнейшими людьми!

Сбирая дани с муз и граций
Натурой, деньгой, тем и тем,
Они для верных спекуляций
Каких не строили систем!
Уж в чем других не уверяли,
Не веря ровно ничему!
Казалось всем, они лишь знали,
Что не известно никому,
Род человеческий так падок
Ведь на таинственность: они,
Как сфинксы, полные загадок,
Являлись черни в оны дни!
От них услышать голос божий
К ним собиралися толпы
Великодушной молодежи,
Чуть не целуя их стопы.
И сфинкс, в них разжигая страсти,
Себе прокладывал в тиши
На их плечах дорогу к власти
И с благородства их души
Сбирал тихонько барыши.
Так шарлатанством и коварством
Опять вступили мы в почет,
Опять правленье государством
Вручил нам ветреный народ,
И — мы попали в депутаты...
О, если б видел ты палаты!
Вот маскарад-то! Шум и гам!
Куда ни взглянешь — тут и там
Всё арлекин на арлекине
В патриотической личине!..
Ну, тут пошел такой кутеж,
Что уж теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Им обещая дать устав,
Как жать, не сеяв, не пахав.
Хоть, правда, два-три человека
Наладить думали ход века,—
Да где им? Главная-то часть
Была у нас — казна и власть,

В руках — голодной черни стая,
Толпа фанатиков слепая
Да беглецы со всей земли.
Так мы в республику сыграли,
Потом империю создали,
В парламент английский вошли...
И, два враждебные народа
Сдружив для Крымского похода,
На помощь туркам повели...
Всё б это ничего, конечно,
Когда бы в то, что мы творим,
О чем мы пишем и кричим,
Мы верили чистосердечно,—
Нет, веры нет в нас на алтын!
Ведь смех: почтенный господин
Громит с трибуны — плещут массы,
А подо все его возгласы
В душе витии арлекин
Толпе коверкает гримасы!

Я сам... Да что и поминать!
Увы! Nessun maggior dolore, [1]
Как вспоминать про счастье в горе!
Нас стали там уж понимать.
Народ — не тот, что пьет и пляшет,
А тот, который жнет и пашет,—
Стал дело, кажется, смекать;
А этих пахарей печальных,
Отцов семейств патриархальных,
Возросших средь лесов и гор,
Мы очень трусим с давних пор...
К тому ж еще удар жестокой:
Оскорблена в душе высокой,
Уж видит наша молодежь,
Что силы, ум ее, здоровье
Погибли, защищая ложь,
В великолепном пустословье,
И многие в душе своей
Дают обет — от критиканства,

[1] Нет большей боли (итал.).— *Ред.*

От пустоты и шарлатанства
Предохранить своих детей...

Я думал, уж не дать ли тягу
Да здесь, в России, покутить...
Но как наказан за отвагу!
Не знаю, как и пережить!
Ведь вы одни для нас и грозны.
Вы слишком вообще серьезны.
Я здесь без весу, без гроша.
Иначе тешится Россия!
У ней и в смехе есть душа,
И в шутках — думы вековые!
У вас есть вера в вашу Русь —
А ведь и камни движет вера!
Нет, я ошибся. Признаюсь,
Уж вот урок-то! Вот карьера!
Мальчишка дергает шнурок,
А я и прыгай что есть ног,
Пока не пустит он шнурочка!..
Послушай, сжалься надо мной!
Пусти меня! Сними с гвоздочка!
Мне, право, надобно домой!
Идет к концу арлекинада —
Так приготовиться мне надо
Собой украсить мавзолей
Великих тамошних людей».

1854

* * *

Окончена война. Подписан подлый мир.
Отцы отечества! устраивайте пир,
Бокалы с торжеством высоко поднимайте!
И лживый манифест с потоком слез читайте!
Чего еще вам ждать — написано красно!
Не в первый раз бумажным крючкотворством
Пришлося вам прикрыть отечества пятно,
Подьячие в звездах, с умом и сердцем черствым.

1856

ВИХРЬ

(Отрывок)

Полн черных дум, я в поле проходил,
И вдруг, среди истомы и тревоги,
Неистовым настигнут вихрем был.

Средь тучи пыли, поднятой с дороги,
Древесные кружилися листы,
Неслись снопы, разметанные стоги,

Деревьев ветви, целые кусты.
Стада, блея и головы понуря,
Помчались; рев и вой средь темноты

Такой поднялся, что, глаза зажмуря,
Я побежал и думал, что разбить
Иль вымести хотела землю буря.

Мгновенно дум моих порвалась нить.
Попавши в круть и силяся напрасно
Запорошенные глаза открыть,

Я вспомнил Дантов адский вихрь ужасной,
Который гнал, крутя, как лист в лугу,
Теней погибших вечно сонм злосчастной.

И что же? Вдруг я слышу на бегу,
Что не один я схвачен адской кручей
И волочусь в безвыходном кругу.

На миг открыв глаза, сквозь вихорь жгучий
Я множество узрел голов и лиц,
Одежд, как парус бившихся летучий,

Взбесившихся коней, в пыли возниц,
Детей и женщин, подымавших руки
Из-под колес разбитых колесниц.

Лишь по устам, открытым в страшной муке,
Я понимал, что все они вопят,
Но вихорь вырывал из уст их звуки,

И мчал он их, как щепки водопад...
Я вдруг попал в затишье за скалою,
И провожать бегущих мог мой взгляд.

И видел я: тяжелою стопою,
Как мчатся в страхе по полю быки
И между них телята — хвост строкою,—

Бежали юноши и старики.
Над ними вихрь кружил листы бумаги
И рвал с голов седые парики...

Педантов вмиг узнал я в сей ватаге:
Их жалкий круг когда-то охранял
Наук святыню и, в слепой отваге,

Дорогу к ней народу преграждал...
За ними вслед — исчадье канцелярий —
Дельцов, пройдох печальный сонм бежал...

Тут были мопсов морды, волчьи хари,
И головы ушастых лошаков,
И Зевс миров подьяческих, и парий.

Их точно гнал незримый рой бесов.
Один толстяк упал, изнемогая,
Но вихрь его, средь пыльных облаков,

То вниз, то вверх кидал, как мяч швыряя;
Другому же блудница на плеча
Повисла, как вампир, его кусая:

Он бил ее, зубами скрежеща...
За ними дам толпы, в наряде бальном,
В венках из роз, в гирляндах из плюща,

Как будто плыли в вальсе музыкальном,
Подобные летящим лебедям
Над синей степью к озерам зеркальным,

И франтов рой бежал по их следам,
Толкаяся и руки простирая
За улетающей толпою дам,

Так спугнутых домашних уток стая
Бежит по пруду, шлепая крылом
И взвиться в воздух силы напрягая...

Но вихорь стал еще сильней потом,
Опять толпы помчались в урагане,
Как армии в дыму пороховом.

Как в разноцветном, огненном фонтане,
И голубых и алых лент цвета
Передо мной мелькали, как в тумане.

Я чувствовал: страшна та высота,
С которой вихрь низвергнул сих несчастных...
Но вдруг, смотрю, яснеет темнота,

И пыли столб, и с ним толпа безгласных
И жалких жертв в клубящемся песке,
Весь просиял в отливах света красных,

И в белой ризе, крест держа в руке,
Маститый старец стал перед толпами,
Как каменный утес в упор реке.

Он вопиял: «Покайтесь!» — и перстами
Указывал на город... Я взглянул —
И онемел... Огонь, клубясь волнами,

Над городом всё небо обогнул.
Из дыма искры сыпались, как семя
От веяла,— и вдруг, сквозь треск и гул,

С небес раздался глас: «Приспело время!
Се тот, кого забыли вы! Долой,
О блудное и ветреное племя!»

Я в ужасе упал полуживой.

1856

БОРЬБА

(Из Шиллера)

Нет, прочь суровый долг! Зачем мне сердце гложешь?
Не требуй жертв напрасных от меня,
Когда уже гасить в груди моей не можешь
Ее палящего огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать над сердцем власть...
Теперь... вот твой венок, он мне не нужен боле.
Возьми его и дай мне пасть!

Разорван наш союз... Она, я знаю, любит!
И вдруг отречься от нее!..
О, нет! пусть страсти пыл навек меня погубит:
В моем падении — блаженство всё мое!

Что точит червь мне жизнь, что гибну я в молчаньи,
Всё поняла душой она;
И на мои безмолвные страданья
Глядит, участия полна.

О, боже! вот оно — желанное участье!
Один лишь миг остался роковой...
Но нет, постой, дитя! Мне страшно это счастье:
В нем приговор конечный мой.

О, страшная судьба! коварное сомненье!
Я здесь у цели наконец:
В ней тайных мук моих награда и венец —
И роковой удар преступного паденья.

1857

* * *

В часы полунощных видений
Как часто предо мной встают
В тумане милые две тени,

И как лепечут, как поют,
Как верят в счастье, как играют
И в жизнь, и в слезы, и любовь,—
И как легко они страдают,
Как быстро радуются вновь!

Их смех игрив, их взоры ясны,
Улыбки — веянье весны!
О боже! как они прекрасны!
О боже! как они смешны!
Как в них себя узнать нам трудно...
Ужель и впрямь была пора,
Когда так веровалось чудно
В возможность счастья и добра!

23 октября 1859 у Полонского

<ИЗ «НЕАПОЛИТАНСКОГО АЛЬБОМА»>

1

Под скорлупкой черепаха —
Вот он кто, мой мистер Джон!
Раз лишь в день свою головку
В мир высовывает он.

Пробежит свои газеты
И в себя опять уйдет
Рассуждать, какой сегодня
В ценах будет поворот.

И сидит — и только цифры,
Словно звезды в небесах,
У него в воображенье
Бродят в группах и рядах.

И бог знает как! — ведь этих
Цифр выходит наконец
Над головкой милой Мери
Фантастический венец.

Вот он — ключ к его тревогам!
Двести тысяч надо в год
Ей для счастья — сто отцовских,
Сто — Альфред пусть достает!

И повсюду за Альфредом
Из скорлупки он следит:
Одобряет втихомолку
Или мысленно корит.

Что ж мне делать? Право, сердце
У меня надорвалось!
Мне любить иль ненавидеть
Мистер Джона: вот вопрос!

2

Рассказать им, что́ в мисс Мери
Привлекает — не поймут!
Не поймут, что это чудный
Для психолога этюд!

Как сквозит сквозь мрамор солнце,
Так у ней сквозит во всем
То — о чем мы столько спорим
И душой пока зовем...

Я люблю наружу вызвать
Эту душу — уколов
Чем-нибудь ее легонько
(Даже взглядом и без слов).

И смотреть, как это нечто
Просквозит в лице на миг —
И потом опять уходит —
В свой неведомый тайник.

3

Целый час малютку Нину
Исповедует монах.
Целый час она, бедняжка,
Перед ним стоит в слезах.

Где сошлася с Лоренцино?
Что сказал он? что она?
Целовались ли — и только ль?
Всё открыть была должна.

В заключенье поученье
Он прочел ей: силен враг,
Победить уже не можешь
Ты одна его никак.

Эти серьги золотые
Ты Мадонне уступи,
На последние деньжонки
Индульгенцию купи,

Ну, а главное, почаще
Исповедуйся у нас.
И тебя я застрахую
От дурных и всяких глаз.

Нина плачет... О мисс Мери,
Вы б спасли ее как раз —
Научив ее — чем сердце
Застраховано у вас?

1858—1859

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

У меня ли над окошечком
Поселилося две ласточки.
Всё сидит одна на гнездышке,
А другая полетает вкруг,
И подсядет к ней на краишек,
И щебечет ей без умолку.
Говорит она про солнышко,
Да про море, море белое,
Про любовь свою заветную,
Да про кошку злоехидную.
Если б был со мной мой миленький,
К моему б окну он хаживал,
Говорил бы мне без умолку

Всё про солнышко, про ясное,
Да про море, море белое,
Про любовь свою заветную,
Про мою про злую мачиху.

1859

* * *

На белой отмели Каспийского поморья,
Работой каторжной изнеможен, лежал
Певец. Вокруг песок; ни кустика, ни взгорья...
Лишь Каспий брызгами страдальца освежал,
Лишь Каспий вызывал певца на песнопенье...
Вот в сердце узника забилось вдохновенье,
Задвигались уста, сверкнул потухший взор,
Он руки к родине, как к матери, простер
И очи обратил с молитвой жаркой к богу;
Но двое часовых уж видят — быть греху!
И взводят уж курки, отставили уж ногу,
Готовясь выстрелить по первому стиху
И в крепости поднять военную тревогу...

1859

ПРАЗДНОСЛОВЫ

Кумиры старые разбиты,
И их разогнаны жрецы,
И разных вер сошлись левиты,
И разных толков мудрецы.
Сошлись во всеоружьи бранном,
В тиарах, в пудре, в колпаках,
Восток и Запад в братстве странном
Уселись рядом на скамьях.
И толк пошел — широко, пышно,
Но с каждым мигом все сильней,
И наконец уже не слышно
Совсем за криками речей:
Друг друга каждый лишь порочит,
И громко бога своего
На место свергнутого прочит,
И счастья ждет лишь от него...

А мир, от гнета векового
Меж тем свободный, засиял,
И прыснуть жизнь везде готова,
И лист уж почку завязал...
И туча пыли, мглы и смрада
Ушла с ликующих небес,
И зданья нового громада
Стоит уж, полная чудес...
И перед тем, кто дал спасенье,
Пред кем разодралася тьма,—
Уже встает из разрушенья,
Живая, Истина сама...
Но,— хоть у всех глаза открыты,—
Ее не узрят гордецы,
И не поймут ее левиты,
И не узнают мудрецы!

1859 или 1860

НЕДОГАДЛИВЫЙ

Вукоман пригожий был детина,
А жена его еще пригожей:
Пляшет, скажешь, пава выступает.
Говорит, что голубка воркует,
Засмеется, что солнцем осветит.
Да не пляшет давно молодица,
Не воркует она, не смеется,
По садочку тихохонько ходит.
Зацепилась за яблоньку платьем;
Отцепляет от яблоньки платье,
А сама разливается, плачет:
«Ах, ты яблонька моя грунтовая!
Уж не тронь ты меня, горемычной!
Что ни год ты пышно расцветаешь,
Что ни год несешь ты плод румяный;
От меня одной краса уходит,
От меня одной плода не уродится,
Хоть живу уж пятый год я с мужем,
Да не знаю мужниной я ласки».
Услыхала свекровь ее слово,
Подзывает, спрашивает сына:

«Разгадай мне, Вукоман, загадку:
Сдуру, что ли, плачется невестка,
Что живет уж пятый год с тобою,
Да не знает она мужниной ласки?
Али порча есть в тебе какая?
Аль жена опостылеть успела?»
«Не стыди меня, матушка, напрасно.
Никакой во мне порчи не бывало,
Не успела мне жена опостылеть.
А что нет у нас с нею деток,
Так на то была ее же воля.
Как мы только с нею повенчались
И разъехались со свадьбы гости,
Приласкать хотел я мою любу,
Целовать хотел в уста и очи,—
От меня стала она борониться
И лицо руками закрывала,
И молила, так молила жалко:
«Не губи ты меня, сиротинку,
Называй меня своей сестрицей
И живи со мной, как брат с сестрою».

Как всплеснется руками старуха,
Обомлела и глядит на сына:
«Ох, ты дурень, молвила, дурень!
Я-то дура, что тебя женила!
Только в стыд с собой старуху вводишь,
Мать — учи его, как жить с женою!
Слушай же, что я скажу, бесстыдник!
Как с отцом твоим опосле свадьбы
Мы одни осталися в светелке,
Стал ко мне родитель твой ласкаться,
От него я стала бороniться
И молила звать меня сестрицей
И со мною жить, как брат с сестрою.
Не охотник был шутить покойник:
Он мне дело говорит, я в слезы;
Он — ласкаться, а я пуще плакать;
Догадался, был умен, голубчик,
Что на бабью дурь господь дал плетку!
Перестала звать его я братцем
И всегда за то скажу спасибо.

Берегу с тех пор я эту плетку,
Передам сейчас же, только
Не тебе, сынок, а уж невестке».
Не прошло после этого недели,
Расцветать Вукманиха стала.
Заиграл в лице у ней румянец,
Целый день и шутит и хохочет.
Не прошло и году — Вукману
Родила она сынишку Яна.
Был такой веселый, славный мальчик,
Видом схож был с дедом, да и нравом,
И по деду так и назван Яном.

<1860>

<ИЗ «СЕРБСКИХ ПЕСЕН»>

Высоко, под самым синим небом,
Пролетали малые три птички,
И у каждой было по вещичке:
У одной то был — пшеничный колос,
У другой был — листик виноградный,
А у третьей — здравье и веселье.
У которой колос был пшеничный,
Та садилась на зеленом поле,—
Во всё поле выросла пшеница;
У которой лист был виноградный,
Та садилась на высоку гору —
Вся гора покрылась виноградом;
Что несла же здравье и веселье —
Та садилась за трапезу нашу —
Чтоб мы были веселы и здравы.

1860-е годы

ДРУГУ ИЛЬЕ ИЛЬИЧУ

Илья Ильич! Позволь, пока еще я смею
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспеть звезду всходящую твою!

Покинешь скоро ты друзей своих семью
И потеряешься для них в сияньи света,
Недосягаемом для бедного поэта!
Позволь мне хоть сказать, как я люблю тебя,
Как мил ты мне, когда, гаванский дым клубя,
Прихлебывая, пьешь ликер ты благовонный
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И в этот сладкий час, между еды и карт,
В бюрократический приходишь вдруг азарт,
И перестроивать, с верхов до основанья,
Всё заново начнешь общественное зданье!
О, как мы слушаем! Как наш ученый Шмит —
Сей нигилистов бич — от счастия пыхтит!
А юный правовед — сей баловень фортуны,—
Как будто ловит он речей твоих перуны
И прячет их в карман, чтоб ими, может быть,
В бумагах деловых эффектно погромить!
А Петр Петрович! Тит Фомич! И я-то, грешный,—
Мы таем, учимся, и — верь — не безуспешно!
Какие новые пружины и винты
В гражданский механизм искусно вводишь ты!
Какой из рук твоих, в жизнь дикого народа,
Ручной голубкою влетела бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софе
И вижу, что и я, в особенной графе,
В теории твоей стою, и так же точно
Все — пирамидою, осмысленно и прочно
Сложились шестьдесят мильонов русских душ!
И как мы все цветем! О, богом данный муж!
У всех одна лишь мысль, все трудимся мы вместе,
Чтоб всё, что ты завел, стояло век на месте.
Не только старики,— ты счастьем всех смирил,
Всех! Даже молодежь ты так переродил,
Что исчезает в ней уж в школе пыл и ярость,
И прыгает она из детства прямо в старость...
Мне даже кажется, что стали наезжать
Уж немцы к нам твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой на «свинской» почве русской
Вдруг стало пахнуть всё идиллией французской!
Конечно, иногда меня смущает тут
Одно сомнение: народец русский — плут!

Не спорит никогда, но всюду — как по стачке,
Как в яму спустит вдруг, глядишь, поодиначке,
Созданья лучшие ученейших голов.
И как ты ни пиши, что с ним ни трать ты слов,—
Он от тебя бежит под сень родного мрака,
Как от немецкого намордника собака!
Но ты — ты сладишь с ним... вот только б
проложить
Тебе тропинку-то!.. Вот только б обратить
Вниманье... знаешь... там!.. Лишь *там* бы
захотели
Понять твои мечты, способности и цели!
Тогда б ты сладил, да! Ведь ты не то, что был,
Ну, хоть твой папенька!.. Ах, вижу, рассмешил
Тебя сравненьем я! Хохочешь?.. Слава богу!
Мне лестно! очень! да!.. Вспадет же на язык!
Вот в самом деле был забавный-то старик!
Полжизни на плацу вытягивал он ногу,
Был губернатором, здесь чем-то управлял...
Застегнут, вытянут, каким-то дикобразом
Старался выступать,— казалось, съест вот разом!
Пугать всегда хотел — и вовсе не пугал!
В нем, знаешь, не было — руководящей нити...
А ты — учтив всегда, без этой лишней прыти,
И, не поморщив бровь, сгоняешь со двора
Без объяснения, лишь почерком пера,
Всех этих практиков и самоук несчастных,
С великой мыслию твоею несогласных!
Не слушаешь мольбы ни жен их, ни детей...
А папенька? Смешно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкого, на сотенном окладе,
Бывало, призовет, кричит, сам весь в надсаде,
Раздавит, кажется... Ан смотришь, покричит —
И сам расплачется, да тут же и простит!
Закона — не любил! Его боялся даже,
Всегда в нем видел то, против чего на страже
Быть должно всякому, и, встретясь с ним в пути,
С ним только вежливость старался соблюсти...
Вот в чем всё горе-то! В мундир весь век
рядился,
Но сквозь мундир его халат всегда сквозился!

Вот ты,— так и в пальто, без звезд и без
крестов.
А точно, кажется (я, впрочем, это слышал
От маменьки твоей), на свет в мундире вышел!
Конечно, память твой *папá* у стариков
Оставил добрую,— и ставят пред иконы
И нынче за него свечу; но, милый мой,
Тебя благословят — не тот и не другой,
Не Прохор, не Кузьма, не Сидор — а мильоны!
И пусть кричат слепцы: ты деспот! ты тиран!
Не слушай! Это толк распущенных славян,
Привыкших к милостям и грозам деспотизма!
Тиран ты — но какой? Тиран либерализма!
А с этим можешь ты — не только всё ломать,
Не только что в лицо истории плевать,
Но, тиская под пресс свободы,— половину
Всего живущего послать на гильотину!

1861, <1863>

<ИЗ ЦИКЛА «ДОЧЕРИ»>

1

Пред материнской этой скорбью
Немеет дух...
Как будто шел в горах беспечный
И — бездна вдруг...
И — слово, кажется, промолвишь —
Раздастся крик
И всё кругом, и льды, и горы —
Всё рухнет в миг!

1866

2

Туманом окутано темное море...
Туман этот с солнцем на небо взовьется,
И в ливнях и в росах на землю прольется,
Откроет путь свету... А ты, мое горе?..

1866

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА

1

ПРЕЛЮДИЯ

Люблю в его осеннем увяданье
Родной лесистый этот уголок...
Идешь — чуть слышно ветерка дыханье,
И в воздухе здоровый холодок;
Верхи дерев уж в розовом сиянье,
А по траве и в колеях дорог,
Усыпанных листвою пожелтелой,
Еще сребрится заморозок белый...

Ах! юность в жизни видит пред собой
Лишь то, что как посев весенний всходит...
Старик следит с участьем и тоской
За тем, что отцвело и вдаль уходит...
Увядший лист, поверженный грозой
Могучий дуб на сердце грусть наводит:
Пройдем и мы, падет и самый храм,
Что созданным навек казался нам...

Уж он что день — то никнет и ветшает,
И падают столбы то там, то тут,
Столб за столбом... И взор кругом блуждает
И ищет им замены — тщетный труд!
И старость грустно, грустно повторяет:
«Конец всему!» И вот на этот суд
Ответствует ей юность: «Только с нами
Явился свет, ожиданный веками!

Прочь, привиденья мрака! *мы* идем!»
И — боже мой! — два возраста! два стана!
Там крик «спасай!», там возглас «напролом!».
Подумаешь — восстание титана
Против богов! И молнии и гром!
Ормузд в борьбе с сынами Аримана!
Всё есть там: оба Брута, Цинцинат
И даже — монтаньяры и Марат!..

Но это там, на высотах, те бури!
А здесь, в полях,— торжественный покой!
Лишь пенье птички, вьющейся в лазури,
Да голос жниц... пожалуй — ветра вой,
Да крик ребят, да споры сельских фурий...
Над всем же благовест, над всей страной
Вещающий о боге и о небе,
Что «будешь сыт не о едином хлебе!..»
Иной здесь мир!.. Отсюда тех высот
Волнения, те возгласы, те стоны —
Одна лишь зыбь на океане вод!
Своя здесь жизнь, свои у ней законы,
Своя у ней история идет,
Само собой, сквозь всякие препоны,
В сердцах растет, что в них заложено,—
Не *нами* насажденное зерно...

2

Поэма — и в октавах! Стало быть —
Тут будет смех, и шутка, и остроты...
Хоть, признаюсь, не мастер я острить,
Да и шутить, ей-богу, нет охоты!
Теперь все шутят — без того и жить
Почти нельзя: свести пришлось бы счеты
Со многим, что так за сердце щемит!
А шутка всё покроет, хоть на вид!

Моя поэма — песнь тревожной Музы!
Дай волю ей — слезами б изошла!
И я беру *тройных созвучий* узы
И шутку — obligato, [1] — чтоб была
В них для ее порывов — род обузы,
Чтоб в высший свет она теперь вошла,
Собой владея и в порядке строгом...
Не выдержит, пожалуй... Ну да с богом!

1874—1875

---

[1] Обязательно (итал.).— *Ред.*

ВАЯТЕЛЮ

(ЧТО ДОЛЖЕН ВЫРАЖАТЬ ПАМЯТНИК ПУШКИНУ)

Изобрази ты в нем поэта,
Чтоб, в царстве мысли царь, он был
Исполнен внутреннего света,
Да им и нас бы охватил!

1875

* * *

Люблю его — не баловнем Лицея,
Питомцем чуждых муз — и на заре годов
Уже поклонником Фернея
Вслед офранцуженных отцов;

Не юношей, чей расцветавший гений,
И свежесть чувств, и первый сердца пыл
Под звуки Байрона уж отуманен был
Налетом им не прожитых сомнений...

Люблю его, когда уже прозрел
Он в этой мгле блистательной, но ложной —
И ранней славы блеск счел мишурой ничтожной,
И правды захотел.

Прочь Чайльд Гарольдов плащ! долой всю ветошь эту!
В искусстве мы должны пробить свою тропу!
Прочь возгласы, которыми поэту
Легко так волновать толпу,—
Нет, независимость от всякого кумира
И высшее из благ, в себе — лишь прямоты
И правды внутренней ища в явленьях мира,
Познал он тайну красоты.

1879 или 1880

ЭПИГРАММЫ

1

За обе щеки утирал
Постом говядину какой-то кардинал
И проповедывал, что может быть угоден
Всевышнему лишь тот, кто плоть свою смирял.
Так галлицизмами доказывал Погодин,
Что должен завсегда писатель быть народен.

Первая половина 1840-х годов

2

И. И. Л. в 1850-м году

Говорят в вас, анонимом,
Луи Блан, Жорж Занд, Прудон,
Фейербах с почтенным Гримом,
Иногда и Пальмерстон —

Что прочли вы днем и на ночь...
Одного бы я желал,
Чтобы в вас Иван Иваныч
Сам мне что-нибудь сказал.

1850

3

С народом говори, не сдержанный боязнью
Придворных развратить, а паче же всего
Чиновников. О царь, начни за воровство
На Красной площади казнить торговой
казнью.

1853 или 1854

4

В. П. Б.

Подчиняясь критиканам нашим,
Не пойдем далёко мы вперед.
Честно ниву ведь свою мы пашем,
Так посев наш, верю я, взойдет —
Хоть под дудку их мы и не пляшем.

1855 или 1856

5

Видал ли ты на небесах комету?
Видал ли ты, как хвост ее поймал
И, привязав к нему свою карету,
Езжал один известный генерал?
Народу что сбежалось — о мой боже!
Видал ли ты? — Нет, не видал.— Я тоже,
А Григорович так видал.

<1856>

6

Ты понравиться желаешь
И для женщин открываешь
Глубину своей души.
Видно женщин ты не знаешь —
Просто, братец, их смеши.

Середина 1850-х годов

7

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.

Стоят превыше всех законов,
Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»

1855 или 1856

8

[Щербина] слег опять.— Неужто?
— Еле дышит!
— Бедняжка! — Да, и это всякий раз,
Как кто-нибудь, друзья, из вас
Стихи хорошие напишет.

Между 1857 и 1859

9

От всех хвала тебе награда,
Ты славу вдруг завоевал,—
Для полноты ж успеха надо
Еще, чтоб Зотов обругал.

Между 1857 и 1859

10

С трудом читая по складам,
Хотят читать между строками,
И, что сказать хотели б сами,
То придают чужим стихам.
Их вразумлять — труды напрасны!
Так и заладили одно!..
Стихи-то, кажется, и ясны,
Да в головах у них темно!

1864

11

ВАЛУЕВ

Мысли — тени ни малейшей,
Но как важен, светел он!
Это — пошлости полнейшей
Министерский Аполлон!

Между 1864 и 1866

12

Академия кутит,
В буйстве меры не имеет.
Значит, рок свое вершит:
Академия русеет.

1867

13

У Музы тяжкая рука.
Вот Пушкин дураком лишь назвал дурака —
Да так и умер с тем Красовский.
Какой тебе урок, Шидловский!

1870 или 1871

14

Вы «свобода» нам кричите,
Я одной себе ищу —
Думать так, как я хочу,
А не так, как вы хотите!

Середина 1870-х годов

15

Ты копируешь, что видишь, художник, случайные образы жизни,
Тайну же, скрытую в них, даже не чувствуешь ты!

Нет, ты природу себе подчини, будь господином над нею,
Правду не в форме ищи, а в содержанье ее.

Середина 1870-х годов

16

О дети, дети! чем ваш пыл умерить!
Знать, всех нас рок одной обрек судьбе,—
Вам неудержно хочется проверить
Отцов ошибки на себе!

Середина 1870-х годов

17

DE MORTUIS...[1]

Давно всеобщею моралью решено:
«Об мертвых говори хорошее одно».
Мы ж заключение прибавили такое:
«А о живых — одно дурное».

Середина 1870-х годов

18

По службе возносяся быстро,
Ты стал товарищем министра,
И дорогое имя Тертия
Уже горит в лучах бессмертия.

1878

---

[1] О мертвых <следует говорить хорошее, или ничего не говорить> (лат.).— *Ред.*

19

Пишешь сатиры? — Прекрасно. Бичуешь порок? —
Превосходно.
Значит: ты лучший из нас? Ты—добродетельней всех?

1878

20

ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКОВ

Я видел бога в Аполлоне,
В Мадонне чуял божество,
И до сих пор уже на склоне
Земных годов всё полн его.
В созданьях нынешнего ж века
Я вижу много лиц живых,
Но — уж не только бога — в них
Не узнаю и — человека!

Вторая половина 1870-х годов

21

К СТАТУЕ НИОБЕИ

Из греческой антологии

Гнев Зевеса обратил
Ниобею в хладный камень,—
Но художник снова влил
В глыбу камня жизни пламень.

Вторая половина 1870-х годов

22

Спокойное, звездное небо
Плывет надо мной...
О, если б в душе моей тот же
Был свет и покой!..

<1877>

23

Почетным членом избирает
Меня словесный факультет —
И в ваш почтенный круг вступает,
Вам низко кланяясь, поэт.
Всё, что в науку вашу входит,
И вас самих он чтил всегда,—
Не понимает лишь, когда
Речь о поэзии заходит.

1888

24

<АВТОЭПИГРАММА>

Устал я жить, устал любить
И трепетать за всё святое!
Любовь — цель жизни, может быть,
Но и ярмо мое земное!..

1888

25

(Горбунову)

За погремушкою шута
Не замечают в нем поэта!

1888

26

Киев, весной радостной,
Слышит голос сладостный,
То кричит Аверкиев:
«Ты ли мне поверь, Киев,
Я стою здесь с самою
Лучшей своей драмою».

1888

27

Вот Дамаскин Алексея Толстого — за автора больно!
Сколько погублено красок и черт вдохновенных задаром.
Свел житие он на что? На протест за «свободное слово»
Против цензуры, и вышел памфлет вместо чудной легенды.
Всё оттого, что *лица говорящего* он не видал пред собою...

1888

28

Нет своего в тебе закала,
В душе — наследья нет веков,
Чтоб, замыкая век отцов,
Она б и новый предвкушала...
Ты просто — *делаешь* стихи...
Ядро уж вынуто другими,
Ты ж ловишь брошенные ими
Осколки мертвой шелухи;
Их сложишь, склеишь, лаком тоже
Покроешь — не сквозил бы свет —
По виду на орех похоже —
Да только в нем ядра-то нет!

1888

29

М . . . . . . МУ

В вас есть талант — какой тут спор!
Но, чтобы свет ему увидеть,
Пошли, господь, весь этот вздор,
Что вы писали до сих пор,
Вам поскорей возненавидеть!

1888

30

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Как ни шатай — не пошатнуть!
Пускай вражда кругом клокочет,
Она, в его ударясь грудь,
Как мяч резиновый отскочит.

1888 или 1889

31

Смерть есть тайна, жизнь — загадка:
Где ж решенье? цель? конец?
Впереди — исчезновенье —
Иль бессмертия венец?

1889

32

Профессор Милюков, в своем трактате новом
Великого Петра сравнивший с Хлестаковым,
Всё просит, чтоб его не смешивать с другим
Давно известным Милюковым.—
Напрасный страх! Никто вас не смешает
с ним...
Но — может, как с Петром, вы шутите и
с нами?
Ведь старый Милюков — все знают — он
И образован и умен —
Какое же тут сходство с вами!

1892

33

ДЕКАДЕНТЫ

В степи *поет* заря. Река *мечтает* кровью.
Бесчеловечною по небесам любовью

Трещит душа по швам. Озлобился Ваал.
Он душу за ноги хватает. Снова в море
Искать Америку пошел Колумб. Устал.
Когда же стук земли о гроб прикончит горе?

1893 или 1894

34

У декадента всё, что там ни говори,
Как бы навыворот,— пример тому свидетель:
Он *видел* музыку; он *слышал* блеск зари;
Он обонял звезду; он щупал добродетель.

1894

35

АНОПОВУ

Приобресть мы можем — знанья
И умение пролезть —
Трудно то лишь приобресть,
Что дает нам — воспитанье.

Начало 1890-х годов

К ХУДОЖНИКУ

Напрасно напрягаешь струны,
Вотще допытываешь ты
И этот мрамор вечно юный
И эти дивные холсты...
Твое богатство — эти знанья
И упражненная рука,
Но лишь орудье для созданья,
Запас безжизненный — пока
Отвыше Творческая сила
Твой дух собой не охватила,
Дабы, водя твоей рукой,
Ей продолжать творить Самой.

1885

ПОЭМЫ

ДВЕ СУДЬБЫ

Быль

Кто более достоин сожаления? Чья судьба ужаснее?...
Увы! Я не смею произнести приговора.

Хор из Софокловой трагедии «Трахинийки»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

На креслах, пред растворенным окном,
Один сидел больной Карлино. Сладко
Дыша в тени прохладным ветерком,
Он отдыхал, избитый лихорадкой.
Он снова жизнь улыбкою встречал,
В ней помня радости, забывши муки,
И весело, как будто по разлуке,
Знакомые предметы узнавал:

2

В углу кумир языческого бога,
Отрытый им в саду, без рук, без ног...
«Бог даст,— он думал,— сыщется знаток,
Даст пятьдесят пиастров: мне подмога...»
На золоте мадонна со Христом,
Сиенских старых мастеров работа,
Ряд древних копий с Липпи иль с Джиотта,
Оставленных ему еще отцом.

3

На полке книги — да, о человеке
Вы можете наверно заключать
По избранной его библиотеке,
В его душе, в понятиях читать,—
Лежали там комедии Гольдони,
История мадонны и святых,
Либретто оперы, стихи Тассони
Да календарь процессий храмовых...

4

Как старый друг, он встретил их улыбкой;
Потом на даль он перевел свой взор...
А что за виды с Фраскатанских гор!
Там дерева́ лозой обвиты гибкой,
Там в миртовых аллеях пышных вилл
Статуи, бюсты, мраморные группы;
Там римских пин зонтообразны купы
И кипарис, печальный друг могил...

5

Как рад он был, что снова видит дивный
В тумане очерк купола Петра
И в Рим дорогу лентою извивной
Между руин... А уж была пора,
Как солнце гасло, ночь шла от востока,
И слышно на долине лишь дроздов
Да караван навьюченных мулов,
Гремушками звенящий издалёка.

6

Не долго наш больной покоил взор
На дали и долиной любовался;
Заботливо порой он обращался
В соседний виноградник чрез забор.
Он видит: там, меж листьями мелькая
В корсете алом, белою рукой
Пригнув лозу, смуглянка молодая
Срывает с ветки гроздий золотой.

7

Пурпурный луч мерцающей денницы
Ее античный профиль озлащал,
И смоль косы, и черные ресницы,
И покрывало пышно обагрял.
«Нинета!» — ей кричит он чрез ограду,
И тотчас, легче серны молодой,
С корзинкою златого винограду
Влетела девушка в его покой.

8

«Проснулся ты? Тебе, Карлино милый,
Сегодня лучше?.. Знать, недаром я
Поутру в монастырь святой ходила
К обедне и молилась за тебя.
Я отнесла мадонне ожерелье».
И целовала дева-красота,
Резвясь, едва не плача-от веселья,
Устами алыми его уста.

9

«Нинета! Ты всё прежняя резвушка!
Будь и всегда такая, и в те дни,
Как будем мы — господь тебя храни! —
Я — дряхл и хил, ты — добрая старушка.
Как мне легко! Как весел я душой!
Я будто вновь родился, и родился
К блаженству... Этот вечер, ты со мной...
Как будто ангел с неба мне явился...

10

Ах скоро ль я женой тебя введу
В свой дом! Пора! Наш домик будет раем.
Хозяйкою ты станешь... Мы сломаем
Докучливый забор в твоем саду.
Взгляни: мой виноград в твой садик, к лозам
Твоим через забор перебрался,
Твой олеандр к моим пригнулся розам,
И плющ мой вкруг него перевился.

11

Всё любится вкруг нас! Мы друг для друга
Назначены судьбой!» Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастии, как будет мать, супруга,
Жалела ли девичьих вольных дней,
Иль страстных слов она не понимала,
Но молча им, рассеянно внимала,
Как колыбельной песенке своей...

12

Так следует головкою стыдливой
Цветок полей движеньям ветерка,
Так носится струями ручейка
Листок заблудший... Бурные порывы
И бес любви ее не трогал сна,
В ее душе ключом не бил, не стукал:
К любви Карлино искренней она
Еще привыкла в пору игр и кукол.

13

В ее душе читал он, как на дне
Прозрачного ручья: мечты, желанья,
Вся, вся она была его созданье;
Как юного орленка в вышине
Отец и мать, следил он мысли Нины,
Лелеял мир души и сердца сон;
А сердце спало в ней, как средь пелен
Младенец спит, про то не знал Карлино.

14

Как сердце спало? Стало быть, она,
Не знав любви, Карлино не любила?
Зачем же в монастырь она ходила
О нем молиться? Отчего одна
Она в дому его? И даже — боже! —
Что ж ничего она не говорит,
Как он ее целует? Что за стыд!
Ведь ни на что всё это не похоже!

15

Позвольте, всё вам верно объясню;
Но расскажите мне, когда угодно,
Зачем мы часто любим так свою
Собаку старую, халат негодный,
Одну всё трубку, няню, старый дом,
Тетради школьные?.. А если будем
Должны их бросить? Бросим и уйдем!
К вещам привычка! Точно то ж и к людям,

16

Покуда их та мысль не потрясла
И сердца их та страсть не взволновала,
Которая в душе у нас росла,
Бушует в ней или отбушевала...
Подобных встреч не много нам дано,
И с близкими мы часто как с чужими...
Иных же встретишь... кажется, давно
Видал их, знал, страдал и думал с ними.

17

Как к воздуху своих Фраскатских гор,
Как к небесам безоблачным Сабины,
Как к амбре роз, привыкло сердце Нины
К слепой любви Карлино с давних пор.
В ней даже мысли не было тревожной,
Что и других любить ему возможно...
А ей?.. Но вот ударило кольцо,
Какой-то гость идет к ним на крыльцо.

18

Широкий плащ свой на плечо закинув,
На брови шляпу круглую надвинув,
Вошел он к ним. Овальное лицо,
Высокий лоб и очи голубые,
И русый ус, и кудри золотые —
Всё означало в нем, что он был сын
Иной земли, небес, иной природы,
Не обожженный солнцем Апеннин,

Не оживленный дикой их свободой.
Умение собою управлять,
Морщины ранние и дум печать,
Во всех приемах легкая небрежность
И благородство говорили в нем,
Что он рожден и рос в краю таком,
Где с юных лет души порыв и нежность
Подавлены, где страсть — раба ума,
Жизнь — маскарад, природы глас — чума!..

19

Он русский был, дитя страны туманной,
И жил давно уже в краю чужом...
Его хозяйка, сьора Марианна,
Бывало, говорила так о нем:
«Он малый скромный, платит аккуратно
И добр: моим ребятам завсегда
Дает гостинца; только иногда
Так грустен, бедный! Впрочем, и понятно:

20

Ведь он язычник... Может быть, господь
Погибшего печалью посещает.
Дай бог ему спасти свой дух и плоть!
Легко ль! Не верит в папу он! Бывает,
Что целый день проводит он как тень
За книгами, или в долине бродит,
Иль блажь такая на него находит,
Что на коне он рыщет целый день».

21

Владимир (так мы гостя назовем)
Был поражен сей мирною картиной:
Полубольной Карлино, и при нем,
Облокотясь на спинку кресел, Нина;
И мать ее (простите, я забыл
Вам возвестить ее приход) глядела
На юную чету, и как яснела
Ей будущность!.. А по небу светил

Небесных лики ночь разоблачала,
И дымка влажная ночных паров
Вилась вокруг руин, гробниц, холмов,
Дышали розы... Музыка играла...

22

Владимир

На юг лишь сходит, только в этот рай,
Подобный вечер...

Карлино

А у вас, далёко
На севере, не то?

Владимир

О нет, жестоко
И зло природой наш обижен край.

Карлино

Зато, синьор, вы сильны, вы богаты?

Владимир

Да, но ни солнца, ни небес иных
Не прикупить за дорогую плату:
И что нам в них, в богатствах покупных?
Карлино, верьте, право, я желал бы
На вашем месте быть, клянусь душой.
Я жил бы здесь спокойно, изучал бы
Мир древности и отдыхал порой
Под сенью моего же винограда;
И умереть была бы мне отрада,
Я знал бы, что поплакать, помечтать
Придет на гроб мой друг любимый.

Нина

Боже!
Карлино был мне с детства братом...

Владимир

Что же?

Нина

И только, больше ничего сказать
Я не хочу.

Владимир

Простите мне, синьора,
Но вид блаженных южных стран во мне
Рождает грусть, и о родной стране
Во мне болеет мысль, полна укора;
Мне грустно, я хандрю еще сильней,
А тяжко на душе — язык вольней,
И говоришь о том, что так тревожит.
Но, впрочем, вас мой сплин занять не может,
Вы счастливы, как может быть счастлив
Здесь человек.

Он замолчал, сдавив
Украдкой грустный вздох в груди. Карлино
Сжал руку Нины, тихо обратив
К ней полные восторгом светлым взоры;
Она молчала, очи устремив
На дальние темнеющие горы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В дни древности питомцы Эпикура,
Средь мраморов, под шум падущих вод,
Под звуки лир, в честь Вакха и Амура
Здесь пиром оглашали пышный свод.
Толпы невольниц, розами убранных,
Плясали вкруг скелетов увенчанных;
Спешили жить они, пока вино
В их кубках было ярко и хмельно,
Пока любовь играла пылкой кровью
И цвел венок, сплетенный им любовью.

2

Они всё те ж, Авзонии сыны!
Их пир гремит при песнях дев румяных,
В виду руин — скелетов, увенчанных
Плющом и миртом огненной весны.
Меж тем как смерть и мира отверженье
Вещает им монахов мрачный клир,
В земле вскипает лава разрушенья,—
Блестит вино, поет веселый пир,
И царствует богиня наслажденья.

3

Как я люблю Фраскати в праздник летний!
Лавр, кипарис высокой головой,
И роз кусты, и мирт, и дуб столетний
Рисуются так ярко на густой
Лазури неба и на дымке дали,
На бледном перламутре дальних гор.
Орган звучит торжественно. Собор
Гирляндами увит. В домах алеют
Пурпурные ковры из окон. Тут
С хоругвями по улицам идут
Процессии монахов; там пестреют,
Шумят толпы; луч солнца золотой,
Прорвавши свод аллеи вековой,
Вдруг обольет неведомым сияньем
Покров, главу смуглянки молодой:
Картина, полная очарованьем!
Для пришлеца она как пышный сон!
Ее любил Владимир; тихо он
Бродил, но посреди толпы и шума
Обычная теснилася в нем дума.

4

Любил он видеть праздник сей живой
И тип племен в толпе разнонародной.
Какая смесь! Сыны страны холодной
Сюда стеклись, гонимые хандрой;
Там немец, жесткий, будто пня отрубок,
С сигарою и флегмою своей,
И фраскатанка с негой алых губок

И с молнией полуденных очей;
Француз, в своих приемах утонченный,
И селянин Кампании златой
С отвагою и ловкостью врожденной;
И важный бритт, предлинный, препрямой,
Всех сущих гидов строгий комментатор,
И подле — огненный импровизатор.

5

А русские?.. Там много было их,
Но уклонялся русский наш от них.
Как сладко нам среди чужих наречий
Вдруг русское словечко услыхать!
Так рад! Готов, как друга, ты обнять
Всю Русь святую в незнакомой встрече!
Захочется так много рассказать
И расспросить... Но вот удар жестокий,
Когда в своих объятиях найдешь
Всё тех же, от кого бежал далеко,
Как горько тут порыв свой проклянешь!

6

Тот вывез из степей всё то ж татарство,
Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тщеславие наследственного барства
Или вчерашних титулов тщету;
Без мненья голова, а речь педанта;
Всё русское ругает наповал;
Всё чуждое превыше всех похвал;
Всего коснется — от червя до Данта;

7

Сан вес дает речам его тупым;
Осудит он как раз Микеланджело,
И приговор его непогрешим,
Как приговор подписанного дела.
Отчаянный в речах радикалист,
Иль демагог, иль буйный кондотьери,
А между тем вчера дрожал как лист
Вельмож блестящих у приемной двери.

8

Другого есть покроя молодцы:
Те чужды всем идеям басурманским,
Им храм Петра ничто перед Казанским
И лучше винограда огурцы;
По ним, весь запад сгнил в мечтах бесплодных,
И Тьер, Гизо, О'Коннель — дураки,
И во сто раз счастливее свободных
Живут их крепостные мужички.

9

На бледные смотря их поколенья,
Владимир часто думал: «Боже мой!
Ужели плод наук и просвещенья
Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратом униженья?
О русские, ведь был же вам разгул
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Где воля дух ваш в брани укрепляла;
Ведь доблестью горел ваш гордый взор,
Когда вы шли на Ярославов двор,
И вдохновенные отчизной речи
Решили спор на Новгородском вече;
Не раз за честь родной своей земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Не склонные нести, в уничиженье,
Чужую цепь и стыд порабощенья;
Ужель, когда мессия наш восстал,
Вас пробудил и мир открыл вам новый,
В вас мысль вдохнул, вам жизнь иную дал,—
Не вняли вы его живое слово
И глас его в пустыне прозвучал?
И, грустные, идете вы как тени,
Без силы, без страстей, без увлечений?
Или была наука вам вредна?
Иль, дикого растлив, в ваш дух она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, ленению окованным позорно,
Не по плечу вам мысли блеск живой?
Упорным сном вы платите ль Батыю
Доселе дань, и плод ума порой,

Как лишний сор, сметается в Россию?
И не зажгла наука в вас собой
Сознания и доблестей гражданства,
И будет вам она кафтан чужой,
Печальное безличье обезьянства?..
. . . .

10

Родной язык, язык баянов давных,
Боярских дум и княжеских пиров,
Ты изгнан из блистательных дворцов!
Родной язык, богатый, как природа,
Хранитель слез, надежд и дум народа,
Чем стал ты? Чем? Невежества клеймом
И речью черни; барин именитый —
Увы! — теперь с тобою незнаком,
И русских дев сердца тебе закрыты.
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, как позора убегая,—
Что ж будешь ты, о речь моя родная,
Ты, лучшая уст женских красота?»

11

Владимир создал для себя пустыню
В своем быту. Он русских убегал,
Но родину, как древнюю святыню,
Как мать, любил, и за нее страдал
И веселился ею. Часто взоры
Он обращал на снеговые горы,
И свежий ветр вдыхал он с их вершин,
Как хладный вздох родных своих долин.

12

Да, посреди полуденной природы
Он вспоминал про шум своих дубров,
И русских рек раскатистые воды,
И мрак и тайну вековых лесов.
Он слышал гул их с самой колыбели
И помнил, как, свои качая ели,
Вся стоном стонет русская земля;

Тот вопль был свеж в душе его, как стоны
Богатыря в цепях. Средь благовонной
Страны олив он вспоминал поля
Широкие и пруд позеленелый,
Ряд дымных изб, дом барский опустелый,
Где рос он,— дом, исполненный затей
Тогда, псарей, актеров, трубачей,
Всех прихотей российского боярства,
Умевшего так славно век конать,
Успевшего так дивно сочетать
Европы лоск и варварство татарства.

13

Как Колизей, боярское село
У нас свою историю имеет.
Одна у всех: о доме, где светло
Жил дед его, наследник не радеет.
Платя хандрой дань веку своему,
Он как чужой в родном своем дому;
Ища напрасно в общей жизни пищи,
Не может он забыться средь псарей;
Сокрывшися в отеческом жилище,
Ругает свет, скучая без людей.

14

Ах, отчего мы ста́реемся рано
И скоро к жизни холодеем мы!
Вдруг никнет дух, черствеют вдруг умы!
Едва восход блеснет зарей румяной,
Едва дохнет зародыш высших сил,
Едва зардеет пламень благородный,
Как вдруг, глядишь, завял, умолк, остыл,
Заглох и сгиб, печальный и бесплодный...
О боже! Влей в жизнь нашу полноту,
Пролей в пустой сосуд напиток силы
И мыслию проникни пустоту,
Сознаньем укрепи наш дух унылый!

15

Пошли еще пророка нам, и мы
Уверуем в его живое слово,

Пусть просветит он хладные умы,
Поведает, кто мы? Зачем громовый
Орел наш стал могуч своим крылом?
Зачем на нас глядят в недоуменье,
Со страхом, все земные поколенья?
Что нового мы в жизнь их принесем?
Зачем на нас, как на звезду полночи,
Устремлены с надеждой теплой очи
Печальных наших братиев — славян
У снежных Альп, в ущелиях Балкан?

16

Из сей главы, печальной и угрюмой,
Из этих черт глубоко-тяжкой думы
Поймете вы, как мыслил мой герой
В те дни еще, когда в груди младой
Есть жизнь и в ней волканом бродит
Всё, из чего потом в душе выходит
Осадок жалкий — черная хандра!
. . . .

17

Сей пустотой душевною, жестоким
Уделом нашим, мой герой страдал.
Он дома, видя всё одно, скучал
И увлечен всеобщим был потоком:
Наполнить жизнь и душу он хотел,
Оставивши отеческий предел,
Среди иных людей, в краю далеком.

18

И посетил он новый Вавилон,
Вождя народов к жизни вечно новой,
Где ум кипит, свободен, вдохновлен,
На подвиг доблести всегда готовый.
Нашел ли он себе отраду в нем?
Он чувствовал, средь общего волненья,
Среди торжеств, побед иль пораженья,
Он всё чужой на празднике чужом...

Вкруг жизнь кипит: витийствуют палаты,
Решается давно зачатый спор,—
Там каждый в сей божественной, богатой
Общественной комедии актер...
А он пришлец, он незван и непрошен,
На чуждый пир судьбой случайно брошен!

19

То завистью, то скорбию томясь,
Жизнь сих племен кипящих, юных вечно,
На небеса Италии беспечной
Он променял, и думал он не раз:
Там, посреди святых ее трофеев,
Среди ее руин и мавзолеев,
Там, в сумраке старинных галерей,
Пред мрамором античного ваянья,
Среди святынь ее монастырей,
Библиотек ученого молчанья,
Доступны всем и пища, и покой,
И царство дум с восторгом и мечтой...

20

Он прав: искусств в глубоком созерцаньи
Найдешь приют для сердца, головы;
Но здесь, среди людей?.. Вот праздник шумный;
С каким огнем и радостью безумной
Толпы бегут... Но наш пришлец — увы! —
Уж новости в народном пульчинелле
Не находил; его скрипач слепой,
Как юных дев, собравшихся толпой,
Не призывал к веселой сальтарелле.

21

Пускай себе под небом золотым
Поет народ за кубком круговым,
Пусть пляшет там смуглянка молодая,
Как вдохновенная, перед кружком,
То топая звенящим башмачком,
То тамбурин гремучий потрясая...

Он поглядел на них, а там опять
Задумался и снова стал скучать.
В любимых думах тяжкие сомненья
Теснились в нем. Ища уединенья,

22

Оставил он пирующий народ
И на гору направил путь. Идет,
И вот пред ним часовня. Вяз зеленый
Над ней раскинул листьев темный свод,
И теплилась лампада пред мадонной.
Две женщины склонились перед ней:
Старушка Ave Maria читала,
И подле Нина грустная стояла.
В ее руках венок был из лилей,
И капли слез струились из очей...

23

«У счастия свои есть тоже слезы! —
Владимир думал.— Боже, как бы я
Желал так плакать! Да! Молись, дитя!
Твоей души младенческие грозы
Так сладостны... о, проклят будь стократ,
Кто у тебя отымет этот клад,—
Невежества блаженные остатки
И дивный мистицизм молитвы сладкой».

24

О ком, о чем молилася она?..
Не шепчут слов уста полуоткрыты...
Я верю, не была заучена
Ее молитва в школе езуита:
В ней не было определенных слов,
Но теплое и смутное слиянье
И чувств и мысли, страха и желанья...
Пугал ли Нину тайный мрак годов?
О друге ль детства кроткие молитвы?
Или о том, кто вынес жизни битвы?
То тайна сердца девы, и она
Владеет этой тайною одна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Владимир не хотел своим явленьем
Смутить молитв их таинство; как бес
Пред светлым праздником (его сравненьем
Я пользуюсь), в аллее он исчез.
А там ему навстречу смех и споры,
И кинулся ему на шею вдруг
Приятель, граф***.

Граф

Здравствуй, друг!
Скажи, где ты? Уж вот неделя скоро
Я здесь живу и всё тебя искал.
Был у тебя, ни разу не застал...
Ты схимник стал... Имею честь поздравить!
Здоров ли? Но позволь тебе представить...
Попутчик, вместе ехали мы в Рим.

Владимир

Ах, очень рад.

Лев Иваныч

Имею честь... я статский
Советник, Лев Иваныч Таракацкий.
А с кем имею честь?..

Владимир

* * *

Лев Иваныч

Чин?
Изволили служить?

Владимир

Служил.

Лев Иваныч

В отставке?

Граф

Э, после, Лев Иваныч, ваши справки
Вы наведете... Как живешь?

Владимир

Один,
Как видишь, хорошо.

Граф

Ты знал княгиню
Донскую? Здесь она.

Владимир

Мне всё равно.

Граф

Я здесь нашел родни своей, графиню
Терентьеву.

Владимир

Ты знаешь, я давно
Не езжу в свет.

Граф

Но нет, ведь мы иную
Здесь жизнь ведем. Я нынче не танцую.

Владимир

Что ж? Дипломатом стал?

Граф

Совсем не то.
Кузина, я, княгиня, м-сье Терто́,

Один француз, мы вместе изучаем
Здесь древности. Мы смотрим и читаем,
И спорим... Прелесть этот древний Рим,
Где Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзия! Не то, что фински скалы!
Жаль, умер Байрон! Мы бы, верно, с ним
Свели знакомство! С Байроном бы вместе
Желал я съездить ночью в Колизей!
Послушал, что бы он сказал на месте,
Прославленном величьем древних дней!
Как думаешь? Ведь это б было чудо!

Владимир

За неименьем Байрона покуда
Я вам скажу, что лучше вам есть сыр,
Пить Лакрима, зевать на Торденоне
Да танцевать на бале у Торлони,
С графинями не ездя в древний мир.

Граф

Нет, ты жесток, и ты меня не знаешь.
Донская ангел... Но ужели ты
Так зол? Ужель ты вправду полагаешь,
Что мы не чувствуем всей красоты
Италии? Природа и искусства
Рождают в нас совсем иные чувства.

Лев Иваныч

Помилуйте! Я то же испытал
И на себе. Конечно, мне в России
Жить дома — лучше: связи и родные,
Карьера вся, почтенье... Но я стал
Совсем иной, и мысли всё такие,
Которых не видал бы и во сне.
Я многое здесь очень охуждаю;
Бездомность, жизнь в café я осуждаю;
Но многого и нет в иной стране.
Не нравятся мне торсы, Аполлоны,
Но как зато понравилися мне
Здесь обелиски! Вечные колонны

Везде одне... И мысль есть у меня,
Как заменить колонну обелиском;
И в Петербург писать намерен я,
Подать проект... сначала людям близким...
Комиссию нарядят для того:
Построить портик, оперев его
На обелиски... Как моя затея
Вам нравится?

Владимир

Чудесная идея!
Исакий, жаль, к концу уже идет.

Граф

Да, точно.

Владимир

Жаль. идея пропадет.

Лев Иваныч

Вот видите, влияние какое
Италия имеет на умы,
Перерождаемся в ней тотчас мы.

Владимир

О да, ее влиянье роковое!
Студент, советник статский, генерал,
Чуть воздухом подышит Буонарроти,
Глядишь, уж знатоком, артистом стал,
Совсем иной по духу и по плоти!
В Венецию ступайте: там, где дож...

Лев Иваныч

Поеду, но в каком же отношеньи
Венеция так интересна? Что ж
Особенно в ней стоит осмотренья?

Владимир

Как для кого. Вас гóндолы займут,
Быть может, там; на Риве балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка — по вечерам поют
На площади,— всё это так приятно!

Лев Иваныч

(таинственно)

Остатки всё республики, понятно!

Граф

А женщины! Какая красота!

Лев Иваныч

Для женщин я уж стар, не те лета,
И уж пора домой, к жене и деткам.

Граф

Соскучился уж Лев Иваныч наш,
Всё просится к своим гусям, наседкам.

Лев Иваныч

Так создан я, и не пересоздашь.
Взгрустнется раз иной; всё б отдал, право,
За свой кружок, домашний самовар,
Да борщ, да щи вчерашние с приправой,
Да костоломный русской бани пар.
Что, батюшка? А санки беговые?
Рысак в корню, дугою пристяжные...
Я рад, что я чужбину посетил,
А край родной, как худ ни будь, всё мил.

Владимир

Прекрасно, Лев Иваныч, дайте руку!

Лев Иваныч

Что, батюшка, вздохнул?

Граф

Ну, вот, пошли...
Чуть выехав из варварской земли,
Оплакивают скифы с ней разлуку!
О, скифство!

Владимир

Да, мы скифы. Много в нас
Есть, точно, скифских свойств.

Граф

Гиперборейцы!
С любовию к лесам, к степям, для вас,
Ей-ей, ввек будут чужды европейцы.
Нет, истинно разумный человек —
Космополит. В нем душу восторгает
Развитие, успех; он наблюдает,
Как всё вперед, вперед стремится век,
И где успех, он там отчизну видит.
Отсталое одно он ненавидит.
Жаль, некогда теперь мне; подожди,
Nous discuterons [1] — решенье впереди...
Но, странно, ты не бросил за границей
Патриотических своих идей?

Владимир

Никак не мог: во мне еще сильней...

Граф

Всё вздор: поверь, окончишь ты больницей
Умалишенных... Faut que je te quitte [2],
Прощай, о скиф!

---

[1] Обсудим (франц.).— *Ред.*
[2] Нужно, чтобы я тебя покинул (франц.).— *Ред.*

Владимир

Прощай, космополит!
Кто ж прав из них? Ей-ей, решить боюсь...
Какая сила в этом слове — Русь!
Вздохнешь, его промолвя, глубокó,
И мысль пойдет бродить так широко,
Грустна, как песни русской переливы,
Бесцветна, как разгул родных равнин,
Где ветер льнет ко груди полной нивы,
Где всё жилье — ряд изб в тени рябин,
А дале — небо бледными краями
Слилось с землей за синими лесами...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда впервые Нина услыхала
Слова, каким дотоле не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалося безмерно расстоянье
Меж ней и тем, кто эти знал страданья.
Сперва зажглось лишь любопытство в ней;
Потом ей втайне сделалось приятно
Жалеть о друге новом; непонятно
К нему неслись ее все мысли; он,
Казалось ей, достоин лучшей доли,—
А как помочь? В ее ли это воле?
Быть может, он озлоблен, оскорблен
И рождена она, как знать, с призваньем
Вновь помирить его с существованьем...

Владимир

Что ваш больной, Нинета?

Нина

Ничего,
Гораздо лучше. Нынче понемногу
Он стал гулять. Припадки у него
Всё реже.

Владимир

Стало быть, угодны богу
Молитвы ваши?

Нина

Я за всех молюсь,
Кого люблю.

Владимир

Счастливец!

Нина

Но Карлино...
Он не один... Синьор, я вам кажусь
Простою девочкой, так — бедной Ниной;
Вам кажется — где мне вас оценить...
Но есть у женщин в сердце голос ясный;
Что вам дают науки, может быть,
У нас врожденное, ведь вы несчастны,
Признайтесь?

Владимир

Кто же вам сказал?

Нина

Ваш взгляд
И сердце. Вы несчастны?

Владимир

Ради бога,
Оставим это. У мужчины много
Есть в сердце струн, которые молчат
И чужды в женском сердце. Есть заботы,
Недуги есть, безвестные для вас,

А их лечить нет сил и нет охоты
Ни у кого.

Сьора Тета (мать Нины)

Да, да, не ровен час.
Покойник мой был свеж; однажды рано
Пришел домой, весь бледен, как сметана.
Стал охать, слег. Я к доктору. Тотчас
Пустили кровь. Три доктора собрались —
И все лечить бедняжку отказались.
Как стукнет час, так не уйдет никто.

Нина

Ах, маменька, да это ведь не то.

Сьора Тета

Ну как не то? Вот поживи на свете...
Но, впрочем, вы себе толкуйте, дети,
Мне некогда, и к делу своему
Пора.

Нина

Скажите мне: я вас пойму!
У вас, синьор, душевные страданья?

Владимир

Как вам назвать их? Нету им названья!
Душевной пустотой? Нет. Иногда
Душа полна восторга, и в волненье
Ее приводит доблесть, вдохновенье
И образ гениального труда...
Иль сном ума? Нет, он не спит и шумно
Работает, и любит он труды;
Он труженик: как рудокоп безумный,
Всё роется и ищет он руды;
Но до нее не может он дорыться,
И подрывает только то, что в нем
Святейшего, небесного таится.

Нина

Любили ль вы? Любимым существом
Вы были ль поняты?

Владимир

Да, *жизни розы*,
Как говорят поэты, знал и я,—
И терн ее я знаю. Жизнь моя —
Увы! — полна поэзии и прозы
Двух страшных слов: любил и разлюбил!
Я многое достойно оценил!
Была пора: все жребии земные,
Казалось, я в руках своих держал;
Для общества людей я посвящал
Все чувства лучшие, мечты святые,
На благо им, я думал, я рожден —
И мог бы быть... Смешной и глупый сон!
С горячей головой, горячей кровью,
В душе к добру, к прекрасному с любовью,
Принесть я думал на алтарь любви
Свой труд и славу, все мечты свои...
Гражданской доблестью кипел я рано...
Ах, бросим это, бросим! Это рана
Болящая, и женщине нельзя
Ее понять... В груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожден был жить для лучших дней,—
То лучших чувств последнее дыханье!
Обманутый, весь пыл моих страстей,
Всё, что ценил, я назвал пустяками;
Во всем тогда вдруг усомнился я,
Что так срослось с моей душой, с мечтами.
Я колебался. Адская змея
Как будто облила мне душу ядом.
Бесился я, слепцом себя я звал...
Потом и сомневаться перестал,
И равнодушия был облит хладом:
И зло теперь меня не удивит,
Добро не поразит, не оживит,—
Что ж мне осталось в жизни?

Нина

Без сомненья,
У вас враги есть?

Владимир

Нет их, к сожаленью!
Или, когда хотите, сам себе
Я враг. Зачем я раньше пламень чувства
Не утушил, покорствуя судьбе?
Не изучил бесстрастия искусство?
Зачем я пылкий ум не заморил
В бездействии? Тогда б, как камень вечный,
Как статуя, я прожил бы беспечно;
И под конец, конечно бы, вкусил,
Всем прихотям судьбы своей покорный,
Нелепое блаженство жизни вздорной.
Не понимать, не видеть, не слыхать,
Безумно лучшей цели не искать,
Не чувствовать — мне было бы отрадой,
И вечный мир за то б мне был наградой!
А то теперь все прежние мечты,
Все высшие души моей начала —
Всё злобный образ демона приял!
И демон этот следует за мной:
Он с красоты срывает покрывало,
Он между мною и трудом моим,
Меж мной и другом лучшим, между мною
И женщиной — скелетом гробовым
Становится... Насмешливостью взоров
Спасает ли меня в грядущем он
От новых бед, мучений и укоров —
Не знаю, но им век мой отравлен.

Нина

О боже, боже! Вы мечтатель страстный!
Страдаете вы только потому,
Что вы одни, а волю дать уму,
Живя в пустыне, тяжко и опасно.

Быть может, жизнь веселая недуг
Излечит ваш иль дружба... Верный друг
Есть лучшая опора нам в страданьи...
Любовь... Она должна вам посвятить
Всё: жизнь свою, мечты, существованье...
И вы ее найдете, может быть...
И бедная, закрыв лицо руками,
Вдруг залилась горячими слезами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Вы спросите, пред девочкой простой
Владимир для чего так откровенно
Всё высказал, что было за душой?
То был ли в нем или порыв мгновенный,
Иль хорошо рассчитанный удар?
Хотел ли повторить он с сердцем Нины
Урок, давно затверженный в гостиной,
И этот вздох, и этот чувства жар,
И горечь жизни трудной и бесцельной —
Ужели всё фальшиво и поддельно?..
Да, трудно дать на то прямой ответ,—
Как вам сказать... И да и нет.

2

Владимир был воспитан в школе света.
Он знал любовь — и только раз любил;
Как любим все мы в молодые лета;
Потом слегка любовию шутил...
Он раз любил: все, думал, совершенства
Заключены в избраннице его;
Потом он понял (и прости блаженство!),
Что он любил себя лишь самого:
Что в ней, как солнце в море, отражались
Лучи его мечтаний молодых,
Что видел в ней всё, что в мечтах своих
Хотел он видеть... Но мечты умчались:

Он увидал, как, сбросив маски с лиц,
Избранницы его преображались
В боярынь из мечтательных девиц,
В Настасии Лукьяновны из Насти...
Не умерев, однако ж, от тоски,
Он посмотрел на жизнь, на сердце, страсти
Анализа в холодные очки.

3

Как согласить все эти переходы
Из нежных дев в боярынь — он не знал,
И бледностью полунощной природы
Он бледность лиц и душ их объяснял;
Он овладел заманчивым искусством
Играть, шутить и управлять их чувством;
И даже иногда был так счастлив,
Что пробуждал к высокому порыв
У наших дам — сих жриц роскошной лени,
Что, погрузясь дивана в мягкий пух,
Покоятся, как жены ханской сени,
Откуда Гименей, как злой евнух,
Прогнал и муз, и бога песнопений...
Но с тем прости пора волшебных снов,
И в душу пустота легла невольно:
Что таинство для черни богомольной —
Не таинство для опытных жрецов.

4

Так наш герой из этой светской школы
Извлек урок печальный и тяжелый.
Он в главный догмат кодекса любви
(Любви девиц и мальчиков) не верил:
На бытие двух душ *родных* свои
Не полагал надежды; чувство мерил
Не целой вечностью, но он ценил
Минутное, быть может, увлеченье
И, к горю дев, давно им говорил:
Вернее вечности одно мгновенье.

5

А здесь, теперь? Один в самом себе
Свидетель внутренней глубокой драмы,
Один и зритель и атлет в борьбе
Высоких чувств души с судьбой упрямой,—
Невольно он пред первым, кто спросил
С участием: «О друг мой, что с тобою?» —
Что было в нем, доверчиво излил
И летопись печальную раскрыл
Пред чистою, невинною душою...

6

Раз встретил он мать Нины. Смущена,
Как полоумная была она.
«Что ваша Нина?» — «Нина? Две недели,
Как всё больна и не встает с постели:
Горячка страшная... Я день-деньской
Всё на ногах... За что, за грех какой,
О господи, нас посетил слезами!
К себе пускает лишь одну меня.
Карлино не видал ее три дня.
Она зовет вас, бредит только вами,
Придите к нам».

Владимир

Как мне?.. Нет, мне нельзя.
Мое явленье может быть опасно —
Я испугать ее могу. Напрасно
Боитесь вы. Пройдет, уверен я,
Ее болезнь. Горячки в эти лета
Бояться нечего. Притом пора,
Мне ехать надо нынче в ночь, до света,
Прощайте, я уеду до утра.

Сьора Тета

Как ехать? Что вы? Что вам торопиться?
У вас квартира на год ведь. Что ж так?
Куда?

Владимир

Еще не знаю.

Сьора Тета

С ней проститься
Вы не хотите?

Владимир

Не могу никак.

7

Он понял всё... Что ж делать? Надо
Бежать, бежать от новых тяжких зол
И, может быть, от счастья и отрады...
Кто знает, для него, быть может, цвел
В сени олив и лавров фраскатанских
Сей горный цвет на камнях тускуланских.
Затем, быть может, *высшая рука*
Его вела чрез Альпы снеговые,
В сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые,—
Так наш Владимир думал и мечтал,
Готов был верить и захохотал.
. . . .

9

Да, дело есть мешаться в сплетни наши
Началу всех начал и нисходить
С высот небес во область щей и каши?
Карлино, Нина, дай вам бог вкусить
Все радости от счастия земного,
Дай бог плодиться вам и долго жить
По разуму евангельского слова.
О, женщинам удел завидный дан —
В несчастии — покорность и терпенье!

10

И выдвинул он пыльный чемодан,
Сложил свои невинные творенья —
Бумаги, где описывал он Рим,
Десяток книг, пейзажи и портреты,
Все древности, отысканные им,
И зарядил в дорогу пистолеты.
«В путь, в путь, друзья мои! В краю ином
По-прежнему мы с вами заживем!
В России мирно лежа на лежанке,
Не в первый раз нам чувство подавлять,
Утешимся, а там начнем писать
Еще стихи к прелестной фраскатанке!
Конечно, их, по счастью, не прочтут...
Но все меня поэтом назовут,—
Поэтом быть — великая отрада!
Все думают: иначе он рожден,
Иначе чувствует и мыслит он...
О жизнь, о жизнь! Ты дар небес иль ада?

11

Я еду. Долг и честь мне так велят.
Но отчего, на *подвиг благородный*
Решившися, ни грустен я, ни рад
Особенно? С решимостью холодной
Мне всё равно идти, что в смертный бой,
Что за обед . . . .
Плод это сплина или воспитанья?

12

Да, Нину испугала пустота
Моей души. Душа без упованья,
Без пламенных стремлений и мечтанья!
История ж ее или проста,
Как хроника монаха-грамотея,
Иль полная, живая эпопея.
Всё дело в том лишь, как ее понять.

Есть случаи, и их ни рассказать,
Ни описать,— а сколько в них значенья,
Дум сладостных, для сердца вдохновенья!
Хоть наша встреча.... Как тут описать?
С Наташей... Странная еще отрада
Мне в имени ее и до сих пор.
Казалось нам — и с первого уж взгляда,—
Что дружны мы давно, и разговор
Наш был как бы друзей давнишних, взор
Досказывал неконченные речи,—
А тот восторг, а те полуслова,
Пожатье рук, условленные встречи!..
А этот вздор, которым голова
Моя тогда пылала! Жажда славы!
Как всюду я кидался на лукавый
Ее привет... Всё улыбалось мне;
Науки были ясны так, как слепы
Ученые и книги их нелепы;
Как подорвать, я думал в тишине,
Весь хлам систем их... Но, наскучив ими,
Я бросил их, назвавши их смешными.

Мне действовать хотелось! А у нас
Как действовать? Чужою быть машиной?
Ума и совести и чести не спросясь,
Как вол, ломися лбом. Зачем? Причины
Не знай — и ты отличный гражданин,
Здесь — малый царь, а там — холопий сын.
Слиянье власти с рабством!.. Утопист,
Осуществить я жаждал указанья
Разумных прав и светлого познанья —
Прослыл я как разбойник, дуэлист!
Я думал, что в воинственном разгуле
Есть больше жизни! Браво! На Кавказ!
Вот факт простой: случалося не раз,
В каком-нибудь разграбленном ауле,
В ущелии стоишь на карауле.
Где больше прозы? А как заглянуть
Тогда мне в душу, в сердце, в грудь —
Какая там поэма клокотала!
Какая рама ей была!.. Потом
Всё просто: я спешил в любимый дом —

Увы! — кумир мой замужем. Сначала
Не верил я, а там поверил. С ней
Мы виделись — о прошлом ни полслова,
Как будто всё в порядке шло вещей.
Упрека и отчаянья смешного
Не обнаружил я и, как Катон,
Всё перенес... А сколько есть Катонов?
Что ж это? Плод общественных законов?
Кто не таков, тот нынче и смешон...
Сократы века! Яд мы пьем послушно,
Не жалуясь, что смертоносен он,—
Живьем себя хороним равнодушно!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Так он сидел, добыча тяжких мук,
Свеча горела тускло у камина;
Стихали вкруг соседи к ночи. Вдруг
Открылась дверь, в дверях явилась Нина.
Она была вся в белом. По плечам
Вилась коса. Порыв души смятенной
И сумрак придали ее очам
Чудесный блеск. Не девою смиренной,
Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественным речам...
Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасные черты одушевлял;
Румянец с бледностью в лице играл,
Вздымало грудь неровное дыханье.

Владимир

Как! Нина, здесь? Так поздно...

Нина

О, ты мой!
Ты здесь еще!.. Нет, то обман, я знала.
Ведь ты не думал, не хотел меня
Убить... Их шутка!.. А как я страдала
От этой шутки!

Владимир

Бедное дитя!
Что, что с тобою?.. Нина, успокойся,
Ты так встревожена.

Нина

О нет, не бойся!

Владимир

Ты плачешь?..

Нина

Нет, теперь уж я смеюсь —
Ведь я с тобой. Пускай придет мир целый,
Я вкруг тебя руками обовьюсь,
Как змей... Я буду биться львицей смелой
И не отдам тебя.

Владимир

Скажи ж, чего
Боялась ты?

Нина

Ты едешь?

Владимир

До того
Кому нужда?

Нина

Ты едешь?

Владимир

Да... и скоро.

Нина

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
В глаза мне прямо. Что в моей груди?
Прочти, что в ней?.. Ты понял? Приговора
Судьбы ты не прочел в ней?.. Так иди,
Прочь, камень северный, палач жестокий...
Прочь! По свету скитайся одинокий!
Но... милый друг, клянись мне навсегда...

Владимир

Мой ангел, успокойся.

Нина

Я тверда,
Я в памяти. Не глупый бред простуды
Мои слова... Послушай, я клялась...
Мне сердце — бог; я сердцу отдалась.
Через мой труп ты выйдешь лишь отсюда.
Одно лишь слово — и решилась я.
Скажи мне прямо: любишь ли меня?

И взор, сверкавший некой дивной силой,
Она в него безумно устремила.

Он был в борьбе с собой.

Нина

Не любишь, нет?
Знай, где б ты ни был, я пройду весь свет.
Я отыщу... отмщу... Сам бог порука!

Владимир

Меня ты знаешь, Нина. Жизнь мне мука.
Тебя обречь той муке — нету сил
Во мне. Быть может, я б тебя любил
Последнею любовию моею,
Любил бы так, как, может быть, никто.
В моей душе ведь только заперто,
А не погасло чувство,— но не смею
Души твоей я отравить собой.

Нина

Не думай обо мне. Здесь жребий мой —
Любовь. Любовь не есть расчет презренный
О благах жизни, а закон священный.
Где голос сердца — голос божий в нем!
Нельзя любить и разлюбить потом...
В последний раз тебе, быть может, ныне
Твой жребий ясен. Друг мой, выбирай:
Его отвергнуть хочешь ли? Но знай,
Отказ твой — смерть твоей несчастной Нине.
Я смерть найду.

Владимир

Но, Нина, погляди,
Чего ты хочешь? Ко всему презренье
Питаю я; но у меня в груди
К невинности осталось уваженье.
Тебя поймать в расставленную сеть
Легко; упиться ласками твоими,
И после к ним остыть, охолодеть,
И после бросить...

Нина

О, клянусь святыми,
Я поняла огонь твоей души
И благородство чувств.

Владимир

Итак, реши,
Мой ангел.

Нина

Я тверда.

Владимир

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

Н и н а

Всё знаю я.

В л а д и м и р

Оставить край, где всё — сады, поля
Блистают розами, где небо пышет
Лазурью жаркой, звезды так горят,
Где с детства всё лелеяло твой взгляд,
И променять всё то на край, где дышит
Почти весь год и вьюга и мороз,
В нагих полях ни миртов нет, ни роз,
И люди ходят — мехом обвитые!

Н и н а

Я знаю всё.

В л а д и м и р

Оставить круг друзей
И променять их... на каких людей?
Ты знаешь ли, что значит свет? Какие
Там существа? Ты с ними век живешь,
И каковы они — не назовешь.
В них скрыто маской чувство и природа,
И даже сердца скована свобода!
Как ты войдешь, от головы до пят
Тебя измерит их холодный взгляд;
Пустой привет их речи — шип змеиный;
Их пустоту под пышною личиной
Ты в силах снесть?

Н и н а

На всё готова я,
На всё, на всё! В тот миг, когда тебя
Я встретила, тогда лишь я узнала,
Что у меня в груди есть сердце. Ты
Его извлек из сна и темноты,
И с той поры мне жизнь понятна стала,
Ты вкруг меня разлил чудесный свет...
Нет, я Карлино не любила... нет!

И, как звезда вечерняя, склонила
Она головку ко груди его,
И повторяла, глядя на него:
«О нет, нет, я Карлино не любила...»

Карлино

(входит)

А он тебя, преступница, любил,
Неблагодарная, любил душою!..

Нина

Он здесь, о боже!

Карлино

Здесь и слышал всё.

Нина

Ты слышал?.. Что ж ты следуешь за мною?

Карлино

Ты думаешь, что счастие свое
Продам такой я низкою ценою?

(Вынимает нож.)

Молись, в последний раз молись! Змея!

Нина

Владимир... Боже! Он убьет меня...

Владимир берет кинжал. Нина бросается между ними.

Нина

(Владимиру)

Оставь его: он зверь! он зверь!.. Карлино!
От детства знала друга я в тебе —
Молю я, выслушай!.. Моей мольбе
Отказа ты не знал... Я та же Нина...

Карлино

Та ж Нина!.. Мной пригретый змей...
Та Нина! Та, кого от детских дней
Лелеял я, как мать лелеет сына,
Иль более — ведь так не может мать,
Как я тебя, любить и обожать...
И что ж? С другим целуясь, всё забыла,
Клянется, что меня и не любила!..

(Владимиру.)

Оставь ее, оставь: она моя!

Владимир

Бой с женщиной... постыден бой неровный...
Стыдися! За нее отвечу я!
Условимся спокойно, хладнокровно.
Сойдемся за горой с рассветом дня.
Судья нам будет бог.

Карлино

Изволь, с тобою
Сойдемся завтра... нынче с ней расчет.

Нина

Не верь ему, Владимир, он убьет,
Обманет!

Карлино

Замолчи!..

(Убивает ее.)

Знай, я любить умел — умею мстить!..
Людей пустых угроз я не робею,
Я жил с людьми: был добр, умел любить,
И наругаться ими я сумею!

Нина

Беги!.. Ему, о друг мой, не вверяйся,
Знай, знай, Карлино, я его люблю.

Владимир

О Нина...

Нина

Друг... увидимся... спасайся...

Владимир

Убийца низкий! Я отмщу, злодей!

Карлино

Увидим!

(Кидается к окну.)

Эй! На помощь! Помогите!
Разбой, разбой! Преступник здесь! Вяжите!

Вбегает народ.

Вот он: давно за Ниною моей
Ухаживал и сети ставил ей.
Он заманил ее: угрозой, лестью
Он обольстить, злодей, ее хотел.
В слезах она противилась бесчестью,
Кричала. Я на вопль ее поспел.
Вломился в дверь. Он, яростью кипящий,
Ее зарезал!.. Нина, ангел мой!
То ль было нам обещано судьбой?

Владимир

Он лжет, он лжет...

Народ

— Она как ангел спящий!
— Ужели он убил?
— Он был всегда
Так добр.
— Да, добр; всегда похож на волка.
Я говорил, не будет никогда
От этих выходцев пути и толка.
— Ах, он злодей!
— Карлино бедный! Жаль
Его: они друг друга так любили!
— А мать чего смотрела? Были
Советы ей.
— Ее убьет печаль.
— Да, с полчаса тому, как забегала
Она ко мне и дочери искала.
— И к нам!
— И к нам!
— Я только что ложусь,
Карлино в дверь: ведь испугал, божусь!

Сьора Тета

Где, где она?.. Дитя мое родное!
Дитя мое!.. Проснися, золотое!
Откликнись! Что я сделала тебе?
Нинета! Или ты меня не знаешь?..
За что, о боже, ты меня караешь?..
К такой ли я готовила судьбе
Тебя, мой ангел... О бесчеловечный,
Я изорву тебя... Я кровь твою
Испью... Или убей меня, молю,
Я буду с ней, с моею Ниной, вечно!

Карабинеры

Прибрать старуху. Тело унести.

Народ

Да, бедной ей пришлось теперь плести
На дочкин гроб гирлянды подвенечны.

Карабинеры

Преступника, свидетеля свести
В тюрьму. Карлино! Где он? Где он? Скрылся!

Народ

Чтоб с горя он на жизнь не покусился...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Идут года... С Адама мы твердим
Единодушно эту правду злую.
Оставимте Италию святую,
Оставимте Фраскати, пышный Рим,
На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю, уж я наскучил вам,
Твердя одно: «Италия святая!»
Но ведь она не вовсе нам чужая,
Дары ее завещаны и нам,
И нам ее отворены чертоги,
И мы званы священствовать во храм,
Где царствуют досель, назло векам,
Из мрамора изваянные боги;
Где властвует над нежною душой
И красоты и славы мощный гений;
Где в золоте и в бронзе вековой
Повсюду мысль протекших поколений
Записана их творческой рукой...
Вкруг этих черт бродящие народы,
Читая их, вы поняли ль ее?
В себе, в себе узнали ль бытие
Иной, святой, возвышенной природы
И чувств иных биение в груди?
Не поняли? Так бог уж вас суди!

2

Итак, прости, прости на годы многи!
Быть может, я под мирт твой вновь приду,
Но тот же ль буду? Те же ли найду
Здесь сердца сны, восторги и тревоги?
Иль постепенно север заморит
То, что меня теперь животворит...
Прощай, руин зеленый плющ и розы,
И ты, царица спящих сих долин,
Грусть думная, восторженные слезы...
Пойму ль когда опять язык руин?
Отвечу ль им высокими страстями?..
Прощай, о говор вечно шумных струй,
И ты, смуглянка с яркими очами,
И жаркий наш под миртом поцелуй...
О, трудно мне последнее прощанье,
Италия, в слезах тебе сказать,
Как тяжело, о милое созданье,
О ангел мой, в последнее лобзанье
От уст твоих уста мне оторвать.

3

Прислушайтесь... звучат иные звуки...
Унынье и отчаянный разгул.
Разбойник ли там песню затянул
Иль дева плачет в грустный час разлуки?
Нет, то идут с работы косари...
Кто ж песнь сложил им? Как кто? Посмотри
Кругом: леса, саратовские степи,
Нужда, да грусть, да думушка, да цепи.

4

Пойдем на звук волынки полевой.
Как вечер тих! В росе фиалка дышит,
И свищет соловей в глуши лесной,
И долго в ночь заря на небе пышет.
Вот барский дом на хо́лме. Вкруг стоят
Пушистые березы вековые,

Ряды теплиц, а под горою сад
И пруд, а там избушки тесовые
По берегу излучистой реки.

5

Вот на гору поднялись мужички,
Всё с песнями; но только увидали
Господский дом, примолкли, шапки сняли;
Приказчик к барину пошел один,
Чтоб доложить, как много десятин
Распахано, и скошено, и сжато.

6

Кто ж барин-то?.. Узна́ете ль его,
Читатели?.. Рассказа моего
Он был герой в Италии богатой.
Да полно, он ли? Как он потолстел
(Что значит ведь у нас — похорошел),
Румян, здоров, глаза как масленисты,
И праздничный какой имеет вид!..
Что ж? Дай господь! В деревне аппетит,
Движенье, сон, хозяйство, воздух чистый...

7

Владимир! Здравствуй! Как-то ты живешь?
Рисуешь, пишешь, классиков читаешь?
Остришь над всем? Влюблен? Успешно?..
Что ж?
О, милый мой, как громко ты зеваешь!..
Посмотримте, как он проводит день.

8

Он, возвратясь давно из-за границы,
И не заехал в русские столицы,
А в глушь своих забился деревень.

Выписывал газеты и журналы,
Сперва читал их все, а после мало,
И наконец читать их перестал.
Он «Quotidienne» и «Siècle» [1] получал,
И прочие различного объема,
Различные умом и остротой,
И, наконец, «Diario di Roma» [2]
С его кузиной «Северной Пчелой».

9

Раз дождик шел. Как кровлею тяжелой,
Всё небо тучею обложено.
Туман сокрыл и холмики и долы;
И грязь, и сыро, скучно и темно.
Владимир поздно встал, пил чай душистый;
Кольцом пускал из трубки дым волнистый;
Насвистывал затверженны давно,
В Италии еще, два-три мотива —
«Fra poco» из Лучии, «Casta diva» [3]
Из Нормы — и, свистя, смотрел в окно
Иль в комнате ходил диагонально.
Остановясь перед окном, в стекло
Стал барабанить. «О, климáт печальный!
Какая грусть! Ни выйти на село,
Ни на гумно! Чай, озимь пострадает...
Поехать на охоту?.. Да хромает
Пегас. К тому ж, я что-то тяжело
И неспокойно ночью спал сегодня,
Дай загляну в какой-нибудь журнал».
Он кипу целую журналов взял,
Случайно вынул нумер прошлогодний
Diario di Roma и читал:
«Богоотступник и злодей Карлино,
Оставивши Абруцци, между скал
Разбил свой стан, под самой Палестриной.

---

[1] «Ежедневная газета», «Век» (франц.).— *Ред.*
[2] «Римский дневник» (итал.).— *Ред.*
[3] «Скоро», «Чистая дева» (итал.).— *Ред.*

Известный лорд *** тут проезжал
В Неаполь и, с семейством и женою,
Зарезан был разбойничьей толпою.
Меж жителей распространился страх;
Правительство усиливает меры:
Отправлены туда карабинеры,
Учреждены конвои на путях».
«Карлино?.. Уж не он ли тот Карлино,
Которого знавал я?.. Может быть».
Он далее читал:
«Но изловить
Не могут шайки, и от Палестрины
Уже к Дженсано перешел злодей.
Намедни шли в Альбано капуцины
И девушка. Презренный изверг сей
Заставил их плясать, а сам с своей...»

Но, на беду, вошел на месте этом
Павлушка в дверь (смотритель за буфетом),

Ужасно хочется мне в мой рассказ
Всего два слова лишние прибавить
Насчет Павлушки, чтоб, шутя, для вас
Всю биографию его представить.
Он барином еще покойным, стариком,
Был взят во двор господский казачком,
Одет был в казакин и панталоны
Широкие, а на груди патроны.
Доныне казакина своего
Он не лишил нашивки сей. Его
Павлушкой звали девушки-вострушки,
И до седин остался он Павлушкой.
Вот всё.

Павлушка

Обед готов-с.

Владимир

Что, суп иль щи?

Павлушка

Вы приказали щи.

Владимир

Еще что будет?

Павлушка

Жаркое дичь; с подливкою лещи...

Владимир

Скажи-ка повару, не то забудет,
Чтоб он в подливку луку покрошил.
Пойти обедать.

За обедом.

Павлушка

Утром приходил
Петрушка Ча́йковский.

Владимир

Ну, что ж?

Павлушка

Ишь, барин
Его просил откушать вас. Татарин
И Лыков будут.

Владимир

Что ж мне до сих пор
Не доложил?

Павлушка

Он был часу в десятом,
Вы почивать изволили. Да в двор

Еще наехал было Ласлов с братом,
Я отказал.

Владимир

Что ж это? За меня
Распоряжаться стали вы?

Павлушка

Да я
Подумал так, что будет не угодно
Вам их принять.

Владимир

Я мог бы отказать
И сам. Какой вы все народ негодный!
Мне всё вперед докладывать, сказать.
Ты слышишь?

Павлушка

Слушаю. Еще в то ж время
Приказчик был и приносил вам семя
Какое-то, прислали в образец.

Владимир

Зайдет пусть после. Рябчик пережарен.

Обед свой жирный кончив наконец,
Отправился всхрапнуть часок наш барин;
Проснувшись, стал пить чай и взял
Доканчивать начатый им журнал.
«Посмотрим, как плясали капуцины
Под дудочку несчастного Карлино;
А девушка?»
«Презренный изверг сей
Заставил их плясать, а сам с своей
Богопротивной шайкой любовался,
И после распял, как уж наругался

(На небесах награда будет им:
Их церковь сопричислила к святым).
А девушка, обняв его колени,
Молила умертвить ее скорей,
Но не внимал свирепый изверг ей,
Не тронули его мольбы и пени...
И обнял он ее и целовал,
И у себя три дня ее держал.
Меж тем, такой же страстию пылая,
Озлобленны товарищи его
Предать вождя решились своего
(Их вразумила дева пресвятая,
Заступница людей перед творцом).
К Неттуно перешел своим он станом.
Проснувшись утром, поглядел кругом
И видит — он один, пред атаманом
Исчез его разбойничий народ,
Наместо их карабинеров взвод.
Он взят; сидит в Сант-Анджело, и скоро,
По составленьи формы приговора,
Близ храма Весты будет он казнен.
На исповедь идти не хочет он».
«Карлино! Мы с ним встретились однажды.
Был в жизни нам один урок, но каждый
По-своему его растолковал.
Несчастный! Помню, он всегда бывал
Так скромен, тих, в мечтаньях благороден...
Я помню... Но я разве с ним не сходен?
Обманут был он жизнью так, как я;
Мы оба стали те же мизантропы,—
Над ним гремят проклятия Европы,
А я слыву как честный человек...
Да чем же лучше я? О, жизнь! О, век!
Павлушка! Эй! Приказчику Ивану
Скажи, доклад я принимать не стану.
За ужином я гуся буду есть
Да сыр. В еде спасенье только есть!»

16 (28) декабря 1843, 1844
Париж, Петербург

МАШЕНЬКА

Куда как надоел элегий современных
Плаксивый тон; то ль дело иногда
Послушать старичков-рассказчиков почтенных
Про молодости их удалые года,—
Невольно веришь им, когда, почти с слезою,
Они, смотря на нас, качая головою,
Насмешливо твердят: «То ль было в старину!»

Теперь из их времен я свой рассказ начну.
Хоть он в моих устах теряет сто процентов;
Хоть ныне далеки мы от блаженных дней,
Дней буйных праздников, гусарских кутежей,
Уездных Ариадн, языковских студентов;
Хоть этих лиц теперь почти уж боле нет,
Хотя у нас теперь иные люди, нравы,—
Но всё еще поймем мы были прошлых лет
И дедов старые проказы и забавы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жил на Песках один чиновник. Звали
Его Василий Тихоныч Крупа.
Жил тихо он. В дому лишь принимали
По праздникам с святой водой попа;
А братии своей мелкочиновной
Он никогда почти не приглашал,

Хоть знали все, что службой безгреховной
Он тысячу рублишек получал,
Да дом имел, дочь в пансионе даром,
Так «скуп старик» — все говорили с жаром.

2

Когда бы вы увидели его,
Вы, чуждые чиновничьего мира,
«Чудак, чудак!» — сказали б про него;
И воротник высокий вицмундира,
И на локтях истертое сукно,
Уста без жизни, волосы клочками,
Глаза тупые с бледными зрачками,—
Да, точно б вы сказали: «В нем давно
Всё человечество умерщвлено».

3

Он двигался, как ма́шина немая;
Как автомат, писал, писал, писал...
И что писал — почти не понимал;
На благо ли отеческого края,
Иль приговор он смертный объявлял —
Он только буквы выводил... Порою
Лишь подходил к соседу стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплин, а так... понюхать табачку.

4

Над ним острился молодой народ:
«Чай, в сундуках у вас есть капиталец,
А ведь, злодей, к себе не позовет.
— Что деньги вам: ведь вы один, как палец.
— Куда-те! Говорят, что дочка есть.
Скажите! Что, на вас она похожа?
— Ну, если так, вам небольшая честь.
— И у нее шафрановая кожа?»
Старик молчит или, поднявши глаз,
Из-за пера шепнет: «Получше вас».

5

Так жизнь его ползла себе в тиши,
Без радости и без тоски-злодейки...
Ни разу не смущал его души
Ни преферанс задорный по копейке,
Ни с самоваром за город пикник.
Но вдруг все в нем заметили движенье,
Стал о погоде говорить старик
И цену спрашивал французских книг;
Видали, он на Невском, в дождь, в волненьи,
Глядел в окно у магазина мод —
«Ишь, старый черт!.. Кого-нибудь да ждет».

6

Однажды встал он рано; задыхаясь,
Всю ночь почти он глаза не смежил.
Вздел туфли и открыл окно. Он был
Тревожим чем-то, так что, одеваясь,
Наместо колпака чуть не надел
Чулок. Был праздник; день светился яркий;
Кругом далеко благовест гудел;
Тут в берегах тесьмой канал блестел:
В кружок теснясь, за миской щей на барке
За полдником сидели бурлаки...
Какое утро с свежестью и жаром!
Земля как будто дышит ранним паром,
А небеса так сини, глубоки!

7

Василий Тихоныч открыл окошко
Другое, в сад, — и ветерок с кустов,
Как мальчик милый, но шалун немножко,
Его тихонько ждавший меж цветов,
Пахнул в лицо ему, в покой прорвался,
Сор по полу и легкий пух погнал,
На столике в бумагах пошептал
И в комнате соседней потерялся.
Василий Тихоныч глядел кругом
На зелень, на сирень, большим кустом
Разросшуюся там, — и улыбался.

8

Единственной забавою всегда
И собеседником его, и другом
Был чижик. С ним одним между досугом
Он разговаривал, и иногда
Не только о вещах обыкновенных,
Но даже о предметах отвлеченных.
Почувствовав прохладный ветерок,
Чиж стал скакать по клетке и забился;
Вдруг сел, чирикать начал и залился
Потом так громко, чисто, как звонок.
Василий Тихоныч, ему с улыбкой
Грозя, речь начал: «Что, куда так шибко?
Что, Шурочка, распелся так куда?
Что весел так? Иль знаешь разве?.. А?

9

А кто сказал тебе? Подслушал, верно,
Как говорил вчера Анютке я?
Подслушать тоже любишь?.. Я тебя!
Мошенник! Наказать его примерно!
Сейчас скажу директору!.. Смотри!
Ну, что ты слышал, Шурка? Повтори!
Что?.. Машенька к нам будет?.. Знаешь Машу?
Не знаешь? То-то ты и спал всю ночь.
Полюбишь ли ее, голубку нашу?
Смотри же — полюби: она мне дочь.

10

Она тебя за то полюбит тоже...
Ну, а как нет? А как начнет скучать,
И станет плакать и худеть, вздыхать?
Не пережить мне этого... Эх, боже!
В три месяца, чай, к роскоши она
Привыкла у княгини... Ведь не шутка —
Балы, театр... А здесь?.. Не сметена
Ведь даже пыль... Что ж дрыхнешь ты,
Анютка!
Да подмети, да пыль сотри. Ишь, сад

Зарос совсем. Дай заступ поскорее,—
Куртинки пообрежу... да в аллее
Проклятый подорожник вон... а с гряд
Крапиву... Ах, мой бог, какая гадость!
Что, старый хрыч, о чем же думал ты?
Щавель, крапива — славные цветы!
Вот хорошо готовил дочке радость!»

11

Он принялся копать, возил песок,
Полол и рыл, как записной садовник.
Ну, глядя на него, никто б не мог
Подумать, что он классный был чиновник...
Уж полдень был. Затихнул ветерок;
Недвижные листы к земле склонились;
Железо крыш и камни накалились;
На улицах всё пусто; тишь кругом;
Один мужик на барке да собака
На солнце спали; голуби рядком
Под крышею, под слуховым окном,
Уселися, ища прохлады мрака.

12

Василий Тихоныч, кряхтя, отвез
Последний сор. «Ну, эдак будет лихо!»
Сел на скамью под ветвями берез,
Отер свой лоб и любовался тихо,
Как мак, нарцисс пестрели между роз.
«Ну, лихо будет!.. Уф, как жарко, душно!
Умаялся». Совсем не думал он,
Чем за свой труд он будет награжден:
Лишь не было б здесь только Маше скучно.
«Ну, дождался, голубушка, тебя!
Целковики копил недаром я!
Вот поживем годок-другой, а там уж
Как раз пристроимся и выйдем замуж!
Ух! Набежит пострелов! Кликни клич —
Лука Лукич, да что Лука Лукич!
Столоначальники... мое почтенье!
Бей выше... сам начальник отделенья!..

Анютка, выйдь-ка в переулок,— что?
Не видно ль там... не едет там никто?
Гляди, гляди, послушай-ка, что это?»
— «Да ничего не видно...» — «Врешь, карета...
Как ничего? Гляди... Я слышу стук».
— «Да кабы стук, так слышно б... (Старый
бредит!)»
— «Анютка!.. Эй, беги, подай сюртук,
Да что ж стоишь ты, дура?.. Едет, едет!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Василий Тихоныч не мог довольно
Налюбоваться дочкою своей.
Заботливо показывал он ей
Сад, комнаты и, трепеща невольно,
Смотрел, как ей понравится? «Вот тут
Гостиная... У нас пойдут балишки.
Ух! гости-то наедут, набегут;
Постарше кто — посадим за картишки...
В саду — фонарики со всех сторон.
А здесь, смотри, какой у нас балкон,—
По вечерам мы будем на балконе
Пить чай».
— «Ах, да! Я буду вам читать
Всю ночь, всю ночь! Я так люблю не спать!
Как весело! Не то что в пансионе —
Там в десять уж извольте почивать!»

2

«Какая ты хорошенькая, Маша! —
Любуясь ею, говорил папаша.—
Да поцелуй меня еще, дружок...
Эх, нет покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судил ей бог,
Как мне, дожить до этакого счастья!..»
Старик отер слезу, и из очей
У Машеньки блеснули слезки тоже.

«Эх, старый я дурак! Ну! царство ей
Небесное! Ты мне всего дороже!
Не плачь, дружок, развеселись скорей».

3

Как описать вам Машу беспристрастно?
В ее чертах особенности нет,
Хотя черты так тонки и прекрасны,
Заманчив щек прозрачный, смуглый цвет,
Коса густая, взор живой и ясный...
Но не люблю я дев ее поры:
Они — алмаз без грани, без игры;
И я, смотря на деву молодую,
Прекрасную, как мраморный антик,
Твержу — ах, если б жизни луч проник
И осветил чудесную статую!

4

Действительность, где страждет нищета,
Где сдавлен ум ярмом порабощенья,
Где ищет дух отрады в усыпленьи,
Где чувство сдавлено, где жизнь пуста,
Вся в кукольной комедии приличий;
Где человек — манкен, где бог — обычай,—
Была для Маши пламенной чужда
И называлась *прозою презренной.*
В ней разум спал; зато ее мечта
Работала, как зодчий вдохновенный:
Фантазия без образов, без лиц,
Как дивное предчувствие чего-то,
Творила мир без цели, без границ,
Блестевший яркой, ложной позолотой.
То гением хотелось ей парить
И человечеству благотворить:
Одним движеньем палочки волшебной
Пролить покой и силою целебной
Больные раны излечать; то в глушь
Уйти, меж гор и бездн; жить в гроте диком
С одним созданьем избранным, великим
И утопать в гармонии двух душ...

5

Для старика не много измененья
В житье-бытье произошло тогда,
Как появилась Маша: иногда
Был на гулянье с дочкой в воскресенье;
Ложился позже, позже стал вставать;
На цыпочках ходил, когда читать
Изволит Маша... Лилии, тюльпаны
В саду явились; в зале фортепьяны
(Хоть музыкантшей Маша не была)
Да пяльцы у рабочего стола.
На столике валялось разных книжек
Десяток — вот и всё... Ах, нет, забыл,
Из Шурочки вертлявый желтый чижик
Повышен: Ламартином назван был,
Хоть старику темна была причина —
«Да чем же хуже Шурочка Мартына?» —
Почти не изменилось ничего;
Предметы те же, но с иной душою,
С иною жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить всё собою!
Вокруг нее как будто разлита
Нам чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свет, и мир, и теплота,
Любовь и смех, спокойствие и вера.

6

Прошла неделя — Маша весела,
Глубокий мир ее уединенья
Воспламенял ее воображенье...
Сердилась лишь, скучна она была,
Когда старик опаздывал обедать,
Да на подруг роптала — не могла
Никак понять: как можно не проведать?
Не раз она в Морскую в *бельэтаж*
Послания по почте отправляла;
Решилась *объясниться* и писала...
Как вдруг гремит знакомый экипаж,
И с дочерью подъехала старушка.

Z

— Zizine!

— Marie! Вот, видишь ли, Marie,
Как слово я держу.

— Zizine! Ах, душка!
О, мы друзья, и вечно? Говори!
— О, вечно!..

— У меня так было много
Тебе сказать...

— И мне!

— О, ради бога,
Скорей!

— Постой. Как мило у тебя —
Цветы...

— Цветы? Всё накупил папаша.
Ты не поверишь, душка, как меня
Он любит.

— Твой papa?.. Ах, Маша,
Мне кажется, я полюблю его
За то, что он тебя так любит... Право...
Хоть он такой...

— Zizine!

— Ах, ничего,
Ну, не сердись. Что это за кудрявый
Цветок?

— Простой.

— А этот вон, большой,
Высокий, желтый? Верно, дорогой!
— Подсолнечник.

— Милашка! Ах, конечно,
Я для себя велю купить... Marie,
Завидовать тебе я буду вечно!
Как хорошо тебе здесь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько тени!
Какой чудесный запах от сирени...
Как весело здесь целый день гулять,
Мечтать и думать, думать и мечтать.
— Конечно... Но одной, без друга, скучно!
— А я-то что ж? Ты только напиши,
Верь, я явлюсь. Мы были неразлучны
И в классах. Ты — ты часть моей души.

— Ах, добрая Zizine!
Смеясь сквозь слезы,
Подруги обнялись. Как вешни розы,
Пылали щеки их; рука с рукой;
Головка Маши смуглой и живой
Лежала на груди блондинки Зины.
У Греза есть подобные картины.

8

Маша

Я многое обдумала одна,
О, боже! Для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я ведь не жадна
И, верь, презренного металла, злата
Желала б я для счастия людей.
Пренебрегла бы я законы света:
Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,
В страданиях, нашла бы я поэта;
К нему б пришла я ангелом любви,
Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
Но я даю тебе, своей рукою —
Любовь мою и золото: живи!
Живи!..» Ему была б я вдохновеньем,
Он миру бы слова небес вещал,
И целый мир ему б рукоплескал...
Как я б была горда своим твореньем!

— Когда б, Marie, была поэтом я,
Я б выбрала тебя своею музой!
Но ведь поэты — гадкие мужья;
Брак, говорят, им тягостные узы...
Кто это, погляди, Mimi, скорей!
Кавалерист и на коне... Вот чудо!
Вообрази: знакомый! Точно, он
Бывал всегда у Верочки Посуды.
— Противный! Как он был всегда смешон!
Я презираю!
— Что же он здесь скачет?
Ах, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещут, как огонь!

Ах, душка — каска! Что же это значит?
Зачем он здесь?
— Как смел?
— Скорей уйдем.
Подумает, что мы нарочно ждем.
— Заговорит, пожалуй!.. Фи, как стыдно!
— Ах, боже! Маменька, за мной... Прощай,
Marie!
— Прощай, Zizine, не забывай!
— Ах, quelle idée [1]! Мне, право, преобидно!
— Нет, поклянись!
— Я раз уж поклялась.
— Так мы друзья?
— Ах, боже мой, конечно!
— И вечно?
— Да!
Карета понеслась,
И девушки расстались с криком: «Вечно».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Чуть освежась холодною водой
И наскоро свернувши косу змейкой,
В капоте легком, с обнаженной шейкой,
Красавица являлась в садик свой,
К своим цветам, то с граблями, то с лейкой.
Потом в тени, среди семьи цветов,
Как их сестра, садилась и читала.
О, как тогда ее кипела кровь!
Из рук порою книга выпадала.
И в сладком забытье неслась тогда
Душа ее... бог ведает куда...

2

Кавалерист меж тем являлся чаще...
То будто вихрь промчится на коне

[1] Какая мысль! (франц.)— *Ред.*

В красивой каске, в блещущей броне;
То так идет, расстроенный, молящий.
Он Машеньку немножко занимал
(Так, крошечку! Предмет ее мечтаний
Всё был поэт — дитя святых страданий).
«А этот что? Быть может, проиграл!
Ведь эти гадкие мужчины, право,
Бог знает, как живут!.. Противный он!
Обкрадывать друг друга им забава!»
Она ушла, захлопнувши балкон,
Но на себя потом досадно стало:
«Кто право дал его мне оскорблять?
Могу ль я людям запретить гулять
По улице? Им нравится — пожалуй!
Пускай и он... Привыкла я давно;
Быть может... О, мне, впрочем, всё равно!»

3

Как звезды средь небесного селенья,
Он совершал обычное теченье.
Так медленно идет, усы крутит,
Вздыхает, в сад задумчиво глядит.
Раз, встретив взоры Маши, поклонился,
Но так был бледен, грустен и угрюм,
Что в этот миг ей не пришло на ум,
Что надо рассердиться. Он сокрылся.

4

Другой, быть может, бросил бы письмо.
Но сей герой писал не очень шибко,
Он размышлял: в письме одна ошибка
Испортит дело — вечное клеймо!
Ведь девушка из пансиона часто
Напишет правильней, чем Марс усастый.

5

Остановясь однажды за решеткой,
Заговорил он так печально, кротко,
Что Маша испугалася его.

— Сударыня, вам ничего не стоит
Страдальца осчастливить.
— Мне, кого?
Что вам угодно?
— Если беспокоит
Вас просьба — я, пожалуй, замолчу.
— Что вам угодно?
— Ах, прошу... позвольте...
Из сада вашего иметь хочу
Цветок я непременно.
— Вот, извольте.
— Нет, нет, не этот.
— Розан?
— Нет, не тот.
— Который же? Скажите, я не знаю.
— Ах, если б мог я указать... Ну, вот
Что подле лилии...
— Не понимаю.
Тут был нарцисс — его я сорвала.
— Нет, не нарцисс... Вы им так любовались!
Тюльпан, где, помните, еще ползла
Букашка, вы сначала испугались...
— Не знаю, где же мне его найти?..
— Позвольте на минуточку войти?
— Как это можно? Папеньки нет дома.
— Так что ж, ему расскажете потом,
Что приходил я только за цветком.
Что ж тут дурного?
— Вы ведь незнакомый! —
И думала она, как Гамлет: *быть*
Или не быть — впустить иль не впустить?
— Ах, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!
Я закричу.
— Уйду-с. Из-за цветка
Уж вы поднять историю хотите!
Вы лед: душа в вас как гранит жестка.
Вы слезы лить готовы над романом,
А человек пред вами хоть умри —
Вам всё равно. Каким-нибудь тюльпаном,
Который свянет нынче ж до зари,
Вы дорожите... Это ведь ужасно!
— Возьмите, я хоть все цветы отдам,

Мне их не надо... Но зачем же вам
Тюльпан так нужен?

— Ангел мой прекрасный,
И можете вы спрашивать — зачем?
Глядеть и знать, что вы его касались,
Что вы ему с любовью улыбались —
А я слезами оболью... Затем,
Чтоб он всегда мне вспоминал мгновенье,
Когда от вас теперь, из сожаленья,
Он дан мне... Вы не знаете, ваш лик,
Как ангела господня, я встречаю,
С тех пор, как вас увидел, я постиг
Все ваши совершенства.

— Я не знаю,
Чего же вы хотите!

— Иногда
Позвольте видеть, слышать вас, хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мне искупить ценою слез моих —
Позволите? О, я вам благодарен
За жизнь. Ах, дайте ручку!..—

В этот миг
Анютка из окна шепнула: «Барин!»
— Ах, папенька! Пустите.

— Я приду
Сюда же завтра.

— Боже мой, скорее
Уйдите! —

«Машенька, где ты? В саду?
Анютка, собирай обед живее!
Здорово, Маша, ангелочек мой.
Не знаю, право, друг мой, что со мной?
Я смолоду трезов был в поведеньи;
И нынче разве что для дня рожденья
Сотерну рюмку. Я, вот видишь, встал;
Ну, к должности пришел, дела сыскал —
Всё хорошо. Кузьма Ильич Батыев
Перебелить мне предписанье дал
В палату в Могилев, нет, прежде в Киев,—
Всё хорошо, окончил, написал,
Сел за другое — тут меня схватило
Под ложечкой, в глазах аж помутило,

Да, слава богу, тут случись со мной
Ошлепников, Панталеон Иваныч.
«Что с вами, говорит, вы б шли домой
Да выпили чего такого на ночь».
Насилу вышел — тут уж отлегло,
И, слава богу, вот совсем прошло».
— «Ах, бедненький! Ах, добрый мой папаша!»
Как коршуна избегший голубок,
К отцу прижавшись, зарыдала Маша.
— «Эх, дурочка! Прошло ведь. С нами бог!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Как тонкий яд в взволнованную кровь,
Прокралась в сердце Машеньки любовь;
И мощно вдруг в душе проснулись юной
Живым аккордом дремлющие струны.
Ей чудный мир открыл врата свои,
Мир сладких тайн, пленительных мечтаний,
Мир с негою блаженства и страданий,
Со всею милой глупостью любви.

2

О, не беги любви, дитя мое!
Пусть розы цвет лицо твое утратит,
Зато твой дух, всё бытие твое
Такою полной жизнию охватит!
Вокруг тебя пока мир целый спит;
Потом проснется вдруг, заговорит,
В блаженстве ты душою с ним сольешься,
Тогда найдешь ты друга в нем себе:
Он засмеется, если ты смеешься,
Заплачет, если плачется тебе.
И звезды вечера тебе укажут
Свой тайный смысл; поймешь внезапно ты,
Что шепчут ночью листья и цветы;
И слезы дивные глаза увлажут;
Услышишь: мир шепнет тебе «люблю» —

И этот звук проникнет грудь твою,
И грудь твоя, уста и очи скажут:
«И я люблю...»

3

У Машеньки в глазах
Всё изменилось: будто на крылах
Какой-то гений, дух неуловимый,
По комнате ее порхал незримо,
Над нею вился, жил в ее цветах.
Как часто вдруг, себя не понимая,
Невольно остановится она,
Глядит и внемлет, втайне замирая,
Как будто бы она там не одна:
В ее окно ворвавшиеся ветки
Черемухи, сирени и берез,
И ветерок, дышавший негой роз,
И чижик, резво прыгавший по клетке,
Как будто с кем-то были заодно
И видели не видимое ею...
И Маша думала: «Душа его
Является беседовать с моею...»

4

Теперь, в часы волшебных вечеров,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною стала
Ей музыка. Язык ее без слов
Так ясен был, так полн душевной боли,
И в этом царстве воплей, бурь и слез
Неосязаемый редел хаос,
Мир возникал веленьем высшей воли;
Но книга, прежде верный, милый друг,
Теперь у ней уж падала из рук:
Казалось ей там всё так глухо, немо...
Что ей Омир и Шéкспир, если в ней
Творилася великая поэма,
Всех эпопей громадней и живей?
Как ни возись с октавой иль сонетом —
Всё будешь перед ней плохим поэтом!

5

Какие ж песни пела муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
В величии героев древних дней,
Строителей Бабе́ля и Пальмиры,
Иль рыцарем креста, любви и дам,
Иль музыкальным странником Прованса
Ее герой предстал ее мечтам?
В его речах — то нежный стих романса,
Исполненный любви, и слез, и нег,
У окон замка, с арфой, ночью лунной;
То вопли Байрона, земле перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый смех,
Великий, злой — хоть женски-малодушный.
И чувству новому во всем послушно
Вся отдалась она своей душой;
Участия хоть в ком-нибудь искала;
И, наклонясь над розой молодой,
Как другу, тайно ей она шептала
События романа своего,
Тоску любви и трепет ожиданья,
Восторг и робость тайного свиданья
И долгого лобзанья волшебство...

6

Он говорил: «Мы будем неразлучны,
Поедем в полк, возьмем отставку; там
Постранствуем по разным городам,
В Италию,— о, нам не будет скучно!
Но мой отец — он человек крутой,
Меня женить он хочет на другой,
Но пусть меня оставит он без крова —
Лишь сердце может друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папеньке не говорить ни слова.
Уж он кому-нибудь словцо ввернет:
Расскажет — ну, хоть чижику, а тот
Анютке, Аннушка — куме Феклуше,
И прокричат по улицам кликуши».

7

О, боже мой! Всё есть в его словах,
Чтоб поширять фантазии летучей:
Гоним отцом, ему душой могучей
Противостал; он презрел *тлен* и *прах*
(Касательно наследства); как изгнанник,
Скитаться он пойдет, печальный странник;
Но с ним она — под небом голубым
Италии; там го́ндолы и Брента,
Там мир искусств, Феррара и Сорренто,
Везувий, море, Колизей и Рим!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Василий Тихоныч имел привычку,
Обед окончив, поласкавши птичку,
Пойти всхрапнуть.
Однажды той порой
В ближайшей к дому улице глухой
Остановилась странного размера
Извозчичья карета. У угла
В шинелях два стояли офицера,
И бойкая у них беседа шла.

2

Один из них был давний наш знакомец —
Кавалерист и маменькин питомец;
Хоть летопись боярской их родни
Давно хранила имена одни
Прокофия, Егора и Ивана,
Но вследствие какого-то романа
Обычая порядок изменен
И Клавдий — Клавдием был наречен.

3

Другой — его я имени не знаю,
Да вряд ли кто и знал, я полагаю;

Он вышел сам из строевых чинов,
Его все звали просто — Гвоздарев.
Он слыл всегда отчаянным рубакой,
Лихим товарищем, а оттого
Не обходилось дело без него,
Грозившее опасностью иль дракой.

4

Гвоздарев

Ну, брат, поддел! Уж если ты не врешь —
Забавная история!
— «Прекрасно!
Изо всех лжей, в таких вещах, брат, ложь —
Гнуснейшая, порок, братец, ужасный!
Скажи, соврал ли я когда-нибудь?
Ты помнишь Соню — прелесть что такое!
Ведь не соврал! Я не могу надуть
Товарища. Потом, княгине Зое
Не сам ли ты записки отдавал?..
Да что тут говорить — увидишь скоро».
— «Ну, молодец! Ведь дело не из спора.
Вот Вьюшкин — фу ты, черт, как врет! —
сказал,
Что подцепил посланницу,— да только
Посланница-то просто...»
— «Ну, нашел!
Понравится он женщине: осел!»
— «Посланница!.. Ведь правды ни на столько!
Я только так тебе теперь сказал;
Не знаю, что за стать тебе возиться
С девчонками; и из чего тут биться —
Слез... Господи! Навяжутся... Пропал!
Я не могу — расплачусь сам как дура.
Что делать, братец,— скверная натура!
Нет, женщин я люблю, да вот таких,
Как кто-то написал стихи про них:
„Милей мне жрица наслаждений
Со всею тайной упоений..."»
— Эге! давно ль ты стал читать стихи?

— Читал, братец, да много чепухи.
— Так девочки...
                              — Ни на́ что не похожи.
— И я тебе скажу стихами тоже,
Старинные: как в корпусе я был,
Еще тогда их как-то затвердил,—
С девицами мне очень пригодилось.
Как, знаешь, брякнешь вдруг: «*Постыли мне*
Все девы мира!» Смотришь — и склонилась
Головкою и тает, как в огне;
А я себе реку, как жрец искусства:
«*Ты рождена воспламенять...*» Фу, черт!
Соперник тут — капут и à la porte! [1]
Да вот стихи: скажи, какое чувство
Сравниться может с торжеством
Над ниспровергнутым врагом?
Перед тобой твой враг — невинность,
Стыд, добродетель и закон.
Друзья — природа, кровь, и сон,
И места нега и пустынность.
Нет, в женщине всего милей
Самой себе сопротивленье
И прелесть трудного паденья.
Люблю дразнить я сердце в ней,
Навесть на душу сон глубокий,
В ней чувством разум подавлять
И к упоению порока
В ней тихо душу приучать».
— Да, хорошо в стихах, а так-то гадко,
Поплачешься. Ей-богу, никогда
Не буду брать я на себя труда
Вам помогать. Бьет, точно лихорадка.
— Эх, баба, трус! Тебе б гусей пасти;
Да если ты боишься, так поди.
— Нет, что! Уж обещал.
                              — Чего ж ты трусишь?
— Да, как заплачет, так язык прикусишь.
Смотри, мелькнуло что-то там, в саду.
— Ну, жди меня, я тотчас с ней приду.

---

[1] За дверь! (франц.)— *Ред.*

— Ступай, ступай! Уж эти мне интрижки!
Как не побьют их, право, никогда!
Как будто делом заняты мальчишки.

Добро б мещанка — ну, туда-сюда,
Ну, немка, швейка или хоть цыганка,
А то ведь всё, как ни было б, дворянка.
Чай, у нее и связи, и родня...

5

Клавдий, Маша.

— Ну, ангел мой, давно я жду тебя;
Что, наконец успела ты собраться?
— Куда же, друг мой?
— Как куда? Венчаться.
— Послушай, Клавдий, нынче я всю ночь
Проплакала.
— Что так?
— Мне страшно было...
— Пожалуйста, дурного не пророчь.
— И не было во мне день целый силы
Глядеть на папеньку; зачем скрывать
От старика?
— Ну, расскажи, пожалуй —
А он пойдет по городу болтать.
И план наш, счастье — всё как не бывало!
Нет, ты меня не любишь. Для тебя
Я бросил всё... Что ж, этого всё мало?
Нет, это не любовь.
— Ах, полно! Я твоя...
— О чем же плачешь ты, душа моя?
— Не знаю... Так... Мне в этот миг казалось,
Что будто бы навек я расставалась
И с домиком и с садом...
— Пустяки!
Мы завтра же сюда как раз подкатим.
Папá нам будет рад — ведь старики
Посердятся, а там, глядь, в три ноги
Ударят сами... Но мы время тратим.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Прошло три дня. Поутру Гвоздарев
Шел к Клавдию. «Черт знает что со мною!
Ведь, кажется, натурой боевою
Я наделен, и двадцать пять годов
На линии чуть с чертом не сдружился.
А тут теперь с девчонкой повозился...
Стал сам не свой, и гадко, чай, взглянуть.
Уж не болезнь ли это? Ноет грудь...
Нет, не болезнь, а просто скверность. То-то,
Всё думаешь затылком. Помогать
Черт знает в чем припала вдруг охота!
Да не подумал, к роже ль, есть ли стать!»
— Эй, Куликов, ну что, не принимают?
— Да не́ звали; должно быть, почивают.
— Здоровы?
— Слава богу.
— А она?
— Кто-с, барыня? Да что им?
— Очень плачет?
— Известно, плачут.
— Чай, она больна?
— Да, то больна, а то поет и скачет.
— А барин что?.. Он крепко полюбил?
— Насчет того не слышно разговора,
Да мы не долго ведь — наскучит скоро.
— Ну, ты скажи, что я, мол, приходил.

2

А Клавдий, с трубкой длинною в руках,
На канапе сидел, как падишах,
В халате шитом, в узорочной феске.
Луч солнечный, скользя сквозь занавески,
Прозрачный дым разрезав, заклубив,
По комнате лился златой струею;
И мимоходом, ярко озарив
Тальони бюст, хрусталь с живой игрою,
Он упадал на голову, на грудь
Марии спящей.

3

Милое созданье!..
Кто на нее, в волшебном обаяньи,
Не загляделся бы, боясь дохнуть?
Как живописно, как небрежно ловко
Она раскинулась: одна рука
Заброшена за милою головкой;
К другой прижалась жаркая щека;
И косы, пышные, как шелк развитый,
Бегут, блестя, с подушки пуховой;
Там ножки так заманчиво открыты,
И очерк форм прекрасных... чудный вид...
Устами бы коснулся, упоенный,
Холодных плеч, щеки воспламененной!..
Но эта мысль, которая не спит
И спящею красавицей играет,
То пурпуром лицо ей обагряет,
То бледностью в ланитах пробежит,
То сдавит грудь, и грудь ее заноет,
Как будто крик обиды в ней замрет,
То ужасом уста ее раскроет,
То в поцелуй горячий их сомкнет;
Нет, эту мысль, ту деющую душу
В ней чувствуя и с трепетом следя,
Ты, очарован, скажешь: «Спи, дитя,
Сна таинства я дерзко не нарушу».
И Клавдий думал: «Пусть она поспит,
Покуда самовар не закипит».

4

— Ну, розанчик, насилу встала ты,
Ленивица. А я уж приступаю
К чаям.
　　　　— Зачем же ты, не понимаю,
Не разбудил?
　　　　　　　　— У вас ведь всё *мечты*.
Особенно под утро — о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видела во сне?
А, покраснела!
　　　　　　　　— Вам какое дело?
— Признайся, всё мечтала обо мне?

— Вот вздор какой! Нимало.
— Покраснела!..
Мадам прислала шляпку и бурнус.
Когда не так — прошу уж извиненья,—
Я виноват: я выбрал на свой вкус.
— Ах, шляпка белая... я в восхищеньи!
Вот именно какой хотелось мне.
— Да не ее ль ты видела во сне?
— Пожалуйста!.. Ах, как сидит чудесно!
Бурнус прекрасный. Этот цвет небесный
Ко мне идет. Ведь я всегда бледна,
И брови черные, глаза большие,
Ну, погляди, я, право, недурна.
Я выпущу тут локоны: густые
И черные на голубом — charmant! [1]
Вся завернусь в бурнусе с гладкой спинкой,
На шее с легкой палевой косынкой,
В атласных башмачках,— mais c'est piquant! [2]
— У! божество мое!
— И мы с тобою
Поедем за город, где нет людей.
— Хоть за сто верст.
— Я жажду всей душою
Увидеть небо, лес, простор полей.
Ведь я почти природы не видала;
Раз только летом с папенькой гуляла:
За нашим домом поле и ручей,—
Как весело... Ах, что-то мой папаша!
Что с ним теперь! Ах, боже мой, где он?
Он не простит меня!.. Он раздражен,
Он так любил меня!..
— Что это, Маша,
Опять ты плачешь,— скучно! Я сказал,
Что он нам даст свое благословенье,
Но надо ждать. Священник не венчал
И не хотел венчать без позволенья
Родителей, но после обещал,
Поеду, говорит, к архиерею.
Меня ты сердишь глупостью своею.

[1] Очаровательно! (франц.)— *Ред.*
[2] Это так пикантно! (франц.)— *Ред.*

— Прости меня. Я верю, я о том
Не буду даже думать.
— И прекрасно!
И вот она опять с улыбкой ясной,
Исчезла вмиг сверкнувшая слеза;
Она глядела так ему в глаза
Доверчиво, как смотрят только дети.
— Послушай, Клавдий, ты мне всё на свете,
Ты счастлив ли, как я?
— А мог ли б быть
Я меньше счастлив?
— О, как жизнь прекрасна!
А жизнь в одном лишь слове — век любить.
А ведь живут и без любви... Ужасно!
Не верю я: жить без любви — страдать.
Но знаешь ли, когда б меня спросили,
Как я люблю и сколько,— отвечать
Я б не могла... Ужели б заключили,
Что не люблю я? О, как свет смешон!..
— Эге, так вот, не в этом ли твой сон?
— Ах, ты всё шутишь!.. Помнишь ли, об этом
Ты говорил со мной давно уж, летом;
Ты, помнишь ли, сказал мне, что любовь
Без жертв не есть любовь; я этих слов
Значение теперь лишь угадала.
Хоть я тебе покорна, как судьбе,
Всё кажется, что сделала я мало
И что ничем не жертвую тебе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Как опустел наш домик на Песках!
Закрыты ставни, заросли травою
Дорожки, и крапива в цветниках.
Недавно бурей сломаны ночною,
Лежали ветви желтые дерев;
Никто прибрать не думал их с дорожки,
Ни подвязать попорченных кустов,
Ни вставить стекол выбитых в окошки.

Василий Тихоныч лежал больной,
Без памяти, в горячке. День-деньской
При нем была сиделка нанятая,
Гадавшая спокойно при больном,
Что скоро ли ее докука злая
Окончится каким-нибудь концом,
И вымещавшая на кофеишке
Заботы о проклятом старичишке.

2

Нет, время не старик. Нет, в старце ум
Спокоен, мудр, безгневен, тверд, угрюм.
Нет, время — женщина, дитя; ревниво,
И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное, вдруг радость унесет,
За миг блаженства вырвет злые слезы,
Сорвет с чела цветущий мирт и розы
И тернием колючим обовьет;
Но вдруг потом пробудится в нем жалость,
И выкупить свою захочет шалость,—
Тут явится оно опять, как друг,
И исцелит мучительный недуг.
Василий Тихоныч, чуть-чуть, помалу,
Стал поправляться, в комнате бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять один в соседстве, по каналу.

3

Осенний день был ярок. Громкий звон
Гудел далёко. Было воскресенье.
Василий Тихоныч встал рано. Он
Всю ночь не спал. Тяжелые виденья
Его терзали, отгоняя сон.
Он вышел на крыльцо. Цыплята, куры,
Кудахча, там теснилися к пшену.
Он их ласкал при этом в старину,
А нынче отошел, сказавши: «Дуры».
Он в залу. Солнцем оживленный, там
Веселый чижик песнью заливался,
Как в дни, когда, бывало, по утрам

Здороваться старик к нему являлся
И говорил, что было за душой.
Теперь он стал с поникшей головой;
Особенно теперь он вспомнил ясно
Иные дни, которых не вернешь...
А чижик пел всё так же звонкогласно...
«Да что, дурак, ты горло-то дерешь,
Да замолчи, сверчок, ушам ведь больно!»
Он отошел, сердитый, недовольный.

4

По службе был приятель у него.
Уж двадцать лет они сидели рядом;
Вернее — двадцать лет друг к другу задом
Они сидели... Боже мой! Чего
Не делает судьба на свете белом!
Приятели по дням сидели целым,
Друг друга слыша, чувствуя, следя,
Почти в лицо друг другу не глядя.

5

Давно Иван Петрович в службе высох,
Но, может быть (не знаем мы того),
У множества голов сих странных, лысых,
Как кажется, умерших для всего,
Которых мир так жалко обезличил,
Всё есть одно, куда живым ключом
Прорвалась жизнь и с чувством и с умом...
Так узник был, который пауком
Всю жизнь ума и чувства ограничил.

6

— Василий Тихоныч, пойдем гулять.
— Где мне гулять!
— На острова поедем.
— Эх, полно вам.
— Да что же вам лежать
Весь день в берлоге этаким медведем...
Поедемте, наденьте вицмундир.

— Ах, знаете ль, не хочется, ей-богу!
— Ну, полно же, живей, марш-марш в дорогу!
В трактир зайдем пить чай.
                                        — Ну, уж в трактир
Я не пойду. Там, чай, народу много,
И в публику мне страшно выходить.
— Вот то-то, всё сидит да дома тужит!
Что б, например, к обедне вам сходить?
Отец Андрей так трогательно служит!
— Нет, не пойду, Иван Петрович.
                                                  — Что ж?
— Так, не могу.
                            — Уж вы надели брюки?
— Всё не могу.
                            — Вас, право, не поймешь.
Да ну, скорей мундир да шляпу в руки!
— Меня как будто лихорадка бьет,
Так на сердце нехорошо.
                                        — Пройдет!
— Нет, не пройдет; уж разве богу душу
Отдам, тогда пройдет. Так не *пройтить*.
— Охота вам так страшно говорить,
И всякий смертен.
                              — Смерти я не трушу.
— Берите шляпу.
                              — Что мне смерть теперь?
— Да полно, говорят.
                                    — Так околею,
Как пес, какой-нибудь поганый зверь.
Глаз некому закрыть мне, как злодею.
— Ну, ну, пойдем. Ну, запирайте дверь.

2

Чиновники скромненько ваньку взяли
И поплелись рысцой на острова.
«И летом был денек такой едва ли,
Смотрите-ка, ведь будто спит Нева».
Василий Тихоныч хранил молчанье,
Зато Иван Петрович говорил:
«Как пыльно! Уф! Дышать почти нет сил!
Да слезем тут, пройдемте до гулянья.

Смотрите-ка, народу что идет,
Чай, всякие — держитесь за карманы,
Кто их теперь в толпе-то разберет...
Глядите-ка, пристал какой-то пьяный
К купчихе, знать: повязана платком.
Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь жирная какая!
Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!
Да это что, смотрите-ка сюда:
Здесь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часового...
Ах, нет, была, да выкрашена снова.
Послушаем шарманки. Ишь какой
Тальянец — мальчик, а уж черномазый.
Чай, сколько он проходит день-деньской!
Как вертится! Ах, дьявол пучеглазый!
Есть нечего в своей земле у них,
И суются куда бы ни попало.
Да. Ну, у нас бы припугнули их.
Вот немец — тоже честный надувало:
Я чай, сигар из браку наберет,
А тут, поди-ка, сунься, так сдерет
За штучку гривенник да пятьалтынник.
Вот что! И знай.
                    Подвинемтесь туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинник!
Не видишь, что чиновники... Скорей,
Василий Тихоныч, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, глядите —
Не знаете? Ведь стыдно и сказать...
Вся в кружевах теперь и блондах... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка вниз торчит... Тож лезет в знать!
Чуфарится! Туда ж с осанкой барской!..
А ведь сегодня скучно. Для меня
Гулянье не в гулянье, как нет царской
Фамилии да батюшки царя.
Василий Тихоныч, что ж вы стоите?
Пойдем пить чай!»

— Глядите-ка... глядите...
— Кто там?
— Глядите...
— Кто?
— Она, она!..
Разряжена... Как весела... Смеялась...
— Пойдемте прочь, вам просто показалось.
— И он верхом... Мерзавец!.. Как жена,
С ним говорит... Да что вы, не держите.
— Василий Тихоныч! Уйдем, молчите!
Вы в публике... вниманье обратят.
Подумают, что вы... свести велят
В полицию...
— Она того хотела,
Так на́ же, пусть в полицию сведут!
Пускай при ней и свяжут и возьмут!
Пусти меня!..
— Опомнись, это тело
И кровь твоя...
— Ну, тело, кровь, пусти!
Отца забыть! С любовником уйти!
Отец — он стар, дурак! Какое дело,
Есть или нет отец... Пускай ревет...
Оставила... Пускай с ума сойдет,
Что жить ему: околевай, собака!
Смотрите все: вон, вон она, вон та —
Анафема! Будь веки проклята!..
— Уф, страх какой!
— Что тут за шум?
— Что? Драка? —
Старик умолк. Дрожащие уста,
Казалось, говорить еще хотели,
Но голос замер, ноги ослабели,
И он упал. Коляска понеслась
Как вихрь. Толпа кругом еще теснилась.
— Я с духом всё еще не собралась.
Вот ужасти! Она, моя родная,
Как взвизгнула!
— Да бледная такая!
— Что тут такое?
— Проклял дочь отец.
— Да, проклял; да за что же? Злая доля

Тому, кто проклят... Ишь ведь молодец!
— Ах, батюшка! Родительская воля!
— Ишь, проклял!..
— Он ведь как безумный сам.
Смотрели бы за ним все по пятам —
Воды-то много тут. Чтоб не случился
С ним грех какой...
— Ты слышал, тут один
Порядочно одетый господин,
Чиновник, проклял дочь и утопился?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Пришла весна. Светлеют неба своды;
Свой белый саван сдернула зима,
Дома темны, как древние дома;
По улицам, журча, струятся воды;
Нева блестит и дымчатой волной
Играет с жемчугом зеленой льдины.
Я Петербург люблю еще весной.
Как будто есть движенье: цепью длинной,
В грязи шумя и плеща колесом,
Стремятся экипажи; по колено
В воде еще кой-где, вертя кнутом,
С санями ванька тащится, рядком
С лошадкою, покрытой белой пеной;
И тротуар на Невском оживлен;
Толпы ползут туда со всех сторон;
Людей, как мух, живит весны дыханье;
И раздаются шумно восклицанья:
«Что, брат, весна! Я просто в сюртуке —
И ничего!» — «Я тоже налегке».
Лишь скептик, жертва местного недуга
(Зараза эта так у нас сильна),
Заметит: «Да, пожалуй, и весна,
А всё, гляди, ужо потянет вьюга».
Ну словом, жизни уличной простор!
Точь-в-точь Париж: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,

Журнальных даже множество контор,—
А скептики еще толкуют злые
С сомнением — в Европе ли Россия?

2

Пойдемте вслед за яркою толпой.
Вот, пышными нарядами пестрея,
Две барыни и барин с бородой,
И с ними сзади красная ливрея.
— Как Петербург нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы северной столицей?
— Что делать? Возвратясь из-за границы,
Невольно старую играешь роль —
Роль Чацкого.
                    — Ах, это, право, мода!
— Кто странствовал, тот любит наблюдать
В лице толпы особенность народа,
Души его оттенки подмечать.
Один народ угрюм, спокоен, важен;
Тот вдохновеньем блещет; а другой
В лохмотьях — горд, беспечен, но отважен.
А здесь, взгляните,— вид полубольной,
И мутные глаза без выраженья.
Рабы, рабы!.. Теперь гулять весной
Все будто бы идут из принужденья!
Вы скажете — героем смотрит тот,
Но где же гордость, мысль — душа геройства?
Всмотритесь лучше — этот весь народ.
Есть юноша, убитый от забот
И поседевший в ночь от беспокойства.
Безличие, в душе холодной лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот чем вас приветствует Россия!
— Ну, признаюсь, чудесный разговор
На улице!.. Давно ль, с которых пор
Вы бойки так, совсем другие стали!
Я помню вас студентом...
                                        — Я созрел,
В два года много я узнать успел.
— Ужели сердцем вы не трепетали,
Когда родной язык вы услыхали?

— Какой язык, и как здесь говорят!
Французские слова на русский лад!
Не тот язык, что искрится алмазом,
И радует, и поражает разом
В устах француза; нет, совсем другой,
Сухой, дипломатически-пустой,
Какая-то привычка к мертвым фразам.
Вы, женщины, вы корень зла всего.
Одушевить язык своей улыбкой,
Сродить его с своей природой гибкой
И женским сердцем воспитать его
Вы не хотите... Грубая ошибка:
Как ни возись с упрямым языком
Писатели — прозаики, поэты,—
Он будет сын, воспитанный отцом,
Не знавший ласк сестры и не согретый
Улыбкой матери.
— Кто ж виноват?..
Вы точно Чацкий... Желчь и злость — что слово.
Вы нынче вечер с нами?
— Очень рад...
Я так увлекся... Тетушка здорова?
— Merci.
— А дядюшка?
— Он очень хил.
— Кузины?
— Вас увидеть будут *ради*.
Додо уж замужем... И после дяди
Получит много муж... Он очень мил.
— А ваши все друзья?.. Мими?
— Какая
Мими?
— Брюнетка, помните, живая,
Ваш друг.
— Fi donc! [1]
— Вы вышли вместе с ней
Из пансиона...
— Боже мой, молчите!

---

[1] Фи! (франц.).— *Ред.*

— Мими... ваш друг?
                    — Ах, что вы говорите!
— Вот дружба-то!
                    — Нет у меня друзей.
— Жива ль она?
                    — Да, умерла... для света.
Maman, maman, чудесная карета,
Что привезли из Лондона Sophie...
— А где Sophie?
                    — Вон там.
                              — А с ней мосье
                                        Fifi?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Но где она, где героиня наша,
Где бедная, где любящая Маша?..
Убита ли нечаянной грозой?
Иль чистая душа и с ней сроднилась?
Из уст отца проклятье разразилось,
Как гром небес, над юной головой;
Надменный свет, ласкающий невежду
И мытаря, грабителя, шута,
Для ней навек закрыл свои врата
С ужасной надписью: «Оставь надежду»...
(Ты пал — так падай глубже; не мечтай
Когда-нибудь опять увидеть рай,
Где человек блажен, безукоризнен,
Так скучно-чист, так чопорно-безжизнен.)

2

Мария всё — увы! — пережила...
Пережила; она, как прежде, любит.
Пусть страсть ее гнетет, терзает, губит,—
Ее любовь под бурею была
Еще сильней и пламенней. Казалось,
Что дивная душа проснулась в ней;
Как под грозой прекрасный цвет полей,

Она в слезах, казалось, укреплялась.
Пусть свет ее карает и разит,
Пусть страшный остракизм на ней лежит,
Что суд толпы посильно беспорочной,
Ругающей непризнанную страсть,
Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый миг готовой втайне пасть?

3

А Клавдий? О, как ей мечталось сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвятить,
Смягчать его, исправить недостатки,
Врожденное добро в душе раскрыть.
Любовь надеется... Однако ныне
Неделя, как исчез он. Жив ли он?
И целый мир для Маши стал пустыней.
Он вспыльчив, он, быть может, завлечен
В дуэль... Быть может, кровью истекает,
И не она как друг при нем была...
«Ах, лучше пусть убит, чем изменяет»,—
Вопило сердце, но она ждала.

4

Звонят. «Он, он!» И молнией блеснула
Ей радость. Взор мгновенно просветлел,
Но крик, напрягший грудь, вдруг излетел
Глубоким вздохом: сердце обмануло —
То был не он.

Вьюшкин

— Я к вам... я послан к вам
От Клавдия.
— От Клавдия? О, боже,
Он жив?.. Ах, где он?
— Жив-то жив.
— Так что же?
— Как вам сказать, не знаю, право сам;
Довольно трудно, хоть всего два слова.
— Ах, говорите, я на всё готова!

— Он в полк уехал; срок стал выходить...
— Уехал? Без меня? Не может быть,
Я вас не понимаю.
                    — Очень ясно:
Уехал в полк.
                    — И я пойду за ним.
— Послушайте, от вас скрывать напрасно:
Отец его суров, неумолим,
И Клавдий... вас оставил.
                    — Нет, вы лжете!
— С чего ж мне лгать пришла охота вдруг?
Вот вам письмо.
                    — Подложное!
                    — Прочтете,
Того не скажете.
                    — «Любезный друг,
Чтоб избежать несносных объяснений,
Мне тягостных, а также и тебе,
Беру перо. Оставь все слезы, пени,
Сообрази и покорись судьбе.
Пора, мой друг, нам наконец расстаться.
Ты — умница, ты всё сама поймешь;
Ты хороша, одна не пропадешь;
Итак, прощай, счастливо оставаться!
Верь, не забуду я любви твоей,—
На первый раз вот тысяча рублей».
— Вот видите, каков он?
                    — Боже, боже!..
— Я говорил: ни на́ что не похоже
Ты, братец, делаешь; а он свое:
Что надоела, надобно ее
Оставить.
                    — Изверг!
                    — Изверг, и ужасный!
Да что вы плачете? Ей-ей, напрасно!
Слезинки б я не пролил за него.
В его душе — святого ничего!
Он говорит, что женщин только любит,
Пока ему противятся оне,
Что вопль и слезы только в нем сугубят
Презрение... Мария, верьте мне,
Ни ваших слез, ни мыслей он не стоит...

Не знаю, право, что вас беспокоит.
Да плюньте на него. Несправедлив
Он к вам; да вы ужель его не знали?
Он эгоист бескровный и едва ли
Когда любил, быть может, и счастлив
Он оттого бывал у женщин в свете.
Хотите ль знать, каков он? В нем всё ложь,
И доброго и чести ни на грош;
Письмо — всё вздор; резоны эти
Всё выдумки, всё те же в сотый раз.
Он просто в Царском, пьет напропалую,
Кутит как черт, ведет игру большую.
Я очень рад, что он избавил вас
От объяснений,— это труд напрасный.
Вы стали бы тут плакать, он — курить
И в потолок пускать колечки дыма...
Послушайте... Вы будете любимы.
Нельзя вас видеть миг и так уйти,
Не полюбить... Клянусь, вы так прекрасны...
Не плачьте. Верьте, вы не так несчастны,
Как кажется... Клянусь, вам впереди
Так много в жизни... Маленькая тучка
Примчалась, и чрез миг пройдет гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Мария! Дайте вашу ручку мне...

(Целует руку.)

Ах, ручка, ручка! Только ведь во сне
Такую видишь... Ангел черноокий,
У ваших ног клянусь любить всегда,
Всю жизнь свою любить, как никогда
Он не любил... Не будьте же жестоки,
Позвольте мне любить вас, век любить!..
И он рукой старался охватить
Марии стан. Его прикосновенье
Вдруг вывело ее из онеменья.
— Стыдитесь, что вы?
— Ангел милый мой!
Отдайтесь мне.
— Пустите!

— Ангел милый!
Отчаянье в ней пробудило силы,
Глаза зажглись обиды полнотой,
И — хлоп пощечина... Но наш герой
Нашелся.
— Ну, теперь уж расцелую!
— Подите вон!
— Нет, расцелую!
— Вон!
Я вас убью!
— Ты шутишь шутку злую!
Но полно, мир воюющих сторон,
И руку! Вы не в духе?
— Прочь подите!
— Вы шутите?
— На шаг лишь подступите,
Я размозжу вам голову!
— Уйду-с...
Эк подняла какую ведь тревогу!
Нет, Клавдий, ты надул меня, ей-богу!
Бесенок! Право, лучше уберусь...
— Ах, Клавдий, Клавдий! Где ты?.. Что
со мною?
Что сделал ты?

5

И голос ослабел,
Румянец, вызванный обидой злою,
Угас, и лик как будто помертвел.
Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было с ней... Хваталася руками
За голову, как будто удержать
Стараясь разум; мутными глазами
Искала всё кого-то... Давит грудь
Стесненное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... Но — увы! — в страданьи
И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила снова,
И вырвались из уст и стон, и слово:
«Он обманул!.. Я всем теперь чужда...

Он прав, все скажут: он ведь никогда
И не любил, она одна любила...»
И горькое рыданье заглушило
Ее слова...

6

Что ж думала она?
Какая мысль в душе свинцом лежала?
Что из груди разбитой исторгало
То стон, то плач, то хохот, то порой
В очах сияло тихою слезой?
Одно: «Он разлюбил...» В ней сердце, разум,
Вся жизнь ее, казалось, были разом
Убиты этим словом роковым.
«О, если б хоть увидеться мне с ним!
Вот деньги... О, палач без сostраданья!
Он выкуп дал позора моего!
Ах, где он сам, где низкое созданье?
Я б бросила ему в лицо его
Червонцами... Одно, одно осталось!»
И будто светлой мыслию чело
Вдруг просияло: точно отлегло
От сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

7

Мария шла дрожащею стопой,
Одна, с больной, растерзанной душой.
«Дай силы умереть мне, правый боже!
Весь мир — чужой мне... А отец?.. Старик...
Оставленный... и он... Он проклял тоже!
За что ж? Хоть на него взглянуть бы миг,
Всё рассказать... а там — пусть проклинает!»
Она идет; сторонится народ,
Кто молча, кто с угрозой, кто шепнет:
«Безумная!» — и в страхе отступает.
И вот знакомый домик; меркнул день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицам ложилась
От фонарей, дерев и кровель тень.

Вот сад, скамья, поросшая травою,
Под ветвями широкими берез.
На ней старик. Последний клок волос
Давно уж выпал. Бледный, он казался
Одним скелетом. Ветхий вицмундир
Не снят; он, видно, снять не догадался,
Придя от должности. Покой и мир
Его лица был страшен: это было
Спокойствие отчаянья. Уныло
Он только ждал скорей оставить мир.
Вдруг слышит вздох, и листья задрожали
От шороха. «Что, уж не воры ль тут?
А, пусть всё крадут, пусть всё разберут,
Ведь уж они... они ее украли...»
Старик закрыл лицо и зарыдал,
И чудятся ему рыданья тоже,
И голос: «Что я сделала с ним, боже!»
Не зная как, он дочь уж обнимал,
Не в силах слова вымолвить. «Папаша,
Простите!» — «Что, я разве зверь иль жид?»
— «Простите!» — «Полно! Бог тебя простит!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?»

<1845>

СНЫ

Поэма в четырех песнях

ПОСВЯЩЕНИЕ

Уж в зелени берез есть ветки золотые;
По небу рыхлые, как комы снеговые,

От севера плывут грядами облака;
Всё ясно говорит, что осень уж близка;

Выходят старики, поля обозревая,
И колос шелушат, про умолот смекая,

Пытаясь вынести из годовых трудов
Крупицу опыта для будущих годов...

И в жизни так пора приходит: разум строгий
Велит уж подводить под прожитым итоги,—

И память повела его, как чародей
В волшебный лабиринт, средь темных галерей,

И ряд картин пред ним во мраке озаряет...
На всё, что предо мной она разоблачает,

Уже взираю я с спокойною душой.
Уж всё так далеко, всё кажется мечтой!

Фигуры движутся, как в дымке фимиама,
Уже на всё легла эпическая рама,

И свет таинственный, и муза в тишине
Всё взором обняла и песни шепчет мне...

О сын мой, милый сын, как резвый и живой
Малютка розовый, играешь ты со мной!

Тебе по вечерам я сказываю сказки,
И вдруг ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснут слезинкою... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю перед тобой

И губок подвижных в изменчивом движенье
Угадывать твои невинные виденья...

И вот ты вырастешь... Быть может, для тебя
Судьба не даст сказать мне сказку про себя,

Вот *Сны* тебе мои... В них всё, что хладный опыт
Открыл мне, проведя чрез слезы, скорбь и ропот.

Свидетель будешь ты уже поры иной:
Быть может, наши *Сны* сочтешь уже мечтой

И сказкой наш удел и наших дней страданья...
Молю — да будет так!..

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Есть домик — он теперь глядит уж старцем сирым,
Но некогда он мне казался целым миром!

Уютно он стоит между берез и лип;
У дома спуск крутой, а там — реки изгиб,

И за рекою луч, сквозь дождевую тучу,
Блестит на городке, на домах, сбитых в кучу.

Веселый смех детей, как в роще пенье птиц,
Звучит в том домике; в нем нет угрюмых лиц,

И видимо на всем благословенье бога,
Хоть бедность не чужда была его порога;

Зато там был приют простых и добрых чувств
И билися сердца при имени искусств.

Искусства труженик, без жажды славы лживой,
Отец мой там обрел приют себе счастливый.

Что в жизни вынес он, каким достиг путем
Житейской мудрости — не знали мы о том...

Вокруг его друзья немногие сбирались;
Все вместе старились... лишь смертью разлучались...

Нам свято имя их: они учили нас...
Но он, божественный, бывало, углубясь,

Как бы исполненный душевного виденья,
Он пишет в мастерской святых изображенья,—

Всё из саду к нему заглядываем мы...
Всё было чудно нам средь влажной полутьмы

В пространной мастерской: болезненная дума
В лице художника, творящего без шума,

В самозабвении, статуи возле стен,
Холодные как смерть, и подвижной манкен

С румяной маскою, с горою кудрей жестких,
Седящий как пророк на плотничьих подмостках.

Но бросил кисть отец, и «дети» крикнул нам,
И мы со всех сторон бежим по цветникам,

Все, даже меньшие, к нему, привстав на цыпки,
Руками тянутся и ждут его улыбки...

О, много я часов в той мрачной мастерской
Провел потом, носясь бог знает где душой!..

Из братьев я хоть был всех старее годами,
Но разум спал во мне, как озимь под снегами...

Когда сбирались мы в кружок по вечерам
И мать из Библии урок читала нам,

Тяжелый сон меня одолевал при чтенье...
Но помню, раз она о первых днях творенья

Рассказывала нам по книге Бытия,—
Впервые изумлен, внимал прилежно я,

И после чтения, как братья шли уж в спальни,
Тихонько убежал я сада в угол дальний

И, взоры устремив на звездный свод небес,
Казалось, понял смысл прочитанных чудес.

С тех пор ума во мне господень перст коснулся,
И он от праздного бездействия очнулся.

И много лет потом я помнил этот миг,
И посвятил ему свой первый детский стих.

Когда же мать моя нашла его случайно,
Я, вспыхнув, убежал, стыдясь за труд свой тайный,

И плакал я, когда она меня нашла,
И кудри гладила, и с лаской обняла,

Стараясь мне взглянуть в потупленные очи...
Я точно вышел вдруг на свет из мрака ночи,

И в чудном блеске мне являются всегда
И отрочества дни, и школьные года,

Когда беспечно пел я солнце, моря волны,
Волною на песок закинутые челны

И дев невидимых, которых посвящал
Я в красоты лесов, пустынь и диких скал.

Но город, где я рос, мой дар считал юродством.
Хоть люди в нем цвели от праздности дородством,

Но праздность видели в занятиях моих
И кару в худобе моей за чтенье книг.

И лишь немногие и близкие знакомцы
Да бурсы городской смиренные питомцы

Мои творения читали — кто бранил,
Кто неумеренной хвалой превозносил.

Но я почувствовал, что их суда мне мало.
Иное поприще мечта мне открывала.

К нам быстрая молва за вестью весть несла,
Что в мире поднялась борьба добра и зла,

И каждое ловил я огненное слово,
И жаждал искусить свой дух в борьбе суровой...

Так в замке, на скале, на дне сырой тюрьмы,
Вдруг слышно узнику среди глубокой тьмы,

Что с моря выстрелы несутся боевые,
Всё ближе... Вот дрожат граниты вековые,

Вот парус как пятно в окне его мелькнул,
И ветр к нему занес и дым, и криков гул;

Кругом шипят в воде и бьют о камень ядры;
Он слухом лишь следит, как движутся эскадры,

И кинулся б к окну — да окна высоки!
И, проклиная цепь, он плачет от тоски...

И я решил отцу открыть свои мученья
И на далекий путь просить благословенья.

Спокойно выслушал слова мои старик
И, помню, просиял как юноша в тот миг.

«Тебе не место здесь»,— сказал он,
вдохновенный,
И к матери повел в покой уединенный.

И говорил я ей, что гибну я в глуши;
Что дар коснеет мой в бездействии души;

Что славное пришло для человека время;
Что новое господь на землю бросил семя;

Что в душу избранных его он насадил
И страждущим раздать велел, и — час пробил —

Сияет и для них надежды свет любезный,
Как Ною радуга над беспредельной бездной;

Что зданья старого дрожит уже скелет
И в трещины его уж новый блещет свет;

Что некий муж, в ночи являясь, мне глаголет:
«Где посох твой? Вставай!» — и в путь идти
неволит.

«Пусти,— я умолял,— я буду утешать
Надеждой скорбного и добрых прославлять!»

Всё выслушав, она промолвила мне строго:
«Но где же знаменье, что это голос бога?

Нам сказано: не все внушенья — от небес,
И образ ангела приемлет часто бес».

А я: «Нет, не земным подвигнут я внушеньем,
Его проверил я молитвой и сомненьем.

Кто знает? То, над чем и старец изнемог,
Нередко лепетом младенца скажет бог!

О, не держи меня и дай благословенье,
Да чистый шествую я ближним во служенье».

И голову склонил к ее коленам я.
И, взор то на отца стремя, то на меня,

Сказала дивная дрожащими устами:
«Тебе ответствовать могу я лишь слезами!

Останешься ль у нас — ты будешь тосковать
И скрытой скорбию мне душу надрывать!..

Уйдешь... о, для чего тебя я породила!..»
Но больше говорить ей сила изменила.

И плакала она, склонясь ко мне главой,
И тихо молвила: «Иди! Господь с тобой!»

Досель, о дивная, мне образ твой сияет!
Слеза безмолвная с ресницы упадает...

Покорно говорят уста твои: «Иди!»,
А руки жмут меня к взволнованной груди...

Но вот отец развел твои тихонько руки,
И обнял он тебя, свои скрывая муки,

Мне подал знак уйти, а сам тебе шептал
Слова святых надежд и в очи целовал...

И я оставил сень отеческого дома.
И дни прошли в пути. Душевная истома

Меня лишала сил. Осенний ветер выл...
Впервые понял я, как дом отцовский мил.

Я всюду видел мать: душа ее болела,
Всё что-то высказать, казалось, мне хотела...

Из сердца моего, бог ведает куда,
Мечты умчалися, как птички из гнезда...

Я на горы взошел. Долины в мгле тонули,
И звезды в небесах холодные блеснули...

И страшным сном в ту ночь мой дух был возмущен.
То был пророческий, тревоги полный сон.

Он возвестил мне всё, что после совершилось...
Но поздно мне его значение раскрылось.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мне снилось, что я всё в горах еще бродил.
Всечасно на пути мой шаг меж плит скользил.

Лопух, чертополох за платье мне цеплялись,
И точно духи, в них дремавшие, взвивались

И били крыльями, как птицы. Грудь мою
Сжимал пустыни страх. Вдруг вижу, на краю

Обрыва гор стоит почтенный странник, резко
Рисуясь статуей на небе, полном блеска.

Я радостно, узрев живое существо,
Как младший старшего, приветствовал его.

Он поднял голову, как будто с неохотой
Прощаясь с думою и тяжкою заботой.

«Куда стремишься ты?» — спросил он. Я в ответ:
«Ищу я истины, иду туда, где свет».

Он на слова мои так горько улыбнулся,
Что я потупил взор и духом содрогнулся.

Но тотчас прежний вид спокойствия приняв,
Он молвил кротко мне: «Да, юноша, ты прав.

Иди за мной. Тебе я славный путь открою».
Сказав, он до меня дотронулся рукою,

И полетели мы в пространстве голубом,
Как два орла летят, не двигая крылом.

Воздушный сей полет мне не казался странным.
Дол скрылся. Месяц всплыл над облаком туманным,

Как будто снежную метель в нем серебря,
И дух мой весел был. Когда ж зажглась заря,

Обширный увидал я город. В нем, как ленты,
Шли улицы. Кругом дворцы и монументы,

И башни, и мосты. Народ везде кишил,
Как в муравейнике, и к площади валил,

Где цельные быки на вертелах вращались,
Пылали маяки и знамена качались.

И стал я различать, спускаясь, звук трубы,
И стон, и вой, и крик, и частый треск пальбы.

У городских ворот спустились мы на землю,
И я едва успел опомниться, как внемлю,

Что по полю на нас толпа людей валит,
Как туча черная, и дико голосит.

Как пух во облаке поднятой вихрем пыли,
Помчался с ними я. Они в крови все были,

И я гляжу — на мне одежды не мои!
Я тронул их рукой — смотрю, рука в крови;

Я крикнуть к спутнику хотел, но вижу: красным
Он машет колпаком и голосом ужасным

Перед толпой вопит, как зверь свиреп, космат...
«То он ли?» — думал я и страхом был объят.

Но он, схватив меня рукой, «Беснуйся с ними!
Кричи! — сказал.— И прочь с сомненьями пустыми!»

Вбежали в город мы. Дома одни горят,
Другие грудою дымящейся лежат;

Повсюду битвы след. Размощены дороги,
Об мертвых, что ни шаг, то путаются ноги.

Там, с шпагою в руке, патриций молодой
Лежит, упав навзничь, с разбитой головой.

Там женщина: с одежд струею кровь лиется,
А на груди ее живой ребенок бьется.

За горло двое там схватясь, разинув зев,
Валялись мертвые, в борьбе окостенев.

Там груды целые, и мы чрез них неслися,
И выбежали вдруг на площадь, где стеклися

Несметные толпы и точно ждали нас,
Вокруг больших костров крича и веселясь.

И начали кидать в костер сокровищ груды.
Со звоном лопались хрустальные сосуды.

Церковной утвари расплавленный металл
С костра горящими ручьями ниспадал.

На куклу вздев венец и царские доспехи,
Ее повергли в огнь при сатанинском смехе.

«Воспой их торжество!» — мой спутник мне вопил,
Но новый шум меня сильней того смутил.

Я вижу — женщину везут на колеснице
И честь ей воздают, как следует царице.

То полная была, румяная жена.
Чело в венке из роз, до чресл обнажена,

На клики и почет, что чернь ей расточала,
Ругательством она и смехом отвечала.

Вокруг танцовщицы шли, бубнами стуча,
Жрецы, и трубачи, и вестники, крича:

«Раздайтесь! Се Любви богиня, Мать-Природа!»
Как змей ползет в нору, вся вереница хода

По лестнице во храм ушла. И я толпой
Туда же вдвинут был. Тут дух смутился мой

Иным позорищем. Весь храм сиял огнями.
От верху до низу, как в цирке, ступенями,

Шел помост, как цветник, толпой мужей и жен
Пестрея. Посреди был идол водружен —

Сатир, при хохоте вакханки богомерзкой,
Срывающий покров с весталки лапой дерзкой.

У ног кумира сонм жрецов стеной стоял
И в пламенных речах собранью возглашал:

«Возрадуйтесь! Конец насильству и работе:
Мы мир преобразить грядем во имя плоти!»

В ответ, при стуке чаш, при кликах торжества,
Вокруг раздался взрыв хулений божества,

И с наглостью мужи и жены пред собраньем
Являли свой восторг бесстыдным лобызаньем.

Мой спутник тихо мне: «Сегодня кончен бой
За власть. Наутро же подымется другой.

Покуда — твой черед. Мгновение приспело,
И слава — твой удел, лишь что скажу я — делай!»

Сказав, явился он в кругу жрецов других,
Как их верховный жрец, в одеждах дорогих.

Пред голосом его их крики были малы.
Так пред рыканьем льва смолкают вдруг шакалы,

И хор болотных жаб, и крики птиц ночных,
И всякий звук в степи замрет на краткий миг.

Ругаясь над трудом, над троном, над святыней,
Он чернь превозносил и, призывая ныне

Ее к великому свободы торжеству
И наглым образом уподобляя льву,

Который, цепь разбив и надышавшись волей,
От гнева отдыхать улегся на престоле,

Воззвал ко мне: «Певец! Вот наше божество! —
На идол указав.— Воспой же нам его!»

И подал с высоты мне золотую лиру.
Но, любострастному в лицо взглянув сатиру,

Негодования не мог я превозмочь
И лиру срамную отбросил гневно прочь.

«Свобода,— я вскричал,— не пир, не рабство
крови,
А духа торжество и благодать любови!

От сердца песнь моя; а сердцем чужд я вам
И гимна не спою разнузданным страстям!»

Мой спутник с высоты меня окинул взором,
И взор его блеснул, как молния, укором.

Но я, трепещущий, далёко был. В тот миг
Виденья чистые моих пустынь родных

И профиль матери, пред образом стоящей,
Мелькнули предо мной... Так путник, весь
дрожащий,

В грозу, при молнии увидит пред собой
Вдруг церковь белую средь темноты густой.

Но то был миг один. По храму гул промчался.
И, точно гром в горах, ужасный крик раздался:

«В огонь его, в огонь поборника цепей!»
И всё задвигалось. Жрецы от алтарей,

С подмосток вся толпа, как лютых тигров стая,
Рванулась на меня, всё на пути ломая...

Я схвачен, поднят был и, слыша дикий вой,
На зверских лицах вкруг конец читая свой,

Я бился, выскользнуть стараясь на свободу,
Как угорь пойманный скользит и рвется в воду

Из рук детей, в весну шумливою гурьбой
Пришедших на расплёс, оставленный рекой.

Но, выбившись из сил, уже я помню смутно,
Что с хохотом слился народа рев беспутный,

И я над бездною туманною стою,
И подле путник мой, личину сняв свою,

Как прежде, важен, тих, и с кротостью благою
«Прощай,— мне говорит,— мы встретимся с тобою.

Но помни: океан, бушуя, ил со дна
Подъемлет, но потом уляжется волна,

И берега цветут от брошенного ила».
Значенье этих слов тогда мне тайной было.

От ужаса едва сознание храня,
Я смутно понимал, что вождь мой спас меня.

И он исчез. И тут от скорби и смятенья
Я стал переходить в холодное забвенье.

Лишь чувствовал, что мрак вокруг меня густел,
Сырой, ужасный мрак... и я летел, летел...

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Когда заблудшийся в нóчи, в лесу густом,
Вдруг слышит шепот струй и, слухом лишь ведом,

Приходит к озеру, и вдруг на влаге спящей
Увидит — огонек плывет к нему дрожащий,

Поняв, что то ладьи вдоль берега кружат,
Что раков ловят там иль сонных щук багрят,

Он мыслит, что спасен от голода и зверя,
И дышит радостно, в свое спасенье веря,—

Так жизни свет в душе я снова ощутил.
Еще без голоса, но очи уж открыл

И, приходя в себя, был рад, что сердце билось,
И всё понятнее кругом мне становилось.

На лестнице дворца лежу я, недвижим,
В ином уж городе. Патруль прошел. Но им

Я не замечен был. Заря меж тем вставала,
И бледная лазурь на небе оживала.

Я встал и в путь пошел. Всё тихо. Ни собак,
Ни запоздавшихся по улицам гуляк.

Вот зданье — всё темно, но уж над ним зарею
Сияла статуя, держа весы рукою.

Там первые лучи заискрилися вдруг
На буквах золотых. Прочел я: «Храм наук».

Я дальше. Вот чертог. Уж окон верхний ярус
Горит как жар. Лес мачт, кой-где алевший парус,

Меркурий и Нептун мне дали разуметь,
Что то торговли храм. Успел лишь оглядеть

Его, как пантеон узрел я величавый
«Гражданских доблестей и дел воинской славы».

На солнце он уж весь сиял. К нему пути
Уставлены людьми, литыми из меди.

С гранитной лестницы, опершись о перила,
Смотрел я вниз — и дух мой радость окрылила.

Столб солнечных лучей забрызгал по реке;
С церквей понесся звон. Вблизи и вдалеке

Задвигался народ; суда пошли, обозы...
«О, вот счастливый край!» — воскликнул я сквозь слезы.

Тут двинулись полки, литаврами гремя.
Народ в какой-то храм бежал. За ним и я.

«Алтарь отечества»,— прочел я у фронтона.
Войска туда несли развитые знамена.

Явился царь. Как лев, спокоен был он, тих;
Как солнце он сиял средь подданных своих,

Среди сподвижников цветущих и маститых,
Широкой лентою через плечо повитых.

С явлением его в строю блестящих рот
Раздался звучный клик, и шапки снял народ.

Мне в душу ясный лик царя запал глубоко,
И я для сей страны стал гимн слагать высокой.

Попарно уж стихи рождались в голове;
Виднелась бездна рифм, как по лугу в траве

Блестящие цветы, и ими прихотливо
Стал мысль я убирать и стих ловить счастливый,

Как праздник кончился и, говора полна,
От храма хлынула народная волна.

Я с нею двинулся. Но дух мой умиленный
Смущен картиною нежданною мгновенно.

В народе, вижу я, схватили старика.
С бумагою его костлявая рука

Махала высоко в толпе над головами.
«К царю, к царю!» — вопил он, скрежеща зубами.

«Что это?» — я в толпе ближайшего спросил,
Но, оглядев меня, тот взоры отвратил.

Когда же, стражею осилен, старец скрылся,
Стоявший предо мной ко мне оборотился

И, задыхаяся от внутренней грозы,
Сказал мне, осуша в ланитах след слезы:

«Ты, верно, здесь чужой иль вырос на безлюдье,
Что смеешь говорить пред делом правосудья!»

Но, умягчась потом: «Старик тот в годы слез
Всё достояние отечеству принес.

Но комиссар хотел присвоить часть из дара,
И жаловаться он пошел на комиссара.

И как уж суд судил — не знаю до сих пор,—
Но он был обвинен как казнокрад и вор,

А комиссар и днесь, без всякой укоризны,
Жиреет бедствием народа и отчизны».

Заметив мой испуг, он продолжал смеясь:
«Однако не всегда блаженствует у нас,

Кто смело заповедь нарушит «не укради».
Ссылают и воров, разнообразья ради.

Как пес прикормленный, здесь вору друг — закон,
Лишь не воруй один. Строжайший заведен

Порядок у воров, и в том их самохвальство,
Чтоб часть была тебе и часть бы для начальства!

В всеобщем грабеже — всеобщий и дележ!
А грянет свыше гром — виновных не найдешь!

В начальстве — ни пятна, и честны ревизоры,
А царство целое едят, как черви, воры!

Старик тот ждал царя... Мы рвемся все к царю!
Да свечи за него мы ставим к алтарю!

Он — вечный труженик, он строг и мудр, мы
знаем,—
Но путь до истины ему недосягаем.

Куда ни взглянет он, сам жаждой знать томим,
Мгновенно вид иной приемлет всё пред ним!

Стеной клевет, и лжи, и лести ядовитой
И царство от царя и царь от царства скрыты.

Но... боже! что со мной! — сказал он, вздрогнув
весь.—
Всё видеть и молчать — в том мудрость жизни
здесь!

Да рвется из души невольно злое горе».
Замолкши, канул он в толпе, как камень в море.

Мне душу охватил неведомый испуг.
Увидя вдалеке знакомый храм наук,

Я в сень его спешил искать успокоенья.
Тут новое меня сразило изумленье.

Я вижу — юноши сидят на ступенях,
С котомкою у ног, с слезами на глазах.

На их одеждах пыль дороги отдаленной.
Украдкой между них нырял старик согбенный

И, озираясь вкруг, им книги раздавал,
Меня увидя, он в отчаянье вскричал:

«Еще один! и ты, как в край обетованья,
Из дальней, чай, страны пришел ко храму знанья!

Увы, несчастные! закрыт для вас сей храм!»
И, отойдя со мной, он волю дал речам:

«Ты старше всех, тебе за тайну я открою:
Наука сражена была здесь клеветою.

«Наука — это бунт!» — твердили в слух царя...
Коснулся дерзкий лом ее уж алтаря.

Затушен был огонь, и, как воспоминанье,
Для вида надпись лишь оставлена на зданье.

Лишь избранная там вкушает молодежь
В софизмы дикие обернутую ложь...

Наука, вся в слезах, как скорбная Ниоба,
Средь воплей чад своих, которых давит злоба,

Возводит взор к царю... Но слух его закрыт!..
О, если бы ты знал, как грудь ее скорбит!

Устроен трибунал под веденьем сержанта,
Чтоб крылья обрезать у всякого таланта.

Сломив сатиры бич и в форменный наряд
Одевши резвых муз, от мзды спасли разврат,

Как будто видели в его распространенье
Необходимое для царства учрежденье!..

Беги от здешних мест, пока есть мощь в душе!
Я — стар, и зло допью в заржавленном ковше...

Был тоже молод я, был верный жрец науки...
Беги,— сказал он, сжав мне крепко обе руки,—

Беги, иль, оробев однажды навсегда,
Не знай в душе своей ни чести, ни стыда,

Не то — да будет вот, смотри, тебе уроком»,—
И оглянулся я: в молчании глубоком

Пред нами скованных колодников вели.
Солдаты с ружьями вкруг их сурово шли,

Прохожие в суму монету им кидали
И молчаливо их глазами провожали.

Меж зверских лиц один пленил меня красой
И взглядом женственным, и я, скорбя душой,

Несчастному подать желая утешенье,
Спросил, приблизившись: «В чем ваше
преступленье?»

Один ответил тут мне с хохотом в устах
Такою шуткою, что мозг в моих костях

Сотрясся и душа почуяла злодея.
То слыша, юноша, собою не владея,

С цепями длань подняв, «о боже» простонал
И, видя ужас мой, весь вспыхнув, мне сказал:

«Не думай, что мы все безбожники такие!
Мы терпим ту же казнь, но за вины другие,

Хоть выше кары нет, как чувствовать весь век,
Что об руку с тобой есть зверь, не человек!»

«За что ж,— спросил я,— ты страдаешь, отрок
милый?»
— «О, юности моей потерянные силы!

Как почки сочных роз, вы сгибли не цветя! —
Воскликнул он.— Я был почти еще дитя,

Почти по слухам знал отечества я раны,
И — дети — строили безумные мы планы!

Но в детском лепете был слышен правды глас,—
И вот — с злодеями сравняли казнью нас!»

«Несчастный!» — я вскричал, ушам не доверяя
И жаркие к нему объятья простирая,—

Но сторож с важностью меня отстоупил
И, перепуганный, вкруг взоры обводил;

Старик же за руку схватил меня тревожно.
«Что ты? — он закричал.— Что ты,
неосторожный!

Несчастье ближнего прилипчивей чумы!
О, горе нам теперь! погибли оба мы!»

И, судорожно сжав мне руку, он стрелою
Помчался в ужасе, влача меня с собою.

Я падал, я стонал, а он вопил: «Беги!» —
Как будто гнали нас незримые враги.

Вот город кончился, вот поле вкруг глухое,
А всё в ушах «беги!» звенело роковое,

«Беги!». Но скоро я упал, изнеможен,
Вцепяся в спутника, но гневно рвался он...

Так утопающий товарища хватает,
Который сам терять уж силы начинает

И в ужасе, презрев несчастного мольбу,
В богопротивную вступает с ним борьбу...

Но миг — и вырвался вожатый мой и скрылся...
Широкий горизонт вкруг мраком обложился...

В тупом бессмыслии глядел я, как исчез
Последний лоскуток лазуревых небес,

И показалось мне, что бог во глубь эфира
Уходит, отвратя лицо свое от мира,

А сумрачный Князь Тьмы, с тиарой на челе,
Победно шествует владыкой по земле,

И с ним его сыны, как псов голодных своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и воры...

И вот уж с грохотом тяжелых колесниц
Всё ближе визг и вой... Я пал на землю ниц,

Слова младенческих молитв припомнить тщился
И только «Отче наш» сказал — и пробудился.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С тех пор прошли года... Обманут верой
страстной,
Я в жизни изнемог... Сбылся мой сон ужасный!..

Повсюду пламенным мечтам моим в ответ
В судьбах народов я читал: «Надежды нет!»

С презрением в душе к бессилью человека,
Все боли разделив обманутого века,

Равно я поражал насмешкою своей
И веру стариков, и страстный пыл детей.

Сомненье стало мне и гордостью, и мукой,
И им кичился я над чернью близорукой.

Лишь тот, кто слышал раз, как, падая, стучит
Земля о хладный гроб, где труп любезный скрыт,

Поймет, как тяжело душе, в порыве к благу,
С горячей верою, терять на жизнь отвагу;

Поймет, как тяжело, стуча рукою в грудь,
В отчаяньи стонать: «Всё тщетно! Кончен путь!

Нет! с жизнью нечего мне больше лицемерить,
В ней нечего любить, и не во что в ней верить!»

Болящею душой в забвеньи потонуть
Хотелось мне, и вот опять я вышел в путь...

Дохнуть мне воздухом пустынных мест хотелось,
Где сладко некогда мне думалось и пелось...

Я шел — и каждый миг ясней мне образ был,
Каким я тот же путь когда-то проходил.

Тот образ точно шел теперь со мною рядом,
Как мальчик с старцем, то допрашивая взглядом

Иль словом старика, то мчась за мотыльком,
То лепеча с собой бог ведает о чем.

И душу умилил мне спутник мой незримый,
Святым неведеньем и верою водимый.

Вон церковь вдалеке — и он свернул с пути
Туда вечерние молитвы принести;

Колодезь — там стоит крестьянка молодая,
Толпятся овцы вкруг, у пойла ожидая,—

Он деву мысленно Ревеккою зовет.
Там жатва: труд кипит, сверкает серп, и вот —

Из книги Руфи стих, как рожь, благоуханный,
Твердит он, запахом колосьев обаянный...

И вот на рубеже лесов и гор родных
Благословенный сон коснулся вежд моих.

Мне снилось: сквозь туман ищу я всё дорогу,
Но вот густая мгла редеет понемногу;

Долина чудная открылась предо мной,
Сады цветут вдоль гор, алеющих зарей;

Озера розовым вдали сияют блеском,
И воды нежат слух, как арфы, звучным плеском.

Прохладный ветерок на голову и грудь
Порхнул мне, и едва я им успел дохнуть,

Как вижу — предо мной та Муза, что слетала
Ко мне в те дни, как мать нам Библию читала,

И та же у нее звучала песнь в устах,
И в этой песне всё, как в утренних лучах,

Дышало свежестью — святые сердца грезы,
Молитвой тихою исторгнутые слезы,

И счастья, и добра высокий идеал...
И, слушая ее, я тихо зарыдал.

Она ж мне ласково: «Мечтатель одинокий!
Как смертный, как слепец свершил ты путь
далекий!

Из жизни мира ты единый видел миг:
Его не обнял ты и смысла не проник!

Последуй же туда, где смертных суд смолкает».
И вот — небесная мне руку простирает,

И, как две горлицы, теряяся в лучах
Златого утра, мы помчались в небесах.

В странах заоблачных полет наш удержала
Она и молча вниз рукой мне указала.

Святая на земле царила тишина.
Я жадно узнавал, где город, где страна,

В которых я бывал, где тщетно тратил силы,
Где лучших сверстников оплакивал могилы...

Но — чудо! Города, которые кляня,
В слезах отчаянья навек покинул я,

В которых, думал я, всё гибнет без возврата
От беззакония, слепотства и разврата,—

Блистают и цветут! На всем печать труда!
Как чайки к ним плывут крылатые суда...

Вон слышны молотов удары, вздохи ма́шин,
И рог пастушеский, и песнь с лугов и пашен,

И, изумлением проникнут, я спросил:
«Какой же это мир? Откуда столько сил?

Вот край. Он сдавлен злом, но рвется жизнь
отвсюду,

Как сочная трава сквозь каменную груду.

А это что?.. Смотри: там люди строят храм...
Ужель то зодчий их?.. Да, точно!.. То он сам!..

Его я видел раз... он был тогда ужасен!..
Как он задумался! Как силен! Как прекрасен!..»

Она ж: «На время дух пытливый усмири.
Я трепещу сама. Все силы собери,

Как бы готовяся на подвиг чрезвычайный...
Я подыму покров теперь с великой тайны».

И вот, клубясь, с земли промчался фимиам,
Как в арфе струнный гул, послышалося нам,

Что звуки носятся по горнему чертогу.
И Муза: «То летят мольбы народов к богу!

Внимай!» И, трепеща, в мольбах земных племен
Услышал я слова: «Отец! ты совершен,—

Да будем, яко ты, и мы все совершенны!»
Тут точно с глаз моих покров совлекся тленный,

Но Муза мне: «Молись от сердца полноты!
Пред человечеством глубоко грешен ты.

Знай, к свету жизнь его стремится шагом
твердым.
В ней страсти розные звучат одним аккордом.

И слышит полноту и мощь его лишь бог.
Мысль не проходит мир без жертвы и тревог,

И зло в руке творца есть жезл вождя железный,
Вам указующий на пропасти и бездны.

Ты человечества таинственный удел
Лишь жизнью смертного измерить захотел...

Нет, поколенья в нем, события и люди —
Как цвет один, как мысль, как вздох могучей
груди.

Идет она вперед, безмолвно, как судьба,
Ступает на цветы, ступает на гроба,

Упадших жертв в среде своей не замечая,
То руша, то творя и каждый миг мужая...

Безумец, подыми в веселии чело!
В самом в нем сила есть, врачующая зло!

Там — грянет вдруг она торжественным ударом:
Войной, и ужасом, и кровью, и пожаром;

Здесь — всходит, как заря, в предызбранных
мужах,
Нередко с царскою порфирой на плечах...

Ты плачешь... То слеза любви и умиленья!..
Но вижу я в тебе еще одно сомненье.

Как созерцаньем звезд, ты мыслию одной
О человечестве подавлен и с тоской

Ты мыслишь: что же ты в безгранном этом море?
Былинка, прах, ничто? Что труд твой? Слезы,
горе?

Из малых капель слит могучий океан:
Так с человечеством, о смертный, ты слиян!

Ты — часть его, ты — луч единого светила!
Твой жребий с ним один, в тебе одна с ним сила!

Стремися лучшим быть, трудись, иди вперед —
И веруй: чистый труд во благо всех идет...

И ты, певец, блажен,— блажен, что знал
страданья!
Ты утвердишь на них души своей созданья!

Терновый путь ведет певца до высоты,
Откуда ясен мир,— ее достигнул ты,

И пусть из царства зорь, из мира благовоний,
И вечной юности, и света, и гармоний

На землю падает святая песнь твоя,
Как в знойный день роса, свежащая поля,

Как лучшей жизни весть, как пенье вольной птицы,
Мелькнувшей узнику в отверстии темницы.

Блаженством чистых слез смягчив сердца людей,
Та песнь их возродит для новых, лучших дней...»

О, речи чудные!.. И я впивал их жадно,
Как нива в засуху впивает дождь отрадный...

Мой жребий просиял. Мгновенно новый свет
Мне разом озарил событья многих лет...

Как шум незримых вод, в грядущем в то мгновенье
Почуял я тоску и радость вдохновенья...

И, полн восторга, в путь я снова поднялся...
И вот — они шумят, родимые леса!

Вот старых лип верхи, и вот, меня встречая,
Визжит домашний пес... Вот дом, вот мастерская,

И у треножника сидит седой старик
И пишет, прослезясь, Скорбящей Девы лик.

Знакомым голосом встревожен, кисть бросает...
Вот с воплем мать бежит, смеется и рыдает,

И к сердцу жмет меня, и шепчет в тишине:
«На горе ты рожден... но тем и мил ты мне!»

<1855>
Петербург

Корвет «Баян»
1856—1858

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭМЫ

Три смерти. Впервые — «Библиотека для чтения», 1857, № 10, с. 195, с подзаг. «Лирическая сцена из древнего мира», без посвящ., с обширными авторскими примечаниями, более не переиздававшимися, и цензурной купюрой ст. 284—292, замененных двумя строками точек. Окончательный текст впервые — Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 3, с. 3.

Лирическая драма «Три смерти» представляет собой часть обширного творческого замысла Майкова, связанного с постоянным интересом поэта к истории античности и раннего христианства. Замысел возник в конце 1830-х годов. Первой попыткой его воплощения явились «римские сцены времен пятого века христианства» «Олинф и Эсфирь» (1841), напечатанные в «Стихотворениях Аполлона Майкова», СПб., 1842. В предисловии к публикации автор писал, что эти сцены «суть опыт изобразить противоположность» двух начал, которые явились в Римской империи периода упадка и «не могли остаться в мире: чувственность и духовность, жизнь внешняя и внутренняя, явились во вражде, в противодействии, в борьбе на жизнь и смерть». Первый опыт не удался поэту, «римские сцены» при его жизни никогда не перепечатывались полностью. Значительную роль в дальнейшем формировании драматического цикла сыграл, по-видимому, отзыв Белинского, в котором не только были отмечены серьезные недостатки «Олинфа и Эсфири», но и определены возможности развития интересовавшей Майкова темы, им не реализованные (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13 тт., М., 1953—1959, изд. АН СССР, т. VI, с. 22—23). Мысли Белинского об истории Рима, обращенные скорее в современность, чем в прошлое, оказались созвучными размыш-

лениям и настроениям поэта и в какой-то мере способствовали созданию лирической драмы «Три смерти».

Работе Майкова над драматическим циклом предшествовало и сопутствовало серьезное изучение важнейших источников и исторических сочинений, относящихся к интересовавшей его эпохе. В биографических заметках второй половины 1850-х годов он писал: «Изучение философских систем породило «Три смерти», пьесу, которая писалась *долго*, или, лучше сказать, за которую я принимался несколько раз, обделывая то одно, то другое лицо, смотря по тому, находился ли я под влиянием стоицизма или эпикуреизма» (Ежегодник, 1975, с. 80). С другой стороны, замечал автор в письме к С. С. Дудышкину от 19 мая 1858 г., «...я не мог этих философов заставить остаться отвлеченными идеями,— в каждом из них сказывается человек, несмотря на то, что у каждого в голове теория: Лукан — малодушный мальчик, который, по восприимчивой натуре, в минуту может быть героем; Сенека все-таки вышел стариком и падает перед сомнением в своем призвании; Люций тоже иногда выходит из себя» (Ежегодник, 1975, с. 108). В набросках предисловия к «Трем смертям» поэт дает истолкование того периода истории, к которому относится его произведение, и характеризует главных действующих лиц драматического действия: «Всякому ясно, что эта пьеса представляет три взгляда на жизнь людей древнего мира, в эту эпоху уже быстро катившегося к своему падению <...> Сам этот эпикуреец более по имени эпикуреец, или представитель эпикурейцев последних времен Рима, когда они далеко ушли от учения своего основателя <...> Они в эти времена скорее были скептики в своих метафизических понятиях, и из доктрин учителя сохранили только любовь к наслаждениям земными благами <...> Сенека представляет противуположную сторону — твердое убеждение в своей философии — и страдание оттого, что она отвергнута миром, и оттого, что он чувствует бессилие человека спасти мир без непосредственной помощи божества. Лукан — молодой человек, избалованный счастьем, увлекающийся минутой. Спасти жизнь — его главная цель. Оттого такая непоследовательность в его мыслях: то он стращает возмутить Рим, то рвется у ног Нерона испросить прощение. Геройский конец женщины вдохновляет его — и он умер героем. В изложенных мною общих чертах я строго старался соблюсти историческую верность. Характер эпохи, картина общества, характер каждого лица — вот черты, от которых уклониться было бы грех. Что же до фактической верности — то перед нею я сильно погрешил: впро-

чем, кто хочет знать историю, тот обратится к Тациту, а не к моей пьесе, которая не более как поэтическое воспроизведение в картине духа эпохи». Как видно из незаконченных примеч. Майкова к драме, он собирался специально оговорить наиболее существенные отступления от исторических фактов, как, например, сцена смерти Сенеки. В «Трех смертях» можно отметить и ряд других эпизодов, восходящих к сочинениям историков, но переданных с некоторыми изменениями. Таков, например, рассказ Лукана о поэтическом состязании с Нероном или Ученика — об Эпихариде.

Драма была закончена, по-видимому, в конце 1851 г. Ее первоначальная редакция под загл. «Выбор смерти», значительно более острая с политической точки зрения, чем окончательная, по цензурным условиям не могла быть ни поставлена, ни напечатана, распространялась в списках и воспринималась как протест против тирании, как выступление в защиту свободы личности и свободы слова. «Майков написал превосходное стихотворение «Выбор смерти»...— писал П. А. Плетнев Я. К. Гроту 29 сентября 1851 г.— Это что-то небывалое в новейшей поэзии нашей» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, Пб., 1896, с. 559). «Оба новые стихотворения свои,— продолжал он 31 октября того же года,— Майков читал у меня сам: одно «Выбор смерти», а другое «Савонарола» <...> Только теперь и думать нельзя о напечатании: цензура покамест похожа на удава, который инстинктивно бросается душить все, что дышит» (Там же, с. 560). 19 ноября того же года Плетнев писал М. П. Погодину: «О печатании новых стихотворений Майкова при нынешней цензуре нечего и думать, хотя в них ничего нет, кроме высокой и прекрасной исторической истины» (ГБЛ). «Весело думать — и почти не верится,— писал Г. П. Данилевский Погодину 26 декабря 1851 г.,— что в наше время еще являются такие произведения, как „Свои люди — сочтемся!" и „Выбор смерти"!» (Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, СПб., 1897, с. 414). В декабре 1854 г. драма была разыграна в доме архитектора А. Штакеншнейдера, причем Сенеку играл автор, Лукана — поэт В. Г. Бенедиктов, Люция — домашний учитель рисования Н. О. Осипов (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.-Л., 1934, с. 44). Современники и в дальнейшем высоко оценивали «Три смерти». «С новым удовольствием прочел я лучшее поэтическое произведение нашего времени в октябрьской *Библиотеке <для чтения>*,— писал Майкову 27 ноября 1857 г. известный публицист П. Л. Лавров,— и с нетерпением ожидаю появления полного собрания стихотворений не только первого, но

и единственного нашего объективного поэта» («Литературный архив», т. 2, М.-Л., 1940, с. 285). В «Трех смертях» «мы не можем не признать венца всей майковской деятельности...» — утверждал в 1859 г. критик А. В. Дружинин (А. В. Дружинин. Собр. соч. в 8 тт., Пб., 1865—1867, т. 7, с. 513). В 1861 г. Д. И. Писарев назвал «Три смерти» в числе лучших произведений Майкова (Д. И. Писарев. Собр. соч. в 4 тт., М.-Л., 1955—1956, т. 1, с. 196). М. Горький рекомендовал включить драму «Три смерти» в один из сборников русской поэзии, выпускавшихся издательством З. И. Гржебина.

Николай Аполлонович Майков (1796—1873) — отец поэта. *«Посланье к смерти»* — оригинальное стих. Майкова. В черновых тетрадях поэта сохранился его набросок (др. ред., с датой: 1851. Ноябрь). *Как волки, щелкают зубами!* — К этому стих. в «Библиотеке для чтения» примеч. автора: «Здесь Люций пародирует насмешки Лукиана над языческими богами — черта, показывающая лучше всего падение веры в древнюю мифологию в римском мире». *Ну, Рим! тебе волчица — мать* и т. д.— По преданию, Рим был основан братьями-близнецами Ромулом и Ремом, которых нашла в лесу и выкормила своим молоком волчица. *Иные люди в мир пришли.*— Эту мысль Майков комментировал следующим образом: «Имелося в виду предание о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом» (см. Ф. Д. Батюшков. «Два мира». Трагедия А. Н. Майкова — В его кн.: Критические очерки и заметки, т. 1, СПб., <1900>, с. 65). Речь идет о легенде, распространявшейся в средние века католической церковью, которая высоко ставила учение Сенеки. *Горацианское вино* — фалернское, воспетое в одах Горация.

Странник. Впервые — «Русский вестник», 1867, № 1, с. 20 с подзаг. «Первая часть поэмы „Жаждущий" и послесловием автора. В журнальных примечаниях к «Страннику» Майков писал: «Бегуны, иначе странники, иначе сопелковское согласие (по селу Сопелкам Ярославского уезда, где их корень) — так называется одна беспоповщинская секта, составляющая крайнюю точку отрицания в расколе <...> Бегун должен все оставить, разорвать все общественные и семейные связи и жить токмо как «Христов человек». Это воззрение высказывает мой странник...». Здесь же указаны источники поэмы: «Исторические очерки поповщины» П. Мельникова (ч. 1, М., 1864), «Рассказы из истории старообрядства» С. Максимова (СПб., 1861), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 4, М., 1862, с. CXVIII—CXXXI), сочинения истори-

ка раскола и ортодоксального критика старообрядчества Н. И. Субботина и др.

Взяв в «основание» своей «сцены» повесть П. И. Мельникова (псевд. Андрей Печерский, 1818—1883) «Гриша», Майков не сохранил целого ряда бытовых ее сцен, эпизодов «искушения» Гриши любовной страстью, но усилил драматический эффект окончания «Странника», введя сцену поджога дома, отсутствующую в повести Мельникова.

Характеризуя круг интересов и речь своих героев, Майков использует также литературное наследие протопопа Аввакума и библейские тексты. Такого рода заимствования, в том числе и точные цитаты, специально не комментируются.

Впервые Майков читал «Странника» на Карамзинском вечере 3 декабря 1866 г. (см.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.-Л., 1934, с. 347—348). Произведение получило высокую оценку Ф. М. Достоевского: «А. Н. Майков написал драматическую сцену, в стихах <...> Это произведение можно назвать, безо всякого колебания, chef d'oevre'ом из всего того, что он написал <...> Я слышал ее на разных чтениях (в домах) и не устаю слушать, но каждый раз открываю новое и новое. Все в восторге» («Литературное наследство», т. 86, М., 1973, с. 130).

На правиле стоит... — т. е. молится. *Евфимий* (ум. 1792) — основатель (в последней четверти XVIII в.) секты бегунов, или странников; ему принадлежит «Цветник десятословный». *Аввакум* (1620 или 1621—1682) — протопоп, один из основателей старообрядчества, выдающийся писатель своего времени, написавший ряд религиозно-полемических сочинений — «посланий». Был предан анафеме, сослан в Пустозерский острог, сожжен в деревянном срубе по царскому указу. «...Все приводимые мною места из Аввакума и др.,— писал Майков в наброске предисловия к «Страннику»,— суть почти только парафраз подлинника, с сохранением в стихах его духа и колорита». *Един с блистанием на митре* и т. д.— патриарх Никон, см. о нем примеч. к стих. «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», т. 1, с. 555. Раскольничьи легенды приписывают ему разные кощунственные поступки. Андрей *Денисов* (1664—1730) — один из руководителей раскола, занимался торговлей; стремясь обеспечить процветание старообрядческих общин, он проявлял дипломатическую гибкость в отношениях со светской властью. *Иона* (ум. 1461), *Алексей* (между 1293 и 1298—1378) — московские митрополиты, строгие блюстители церковного обряда. *Под большие // Колокола пойдете* — т. е.

отречетесь от старообрядчества. *Савватий* (XVII в.) — монах, один из первых руководителей раскола. *Гурий* (XVII в.) — монах Соловецкого монастыря, старообрядец. *Бурю // На озере Генисаретском словом // Утишил...*— Речь идет о «чуде», будто бы свершенном Христом. *Дабы, когда судить живым и мертвым* и т. д.— Речь идет о Страшном суде (Евангелие). *«Батыева тропа»* — расположена за Волгой, возле Городца. По этой тропе предатели провели войска хана в город (см.: А. Филатов. Художник из города.— В кн.: Отчий дом, М., 1978, с. 190).

Из Апокалипсиса. Впервые — «Русский вестник», 1868, № 4, с. 560. Печатается по тексту: Стихотворения А. Н. Майкова в трех частях, ч. 3, СПб., 1872, с. 1. Перевод Откровения Иоанна, или Апокалипсиса (гл. IV—X). Вторая и третья строки перевода — из гл. I, 10—15. Последняя строка перевода — гл. X, 6. Перевод завершен не позже 7 марта 1868 (см.: Ф. М. Достоевский. Письма, тт. 1—4, М.-Л., 1928—1959, т. 2, с. 416). В автографе вступительной заметки к переводу (архив поэта) Майков, характеризуя памятник как «чудную книгу», рассматривает ее «со стороны той высокой поэзии, которою она исполнена...» Свои переводческие принципы он излагает в опубликованном предисловии (Стихотворения А. Н. Майкова в трех частях, ч. 3, СПб., 1872, с. 253): «Я старался передать подлинник почти подстрочно, придерживаясь более греческого текста, но вместе с тем сохраняя обаяние той прелести языка, которая разлита в нашем церковно-славянском переводе...», исполненном, по словам Майкова, красоты и силы». Известен отзыв Ф. М. Достоевского о работе Майкова: «Ваш перевод Апокалипсиса,— писал он поэту 18 (30) мая 1868 г.,— великолепен, но жаль, что не все» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 2, с. 118).

Бальдур. Впервые — «Заря», 1871, № 1, с. 3. Представляет собою обработку ряда эпизодов из «Видения Гюльви» в «Младшей Эдде» (1222—1225) — литературном памятнике, принадлежащем перу исландского поэта Снорри Стурлусона (1178—1241). В набросках предисловия к «Бальдуру» Майков писал: «История Бальдура <...> заимствована мною из сказаний Эдды, где древнейшие мифы человечества сохранились, если можно так выразиться, в самом свежем виде. Я случайно попал в этот мир. Занимаясь словом о П<олку> Иг<ореве> и стараясь угадать значение Девы Обиды, я остановился на указании профессора Буслаева о родстве ее с девами Валкириями, и вот эти воинственные девы

открыли мне чудеса Валгаллы. Нечто совершенно новое поразило меня, и я счастлив, если в моем переводе сохранилась хоть несколько свежесть, суровая девственная фантазия, постоянно живущая в области света, у людей, осужденных, как и мы, на долгие ночи и по месяцам не видящих за туманными тучами луча солнечного. Но рядом с красотами поэзии меня поражало в Эдде еще нечто иное: это близкое ее родство с нашими народными поверьями, древними обычаями, песнями, сказаниями, былинами».

Пульчинелль. Впервые — «Заря», 1872, № 1, с. 155, с датой: 1860 и с подзаг.: («На мотив одного из рассказов Андерсена в его «Was der Mond erzählt...»). Печ. по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 2, СПб., 1884, с. 387, с восстановлением пропущенной строки («Во всей своей красе, во всем величьи») по автографу. В подзаг. первой публикации имеется в виду глава «Шестнадцатый вечер» из книги Г. Х. Андерсена «О чем рассказал месяц» (другое название — «Картинки в рассказах», СПб., 1875, с. 50—55). *Майордом* — здесь в значении мажордом.

Княжна ***. Впервые — «Русский вестник», 1878, № 1, с. 72. В настоящем издании поэма датирована по архивным материалам. Создавая «Княжну ***», Майков шел от замысла остросатирической поэмы, обличающей крепостнический и антинародный характер взглядов главной героини, к трагедии, в героине которой, по его словам, «олицетворена» «прошлая жизнь наша, т. е. высшего общества, порвавшего духовное единство с народом. Но это общество все еще связано с народом историей и — крепостным правом. Оно все еще хранитель исторического предания, хоть по инерции, но все идет по пути исторического призвания России. От этого оно имеет свои пороки и вместе доблести, при измене духу, все-таки славные воспоминания, участие в создании величия России, хотя бы политического и военного. Но это период законченный...» («Мысли о толках, порожденных „Княжной"» — архивная заметка). «Женя,— писал он там же,— думает начать новую жизнь. Наше либеральное общество, мои критики, думают, что с Женею — начало нового периода. Не отрицая, но даже признавая, что принципы, выводимые Женей и ее поколением, *стремление к правде* и погубило, обличив, ложь старой жизни, я все-таки далек от того, чтобы в Жене видеть *зарю* новой жизни России». В декабре 1876 г., за год до первой публикации «Княжны ***», Майков писал О. Ф. Миллеру, высказавшему ряд критических замечаний по авторской рукописи: «Я такого мнения: без *трагического* не мо-

жет быть никакого хорошего рассказа, каков бы ни был его тон. Даже высшая степень комизма — есть трагическое. Посему, представляя Вам небольшой рассказ, действительно с трагическими мотивами, <...> я Вам дал очень много; а если *за* ним открывается еще далекий фон и над ним широкий горизонт и если Вы это почувствовали, поэт может быть доволен собой. Необходимое условие всякого хорошего произведения — чтобы лица были *видны*. Я удивляюсь, что Вы моих лиц не видите! Генерал-аншеф, княжна, Женя — один род, в них фамильная черта, но *век* иной. <...> Не говорю уже о том, как все лица рисуются из их языка. Я сам чувствую, что в этой поэме в *малом* дано *очень много*, и притом все сконцентрированное, не размазанное. <...> Теперь о *тоне*. Вы говорите, его нет. А я вижу его и чувствую. Во-первых, иронию: она относится к *свету* (le monde); где салонный свет — там ирония, где натура, где живое — естественно, тон сочувственный, и выходило это само собой, без премедитации» (Ежегодник, 1978, с. 190—191). В набросках и черновых редакциях «Эпилога» или «Post Scriptum'а», которыми Майков первоначально намеревался завершить поэму, он хотел сделать молодую героиню — Женю сестрой милосердия на русско-турецкой войне 1877—1878 гг., приобщив ее, таким образом, к судьбам народа и России. Впрочем, он предвидел и другие повороты в ее жизни:

И что ж? Конец рассказу моему?
Конец. А что ж о Жени — бедной Жени?
Что сталось с ней? Иль — канула во тьму?
Иль жертвою погибельных учений
В Сибирь попала наконец, в тюрьму?
Иль — мало ли бывает превращений —
Со старой нянькой «грех свой замолить»
К святым местам ушла?.. Всё может быть!
И так и эдак — торная дорога!

В демократической среде «Княжна ***» вызвала резко отрицательное отношение. Об этом, в частности, свидетельствует статья М. Артемьевой «Г. Майков как судья молодого поколения женщин», предназначенная для журнала «Воспитание и обучение», но запрещенная цензурой (ЦГИА). Даже О. Ф. Миллер в своей поздней статье («Русская мысль», 1888, № 6, с. 39) заметил, что Майкову помешала «крайняя озабоченность нигилизмом». Эпиграф — из романа «Евгений Онегин» (7, XLIV). *Ее орлы* — см. примеч. к стих. «Сон королевича Марка» (т. 1, с. 547). *Канова А.* (1757—1822) — итальянский скульптор-классицист. *Кюстин А.* (1790—1857) — французский писатель, составивший описания

своих путешествий по разным странам. Его воспоминания о путешествии по России, в целом весьма неточные, содержали ряд метких характеристик обычаев и нравов высшего русского общества. *Иметь и сметь сказать свое сужденье...*— Намек на известную реплику Молчалина в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3). *Юноша-поэт.*— Возможно, формула намекает на характеристику Ленского в «Евгении Онегине» (7, VI). *Монплезир* — дворец Петра I в Петергофе (ныне — Петродворец), пригороде Петербурга. *Царскосельский сад* — парк в Царском Селе (ныне г. Пушкин), окружающий дворцовые постройки; во второй половине XVIII в. там располагалась загородная царская резиденция. *Вмиг разгадать Мадонну в светской даме!* — Имеется в виду сонет А. С. Пушкина «Мадонна». *Дельфийский бог* — Аполлон. *Что на челе высоком отразится?* — Ироническое использование лермонтовских строк: «И на челе его высоком // Не отразилось ничего» («Демон», ч. I, строфа III). *Бендеры* — город в Молдавии. Во время русско-турецких войн им трижды штурмом овладевали русские. *Кунерсдорф* — деревня близ Франкфурта-на-Одере. Здесь в 1759 г. произошло сражение между русско-австрийской армией и войсками прусского короля *Фридриха* II (1712—1786), в котором победили союзники. *«Армидин сад»* — см. примеч. к стих. «Менуэт» (т. 1, с. 557). *Во дни войны.*— Имеется в виду, очевидно, Крымская война 1853—1856 гг. *Парижский мир* — мирный договор, подписанный странами, принимавшими участие в Крымской войне; был невыгоден России. *Севастопольский гром.*— Имеется в виду героическая защита Севастополя во время Крымской войны. *Род восста на род... // Живяху бо по образу зверину...*— Восходит к «Повести временных лет» — русской летописи, составленной в начале XII в. в Киево-Печерском монастыре. *Во челюсть львину.*— Восходит к евангельскому тексту: «Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей» (Второе послание ап. Павла к Тимофею, IV, 17). *Как третий Рим, четвертому ж не быти...*— Ср. «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 2, СПб., 1889, с. 198—199), где приводится легенда об основании Москвы («третьего Рима»). *«Восток — нам свет, Восток!..»* — См. примеч. к циклу «М. Н. Каткову», т. 1, с. 557. *И расскажу все в Третьем отделенье.*— Третье отделение «собственной его императорского величества канцелярии» — орган политического сыска и следствия в царской России, упразднено в 1880 г. (дела переданы в министерство внутренних дел). *Каламовы*

утесы.— Имеются в виду картины швейцарского художника-пейзажиста А. Калама (1810—1864). *Кто-то раз весной <...> // Сказал ей вслед: «Поехала домой!..»* — В одной из редакций «Эпилога», куда первоначально входила эта строфа, данная реплика приписана Ф. И. Тютчеву. В своих заметках Майков, между прочим, отметил, что под «вторым» из поэтов, ведущих на вечере у княжны разговор о будущем России, следует разуметь Тютчева (первый поэт, по-видимому, сам Майков). *И небо, и земля пройдет.*— Восходит к евангельскому тексту: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф., XXIV, 35).

Кассандра. Впервые — «Русский вестник», 1874, № 5, с. 84. Печатается по тексту: А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1884, с. 159, с исправлением по первой публикации опечатки («Но есть ведь утешенье в смерти!») в ст. 584. Переложение сцен из трагедии Эсхила «Агамемнон» (458 до н. э.). Рассказывая в автобиографии о своем увлечении античностью, Майков заметил: «...за Гомером явился Эсхил. Величайшее его создание из дошедших до нас — это «Кассандра», и — передать ее по-русски можно и должно было только переводом, но с тем, чтобы при верности филологической текста был бы передан высоко-простой, местами дико-величественный язык и образы — и на этом фоне худой, бледный, с глубоко глядящими глазами, слабо-женственный образ Кассандры, которой Аполлон за отверженную любовь дал дар прозрения в будущее — но с тем, что ей, страстно любящей своих — эти свои не будут верить! Стал ли я на эту высоту в своем переводе <...>, судите другие!..»

Перевод закончен был не позднее 3 марта 1874 г.: в этот день сцены читались у И. А. Гончарова. «Нечего и говорить, что перевод прекрасный и чтение вышло очень занимательное»,— записал в дневнике А. В. Никитенко, присутствовавший на чтении вместе с Н. С. Лесковым и др. (Дневник, т. 3, с. 308). «...Посылаю вам «Кассандру»,— писал Б. М. Маркевич М. Н. Каткову 28 марта 1874 г.— Не имея возможности — очень всю жизнь жалел — проследить по греческому подлиннику о верности этого перевода, я могу только ограничиться внутренним впечатлением, какое на меня произвел поэтический текст Майкова — и с этой стороны горячо рекомендую его Р<усскому> Вестнику. Опираюсь при этом на вполне согласное с моим впечатление, какое произвело чтение его самим автором на Георгиевского и некоторых членов Общ-ва любителей древней филологии, собравшихся у него по этому случаю: все они признали, что текст Майкова «по ду-

ху» весьма близко подходит к подлиннику и передает колорит Эсхила вполне удовлетворительно. Лично же я в восхищении и полагаю, что со мною согласится каждый одаренный поэтическим чутьем читатель» (ГБЛ). Однако И. С. Тургенев сомневался, может ли Майков быть переводчиком Эсхила (см. его письмо к Я. П. Полонскому от 28 ноября 1873 г.— И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт., М.-Л., 1960—1968. Письма, т. 10, с. 177). «...Чисто эсхиловского в переводе Майкова немного,— отмечал известный переводчик античных авторов В. А. Алексеев.— Это не перевод, а скорей вариация — и то довольно отдаленная— на греческую тему...» (В. А. Алексеев. А. Н. Майков (Из дневника).— «Исторический вестник», 1914, № 2, с. 524).

Два мира. Впервые полностью — «Русский вестник», 1882, № 2, с. 659. Ранее (1872) печаталось без ч. 2. Опубликовав в 1857 г. «лирическую драму» «Три смерти», Майков продолжал работать над своим замыслом, связанным с историей раннего христианства в его столкновении с языческим миром, и в 1863 г. опубликовал новое произведение под загл. «Смерть Люция. Вторая часть лирической драмы „Три смерти"». Однако и это решение автора не удовлетворило. В архиве поэта сохранился черновой автограф под загл. «Смерть Люция. Часть вторая». Эта испещренная поправками рукопись — зародыш будущей трагедии «Два мира», куда сначала в качестве второй (1872), а позднее (1882) третьей части войдет кардинально переработанная «Смерть Люция». Трагедия «Два мира» завершает собой многолетний поэтический труд Майкова. Первостепенное значение для истолкования трагедии (как и для понимания всего драматического цикла Майкова) имеет его письмо к академику Я. К. Гроту, написанное в связи с присуждением Майкову за трагедию «Два мира» Пушкинской премии Академии наук. В начале письма Майков характеризует свои многолетние занятия всеобщей историей, перечисляя наиболее авторитетные исторические сочинения и называя многочисленных изученных им авторов: писателей, историков, богословов и т. п. «События минувших веков я старался вообразить себе по их аналогии с тем, что прожил и наблюдал сам на своем веку, а нами проживаемая историческая полоса так богата подъемами и падениями человеческого духа, что внимательному взору представляется богатый материал для сравнения даже с далекими минувшими эпохами. Открывается удивительная аналогия явлений, но не роковая последовательность непреложных внешних законов,

а нечто живое, вечно действующее в самой сущности духа человеческого <...> Таким образом, мне настоящее поясняет минувшее, и наоборот». Далее Майков характеризует героев своей трагедии (и одновременно «героев» современности): «И нынешнего старого развратного сановника, балетного завсегдатая и весьма неразборчивого в способах приобретения узнаешь в Публии, беззубом проконсуле, которого дурачит Лезбия; надменного, сухого аристократа, у которого от предков остались только фамильные пороки и имя, который бранит новое только потому, что не ему достается сбирать дань с текущей жизни, признаешь в старом Фабии, скряге, скопидоме, вздыхающем о древнем праве, по силе коего он мог бы в рабство себе взять всех своих должников. В этих наших героях demi-monde'а <полусвета (франц.).— *Ред.*>, добрых и веселых по природе, остроумных, даже и знакомых с последними словами «науки», при всем том скучающих, и обремененных долгами, истощенных оргиями и наслаждениями и часто готовых на все (как Катилина) для стяжания чести и денег,— разве не узнаете вы в этой бледной толпе юных патрициев <...> В этой картине нельзя не узнать многое, нас окружающее. И циник оказался необходим для моей картины. Скажу, впрочем, что он у меня вышел крупнее, так сказать, грандиознее и идеальнее, чем все циники Лукиана и др<угих> древних писателей. Я ему «польстил». Современные циники не должны бы обижаться, и они совершенно напрасно обиделись». Особое место в письме Майкова Гроту уделено проблеме «слога» — индивидуального языка действующих лиц трагедии. С этой точки зрения охарактеризован ряд ее героев: христиане Иов, Марцелл, Эвмен, Главк, Лидия и др. Далее Майков сказал о трагедии: «В ней много *моих* «убеждений». Во-первых, главное — все, что Деций говорит о *разуме* и что возражает Марцелл,— это мои личные понятия и «убеждения». Не считая непогрешимым и высшею силою в мире *человеческий разум*, личный, я воспользовался случаем дать шпильку и коллективному разуму, так наз<ываемому> vox populi (имеется в виду античное изречение: глас народа — глас божий (лат.).— *Ред.*), предоставив подлому Миртиллу сослаться на глас народа в восстании всех против христиан» (Известия ОЛЯ, 1979, № 4, с. 384, 385, 386, 388).

Трагедия «Два мира» вызвала многочисленные отзывы современников Майкова, преимущественно положительные, и почти единодушно была признана самым значительным его произведением. «Поэма г. Майкова,— говорил Я. К. Грот на заседании второго от-

деления Академии наук 19 октября 1882 г.,— столь зрело обдуманное и тщательно обработанное художественное создание, что его нельзя не причислить к тем приобретениям нашей литературы, которыми она вправе гордиться» (Я. К. Грот. Отчет о первом присуждении премий А. С. Пушкина, СПб., 1882, с. 14).

Повествуя о первых веках христианства, Майков широко использовал библейские легенды и предания, вводил в поэтическую ткань трагедии, в речь ее персонажей парафразы и цитаты из Евангелия. В комментариях такого рода вкрапления специально не оговариваются.

Часть первая. Сцена первая. *Спартаком пахнет, да! Спартаком!* — то есть восстанием рабов. *Престол, // И некто был на нем седящий.*— Речь Иова стилизована под слог Апокалипсиса. *День суда*— Страшный суд. Сцена вторая. *Рим... // миру // Законы дал.*— Древнеримское право было наиболее развитой правовой системой рабовладельческого общества. *И сядь на трон // Философ* и т. д.— Деций высказывается как последователь политического учения Платона (см. его «Государство»).

Часть вторая. В катакомбах. *Он потом // Ученикам явился днем?* —По евангельской легенде, на третий день после казни воскресший Христос явился своим ученикам. *«Отче наш»*— начало и название христианской молитвы, обращенной к богу. *Он в венце из терний.*— По евангельской легенде, терновый венец был надет на Христа перед казнью. *Он львами // Разорван был* — т. е. был предан казни: погиб на арене цирка или был брошен на съедение зверям. *Там, где нет ни воздыханья* и т. д.— Перефразировка христианской заупокойной молитвы.

Часть третья. *Ловите, ловите* и т. д.— Слова Хора соотносятся с горацианским идеалом наслаждения жизнью, выраженным в его знаменитом призыве «Carpe diem!» — «Лови день!» («Оды», I, II, 8). *Скончался // Великий Пан.*— Греческий историк Плутарх («Об упадке оракулов», гл. 17) рассказывал, что в царствование римского императора Тиберия кормщик корабля, плывшего из Пелопоннеса в Италию, услышал возглас: «Умер великий Пан». Сообщение кормщика было обнародовано и вызвало многочисленные истолкования. Раннехристианские писатели истолковывали его как весть о конце эпохи язычества. *Мирта Киприды мне дай!* — см. стих. и примеч. «Эпикурейские песни», т. 1, с. 512.— *Нет ...знака // На роже* — т. е. нет рабского клейма. *Рим горел // Неспроста.*— Пожар 64 г. охватил почти всю территорию Рима. Он послужил предлогом для предпринятого Нероном гонения на христиан,

обвиняемых в поджоге. *От новых вер... // Из Халдеи, // Из Персии, из Иудеи.*— Речь идет о проникновении в Рим культов Астарты, Митры и Христа. *Vae victis!* — см. примеч. к стих. «Никогда!», т. 1, с. 546. *«Кончим представленье», // Как тот сказал!..*— В конце римской комедии к зрителям обращались с традиционной формулой: «Plaudite, acta est fabula» («Похлопайте, представление окончено».— *лат.*). Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» (Божественный Август, 99) сообщает, что Август «в свой последний день <...> вошедших друзей <...> спросил, как им кажется: хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием».

Павел (первоначальное имя Савл) — один из апостолов, в прошлом принадлежавший к враждебной Христу иудейской секте фарисеев. По евангельской легенде, на пути в Дамаск Савл услышал голос Христа, который спрашивал: «Савл, Савл! что ты гонишь меня?», и уверовал в его учение. Впоследствии проповедовал в Риме. *Бруту Цезарева тень // Являлась.., в день // Фарсальской битвы?..*— Здесь Майков допустил неточность: у Плутарха говорится о битве при Филиппах, а не о Фарсальском сражении. В «Стихотворениях А. Н. Майкова в трех частях», СПб., 1872, неточность исправлена и этот ст. читается: «Сраженья при Филиппах». В последующих же изданиях так, как в Полн. собр. соч., 1893. *И в Риме уж теперь два Рима!* — По свидетельству А. В. Амфитеатрова, Майков первоначально хотел дать своей трагедии название «Два Рима» («Исторический вестник», 1903, № 3, с. 1012. Под псевд. Сандро).

Брингильда. Впервые — «Русский вестник», 1888, № 6, с. 3, без вступительного стих. «При посылке «Брингильды» в Малую Азию» и посвящения. Вступительное стих. напечатано в сб.: «„Красный цветок". Литературный сборник в память Всеволода Михайловича Гаршина», СПб., 1888, отд. II, с. 4, под загл. «При посылке поэмы «Брингильда» в Кадыкиой в Малой Азии», с датой: 2 апреля 1888. Печатается по тексту: Полн. собр. соч. А. Н. Майкова, СПб., 1893, т. 3, с. 377. Поэма была послана сыновьям Майкова Владимиру и Аполлону, находившимся тогда в Кадыкиое (см. примеч. к циклу «У Мраморного моря», т. 1, с. 537). Закончена Майковым в марте 1888 г., 30 апреля 1888 г. он прочел ее на праздновании своего литературного юбилея в Петербур-

ге («Исторический вестник», 1888, № 6, с. 693). Представляет собой обработку фрагмента «Язык поэзии» из «Младшей Эдды» (см. примеч. к поэме «Бальдур», с. 477).

В одном из незаконченных отрывков предисловия к поэме «Бальдур» Майков остановился на «грандиозном образе Брингильды, королевской дочери-валкирии, которая спящею положена Одином на высокую гору». Освобождение ее Сигурдом истолковано как «женитьба Солнца, освобождающего свою милую ладу — Землю, спящую под блестящим покровом снегов». Особое значение Майков придавал правильному чтению поэмы: «Эта игра ударений, разнообразие их по месту в каждом стихе не дает возможности установиться скучной монотонности трехсложного стиха, и неопытное ухо никак не может даже уловить, каким размером писана поэма, чувствует только плавность и гармонию речи. А эти качества в «Брингильде» чаруют меня и до сих пор, особенно когда она сама заговорила — ее возвышенный поэтический тон, как блуждала по белым снегам — замок, наконец ее душевная речь <...> Ведь в этом роде у меня еще ничего не было писано. Новая форма! новое содержание! и я не знаю ничего, мне ее напоминающего!» (Письмо к сыновьям Владимиру и Аполлону от 13 апреля 1888 г.— Ежегодник, 1978, с. 201). «Брингильда» получила высокую оценку критика Е. М. Гаршина, брата писателя В. М. Гаршина (Е. Гаршин. Три поэмы, СПб., 1889, с. 10). *А. И. М.*— Анна Ивановна Майкова (урожд. Штеммер, 1830—1911), жена поэта.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893 ГОДА

СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Г. Бенедиктову. Впервые — «Сын отечества», 1840, № 6, с. 252, под загл. «Владимиру Григорьевичу Бенедиктову», подпись: А. М. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 111. *Владимир Григорьевич Бенедиктов* (1807—1873) — русский поэт, был членом кружка Майковых, помещал свои стихотворения в рукописных альманахах кружка. В альманахе «Лунные ночи» находится список стих. Майкова и здесь же — стих. «Аполлону Майкову ответ Владимира Григорьевича Бенедиктова», начинающееся строфой:

Что за милое посланье!
Что за пламенный призыв!
Мигом вспыхнуло желанье,
Окрылил меня порыв.
Можно ль хладным оставаться?
Как не мчаться? как не рваться
В этот радостный приют?
К морю, к неге и природе,
К дружбе, к Музам и свободе —
Прямо в рай меня зовут.

Праздник Третьего Петра.— Петр III (1728—1762) предавался необузданным развлечениям; любил пировать в своем загородном доме близ Ораниенбаума.

Лунная ночь. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, № 1, с. 5. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 122.

Черногорец. Впервые — «Отечественные записки», 1842, № 4, с. 269. Печатается по первой публикации.

Чудный век. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 6. Печатается по первой публикации. *Не бедный челн скользил по лону рек.*— Ср. в «Медном всаднике» Пушкина: «Пред ним широко // Река неслася; бедный челн // По ней стремился одиноко». *Беринг* Витус (Иван Иванович) (1681—1741) — офицер русского флота, выдающийся мореплаватель, его экспедиции на русском Севере внесли огромный вклад в историю географической науки. Прошел пролив, соединяющий Северный Ледовитый океан с Тихим океаном. *Белый флаг* — Андреевский (диагоналевый голубой крест на белом поле), кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота; учрежден в 1699 г. Петром I. *В тени дубов коломенских... // Возрос небес помазанник младой.*— Коломенское — в XV—XVII вв. царская подмосковная усадьба.

«Туда, где море спит у скал пирамидальных...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 11. Печатается по первой публикации.

«Люблю над Рейном я громадные твердыни...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 30. Печатается по первой публикации. *К спасенью благостыни.*— Речь идет о крестовых походах на Восток в XI — XIII вв. с целью освобождения «гроба господня» из-под власти «неверных».

В. А. С . . . . . у. Впервые — «Библиотека для чтения», 1841, № 3, с. 10, под загл. «Письмо». Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 51.

Стих. обращено к *Владимиру Андреевичу Солоницыну* (1804—1844), близкому другу семьи Майковых, учителю Аполлона и Валериана; в конце 1830-х и начале 1840-х годов он редактировал с О. И. Сенковским «Библиотеку для чтения», способствовал публикации первых произведений Майкова. *Букет с чугунного балкона* и т. д.— Реминисценция «Каменного гостя» А. С. Пушкина (сц. 2).

Конец мира. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 134. Печатается по первой публикации. *Архангел брани возгремит* и т. д.— Имеется в виду Страшный суд. Стих.— подражание Апокалипсису и библейским пророкам.

Радость. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 28. Печатается по первой публикации.

Измена. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 88. Печатается по первой публикации.

Венера Медицейская. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 12. Печатается по первой публикации. В списке (рукописный альманах кружка Майковых «Лунные ночи», 1839) эпиграф в расширенной редакции (после слов «Римской императрицы» следует): «Ваятель — полагают некоторые из них — вовсе не думал представить богиню, но потомство, не веря, чтоб такая красота могла быть уделом простой смертной, нарекло произведение его статуею Венеры».

В письме к сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 г. Майков вспоминал: «...в 1838 году Никитенко с кафедры посвятил чтению и разбору моих двух представленных ему стихотворений (мы ведь *обязаны* были представлять сочинения) Венера Медицейская и Гнев Божий. Разбор был торжественный. Никитенко объявил это представление ему двух *таких* пьес как событие. Слухи прошли заранее между студентами, и амфитеатр аудитории был набит изо всех курсов. А я, маленький, как теперь вижу, по 14-му году совсем от стыда скорчился, хотел спрятаться сколько мог. Но помню вот что: я нисколько не возгордился, мне просто казалось, что так и должно быть, что так в порядке вещей, что это то же, что хорошо отвечать на репетиции, что знать хорошо урок. Да я и значения поэта не понимал. Какое было неразвитие тогда в сравнении с нынешним! <...> Вот это-то событие и решили при-

нять как первое публичное, с кафедры, заявление о моей поэтической деятельности, и с него считать юбилей».

Слава. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 117. Печатается по первой публикации.

Певцу. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 125. Печатается по первой публикации. Стих. было приведено П. А. Плетневым (см. примеч. к стих. «П. А. Плетневу», т. 1, с. 519) на Университетском акте 25 марта 1842 г. *И, укрощен, приляжет лев* и т. д.— Имеется в виду миф об Орфее.

Дориде. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 91. Печатается по первой публикации.

Магдалина. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 47. Печатается по первой публикации. Судя по упомянутым в стих. реалиям, описывается картина Тициана «Кающаяся Мария Магдалина».

Пери и Азраил. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 61. Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, кн. 1, СПб., 1858, с. 89.

«Долин Евфратовых царицы...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 76. Печатается по первой публикации.

«Отвергла гордая мой чистый жар любви...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 143. Печатается по первой публикации. Эпиграф — неточная цитата из Вергилия (Энеида, IV, 465).

Мститель. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 149. Печатается по первой публикации.

Италия. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 162. Печатается по первой публикации. *Мрамор твой // Давно попрал пришлец чужой.*— Речь идет об австрийском господстве в Италии после Венского конгресса 1814—1815 гг. *Зачем старик, как лунь седой* и т. д.— Имеется в виду папа римский. *Благословляет мир и град.*— Имеется в виду формула папских посланий: «Urbi et orbi» (лат.) — «Городу и миру», т. е. всем. *Облик мальчика лукавый* — Амура. *Лиры бог* — Аполлон. Речь идет, вероятно, о собрании Ватиканского музея (см. примеч. к стих. «После посещения Ватиканского музея», т. 1, с. 514).

Два гроба. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 83. Печатается по первой публикации. *Гранит Финляндии... // Стал грозным сторожем под образом Петра.*— Речь идет о пьедестале памятника Петру I («Медный всадник»). *Скандинав* — Карл XII (1682—1718), король Швеции. Разгром его под Полтавой 27 июня 1709 г. явился началом его падения. *Носилки бранные — надгробный мавзолей.*— Раненый Карл XII был на поле боя вынесен слугами. Возможно, образ подсказан Майкову пушкинской поэмой «Полтава» («Песнь третия»).

На смерть Лермонтова. Впервые — «Литературная газета», 1939, 15 октября (публикация Н. Л. Бродского). В письме (черновик) к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому Майков, предлагая опубликовать стих. на страницах его журнала, писал: «Участие, с которым следили за развитием таланта покойного М. Ю. Лермонтова Отеч. зап., возлагает на меня нравственную обязанность поделиться с Вами впечатлением, произведенным на меня его кончиною <...> не желание найти предмет для песни своей музы, а истинное чувство заставило меня начертать эти строки — отчего, может быть, они и теряют несколько в литературном отношении».

Scholia. Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 96. Печатается по первой публикации.

«Свершай служенье муз в священной тишине...» Впервые — Стихотворения Аполлона Майкова, СПб., 1842, с. 116. Печатается по первой публикации. Первую строку ср. с пушкинской («Служенье муз не терпит суеты...») в стих. «19 октября» (1825).

Элегия. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, № 3, с. 135. Печатается по первой публикации.

Превращение. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, № 7, с. 5. Печатается по первой публикации.

Предсказание. Впервые — «Библиотека для чтения», 1842, № 11, с. 12. Печатается по первой публикации.

Минутная мысль. Впервые — «Библиотека для чтения», 1843, № 1, с. 12. Печатается по первой публикации.

«Для прозы правильной годов я зрелых жду...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 179 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации.

<Отрывки из дневника в Риме>. В 1840-х годах Майков напечатал ряд стих. (с подзаг. «Отрывок из дневника в Риме»), связанных с его пребыванием в Италии. В данном цикле собраны четыре стих.: первые два объединены указанным загл. в автографе, два другие публиковались с соответствующим подзаг.

1. «Лишь утро красное проглянет в небесах...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 180 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. *Волчица и пастух и мальчиков спасенье* и т. д.— См. примеч. к «лирической драме» «Три смерти», с. 475. *Чертоги Августов.*— Имеется в виду дворец римских императоров на холме Палатин.

2. «Уж месяц март. Весна пришла: так густ...» Впервые — Ежегодник, 1976, с. 180 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. *У свежих струй, лиющихся из уст // Уродливых тритонов в гроте мрачном.*— Описание фонтана «Il Tritone» в Риме.

3. Двулицый Янус. Впервые — «Отечественные записки», 1845, № 10, с. 231, с подзаг. «Отрывок из „Дневника в Риме"», с датой: 1843. Печатается по первой публикации, с исправлением опечаток («...встречалось мне в беге», «В снежных горах...») в ст. 55, 105 по автографу. В другом автографе вместо ст. 88—96.

Великая мысль, как победное яркое знамя
В руках полководца, ведет поколенья и светит
Им силой надежды, в борьбе вдохновеньем и славой...
Ты понял ее — так оденься во броню и шествуй,
Борися и падай... Вожди исчезают, но вечно
Останется мысль, вдохновившая смелый их подвиг.
Тогда не напрасен останется след твой в сем мире;
Тогда, умилен, пред твоей триумфальной статуей
Потомок пройдет с головой обнаженной; и слава —
Сама за тобою прийдет — прихотливая дева.

Вместо ст. 104—105.

Героя гробница — не мрамор с торжественной лестью —
А мир, где гремит, где блестит его славное имя...

Я вижу великую реку...— Восходит к Апокалипсису: «И показал мне чистую реку воды жизни...» (Апокалипсис, XXII, 1).

4. «Во мне сражаются, меня гнетут жестоко...» Впервые — «Метеор на 1845 год», СПб., с. 10, в цикле «Два отрывка из дневника в Риме» (вместе со стих. «На дальнем Севере моем...» — см. в разделе «Очерки Рима», т. 1).

Гомеру. Впервые — Ежегодник, 1976, с. 179 (публикация И. Г. Ямпольского.) Печатается по первой публикации. Интерес и

Гомеру сопровождал Майкова всю жизнь. «В начале 50-х годов <...> выучился по-гречески, единственно чтобы расчухать, каким тоном написана «Илиада», ибо чувствовал, что Гнедич не наивен, а Жуковский сладок; должно быть более грубости и непосредственности» (Ежегодник, 1974, с. 51). В архиве поэта сохранились наброски прозаического перевода 1-й и 3-й песен «Илиады».

Последняя элегия в Риме. Впервые — Ежегодник, 1974, с. 131 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации.

Романс. Впервые — Ежегодник, 1976, с. 181 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. «Романс» — одно из немногих любовных стих. Майкова. В другом неизданном стих. поэт писал:

Я не могу, подобно многим,
Разбить шалаш на площади
И всем твореньям двуногим
Кричать: пожар в моей груди!
Прийдите, можете увидеть,
Как я умею изнывать,
Любить, терзаться, проклинать,
Боготворить и ненавидеть...

«В этой сдержанности поэт склонен был видеть своеобразную целомудренность. Уже в конце жизни, в 1893 г., он пишет сыновьям: «Меня <...> упрекали в холодности, главное указывая на то, что нет у меня любовных стихотворений <...> Но о любви своей мне всегда было писать и говорить стыдно. Что кому до этого за дело! Каждого пускать с своим носом к себе в сердце!» (Ежегодник, 1975, с. 74).

Элегия. Впервые — «Отечественные записки», 1845, № 1, с. 238. Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в ст. 11 («оружьями») по автографу. *«Memento mori»* — первоначально: приветствие, которым обменивались члены монашеского ордена траппистов во Франции.

«Для чего, природа...» Впервые — «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым», СПб., 1846, с. 504. Печатается по первой публикации.

Рождение Киприды. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 633. Стих. свидетельствует об участии Майкова в борьбе В. Г. Белинского с реакционным журналистом и писателем, редактором газеты «Северная пчела» Ф. В.

Булгариным (1789—1859). Стих. предназначалось для «Отечественных записок». Сохранились гранки с пометами цензора: в последней строке стих. зачеркнуто «я, я, я!» и предложено взамен два варианта: 1. «Я дерзну, я»; 2. «Это я». Тут же запись: «Только в этом виде напечатать можно». Литерами «Я. Я. Я.» подписывал свои статьи в «Северной пчеле» реакционный журналист, писатель и критик 1830—1840-х годов Л. В. Брант. В них он неоднократно выступал против «Отечественных записок», руководимых В. Г. Белинским, подвергал злобной критике, граничившей с политическим доносом, издания Н. А. Некрасова («Петербургский сборник», 1846, и «Физиология Петербурга», 1845) и всю демократическую литературу. В своей борьбе с Булгариным Белинский немалое место уделял и Бранту (см.: В. Г. Белинский, т. IV, с. 19—20, 62—63; т. VI, с. 191—194 и др.). Брант, приглашенный в «Северную пчелу», писал критик в одной из статей, большая часть которой была запрещена цензурой, «обрадовался, что в руках патрона своего может быть грязною тряпкою, чтобы марать порядочных людей...» (В. Г. Белинский, т. IX, с. 647). Тогда же Брант был высмеян в статье И. И. Панаева «Литературный заяц» («Отечественные записки», 1846, № 2, отд. VIII, с. 124—126). Стих. Майкова также написано, по-видимому, в 1845 или 1846 г.; при жизни поэта не публиковалось. Метило оно и в самого Булгарина, что подтверждается близостью основного его мотива басне П. А. Вяземского «Хавронья» («Отечественные записки», 1845, № 4, с. 328, под криптонимом ***), направленной против Булгарина как литературного критика (см. о ней: В. Г. Белинский, т. IX, с. 140, 143). На эту же басню намекает и Н. А. Некрасов в своей эпиграмме на Булгарина («Он у нас осьмое чудо...», написана в 1845, опубликована в 1846).

Скульптору. Впервые — «Отечественные записки», 1847, № 1, с. 48 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по первой публикации.

Анахорет. Впервые — «Отечественные записки», 1847, № 1, с. 52 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по тексту: Стихотворения Аполлона Майкова, кн. 1, СПб., 1858, с. 218.

«Думал я, что небо...» Впервые — «Отечественные записки», 1847, № 1, с. 62 (в цикле «Очерки Рима»). Печатается по первой публикации.

На могиле. Впервые — «Современник», 1853, № 11, с. 79. Печатается по первой публикации. Стих. связано, по-видимому, с воспоминаниями о брате поэта, талантливом литературном критике и публицисте Валериане Николаевиче Майкове (1823—1847), умершем от апоплексического удара во время купания. 30 сентября 1847 г. Майков писал своей двоюродной сестре Ю. Д. Ефремовой: «Я до сих пор еще не могу совершенно освоиться с своим положением; не только прошедшее нас связывало с братом, но все будущее созидалось вдвоем, так что один был необходим другому, и всякий план не иначе мог быть осуществлен, как трудами обоих. Но независимо от прошедшего и будущего всякий момент настоящего мы проживали вдвоем...» (Ежегодник, 1975, с. 78).

«Только пир полночный...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 633.

«Сухим умом, мой милый, ты...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 634.

«Полно притворяться...» Впервые — «Современник», 1853, № 3, с. 119. Печатается по первой публикации.

Поэту. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 635.

Н. А. Некрасову. По прочтеньи его стихотворения «Муза». Впервые — «Литературное наследство», т. 49—50. 1949, с. 615 (публикация С. А. Рейсера и А. Я. Максимовича). Датируется по содержанию и дневниковой записи Майкова (Ежегодник, 1975, с. 86). Не исключена позднейшая доработка, т. к. в стих. введены мотивы произведений Н. А. Некрасова, написанных во второй половине 1850-х годов. *«Муза»* (написано в 1851, напечатано — «Современник», 1854, № 1) — одно из программных стих. Николая Алексеевича *Некрасова* (1821—1877), вызвавшее острую полемику, в том числе и в стих. Н. Ф. Щербины, А. А. Фета, Д. Д. Минаева, И. С. Никитина, Вл. Соловьева и др. Несмотря на разницу в убеждениях, Майков в течение 12 лет (1847—1859) сотрудничал в некрасовском «Современнике». Известны положительные оценки Некрасовым ряда стих. Майкова (см.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем в 12 тт., М., 1948—1952, т. 9, с. 393—395, 607—611). В дальнейшем в отношениях двух поэтов ведущей становится тенденция к резкому идейно-эстетическому размежеванию и полемике. См. также

примеч. к стих. «Пастух» и «Арлекин», с. 498. *Идет обрывом лес зеленый* и т. д.— Эти строки с небольшими вариантами вошли в стих. Майкова «Пейзаж» (см. т. 1, с. 152). Отзываясь о поэме Некрасова «Саша», Майков 26 декабря 1855 г. записал: «Для меня то любопытно, что этой пьесой как будто оправдалось мое послание к нему, за два или за три года перед сим писанное...» (Ежегодник, 1975, с. 86).

Весенний бред. Впервые — «Современник», 1854, № 4, с. 139. Печатается по первой публикации. Михаил Парфенович *Заблоцкий-Десятовский* (ум. 1858) — статистик, близкий приятель Майкова со студенческих лет, постоянный посетитель кружка Майковых в 1840-е годы. В «Современнике» (1854, № 6. Литературный ералаш IV, с. 60—62) была помещена пародия Н. С. (критика Н. Н. Страхова) на это стих., озаглавленная «Ночная заметка». В редакционной преамбуле к ней говорилось, что, хотя она и «опровергает» мысль Майкова, но служит доказательством, что «поэт тронул живую мысль». В пародии были такие строки:

А, книга новая! И в ней «Весенний бред».
Прелестно! Бредит так лишь истинный поэт.

Одобрив картины природы и «стих» Майкова, пародист далее писал:

Беда не в том, что слаб у человека разум,
Беда — заносчивость кичливая ума,
Беда — к умам других неправое презренье.
Не понимаешь ты? скажи: не понял я,
А не кричи тотчас: безумье, заблужденье!
Вся крохотная мысль искажена твоя
Ругательством пустым, бесчинным и не новым...

Майков, как следует из его неотправленного письма к М. П. Заблоцкому-Десятовскому (декабрь 1855 — январь 1856), считал, что его не поняли: «„Весенний бред" весь взят из жизни; как глупо его растолковывали: гонение на науку! Я-то на науку! нет, никогда! а на клопов, которые заводились в храме науки,— это так» (Ежегодник, 1975, с. 85). Позиция поэта не изменилась и спустя многие годы. К беловому автографу с попыткой позднейшей правки приложена следующая записка: «Перебирая свои старые бумаги, я нашел прилагаемое стихотворение. Оно было напечатано сорок два года назад в *Отеч. записках* и вызвало тогда сильное негодование серьезной критики, усмотревшей в оном оскорбление достоинства науки. Я не перепечатывал его в собрании

своих стихотворений не потому, чтобы поверил критике, уличавшей меня в обскурантизме, а потому что почувствовал сам, что в нем есть прозаические места и рассуждения. Перечтя, однако, его теперь, нахожу, что в нем — в первой и последней его трети чувствуется юношеский жар, свежесть, игривость и даже в общем выдержанность настроения. Если редакция *Русского обозрения* признает такое мое впечатление справедливым, то не имею ничего против напечатания его на страницах ее журнала. *Прим. авт.*». В журнал стих., по-видимому, не было отослано: публикация его не обнаружена.

Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1854, т. 3, стлб. 388. Предполагавшаяся в 1853 г. публикация стих. в «Современнике» не состоялась, т. к. его тема вызвала настороженное отношение цензуры, связанное с осложнением внешнеполитической ситуации в канун вступления в Крымскую войну Англии и Франции на стороне Турции. Отзываясь о «Памяти Державина» и некоторых других стих. Майкова, Н. А. Добролюбов писал в 1860 г.: «Все это было естественно и понятно в ту пору всеобщего увлечения воинственным величием России; но все это прошло, и поэты стараются уничтожить следы тогдашних увлечений в полных собраниях стихов своих» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт., М.-Л., 1961—1964, т. 6, с. 159). Сам Майков также был недоволен сб. «1854-й год», куда вошло данное и ряд подобных стих. Уже в конце 1855 г. он писал: «...увлечение, смело высказанное, но временем не оправданное, отчего все ее пьесы в художественном отношении теряют. <...> Вся книжка «1854-й год» верна чувству, меня одушевлявшему, но недостаток в ней <...> — невладение страстью, желание навязать ее всем, гнев на тех, кои ее не разделяли, отчего разрыв с западниками в «Арлекине»: мечты о России, рисование того, что должно бы быть, при закрытых глазах на то, что есть» (Ежегодник, 1975, с. 84, 85—86). Критические замечания на данное стих. см. в письме А. Ф. Писемского к Майкову от 8 мая 1854 г. (А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9 тт. М., 1959, т. 9, с. 571). Гаврила Романович *Державин* (1743—1816) — русский поэт, воспел в своих одах военные триумфы России. *Победы при Синопе и Ахалцихе.* — Во время Крымской войны, 18 ноября (ст. ст.) 1853 г., в Синопской бухте Черноморская эскадра адмирала

П. С. Нахимова разгромила эскадру турецкого флота. Близ крепости Ахалцихе в Грузии 14 ноября того же года русские войска одержали победу на суше. *Кагульский гром.*— Имеется в виду сражение русских и турецких войск 21 июля 1770 г. во время войны 1768—1774 гг. на берегу реки Кагул, в котором победили войска П. А. Румянцева. *Пошли к величью и добру.*— Ср. в «Стансах» А. С. Пушкина: «В надежде славы и добра...». *И как матрос и плотник жил.*— Ср. в «Стансах»: «То мореплаватель, то плотник...». *Восстань же днесь и виждь.*— Ср. в стих. А. С. Пушкина «Пророк»: «Восстань пророк, и виждь, и внемли...». *Дух отрицанья, дух сомненья* — цитата из стих. А. С. Пушкина «Ангел». *Герои Измаила.*— Крепость Измаил была взята штурмом войсками А. В. Суворова 11 декабря 1790 г. Державину принадлежит стих. «На взятие Измаила».

«Нет, не для подвигов духовных...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 640.

Осень. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП,БС, с. 641.

<Коляска>. Впервые — «Московские ведомости», 1898, 18 февраля. При жизни Майкова не печаталось. Загл. Майкову не принадлежит, но, по-видимому, было им признано, т. к. позднее стих. фигурирует в его записях как известное под именем «Коляска». Стих. было написано в дни, когда в период Крымской войны, в марте 1854 г., корабли английского флота вошли в Финский залив и угрожали Кронштадту. Панегирик Николаю I, прозвучавший в этом и ряде других стих. Майкова 1854—1855 гг., резко подорвал репутацию автора в кругах русской интеллигенции. Всеобщее возмущение и недоумение, вызванное позицией Майкова, точно выразил в своей эпиграмме Н. Ф. Щербина, обратившись к автору «Коляски» с вопросом: «Скажи, подлец ли ты иль «скорбен головой»?» (Н. Ф. Щербина. Избранные произведения, Л., 1970, с. 267, БП,БС. Там же другие эпиграммы на Майкова.) В некоторых стих., не предназначавшихся для печати или подвергнутых цензурной правке, а также в переписке Майков критически отзывался о царствовании Николая I. Таково, в частности, стих., записанное в черновой тетради 1855—1856 гг., очевидно, уже после смерти царя:

Я вижу трудовых сподвижников Петра,
За ними следуют орлы Екатерины.

Там александровских встречаю генералов.
От Николая же времен
Ряд николаевских остался лишь капралов.

Через несколько лет, характеризуя положение России после реформы 1861 г., Майков писал М. Н. Каткову 15 сентября 1861 г.: «Мы чуть-чуть что <не> на точке поворота назад <...> все, что было зло на новое, что только носило маску либерализма, поспешило вдруг проявиться во всем блеске николаевщины; во всем и везде видны заговоры, словом, обычное тупоумие выплывает теперь на всех ступенях общества, и науке и свободному развитию мысли предстоит, вероятно, новое гонение...» (ГБЛ). В дальнейшем отношение Майкова к Николаю I еще не раз менялось, но его колебания не вели к попытке усомниться в основах государственного строя.

Встреча. Впервые — «Отечественные записки», 1854, № 3, с. 1. Печатается по первой публикации.

Пастух. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1855, т. 4, стлб. 42. Было прочитано в заседании Второго отделения 18 ноября 1854 г. Написано в связи с Крымской войной 1853—1856 гг. Стих. получило высокую оценку Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова (см.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 9, с. 609). Сам Майков также выделил это стих. как наиболее удачное в сб. «1854-й год» (см.: Ежегодник, 1975, с. 84).

Арлекин. Впервые — «Современник», 1855, № 1, с. 205, без ст. 208—211. Полный текст впервые — сб. «1854-й год», с. <43>. Резкая оценка стих. дана в эпиграмме Н. Ф. Щербины («Он в *«Арлекине»* воспевал // Нам Третье отделенье...»). Отрицательное мнение было высказано и в анонимной рецензии «Отечественных записок» (1855, № 2, отд. IV, с. 119). Считая, что его «мысли и чувства о России» были неправильно поняты, Майков писал С. П. Шевыреву (до 18 февраля 1855 г.): «Они говорили, что «непристойно говорить слогом Конька-Горбунка о великих событиях (революции) и смеяться над ними». Поддевают ловко, но недобросовестно, ибо в «Арлекине» ясно, что автор и не думал изображать картину этих мировых событий и смеяться над началами, ими выработанными,— избави меня боже! Мир не может теперь и стоять иначе как на этих началах; но я осмеял *спекуляторов на эти начала.* Я их назвал

арлекинами, ибо им нет еще названия, они еще *не обличены*. Таких арлекинов в религии мы называем ханжами. Мы знаем арлекинов-патриотов <...> Но, кроме этих, есть и такие, которые опираются и на другие почтенные начала и оскверняют их, придают себе значение и набивают карман. Неужели От. зап. приняли это на свой счет?..» (ГПБ). *Во имя братства и свободы* — намек на лозунг французской буржуазно-демократической революции XVIII в.: «Свобода, равенство, братство!» *Крымский поход* — Крымская война 1853—1856 гг. *Nessun maggior dolore* <che ricordarsi del tempo felice nella miseria> — цитата из «Божественной комедии» Данте (Ад, V, 121—123).

«Окончена война. Подписан подлый мир...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 654. В архиве Майкова сохранилась другая редакция этого стих. Вот ее заключительные строки:

Но эта брань спасла честь русского народа —
Уразумел, к чему способен он,
Когда б в его вождях был разум просветлен,
И мир на знамени б его прочел: «Свобода!»

Парижский мирный договор, положивший конец Крымской войне 1853—1856 гг., был заключен 18 марта 1856 г. на невыгодных для России условиях.

Вихрь. Впервые — «Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности», 1856, т. 5, стлб. 74 (раздел «Выбор из произведений современных писателей») с подзаг. «Из поэмы „Страшный суд"», и «Отечественные записки», 1857, № 1—2, с. 1. *Дантов адский вихрь...* и *Я в ужасе упал полуживой* — из «Божественной комедии» Данте (Ад, III). В это же время Майков писал и другое подражание Данте — поэму «Сны», см. примеч., с. 513.

Борьба. Впервые — «Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданные под редакциею Ник. Вас. Гербеля», т. 2, СПб., 1857, с. 71. Печатается по первой публикации. Перевод стих. «Der Kampf».

«В часы полунощных видений...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 658.

<Из «Неаполитанского альбома»>. Печатается впервые, по автографу. Стих. предназначались для «Неаполитан-

ского альбома», но не были опубликованы. Точной датировке не поддаются; отнесены к 1858—1859 гг.— времени создания большей части произведений данного раздела.

Новогреческая песня. Впервые — Ежегодник, 1974, с. 132 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. Автограф в письме Майкова к жене от 25—27 марта 1859 г. В конце 1850-х годов Майков перевел ряд новогреческих песен, но данное стих. является его оригинальным произведением («эту новогреческую песню сочинил я»). *Да про море, море белое.*— См. примеч. к стих. «Ласточка примчалась...» (т. 1, с. 548) Майков писал: «*Белым морем* нынешние греки называют Архипелаг».

«На белой отмели Каспийского поморья...» Впервые — «Отечественные записки», 1863, № 1, с. 1. *Певец* — Т. Г. Шевченко (1814—1861) в 1847 г. за стих. революционного содержания был сослан в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать.

Празднословы. Впервые—«Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 31.

Недогадливый. Впервые — «Народное чтение», 1860, № 4, с. 76. Печатается по первой публикации с восстановлением по автографу пропущенной строки («Мать — учи его, как жить с женою!»). Перевод песни «Вукоман и Вукоманка» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

<Из «Сербских песен»>. Печатается впервые по автографу. Датируется приблизительно по времени работы Майкова над переводами из сербского фольклора. Перевод песни «На части» из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

Другу Илье Ильичу. Впервые — «Библиотека для чтения», 1862, № 1, с. 1 (др. ред.). Окончательная редакция, но с цензурной правкой — «Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова», М., 1864, с. 28. Впервые подлинно авторский текст — А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС, с. 660. Стих. имело сложную цензурную историю (ЦГИА). В числе других оно должно было публиковаться в приложении к «Русскому вестнику», вышедшем затем отдельным изданием («Новые стихотворения (1858—1863) А. Н. Майкова», М., 1864). 23 января

1864 г. председатель Московского цензурного комитета М. П. Щербинин писал министру внутренних дел П. А. Валуеву о том, что цензурный комитет, «затрудняясь одобрить» представленное редакцией «Русского вестника» стих. Майкова, в котором «выставляется неизвестное официальное лицо, которое, благодетельствуя России, под видом либерализма, введением французских порядков, в сущности есть не что иное как тиран либерализма», предоставляет решение этого вопроса «на благоусмотрение» министра. 25 января, не дожидаясь ответа Валуева, Щербинин сообщил министру о своем решении печатать стих., основанном «на удостоверении редакции, что они не заключают в себе ни малейшего намека на какое-либо государственное лицо, а делается обращение к другу поэта, юному либералу, толкующему с товарищами и обнаруживающему бюрократические и лжелиберальные наклонности...» Вместо испрашиваемого Щербининым «благосклонного одобрения <...> такого <...> действия» Московский цензурный комитет получил от министра резкий выговор. «Не могу не выразить сожаления,— писал Валуев 30 января 1864 г.,— о последовавшем уже напечатании стихотворения г. Майкова <...> так как заключающиеся в нем намеки могут возбудить такие толки и недоразумения, отстранение которых по действующим ныне узаконениям лежит на обязанности цензуры». Недовольство Валуева имело некоторые личные основания: из позднейшей заметки Майкова явствует, что в адресате «послания» министр увидел свои собственные черты и даже «стал допытывать, не его ли я разумел?» Однако смятение в высших цензурных инстанциях было вызвано куда более серьезными и для поэта и для издателя «Русского вестника» обстоятельствами: в петербургских кругах, близких ко двору, распространились слухи, что стих. «Другу Илье Ильичу» — пасквиль на Александра II. 14 февраля 1864 г. Ф. И. Тютчев получил письмо от Валуева, в котором последний утверждал, что в стих. «видят» прямой намек на Александра II (см.: Г. Чулков. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева, М.-Л., 1933, с. 157, 158). 16 февраля А. В. Головнин, который в 1861—1866 гг. был министром народного просвещения, писал великому князю Константину Николаевичу: «Посылаю Вашему Высочеству при сем стихи Майкова <...>, пропущенные московскою цензурою, как мне сказывал сегодня Валуев, вследствие усиленной просьбы редактора Каткова. Признаюсь, что я не пропустил бы их, несмотря на все желание мое простора печатному слову. Трудно поверить, чтобы в тех стихах не было прямого порицания действий государя и чтоб автор желал

просто сопоставить администратора прежнего времени и нынешнего. Очевидно, что здесь дело идет не о типе, а о портретах» (Центральный государственный архив Военно-морского флота. Текст письма сообщен М. Д. Эльзоном) Автор вынужден был защищаться. 15 февраля по совету Ф. И. Тютчева Майков написал на его имя объяснительное письмо с тем расчетом, что адресат доведет его до сведения царя. 17 февраля основное содержание этого письма поэт изложил в письме к М. Н. Каткову: «Я поставлял на вид, что стихотворение написано 3 года тому назад — и в 1861 (кажется) было напечатано и читано публично, и никому в голову тогда не приходило такого глупого толкования...» (ГБЛ). Аргументация Майкова не слишком убедительна: текст, помещенный в «Русском вестнике», резко отличается от текста первой публикации («Библиотека для чтения»), и основания, позволяющие увидеть некоторые черты царя в адресате стихотворного послания, несомненно, были (см., например, ст. 89—90, намекающие на реформу 1861 г.). Есть в стих. и намеки на Николая I — «папеньку» героя. Это, между прочим, подтверждается близостью ст. 433—434 поэмы «Сны», не пропущенных цензурой: «Старик тот ждал царя... Мы рвемся все к царю! // Да свечи за него мы ставим к алтарю!» к ст. 86—88 «послания»: «Конечно, память твой папа́ у стариков // Оставил добрую,— и ставят пред иконы // И нынче за него свечу...» Тем не менее из позднейшей пометы Майкова на черновике письма к Тютчеву следует, что объяснениям поэта царская фамилия поверила. Об этом автор «послания» и уведомил Каткова 18 февраля 1864 г.: «Великий князь наследник прочел вслух государыне стихотворение, и они не нашли никакой черты, в которой автор имел бы в виду государя <...> причем государь наследник сказал со своей стороны, что он „умеет читать между строчками"» (ГБЛ). Таким образом, история с «пасквилем» разрешилась в целом благополучно, хотя и осложнила и без того напряженные отношения Майкова с Валуевым. Имела эта история и общественный резонанс, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что из рецензии М. Е. Салтыкова-Щедрина на сб. Майкова «Новые стихотворения...» был исключен, видимо, под нажимом цензуры, текст стих. «Другу Илье Ильичу», в гранках приведенный полностью (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., М., 1965—1977, т. 5, с. 666).

<Из цикла «Дочери»>. Печатается впервые по автографу; см. примеч. к циклу «Дочери», т. 1, с. 523.

Недавняя старина. Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП,БС, с. 662. По первоначальному замыслу, стих. должны были открывать раннюю редакцию «трагедии в октавах» «Княжна ***» (см. примеч. с. 478). Позднее автор намеревался, по-видимому, использовать их как самостоятельные произведения.

Ваятелю. Впервые — «Кругозор», 1876, № 1, 1 января, с. 1. Печатается по первой публикации. Стих. написано, по-видимому, в связи с объявленным в 1872 г. конкурсом на проект памятника А. С. Пушкину в Москве.

«Люблю его — не баловнем Лицея...» Впервые — А. Н. Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 664. Записано на обороте черновика стих. «Пушкину» вслед за наброском письма, связанного с приглашением принять участие в пушкинских торжествах 1880 г. Герой стих.— А. С. Пушкин. *Ферней* — город во Франции, где жил Вольтер. *Прочь Чайльд Гарольдов плащ!* — Чайльд-Гарольд — герой поэмы английского поэта Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», свободолюбец и протестант, разочарованный в современной действительности. Майков отрицательно относился к влиянию Байрона на европейскую литературу, о чем, в частности, свидетельствует сохранившаяся в его архиве эпиграмма на английского поэта.

Эпиграммы. Майков писал эпиграммы на протяжении всей жизни, но не опубликовал их. Большая часть эпиграмм, вошедших в это собрание, впервые опубликована в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения, БП, БС, с. 665—672. В примеч. источник текста указан только для стих., не вошедших в изд. БП, БС.

1. «За обе щеки утирал...» Впервые — Известия ОЛЯ, 1982, № 4, с. 369 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается по первой публикации. И. Г. Ямпольский предполагает, что поводом к созданию эпиграммы могло служить знакомство Майкова с сочинением Михаила Петровича *Погодина* «Год в чужих краях» (М., 1844), в котором есть такие слова: «Если б незнакомый человек попался в общество наших литераторов, он никогда не угадал бы, с кем случилось ему говорить: он мог бы почесть их хозяевами, светскими людьми, финансиерами, но никак не литераторами. Даже французского языка, противного для меня во всяких русских устах, он наслушался бы вдоволь от наших литераторов». «Впрочем, наиболее вероятно,— замечает публикатор,— что

эпиграмма не связана с каким-нибудь конкретным его высказыванием, а имеет обобщенный смысл».

2. И. И. Л. в 1850-м году. *И. И. Л.* — Иван Иванович Льховский (1829—1867) — литературный критик либерального направления, входил в кружок Майковых. *Луи Блан* (1811—1882) — французский социалист-утопист. *Прудон* П.-Ж. (1809—1865) — французский публицист и социолог. *Фейербах* Л. (1804—1872) — немецкий философ-материалист. *Грим* — вероятно, Я. Гримм (1785—1863) — немецкий филолог и фольклорист. *Пальмерстон* Г. (1784—1865) — английский государственный деятель, один из вдохновителей англо-франко-турецкой коалиции, направленной против России в период Крымской войны 1853—1856 гг.

3. «С народом говори, не сдержанный боязнью...» Написана в связи со ставшими широко известными злоупотреблениями высших царских чиновников: казнокрадством, подкупами и т. п. Обращена, по-видимому, к Николаю I. *Торговая казнь* — наказание кнутом рукой палача в присутствии народа; в Москве до 1685 г. происходила на *Красной площади*.

4. *В. П. Б.* — Василий Петрович Боткин (1811—1869), писатель, критик и публицист либерального направления. В середине 1850-х годов началось размежевание «эстетической» (Боткин, А. В. Дружинин, П. В. Анненков) и революционно-демократической (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов) критики. Майков был на стороне Боткина. Не исключено, что под «критиканами» подразумевается и Н. Ф. Щербина (см. ниже эпиграмму № 8), автор злых эпиграмм и на Майкова и на Боткина.

5. «Видал ли ты на небесах комету?..» Дмитрий Васильевич *Григорович* (1822—1899) — русский писатель-прозаик. Эпиграмма цитируется (с небольшими разночтениями) в письме Майкова к А. Ф. Писемскому от апреля 1856 г. (Ежегодник, 1975, с. 89—90) со словами: «Я произвел эпиграмму, которой много смеялись...», но без указания конкретного повода к ее написанию.

6. «Ты понравиться желаешь...» Печатается впервые по автографу.

7. «Бездарных несколько семей...» Связана с реакцией Майкова на поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг. Оставаясь убежденным монархистом, Майков в ряде неопубликованных стих. и прозаических заметок разного времени проявляет резко отрицательное отношение к русской аристократии, обвиняя ее в забвении интересов народа и равнодушии к его судьбе.

8. «[Щербина] слег опять.— Неужто? — Еле дышит...» Николай Федорович *Щербина* (1821—1869) — русский поэт, ему принадлежит несколько язвительных эпиграмм на верноподданнические и консервативные стих. Майкова периода Крымской войны.

9. «От всех хвала тебе награда...» По-видимому, обращено к Я. П. Полонскому и связано с выходом в 1855—1859 гг. сборников его стих., завоевавших, как и некоторые его прозаические опыты и поэма «Кузнечик-музыкант», появившаяся в печати благодаря хлопотам и настояниям Майкова, успех у читателей и критиков различных направлений (Н. А. Некрасова, А. В. Дружинина, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.). Владимир Рафаилович *Зотов* (1821—1896) — беллетрист, журналист консервативного направления. В архиве Майкова сохранились две злые эпиграммы на Зотова («Влад. Зотов» и «Рецензент»), смысл которых сводится к тому, что Зотов с ожесточенным недоброжелательством встречает появление всякого нового таланта.

10. «С трудом читая по складам...» Эпиграмма намекает на реакцию официальных кругов в связи с публикацией в 1864 г. стих. Майкова «Другу Илье Ильичу» (см. примеч., с. 500).

11. Валуев. В черновой тетради запись эпиграммы сопровождалась карикатурой Майкова на Валуева. Петр Александрович *Валуев* (1815—1890) — министр внутренних дел (1861—1868), в его ведении находилось Главное управление по делам печати. В период создания эпиграммы отношения Валуева и Майкова были сложными. Помимо личных причин (недовольство Валуева публикацией стих. «Другу Илье Ильичу»), неприязнь и противодействие Майкова вызывали меры, предпринимаемые министром по «обузданию» катковских «Московских ведомостей» (см. примеч. к циклу «М. Н. Каткову», т. 1, с. 557). Возмущение поэта вызывали и санкционированные Валуевым цензурные преследования славянофильских изданий И. С. Аксакова, особенно газеты «День». В той же тетради, где записана данная эпиграмма, находится черновой автограф стих. под загл. «Проект предостережения Аксакову от Валуева» (другой автограф — под загл. «Пародия на Валуевские предостережения»), где высмеиваются основы деятельности министра.

12. «Академия кутит...» Эпиграмма была сообщена Майковым А. В. Никитенко 29 декабря 1867 г. на обеде после годового Акта в Академии наук.

13. «У Музы тяжкая рука...» *Вот Пушкин дураком лишь назвал дурака* и т. д.— Майков мог иметь в виду прежде всего эпиграмму А. С. Пушкина «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...», а также эпиграммы «Любопытный», «Как сатирой безымянной...». Александр Иванович *Красовский* (1776—1857) — председатель Комитета иностранной цензуры в первые годы службы Майкова (начиная с 1852) исполняющим обязанности младшего цензора и младшим цензором Комитета. О годах службы под началом реакционера и самодура Красовского, которого П. А. Вяземский в басне «Цензор» назвал «паркою ума, и мыслей, и свободы», Майков писал в стих., сохранившемся в его архиве:

Но тут встает как демон злой
Муж с конской мордою, с улыбкою бесовской
И вислоухий, как осел:
Сам Александр Иванович Красовский —
«Читай, читай! трудись! пошел! пошел!..»
И мысль моя опять под игом чуждых бредней!

О своей подавленности «тем гнетом, который на нас лежал, и господством кривды и всех мерзких правительственных систем, которые до того возбудили ненависть к существующему порядку вещей, что мы сделались неспособны к преследованию чистых целей искусства», Майков писал в середине 1850-х годов, осуждая многое, созданное им в 1840-е годы (Ежегодник, 1975, с. 83—84). Михаил Романович *Шидловский* (1826—1880) — начальник Главного управления по делам печати в 1870—1871 гг., откровенный реакционер. В бытность свою тульским губернатором послужил прототипом щедринского градоначальника с «органчиком» в голове («История одного города»).

14. «Вы «свобода» нам кричите...» Первая строка эпиграммы первоначально читалась: «[Всем] «свобода» [вы] кричите».

15. «Ты копируешь, что видишь, художник, случайные образы жизни...» Печатается впервые по автографу.

17. De mortuis... Название эпиграммы — начальные слова латинской пословицы «De mortuis aut bene aut nihil» — «О мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить».

18. «По службе вознося быстро...» Адресат эпиграммы — *Тертий* Иванович Филиппов (1825—1899), писатель и публицист славянофильской ориентации, знаток и собиратель старинных русских песен. В 1850-х годах — член «молодой

редакции» «Москвитянина». *Ты стал товарищем министра.*— В 1878 г. Т. И. Филиппов был назначен товарищем государственного контролера, в 1889 г.— государственным контролером (государственный контроль — учреждение царской России, соответствующее министерству; осуществляло наблюдение за правильностью и законностью поступления государственных доходов и производства расходов).

19. «Пишешь сатиры? — Прекрасно. Бичуешь порок? — Превосходно...» Эпиграмма, по-видимому, адресована М. Е. Салтыкову-Щедрину, в рецензиях и художественных произведениях резко, а подчас и зло критиковавшему политическую и эстетическую позицию Майкова. Возможно, однако, и введение эпиграммы в более широкий контекст отношения Майкова к сатире вообще.

20. После выставки художников. Печатается впервые по автографу.

21. К статуе Ниобеи. Печатается впервые по автографу.

22. «Спокойное, звездное небо...» Впервые—«Нива», 1877, № 11, 14 марта, с. 170. Печатается по первой публикации

23. «Почетным членом избирает...» В 1888 г. в связи с пятидесятилетним юбилеем творческой деятельности Майкова Петербургский, Казанский и Киевский университеты избрали его своим «почетным членом» («Русский вестник», 1888, № 6, с. 299).

25. «За погремушкою шута...» Иван Федорович *Горбунов* (1831—1895) — русский писатель и актер, мастер устного юмористического рассказа. С ним Майков познакомился еще в начале 1850-х годов, в период сближения Горбунова и самого Майкова с «молодой редакцией» «Москвитянина».

26. «Киев, весной радостной...» Дмитрий Васильевич *Аверкиев* (1836—1905) — драматург и критик консервативного направления.

27. «Вот Дамаскин Алексея Толстого — за автора больно!..» *«Свободное слово»* — название и рефрен стих К. С. Аксакова, прочитанного им на торжественном ужине в день столетнего юбилея Московского университета (1855). Впервые в подцензурной печати появилось в 1880 г. *Дамаскин* — поэма Алексея Константиновича *Толстого* (1817—1875) «Иоанн Дамаскин» (опубликована в 1859 г.).

28. «Нет своего в тебе закала...» Впервые — Ежегодник, 1974, с. 132 (публикация И. Г. Ямпольского). Печатается

по первой публикации. Автограф в письме Майкова к сыновьям Владимиру и Аполлону от 1 февраля 1888 г., где замечено, что стих. обращено «к нынешнему поэту вообще».

29. М.......му. 16 ноября 1893 г. в письме к сыну Владимиру Майков назвал адресата эпиграммы и процитировал ее текст. Отзываясь на услышанные 13 ноября (письмо к сыну от 14 ноября) в авторском чтении, происходившем в доме Майковых, главы из романа Мережковского «Юлиан Отступник», Майков заметил: «...прекрасный труд <...> Добросовестное изучение, воображение в пользовании богатым материалом, оригинальные картины. Очень рад, что из него выходит кое-что — нашел свою дорогу. Сбылось то, что я когда-то давно написал про него...» (далее следует текст эпиграммы). «Случилось так,— заключает Майков,— что пророчество сбылось». Поводом к созданию эпиграммы, по всей вероятности, явились выступления русского прозаика, поэта, теоретика символизма Д. С. Мережковского (1866—1941) в конце 1880-х годов в журналах «Вестник Европы», а затем «Северный вестник» со стихами: некоторые из них явились программными для поэзии раннего русского символизма.

30. Петру Великому. В 1872 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Петра I (1672—1725), в 1882 г.— двести лет со дня его титулования царем и сто лет со дня открытия памятника ему в Петербурге («Медный всадник»). Эпиграмма Майкова, связанная, по-видимому, со всеми этими событиями, еще раз подтверждает положительное отношение поэта к деятельности Петра I.

31. «Смерть есть тайна, жизнь — загадка...» Печатается впервые по автографу.

32. «Профессор Милюков, в своем трактате новом...» Печатается впервые по автографу. Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — русский историк, профессор; после 1905 г. лидер «конституционно-демократической партии» (кадетов). В своем труде «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892) отрицал положительное значение преобразований Петра I. *Давно известным Милюковым.*— Майков говорит об Александре Петровиче Милюкове, см. примеч. к стих. «А. П. Милюкову. По поводу моего пятидесятилетнего юбилея 1888 г., апр. 30», т. 1, с. 562.

33. Декаденты; «У декадента всё, что там ни говори...». Обе эпиграммы являются, по-видимому, откликом на первые выступления русских поэтов-символистов в начале 1890-х годов.

35. Анопову. Печатается впервые по автографу. Адресат эпиграммы, по всей вероятности, Иван Алексеевич *Анопов* (1845—1907), директор (1884—1905) ремесленного училища цесаревича Николая в Петербурге, деятель по промышленному и техническому образованию. Старший сын поэта — Николай Майков — был инспектором этого училища.

К художнику. Впервые — «Художественный журнал», 1886, № 1, с. 7. Печатается по первой публикации.

ПОЭМЫ

Две судьбы. Впервые — «„Две судьбы". Быль Аполлона Майкова», СПб., 1845, с цензурными купюрами. При жизни Майкова поэма не переиздавалась. С восстановлением цензурных купюр «Две судьбы» были напечатаны в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС. Там же приведен ряд доцензурных и черновых вариантов, имеющих существенное значение для уяснения политических взглядов Майкова в 1840-е годы. Цензурная и творческая история поэмы рассмотрена в Ежегоднике, 1974, с. 28—33. Современники подчеркивали злободневность поэмы, глубину понимания затронутых проблем, типичность образов. В рецензии на «Две судьбы» (февраль 1845 г.) В. Г. Белинский писал: «Талант г. Майкова, подавший такие прекрасные надежды, развивается и идет вперед: доказательство — его поэма, богатая поэзиею, прекрасная по мысли, многосторонняя по мотивам и краскам» (В. Г. Белинский, т. VIII, с. 635). «Майкова поэма» „Две судьбы",— записал в дневнике А. И. Герцен 17 марта 1845 г.— Много прекрасных мест, много раз он умел коснуться до тех струн, которые и в нашей душе вибрируют болезненно. Хорошо отразилась в нем тоска по деятельности, наша чуждость всем интересам Европы, наша апатия дома etc., etc.» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 тт., М., 1954—1961, т. 2, с. 411). «Ты, я думаю, не читал «Двух судеб» Майкова? — спрашивал Н. Г. Чернышевский А. Н. Пыпина в письме от 30 августа 1846 г.— Вообще в них одно замечательно: жаркая, пламенная любовь к отечеству и науке. Взгляд его на причины нашей неподвижности умственной мне <не> кажется важным, но в этой книге есть чудные места особенно о науке...» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15 тт., М., 1939—1953, т. 14, с. 47). Процитировав сочувственно ст. «Ужель, когда мессия наш восстал <...>

Печальное безличье обезьянства», Чернышевский далее излагает в этом письме свои мысли о патриотизме, исторической миссии России, свое понимание общественного долга. Майков, по-видимому, также сознавал, что в главном герое поэмы ему удалось запечатлеть один из характерных типов русской дворянской интеллигенции 40-х годов XIX в. (письмо к Ш. де Сен-Жюльену, относящееся к концу 1846 г.— «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, с. 331). «...Владимир — такой двойственный: в нем и русские чувства из «Москвитянина», они же и мои истинные, и Белинского западничество»,— утверждал Майков в письме к П. А. Висковатову. И далее говорил о главном герое поэмы, что он «вроде Печорина, только университетского и начитавшегося творений Белинского...» (не датировано, см.: М. Л. З л а т к о в с к и й. Аполлон Николаевич Майков, СПб., 1888, с. 40). По-другому, но также признавая типичность этого образа, писал в 1855 г. о Владимире Н. Г. Чернышевский (в связи с разбором поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». См. Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, т. 2, с. 510). Впоследствии Майков резко переоценил «Две судьбы»: «...все ложь, кроме двух-трех лирических мест, и пьеса верх скверности» (Ежегодник, 1975, с. 85). Объясняется это характерным для позднего Майкова утверждением решающей роли в его духовном развитии 1850-х годов знакомства с «молодой редакцией» «Москвитянина» и, соответственно, отрицательным отношением к влиянию, оказанному на него «западниками», и в первую очередь В. Г. Белинским, под воздействием идей которого Майков находился в середине 1840-х годов.

Г л а в а п е р в а я. *Липпи* (Фра Филиппо Липпи, ок. 1406—1469, или его сын Филиппино Липпи, ок. 1457—1504) и *Джиотто* (Джотто, 1266 или 1267—1337) — итальянские художники эпохи Возрождения. К. *Гольдони* (1707—1793) — итальянский драматург, создатель национальной комедии. А. *Тассони* (1565—1635) — итальянский поэт, борец за независимость родины. *Купол Петра* — собор св. Петра в Риме. *И в Рим дорогу*.— Имеется в виду, вероятно, Аппиева дорога.

Г л а в а в т о р а я. *Казанский* — Казанский собор в Петербурге. А. *Тьер* (1797—1877) — французский реакционный государственный деятель, историк. Ф. *Гизо* (1787—1874) — французский государственный деятель, боровшийся с рабочим движением, историк. *О'Коннель* Д. (1775—1847) — ирландский сепаратист, борец за эмансипацию католиков в Ирландии. *Ярославов двор* — площадь средневекового Новгорода, на которой собиралось вече.

Глава третья. *Светлый праздник* — Пасха. *С Байроном бы вместе // Желал я съездить ночью в Колизей!* — «Байрон в Колизее» — загл. вольного перевода И. И. Козлова из IV песни «Паломничества Чайльд Гарольда» (впервые напечатан в «Библиотеке для чтения», 1834, т. VII, с. 120—123). Загл. и ремарка («Лунная ночь. Лорд Байрон бродит один по развалинам Колизея; бьет полночь») сочинены Козловым по мотивам строфы 128 байроновской поэмы. *Торлони* — герцогская семья в Риме. *Исакий, жаль, к концу уже идет.* — Строительство Исаакиевского собора в Петербурге было завершено в 1858 г. В числе других художников его расписывал отец поэта Н. А. Майков.

Глава четвертая. *Да, жизни розы, // Как говорят поэты, знал и я.* — Подчеркнутые Майковым слова, по всей видимости, распространенная в поэзии начала XIX в. метафора. В частности, мы находим ее в вариантах пушкинской «Элегии» 1816 г. («Счастлив, кто в страсти сам себе...»): «Печально младость улетит, // И с ней увянут жизни розы». *Не понимать, не видеть, не слыхать // ...Не чувствовать — мне было бы отрадой.* — Эти строки, несомненно, навеяны четверостишием Микеланджело — ответом на стихи Строцци, которые явились откликом на изваяние Ночи на саркофаге Юлиана Медичи во Флоренции. Будучи в Италии, Майков видел, конечно, творение Микеланджело. Таким образом, задолго до появления в печати (1868) гениального перевода Ф. И. Тютчева («Молчи, прошу, не смей меня будить...») в русской поэзии прозвучало вольное переложение знаменитых строк.

Глава пятая. *Бог песнопений* — Аполлон. *На бытие двух душ родных свои // Не полагал надежды.* — Выделенное Майковым слово — намек на роман И.-В. Гете «Избирательное сродство». *Началу всех начал* — т. е. богу. *Дай бог плодиться вам и долго жить* и т. д. — Восходит к Библии (Бытие, I, 28). *Подвиг благородный* — цитата из стих. А. С. Пушкина «Поэту (Сонет)». *Разбойник, дуэлист* — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 4, явл. 4).

Глава седьмая. *Оставимте Италию святую.* — См. примеч. к стих. Campagna di Roma, т. 1, с. 514. *«Северная пчела»* (1825—1864) — русская политическая и литературная газета реакционного направления. *«Лучия»* («Лючия») — опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797—1848); *«Норма»* — опера италь-

янского композитора В. Беллини (1801—1835). Обе были очень популярны в России 1840-х — 1850-х годов.

Машенька. Впервые — в кн.: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым, СПб., 1846, с. 391, с цензурными купюрами. При жизни Майкова поэма не переиздавалась. Впервые полностью текст исключенных цензурой ст. опубликован в Ежегоднике, 1976, с. 33—39. С восстановлением всех цензурных купюр поэма напечатана в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС.

В. Г. Белинский, называя поэму «прекрасною», писал в рецензии на «Петербургский сборник», сыгравший важную роль в распространении и утверждении программы «натуральной школы» в русской литературе: «Сюжет даже не нов. Но в художественном произведении дело не в сюжете, а в характерах, в красках и тенях рассказа. С этой стороны поэма г. Майкова отличается красотами необыкновенными <...> Лучшая сторона новой поэмы г. Майкова — то, что на вульгарном языке называется соединением патетического элемента с комическим, которое в сущности есть не иное что, как умение представлять жизнь в ее истине. Этой истины много в поэме» (В. Г. Белинский, т. IX, с. 572; см. также т. X, с. 37). А. Григорьев считал, что «во всех прекрасных, но холодных изваяниях певца „Машеньки"» недостает иронии, которой, по его мнению, «в высокой степени» владеет А. Фет («Репертуар и Пантеон», 1846, № 12, с. 407). Сам Майков через десять лет после публикации поэмы расценил ее как неудавшуюся: «...мотивы взяты из жизни, но неопределенна, не сознана общая мысль поэмы; в герое — несколько общих черт, рассуждения о любви, отношения к свету,— все заученное, ходившее тогда в литературе с легкой руки Ж. Занда» (Ежегодник, 1975, с. 85). *Языковских студентов.*— Речь идет о поэте Н. М. Языкове (1803—1846) и изданных им в молодые годы циклах студенческих песен. *И называлась прозою презренной.*— Подчеркнутые Майковым слова — намек на ироническую фразу А. С. Пушкина: «Презренной прозой говоря» («Граф Нулин»). *Ламартин* Альфонс (1790—1869) — французский поэт-романтик, историк, государственный деятель. *Морская* — название одной из аристократических улиц Петербурга (ныне: Большая Морская — ул. Герцена; Малая Морская — ул. Гоголя). *Грез* Ж.-Б. (1725—1805) — французский художник-портретист, стремившийся к идеализации натуры. *«Милей мне жрица наслаждений // Со всею тайной упоений...»* — эти строки принадлежат самому Майкову; в

несколько ином виде они входили в его ранее неопубликованное стих. «Рассеян будешь в наслажденьи...» *«Постыли мне // Все девы мира!»* — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». *«Ты рождена воспламенять...»* — первая строка стих. А. С. Пушкина «Гречанке». *Да вот стихи: скажи, какое чувство* и т. д.— эти ст., изъятые цензурой, также принадлежат самому Майкову (они входили во вторую часть названного выше стих. «Рассеян будешь в наслажденьи...»). *Тальони* Мария (1804—1884) — французская балерина, выступала в Петербурге (1837—1842). *Кузины? — Вас увидеть будут ради.*— Выделенное в тексте курсивом слово «ради» — намек на вопрос Чацкого к Софье при их первом свидании: «Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите» (д. 1, явл. 7). *«Оставь надежду»* — цитата из «Божественной комедии» Данте (Ад, III).

Сны. Впервые — «Русское слово», 1859, № 1, с. 1 с цензурными купюрами (выпущено 122 ст. в «песни третьей», от слов: «В народе, вижу я, схватили старика» и до слов: «Как будто гнали нас незримые враги»). Впервые текст исключенных цензурой ст. опубликован в Ежегоднике, 1974, с. 46—49. С восстановлением цензурных изъятий текст поэмы опубликован в изд.: А. Н. Майков. Избранные произведения. БП, БС. Там же приведены некоторые варианты, важные для уяснения сложной и противоречивой политической позиции Майкова в середине 1850-х годов, в том числе фрагмент чернового наброска посвящения к поэме, позволяющий предполагать, что первоначально оно было адресовано друзьям поэта из кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, и в первую очередь, по-видимому, Ф. М. Достоевскому.

Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что Майков в течение долгого времени (1855—1859) работал над поэмой, неоднократно возвращаясь к наиболее важным ее эпизодам. В октябре — ноябре 1855 г. автор читал поэму (в первоначальной редакции) близким друзьям и знакомым. «Вы помните это прекрасное стихотворение,— писал И. А. Гончаров Е. В. Толстой 20 октября 1855 г.,— но тогда была одна половина, он прибавил другую, где сильно говорит о злоупотреблениях, ворах и невежестве в нашей родной стране и о том, как внешний вид порядка и строгости прикрывает все это. Сказанное в дантовском тоне,— это выходит величаво, мрачно и правдиво» («Голос минувшего», 1913, № 11, с. 228). А. В. Никитенко записал в дневнике 24 ноября 1855 г.: «На днях <А. Н. Майков> читал у меня свое новое

стихотворение «Сны». Оно написано уже в другом духе, чем последние его пьесы. Я советую Майкову не вдаваться ни в какие суетные учения или партии, а быть просто художником, к чему у него истинное призвание» (Дневник, т. 1, с. 425). Говоря о последних пьесах Майкова, А. В. Никитенко в первую очередь имел, по всей вероятности, в виду его стих., посвященные Николаю I, вызвавшие негодование демократической общественности (см. примеч. к стих. <«Коляска»>, с. 497). В поэме «Сны», особенно в запрещенных цензурой строках, отразились совсем иные настроения автора, близкие передовой части русского общества. Позиция Майкова, впрочем, была весьма неустойчива. В декабре 1855 г. он писал, что «грех» сборника «1854-й год» искупается «не менее страстно, и, следовательно, опять далеко от истинной поэзии,— «Сном» — подражание Данту...» (Ежегодник, 1975, с. 86). А 15 апреля 1857 г. в письме к П. А. Плетневу вновь говорил о важном для него значении «Снов»: «...нынешняя осень и зима были для меня самые счастливые в моей жизни авторской <...> я написал очень много, и чувствую сам, попал наконец на хорошую дорогу. И стих и приемы — все стало иное. Этому много виною, что в общих положениях (в моей философии) попал я на хороший Standpunkt <точку зрения, нем.— *Ред.*>, забрался на такую высоту, откуда понял значение событий и явлений, каким был свидетель в жизни, и решил инстинктивно, для себя, разумеется, многие из вопросов литературных, которые составляют предметы споров нашего пишущего мира. Следствием этого был величайший, благословеннейший мир в душе моей, полная свобода от чужих принятых и отвергаемых воззрений и новое, спокойное течение мыслей и стихов. Успокоенная насчет вопросов века, муза моя разродилась <...> целой поэмой в 4-е песни. Поэма эта развилась из тех двух видений, которые я читал Вам прошлого года. Эти видения вошли в нее. Теперь вся она, кажется, кончена... (Ежегодник, 1975, с. 92—93).

Все старания Майкова опубликовать поэму полностью не увенчались успехом. После публикации «Снов» в «Русском слове» в искаженном цензурой виде Гончаров писал автору, интересовавшемуся отзывами о поэме: «Я, собственно, я — не шутя слышу в ней Данта, то есть форма, образ, речь, склад <...> Но говорят о нем — скажу откровенно — мало <...> Причина этому, конечно, Вам понятна: поэма не вся напечатана, из нее вырезано сердце, разрушена ее симметричность, словом, она искажена и со стороны

архитектуры, и со стороны мысли <...> По-моему, ничто так сильно не доказывает Вашего искреннего и горячего служения искусству, как эта поэма: Вы создавали, не заботясь о цензуре, о печати, Вы были истинный поэт в ней и по исполнению, столько же и по намерению» (И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8 тт., М., 1977—1980, т. 8, с. 267—268). Находясь в Ницце, Майков читал свою поэму в доцензурном варианте П. А. Вяземскому, который сообщал 6 (18) декабря 1858 г. М. П. Погодину: «Здесь русская эскадра, при ней русская литература: Майков и Григорович <...> Майков написал прекрасную поэму «Сны», где много поэзии и действительности» (ГБЛ). По-видимому, там же автор читал «Сны» в семье декабриста С. Г. Волконского, в архиве которого сохранилось несколько списков этой поэмы.

Посвящение. *О сын мой, милый сын, как резвый и живой* и т. д.— «Посвящение» и вся поэма автобиографичны. Здесь, вероятно, имеется в виду сын поэта, Николай, родившийся 24 января 1853 г.

Песнь первая. *Искусства труженик, без жажды славы лживой* — отец поэта, художник Николай Аполлонович Майков (1796—1873). Речь идет о детских годах Майкова, проведенных под Москвой в поместье отца, сельце Никольском, недалеко от Троице-Сергиевской лавры. *Из братьев я хоть был всех старее годами.*— Братья Майковы: Аполлон (1821—1897), Валериан (1823—1847), Владимир (1826—1885), журналист и переводчик, Леонид (1839—1900), историк литературы, академик. *Красным // Он машет колпаком...*— Красный колпак — фригийский.

Песнь третья. *Явился царь* и т. д.— Речь идет о Николае I. Убежденный монархист, Майков тем не менее не мог не ощущать, в каком тяжелейшем положении находилась Россия во времена николаевской реакции. Однако он склонен был объяснять все злоупотребления лишь влиянием на царя окружающих его лживых, ничтожных и презирающих народ и родину сановников (см. эпиграмму «С народом говори, не сдержанный боязнью...» и стих. «Окончена война. Подписан подлый мир...»). *От храма хлынула народная волна.*— См. примеч. к стих. «Вне ограды Campo Santo...», т. 1, с. 526. *«Наука — это бунт!» — твердили в слух царя... и т. д.*— В 1849 г. появились настойчивые слухи, вызванные постоянным ужесточением правительственной реакции, о закрытии университетов и превращении их в узкоспециальные учебные за-

ведения. В начале Крымской войны 1853—1856 гг. начальством было инспирировано «желание» студентов обучаться военному строю, чтобы в случае необходимости вступить в ополчение.

П е с н ь ч е т в е р т а я. В черновых набросках этой «песни» имеются строки, связанные с коронацией Александра II (26 августа 1856, Москва),— они позволяют прояснить позицию Майкова, уповавшего на решительные преобразования, которых он ожидал от нового императора.

Л. Гейро

СЛОВАРЬ[1]

Абруцци — область в Италии.

Аввадон (библ.) — ангел смерти, другое его имя Апполион.

Август (63 до н. э.—14 н. э.) — римский император.

Авентин — один из семи холмов, на которых расположен Рим.

Авзония — поэтическое наименование Италии у римских поэтов.

Авлида — город в Древней Греции, на берегу Эвбейского залива.

Аврора (римск. миф.) — см. Эос.

Австерия (остерия) — трактир, харчевня.

Ага — почетный титул сановника, военачальника, землевладельца в Турции.

Агамемнон (греч. миф.) — царь Аргоса, атрид, предводитель греков в Троянской войне.

Агаряне (библ.) — потомки патриарха Авраама и его наложницы Агари, заселившие Аравийскую пустыню.

Аграф — пряжка, застежка.

Адонис — финикийское божество природы, олицетворение умирающей и воскресающей растительности.

Адриан II (76—138) — римский император и полководец, отказался от широкой завоевательной политики предшественников, принимал меры для развития земледельческого хозяйства, возводил новые постройки, поощрял философию, поэзию, искусства; его бюст находится в Ватиканском музее в Риме.

Азгард (асгард, сканд. миф.) — жилище богов.

Азраил — ангел смерти в мусульманской мифологии.

Азы (асы, сканд. миф.) — боги.

Аид — см. Тартар.

Аканф — кустарник, растущий на юге Европы; пластическое изображение листьев аканфа образует коринфскую капитель.

---

[1] Имена и названия в пояснениях, выделенные разрядкой, комментируются в соответствующих местах Словаря, определяемых алфавитом.

А к в и л о н — северный ветер.

А к с а м и т — дорогая ткань.

А л а н ы — ираноязычные полукочевые племена, населявшие Приазовье и Предкавказье с I в. н. э.

А л е к с а н д р М а к е д о н с к и й (356—323 до н. э.) — царь Македонии, один из великих полководцев и государственных деятелей древнего мира.

А л и (Вали, сканд. миф.) — сын О д и н а и Р и н д ы.

А л к и в и а д (ок. 451—404 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель.

А л к и д (греч. миф.) — см. Г е р к у л е с.

А л ь б а н о — город вблизи Рима; его жительницы славились красотой и живописной одеждой.

А л ь б и о н — древнее название Англии.

А л ь г а м б р а — крепость мавританских государей в Гренаде.

А м а л ь ф и — городок в Италии на берегу Салернского залива.

А м а р а н т (бархатник) — растение с красивыми бархатистыми цветами.

А м б р а — вещество, образующееся в пищевом тракте кашалота, употребляется при изготовлении духов.

А м б р о з и я (греч. миф.) — пища богов, поддерживающая вечную юность и бессмертие.

А м в о н — возвышение перед средней частью иконостаса в православной церкви.

А м ф и т р и о н (греч. миф.) — царь Тиринфа. Его имя стало нарицательным, обозначающим гостеприимного хозяина, лишь в XIX в. благодаря трактовке этого образа Мольером в комедии «Амфитрион».

А н а к р е о н (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевавший чувственную любовь, наслаждение жизнью.

А н а ф е м а — отлучение от церкви, проклятие.

А н а х о р е т — отшельник, пустынник.

А н д р о к л (римск. миф.) — беглый раб, встретил в пустыне хромающего льва, вынул из его лапы занозу, и лев стал верен ему, как собака. Пойманный Андрокл должен был на арене цирка сразиться со львом, но, к удивлению публики, лев стал к нему ласкаться. Андроклу была подарена свобода.

А н н а л ы — древние исторические летописи римлян.

А н т и к и — произведения древнегреческого и древнеримского искусства.

А н т и н о й (ум. 130 н. э.) — прекрасный юноша, любимец и постоянный спутник А д р и а н а, покончил жизнь самоубийством, бросившись в Нил. Адриан учредил культ Антиноя, воздвиг ему множество статуй и алтарей.

А н т и о х и я — древний город на Ближнем Востоке, один из очагов раннего христианства.

А н т о л о г и я — сборник произведений нескольких авторов. До середины XIX в. в России антологиями назывались сборники главным образом античной поэзии. Антологическими назывались стихотворные переводы с греческого и латинского, а

также стихотворения, написанные на темы и по образцу античных.

Аониды (греч. миф.) — одно из названий муз.

Аония — страна в Средней Греции (часть Беотии), где находилась гора Геликон, на которой обитали музы.

Апокалипсис, или Откровение Иоанна — одна из книг Нового завета, излагающая будущие судьбы мира и человечества.

Аполог — известный в древности род нравоучительной литературы, представляющий сцены из жизни животных.

Аполлон (Феб, греч. миф) — сын Зевса и богини Латоны, бог солнца и света, противник сил зла, защитник мореходов, покровитель искусства, предводитель муз («Мусагет»). Один из подвигов Аполлона — уничтожение чудовищного змея Пифона (Питона). На месте битвы Аполлон основал город Дельфы, ставший центром его культа. В Дельфийском храме стояла статуя Аполлона, здесь же, в храме, предсказывала жрица-прорицательница (Дельфийский оракул). Наиболее известные скульптурные изображения бога — Аполлон Бельведерский и Аполлон Мусагет — находятся в Ватиканском музее.

Апофеоз — торжественное завершение события.

Апполион (греч.) — см. Аввадон.

Арамейские племена — кочевые семитские племена, первоначально жившие на Аравийском полуострове, затем переселившиеся в Переднюю Азию.

Аргос — город, один из крупных политических и культурных центров Древней Греции.

Арденны — лесистая местность, западная оконечность Рейнских гор.

Ареопаг — высший орган политической и судебной власти в Древней Греции.

Ариадна (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса. Помогла герою Тезею выйти из Лабиринта, вручив ему клубок нитей. Тезей увез ее с Крита, затем покинул. После этого она стала супругой и жрицей Диониса.

Ариман — греческое имя древнеперсидского бога Анхра-Майнью, олицетворявшего злое начало, вечного врага своего брата Ормузда (Ахурамазду).

Аристид Милетский (II или I в. до н. э.) — древнегреческий писатель, создатель произведений эротической прозы («Милетские рассказы»).

Аркадия — область Греции. В античной литературе и в пасторалях XVI — XVIII веков изображалась страной, где царили патриархальные нравы: гостеприимство, бескорыстие, благочестие, невинность.

Артемида (Диана, греч., римск. миф.) — богиня-покровительница охоты, изображалась юной охотницей с колчаном за спиной; целомудренная богиня, девственница.

Архангел — высший ангельский чин. По Евангелию, при «конце света» архангел вострубит, сзывая людей на «страшный суд».

Архимагир — главный повар.

Архискептик — глава школы скептиков.

Архонт — высокое должностное лицо в древнегреческих городах-государствах.

Аскет — последователь учения, требующего в религиозно-этических и социальных целях отказа от полноты переживания жизни.

Аспазия (р. ок. 470 до н. э.) — одна из выдающихся женщин Древней Греции, жена Перикла; в ее доме бывали знаменитые современники: Платон, Сократ, Фидий и др.

Аспид — ядовитая змея.

Аспид-камень — яшма.

Ассирияне (ассирийцы) — жители существовавшего до VII в. до н. э. древнего государства на территории современного Ирака.

Ассур — верховный бог ассирийцев, основатель царской династии.

Астарта — древняя богиня Вавилонии и Ассирии, покровительница природы и любви; ее культ имел эротический характер.

Атлант (греч. миф.) — титан, державший на своих плечах небесный свод.

Атли (сканд. миф.) — герой сказаний. Он призвал к себе в гости Гуннара и его брата Хегли, которые участвовали в убийстве Сигурда, и жестоко с ними расправился.

Атриды (греч. миф.) — Агамемнон и Менелай, сыновья царя Микен Атрея. Они стояли во главе похода греков на Трою.

Аттила (ум. 453) — вождь гуннов, совершавший опустошительные походы на Рим.

Афина (греч. миф.) — богиня неба, плодородия, охранительница мирного труда, покровительница г. Афины.

Афон — гора в Греции, на Халкидикском полуострове Эгейского моря. Здесь расположен монастырь, чтимый православной церковью.

Афр (точнее: афар) — народность, живущая вблизи Йемена: на северо-востоке Абиссинии и на севере Сомали.

Афродита (греч. миф.) — богиня любви, красоты и плодородия. Рожденная из морской пены, она вышла на сушу на острова Кипр и Киферон (отсюда ее прозвания Киприда, Киферея, или Цитерея). Богине посвящены голубь, заяц, дельфин, из растений — мирт, роза, мак. Женский праздник в честь Афродиты приходился на март. Жрицы при храме богини несли ей служение, отдаваясь за деньги для храма. Одно из наиболее известных в древности изображений Афродиты — Книдская статуя работы Праксителя (IV в. до н. э.). Ее копия — Венера Медицейская.

Ахейцы — одно из основных древнегреческих племен, обитавшее в Фессалии. У Гомера ахейцы — греки вообще.

Ахерон — река в подземном царстве.

Ахилл (греч. миф.) — храбрейший из греческих воинов, осаждавших Трою. Погиб от стрелы Париса.

Аще — если.

Аяксы, или Эанты (греч. миф.) — два греческих героя, участники Троянской войны, неразлучные друзья. После захвата Трои греками один из них, Малый Эант, учинил бесчинство в храме Афины.

Бабель — см. Вавилон.

Бальдур (Бальдр, сканд. миф.) — светлый бог, сын Одина и Фригг, брат Тора. Его мучили зловещие предчувствия, и тогда Фригг взяла клятву со всех вещей, что они не будут вредить Бальдуру. Она не взяла клятву лишь с омелы. Узнав об этом, Локи срезал побег омелы и подговорил слепого бога Хёда бросить его в Бальдура. Бальдур был убит. По просьбе Фригг бог Хермод поехал к Хель, чтобы попытаться вернуть Бальдура из ее царства. Хель согласилась при условии, чтобы все живое и мертвое оплакивало убитого. Все оплакивало Бальдура. Не плакал только Локи.

Бан — губернатор сербской провинции, наместник короля.

Банделетки — повязки, ленточки.

Бармы — часть парадной одежды русских царей (оплечье).

Баскак — чиновник монгольского хана, ведавший учетом населения и сбором дани в завоеванных землях.

Батавы — германское племя, жившее в долине Рейна.

Бахус — см. Дионис.

Бей — титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока.

Белица — женщина, живущая в монастыре без пострижения.

Белоус — болотное растение.

Бердыш — топор с лезвием в виде полумесяца, насаженный на длинное древко.

Бетель — пальма, растущая в тропиках Азии.

Биарица — курорт во Франции.

Благоутробный — милосердный.

Блазниться — соблазняться.

Блазно — соблазнительно.

Бландузий — ручей в имении Горация.

Бобрян — бобровый.

Болван — статуя, изваяние.

Борзый — быстрый.

Боян — полулегендарный древнерусский певец.

Боярская дума — высший совет при русских великих князьях и царях; ликвидирована в 1711 г.

Брагги (сканд. миф.)—бог поэзии. По-видимому, обожествленный норвежский скальд IX в. Браги Водасон по прозвищу Старый.

Брандер — судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами, предназначалось для сожжения вражеских кораблей, к которым пускалось по ветру или по течению.

Брашны (брашна) — еда, пища, яства.

Бригадир — в России XVIII века офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

Брингильда (Брюнхильд, сканд. миф.) — валкирия, сестра Атли.

Бритт — житель Британии.

Брут — легендарный первый римский консул.

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — вождь заговора против Цезаря.

Бурак — посуда из бересты с крышкой и деревянным дном.

Бургос — город в Северной Испании, в прошлом столица Кастилии.

Буюк-дере — место летнего отдыха привилегированных слоев населения Турции и дипломатов на европейском берегу Босфора.

Ваал — древний бог плодородия Вавилонии и Ассирии, его культ имел эротический характер. В новой европейской литературе — символ греховности и порока.

Вавилон — город, центр древнего государства на территории современного Ирака. В Библии — символ разврата, языческих мерзостей и соблазнов. В нем строилась великим множеством людей башня, которая должна была достичь неба. Разгневанный бог смешал языки строителей, они перестали понимать друг друга, и башня («вавилонский столп») не была достроена.

Вакх — см. Дионис.

Вакханалии — народные празднества в Древней Греции в честь Вакха.

Вакханки (греч. миф.) — спутницы Диониса, сопровождавшие его во время шествий, носивших экстатический характер.

Валгалла (Вальхалла, сканд. миф.) — жилище богов.

Валка (Вала, Вал, сканд. миф.) — дочь морского великана Эгира, прорицательница.

Валкирии (сканд. миф.) — воинственные девы, дарующие победу по воле Одина, провожающие храбрейших из павших бойцов в Валгаллу.

Вандалы — группа восточногерманских племен, совершали опустошительные набеги на Галлию, Карфаген, в 455 г. разграбили Рим, уничтожили множество памятников античной культуры. В переносном значении — разрушители культурных и материальных ценностей.

Варвара — христианская святая, народно-поэтические легенды приписывали ей способность отвращать внезапную и насильственную смерть, спасать от бури и огня.

Вахмистр — чин и должность младшего командного состава кавалерии и конной артиллерии русской дореволюционной армии.

Вежа — шатер, палатка, кибитка.

Вежды — веки.

Векша — белка.

Венера Медицейская — см. Афродита.

Вербная неделя — неделя перед Пасхой.

Верви — веревки, канаты.

Вергилий (70—19 до н. э.) — римский поэт.

Вержется — падает вниз.

Вертоград — сад, виноградник.

Вертумн (греч. миф.) — бог садов, супруг Помоны.

Веспер (Геспер) — планета Венера, которая видна незадолго до восхода Солнца (утренняя звезда) и недолгое время после его захода (вечерняя звезда).

Веста (римск. миф.) — богиня огня и домашнего очага.

Весталки — жрицы богини Весты, были обязаны блюсти целомудрие.

Весь — селение, деревня.

Ветурин — извозчик.

Византия — империя, возникшая в IV в. при распаде Римской империи в ее восточной части и существовавшая до середины XV в.

Визирь — титул высших сановников в мусульманских странах.

Виллисы — см. вилы.

Вилы (виллисы) — в южнославянской мифологии женские духи, очаровательные девушки с золотыми распущенными волосами и крыльями. Их постоянный эпитет — белые; одеты в светлые платья; называются также облачными девами.

Виргиния — героиня древнеримской легенды. Она понравилась судье Аппию Клавдию, и тот подговорил своего клиента Марка Клавдия объявить, что Виргиния его раба, и потребовать ее судом через своего покровителя. Судья решил дело в пользу своего клиента. Тогда отец Виргинии, желая избежать позора дочери, зарезал ее в суде.

Виссон — ткань, использовалась для царских и жреческих одежд.

Вифлеем (еванг.) — место рождения Христа.

Владыка — титул высших чинов православной церкви.

Власяница (вретище) — одежда из грубой ткани, которую надевали в знак печали или во исполнение религиозно-аскетических предписаний.

Внидет — войдет.

Волохи — древнерусское наименование романских народов.

Вотще — напрасно.

Вретище — см. власяница.

Всадники — в Древнем Риме привилегированная группа воинов, служившая в коннице. Позже — особое сословие, обладавшее крупными материальными ценностями.

Вселенский собор — съезд высшего духовенства христианской церкви.

Вышеград — крепость над рекой Влтавой в Праге, древняя резиденция чешских князей.

Выя — шея.

Вящий — больший, наибольший.

Гайдуки — у южнославянских народов партизаны, борцы с турками.

Галл — француз.

Галлицизм — выражение русского языка, составленное по образцу французского.

Гальциона (греч. миф.) — доч. Эола. Узнав, что ее муж Кеис утонул, бросилась в море и была превращена Нептуном в зимородка.

Ганза — торговый и политический союз (XIV — XVI вв.) северонемецких городов во главе с Любеком, опиравшийся на военные силы немецких рыцарских орденов, прежде всего Тевтонского.

Гаральд — имя многих шведских и норвежских королей, среди них Гаральд Гарфагор (863—936), король Норвегии. Это имя носят герои скандинавского эпоса.

Гарц — лесистый горный массив в Германии.

Гатчина — пригород Петербурга, в котором находилась летняя резиденция Павла I. В 1803 г. здесь был открыт сиротский дом, преобразованный в 1837 г. в Сиротский институт.

Гвебры — персы, последователи учения Заратустры, почитающие Солнце, Луну, огонь.

Геба (греч. миф.) — богиня юности, дочь Зевса и Геры, супруга Геркулеса. Подносила богам нектар и амброзию.

Гезиод (VIII — VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор поэмы «Труды и дни».

Геликон — гора в Аонии, на которой обитали музы; на ее склоне был храм Аполлона.

Гелиос (греч. миф.) — бог солнца, вечером опускается в океан, где обитает богиня Фетида.

Гелла (Хель, сканд. миф.) — богиня преисподней.

Гемонийские рощи — на склоне Капитолия.

Гений (римск. миф.) — добрый дух, охраняющий человека, покровитель семьи, общины, народа.

Генисаретское озеро — Тивериадское озеро в Западной Азии.

Гера (греч. миф.) — богиня брака и любви, супруга Зевса, повелительница сил природы.

Герда (Герд, сканд. миф.) — возлюбленная Фрейра.

Геркулес — латинское имя греческого народного героя Геракла (Алкида), бесстрашного богоборца, сына Зевса. Он совершил двенадцать подвигов, среди них — убийство Немейского льва.

Германик (15 до н. э.—19 н. э.) — римский полководец, совершавший походы за Рейн, против германских племен.

Гермес (греч. миф.) — бог-покровитель торговли, скотоводства, вестник богов.

Гермод (Хермод, сканд. миф.) — бог, сын Одина.

Геспер — см. Веспер.

Гесперия (греч. миф.) — сказочная страна на крайнем Западе «земного круга», где на яблонях, охраняемых нимфами, растут золотые яблоки.

Гетера — в Древней Греции образованная незамужняя женщина, ведущая независимый образ жизни.

Гефест (греч. миф.) — бог огня, покровитель кузнечного ремесла.

Гиерофант (иерофант) — старший пожизненный жрец.

Гименей (греч., римск. миф.) — бог брака, сын Аполлона и одной из муз.

Гиперборейцы (греч. миф.) — народ, обитавший на крайнем Севере.

Годр (Хёд, сканд. миф.) — слепой бог, убивший по неведению Бальдура.

Голгофский крест (еванг.) — крест, воздвигнутый на горе Голгофа, близ Иерусалима, на котором был распят Христос.

Гораций К. (65—8 до н. э.) — римский поэт, лирик и сатирик.

Гордиев узел (греч. миф.) — сложнейший узел, которым царь Фригий Гордий завязал ярмо своей повозки, чтобы ею никто не завладел. Александр Македонский, по преданию, разрубил этот узел ударом меча.

Горний — небесный, находящийся в вышине.

Гранд — в средневековой Испании человек, принадлежащий к высшим кругам общества, духовного или светского.

Грации (римск. миф.) — богини красоты и радости, олицетворение женской прелести.

Гридня — пиршественная зала.

Гудрун (сканд. миф.) — жена Сигурда, позже жена Атли, дочь конунга Гьюка.

Гуннар (сканд. миф.) — брат Гудрун, побратим Сигурда.

Дажьбог — верховное божество древних славян. В «Слове о полку Игореве» Дажьбожьими сынами называют русичей.

Даниил (библ.) — последний из четырех пророков еврейского народа, по приказу царя был брошен в ров со львами, чудом спасся оттуда.

Дафна (греч. миф.) — нимфа. Преследуемая влюбленным Аполлоном, умоляла богов о спасении и была превращена в лавр.

Двуутробка — сумчатая крыса.

Декрет — в Древнем Риме решение, указ сената.

Делос — остров у берегов Греции, где, согласно мифу, родились близнецы Аполлон и Артемида, главный центр культа Аполлона.

Демагог — в Древней Греции политический деятель демократической ориентации.

Деметра (греч. миф.) — богиня плодородия и земледелия, в римской мифологии отождествляется с Церерой.

Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель; по преданию, неустанно упражняя свой голос, произносил речи на пустынном берегу моря, под шум волн.

Денарий (динарий) — золотая монета в странах мусульманского Востока (с VII в.).

Денница — утренняя звезда.

Диоген (ок. 404 — ок. 323 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы циников. Проповедовал аскетическую добродетель, полное пренебрежение к цивилизации.

Д и о н и с (Вакх, греч. миф.) — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия, сын З е в с а, воспитанный н и м ф а м и. Он является в барсовой шкуре, с т и р с о м в руке, в сопровождении шумной толпы в а к х а н о к.

Д н е с ь — ныне.

Д о ж — глава Венецианской (в VII—XVIII вв.) и Генуэзской (в XIV — XVIII вв.) республик.

Д о л м а н (доломан) — военный мундир, расшитый шнурами.

Д о м и н и к а н е ц — член католического монашеского ордена.

Д р и а д ы (греч. миф.) — н и м ф ы деревьев.

Д р у з Н. (38—9 до н. э.) — римский полководец, пасынок А в г у с т а.

Д у к — титул носителя верховной власти в средневековых городах-республиках Италии.

Д ы х а н и е — в переносном смысле все живое.

Е г е р я — род легкой пехоты в странах Европы (XVIII — XX вв.).

Е г о р ь е в д е н ь (Весенний) — 23 апреля. В этот день начинается выпас скота.

Е л е н а (греч. миф.) — героиня древнегреческого эпоса, прославившаяся необыкновенной красотой. Была женой Менелая, у которого ее похитил П а р и с, что привело к походу греков на Т р о ю (Т р о я н с к а я в о й н а).

Е м ш а н — душистая степная трава.

Е р а л а ш — карточная игра.

Е р а р х — см. и е р а р х.

Ж и в о т — жизнь.

З а р а — итальянское название города Задар в Югославии, одного из древнейших городов Европы.

З е в с (Юпитер, греч., римск. миф.) — верховный бог, сын т и т а н а К р о н о с а (Кронид), царь и отец богов и людей, постоянно пребывает на горе О л и м п, посылает с высоты громы и молнии. Он воплощает высшую мудрость и справедливость и вершит человеческие судьбы. Ему посвящен орел.

З и ж д и т е л ь н ы й — созидательный.

З л а т о у с т — прозвание константинопольского патриарха Иоанна, видного идеолога восточно-христианской церкви, автора религиозных сочинений, причисленного к святым.

З о л о т о й в е к — в представлении древних период, когда люди вели блаженную жизнь, не омрачаемую раздорами, войнами, тяжкими трудами.

И б е р и я — древняя Испания, в III — II вв. до н. э. была завоевана Римом.

И в а н В е л и к и й — колокольня, построенная в 1505—1508 гг. в центре ансамбля Кремля (архитектор Бон Фрязин).

И д а — горный массив в центре острова Крит.

И д у м е я — древнегреческое наименование страны Эдом (на территории современной Иордании).

Иезавель (библ.) — жена израильского царя Ахава. Будучи родом из Сидона, насаждала культ Ваала и Астарты, чем вызвала к себе ненависть израильтян; была растоптана всадниками и растерзана собаками. В Библии ее имя — синоним всякого нечестия.

Иезуит — член католического монашеского ордена, основанного в 1534 г., игравшего активную роль в политической жизни Европы.

Иерарх — верховный глава церкви.

Иерей — одно из названий православного священника.

Иерусалим — главный город древней Палестины, неоднократно упоминается в Ветхом и Новом заветах. Среди завоевателей этого города были римляне, крестоносцы, турки.

Изида (егип. миф.) — богиня плодородия, жизни, здоровья, материнства. Изображалась в короне с коровьими рогами и солнечным диском между ними. Культ Изиды был распространен также в Греции и Риме.

Илион — см. Троя.

Иордан — река в Палестине, в водах которой, согласно евангельской легенде, был крещен Христос.

Иосиф (библ.) — один из библейских патриархов, юношей был продан старшими братьями каравану агарян.

Иродиада (библ.) — жена брата иудейского царя Ирода Антипы, с которой царь был в незаконной связи. Она потребовала от Ирода убийства Иоанна Крестителя, обличавшего ее прелюбодеяние.

Исхия — остров близ Неаполя.

Иуда (еванг.) — один из двенадцати апостолов Христа, предавший его в руки иерусалимских властей за тридцать сребреников. Его имя стало символом предательства.

Иудея — южная часть Палестины.

Ифигения (греч. миф.) — дочь Агамемнона. По предсказанию Калхаса, была отцом предназначена в жертву Артемиде. Богиня заменила девушку на жертвеннике ланью и унесла Ифигению в свой храм в Тавриде.

Каболовка — селение в 18,5 верстах от Петербурга близ Парголова.

Кавас — в Турции почетная стража.

Каган — титул главы государства у тюркских народов в раннем средневековье.

Кадий — в мусульманских странах судья, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права — шариата.

Кадь — бочка.

Каин (библ.) — сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля из зависти, за то, что жертва Авеля была принята богом более благосклонно.

Калхас (греч. миф.) — прорицатель, сопровождавший греков во время их похода на Трою. Он предсказал, что, пока не будет принесена в жертву Ифигения, кораблям не будет попутного ветра.

Камены (римск. миф.) — богини, покровительницы искусств.
Камергер — должностное лицо при царском дворе. Знак камергерского достоинства — золотой ключ на голубой ленте.
Камерэра — придворная дама.
Канон — церковное песнопение.
Каноник — католический соборный священник.
Кантилена — напевная мелодия, лирическое вокальное произведение.
Кантор — главный певец в синагоге.
Капитан — предводитель отряда паликаров.
Капитолий — один из холмов, на которых был расположен Древний Рим. В капитолийском храме Юпитера заседал сенат, а на площади перед ним проходили народные собрания.
Капище — алтарь, на котором приносились жертвы.
Капуцин — монах католического монашеского ордена.
Капуя — древний город в итальянской Кампанье (вблизи современного г. Капуя), известный своими гладиаторскими школами, в одной из которых был Спартак.
Карабинер — отборный стрелок в пехоте и кавалерии. В Италии карабинеры выполняют роль жандармерии.
Каретьер — извозчик, кучер.
Кариатида — скульптурное изображение женской фигуры, служащее опорой в архитектурном сооружении.
Карлин — серебряная монета, имевшая хождение в итальянских государствах в начале XIX в.
Кармелитки — монахини, принадлежащие к католическому нищенствующему ордену.
Карфаген — древний финикийский город-государство в Северной Африке, вел борьбу с Римом за господство в Западном Средиземноморье (Пунические войны). В результате третьей Пунической войны (149—146 до н. э.) Карфаген был полностью уничтожен.
Кассандра (греч. миф.) — троянская царевна. Аполлон наделил ее даром пророчества, но сделал так, что ее предсказаниям не верили. Она предсказала гибель Трои, была захвачена греками, досталась Агамемнону, который увез ее в Грецию.
Катакомбы — подземные помещения, которые в древности использовались для совершения религиозных обрядов.
Катон (234—149 до н. э.) — римский писатель и государственный деятель, был известен стойкостью убеждений, аскетической строгостью и суровостью нравов. «Катонов нрав», «Катонов дух» вошли в пословицу.
Кафры — название, данное европейцами-колонизаторами южноафриканскому народу коса.
Квестор — должностное лицо в Древнем Риме: судья, помощник консула.
Квирин (римск. миф.) — один из древнейших богов Рима, бог самостоятельной общины на холме Квиринал.
Кедар (Кедрон) — долина вблизи Иерусалима, которая в виде ущелья спускается к Мертвому морю.
Келарь — монастырский эконом.

Керженец — селение в Горьковской области, в прошлом место поселения старообрядцев (Керженская пустынь).

Кесарь — титул императора Римской империи.

Кефал (греч. миф.) — охотник, возлюбленный Эос.

Кибела — фригийская богиня, мать богов и всего сущего.

Кимвал — древневосточный ударный инструмент.

Киприда — см. Афродита.

Киссав — гора в Греции, в древности называлась Пелион.

Кифара — древний греческий музыкальный инструмент вроде лиры.

Киферон (греч. миф.) — остров у южного берега Греции.

Клавдий (10 до н. э.—54 н. э.) — римский император.

Клеврет — друг, союзник, единомышленник. С середины XIX в. приобрело презрительную окраску: угодник, приспешник.

Клеопатра (69—30 до н. э.) — царица Египта, прославленная умом и красотой.

Клефты — греческие крестьяне-партизаны, боровшиеся против турецкого господства.

Клиенты — класс населения Древнего Рима, находившийся в наследственной зависимости от патрицианских родов.

Клико — марка шампанского.

Клир — духовенство.

Клирос — место в православном храме, где во время богослужения находится клир.

Клобук — головной покров монаха.

Книга Бытия — первая книга Библии, повествующая о сотворении мира.

Книга Руфь — одна из книг Библии. В ней содержится эпизод, рассказывающий о том, как Руфь собирала колосья на поле, принадлежащем богачу Воозу, который потом взял ее в жены.

Книд — колония Спарты на Херсонесском полуострове.

Ковы — тайные коварные умыслы, козни.

Когорта — подразделение римской армии численностью до 1000 человек.

Кодекс — рукописная книга, состоящая из отдельных бумажных или пергаментных листов (в отличие от свитка).

Колена Израиля (библ.) — двенадцать родов, составивших древнееврейский народ.

Колизей — амфитеатр в Риме, предназначавшийся для боев гладиаторов и других зрелищ.

Коло — хоровод.

Коломбина — одно из действующих лиц в итальянской народной комедии (комедия дель арте), веселая, предприимчивая крестьянская девушка; позже — бойкая служанка, наперсница госпожи.

Комиссар — в XVIII — XIX вв. чиновник, выполнявший политические функции.

Кондотьеры — предводители солдат-наемников в Италии XIV—XVI вв., вначале главным образом иностранцы.

Константин I Великий (ок. 285—337) — римский император, поддерживал христианскую церковь, перед смертью принял христианство; утверждал, что ему было видение: крест на небе с надписью: «Сим победиши».

Константинополь (в русских текстах — Царьград) — столица Римской империи (с 330 г.), затем Византии. В 1453 г. захвачен турками и переименован в Стамбул.

Консулы — два должностных лица в Риме, к которым перешла высшая власть после изгнания царя Тарквиния Гордого (510/509 до н. э.).

Конунг — военный вождь у скандинавов в раннее средневековье.

Концы — районы средневекового Новгорода, имевшие свое вече.

Корец — ковш.

Коринфская капитель — верхняя венчающая часть колонны, имеющая вид корзины из стилизованных листьев аканфа.

Кориолан — легендарный древнеримский полководец, победитель вольсков.

Корифейки — предводительницы оргий в Древней Греции.

Кортесы — сословно-представительные собрания в средневековых Испании и Португалии.

Косматый великан (сканд. миф.) — Неп, отец Нанны.

Коцит (греч. миф.) — река в подземном царстве, впадающая в Ахерон.

Кошница — корзина.

Крез (595—546 до н. э.) — царь Лидии, известный своим богатством.

Крин — лилия.

Кронид — см. Зевс.

Кронос (греч. миф.) — одно из древнейших божеств, младший из титанов, низвергший своего отца Урана и сам низвергнутый сыном Зевсом. Со временем правления Кроноса связана легенда о золотом веке.

Кунак — побратим.

Купидон (римск. миф.) — бог любви.

Купно — вместе, совместно.

Курульные кресла — знак консульского достоинства в Риме.

Кьяйа — набережная в Неаполе.

Лавиния (греч. миф.) — жена Энея.

Ладзароны — нищие, бедняки.

Лакрима Кристи (в переводе с итальянского: слезы Христовы) — сорт вина.

Лаокоон (греч. миф.) — троянский герой. Пытался предотвратить гибель Трои, но боги послали двух огромных змей, которые задушили Лаокоона и его сыновей. В Ватиканском музее находится статуя «Лаокоон и его сыновья».

Лары (римск. миф.) — боги, охранявшие дом и семью.

Лациум — в древности область Средней Италии.

Левит — у древних евреев служитель культа, выполнявший низшие обязанности священнослужения.

Левкадский утес — скала на острове Левкада (группа Ионических островов), с которой в древности ежегодно сбрасывали в море одного преступника для искупления грехов всей общины.

Легитимист — приверженец «законной» (легитимной) династии Бурбонов во Франции (после 1830 г.).

Леда (греч. миф.) — царевна Этолии, возлюбленная Зевса, который явился ей в виде лебедя, когда она купалась. От их союза родилась Елена.

Лезбиянка — женщина с острова Лезбос (Лесбос).

Лемнос — остров близ берегов Греции с действующим вулканом, центр культа Гефеста.

Лесбос — остров в Эгейском море, в древности — центр эолийского племени, создавшего высокую культуру. В политической жизни острова существенную роль играли женщины.

Лестовка — кожаные четки раскольников.

Ливий Т. (59 до н. э.—17 н. э.) — автор многотомной «Римской истории».

Лида (Лидия) — возлюбленная Горация, адресат его стихотворений.

Лизипп (IV в. до н. э) — древнегреческий скульптор.

Ликтор — в Древнем Риме одна из низших государственных должностей, почетная охрана высших сановников.

Литургия — христианское богослужение.

Лицей — одна из трех гимназий в древних Афинах; в Лицее читал лекции великий философ древности Аристотель.

Лицинии — римский плебейский род, представители которого в разное время занимали государственные должности.

Ловитва — охота.

Локанда — гостиница.

Локи (сканд. миф.) — бог, брат Одина.

Лоно — грудь.

Лукан (39—65) — римский поэт, родом из Кордовы, племянник Сенеки. Пользовался расположением Нерона, затем попал в опалу, участвовал в заговорах против императора и по его приказу покончил самоубийством. Сохранилось незаконченное сочинение Лукана — историческая поэма в 10 книгах «Фарсалия, или Поэма о гражданской войне».

Лукулл (ок. 117— ок. 56 до н. э.) — римский полководец и политический деятель; его богатство и роскошь вошли в пословицу («Лукуллов пир»).

Любуша — легендарная правительница Чехии, избранная народом. Вместе со своим мужем Премыслом основала Прагу.

Люттия — город в Бельгии, центр епископата.

Лютый змей (сканд. миф.) — «мировой змей» Ермунганд.

Мавры — в средневековой Западной Европе название мусульманского населения Испании и Северной Африки.

Магдалина — см. Мария Магдалина.

Манна (библ.) — пища, якобы упавшая с неба, которой евреи питались в пустыне.

Мантуя — провинция на севере Италии, родина Вергилия.

Марица — река на Балканском полуострове. В 1371 г. на Марице произошла битва между ополчением балканских народов и турками-османами, в которой победили турки.

Мария (еванг.) — жительница Вифании, в ее доме останавливался во время своих странствий Христос, который одобрял благочестие Марии.

Мария Магдалина (еванг.) — раскаявшаяся грешница, одна из женщин, шедших к телу Христа, чтобы приготовить его к погребению, и обнаруживших его исчезновение.

Марс (греч. миф.) — бог войны, сын Зевса и Геры.

Марциал М. (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт, автор эпиграмм

Массильянка — жительница г. Марселя, который в древности назывался Массилия.

Медвяный ключ (сканд. миф.) — вымя козы Хейдрун.

Медея (греч. миф.) — волшебница, дочь царя Колхиды.

Мемфис — древнеегипетский город, в XXVIII—XXIII вв. до н. э. религиозный и политический центр Египта.

Менады — см. вакханки.

Меркурий (римск. миф.) — бог торговли, скотоводства, вестник богов.

Мессалина — жена римского императора Клавдия (10 до н. э.— 54 н. э.), известная жестокостью, властолюбием и распутством.

Мессана — область Древней Греции, вела освободительные войны против Спарты.

Мессия (букв.: помазанник, по-гречески: Христос) — в иудаизме и христианстве ниспосланный богом спаситель.

Мидас (греч. миф.) — фригийский царь. Был судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Паном и признал Пана победителем. За это Аполлон «наградил» Мидаса ослиными ушами.

Мидяне — жители древней страны на северо-западе Ирана.

Милет — древний город в Малой Азии.

Миро — благовонное масло, употребляющееся в церковных обрядах.

Мирра (смирна) — ароматная смола.

Мирт — вечнозеленый кустарник. В Древней Греции был посвящен Афродите.

Митра — древнее индо-иранское божество света, добра, солнца.

Митридат I — царь Парфин (ок. 170—138/137 до н. э), вел многочисленные завоевательные войны.

Митридат VI Евпатор (132—63 до н. э.) — царь Понта, вел постоянные войны с Римом.

Млат — молот.

Мних — монах.

Моисей (библ.) — освободитель и законодатель еврейского народа.

Молох (библ.) — древнее божество западносемитских племен, в жертву которому приносили детей. В нарицательном значении — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

Монтаньяры — название революционно-демократической группы депутатов французского Конвента в период французской революции 1789—1794 гг.

Моэт — сорт шампанского.

Музы (греч. миф.) — богини искусств и наук.

Мурза — титул феодальной знати в татарских ханствах.

Мусикия — музыка.

Мусия — мозаика.

Мытарь — сборщик податей.

Намаз — один из главных обрядов мусульманской религии.

Нанна (сканд. миф.) — богиня, жена Бальдура.

Нард — ароматическое вещество, добываемое из растения с тем же названием.

Нарцисс (греч. миф.) — прекрасный юноша, влюбившийся в свое отражение в воде и умерший от любовной тоски. По другому мифу, он был наказан богами за то, что отверг любовь Эхо.

Натрафлять — попадать.

Наяды (греч. миф.) — нимфы вод.

Нектар (греч. миф.) — напиток богов, дающий им бессмертие и вечную юность.

Немезида (греч. миф.) — богиня кары и возмездия. Ее атрибуты — весы, уздечка (иго), меч, плеть.

Немчин — немец, вообще иностранец.

Нептун (римск. миф.) — бог морей.

Нереиды (греч. миф.) — нимфы моря.

Нерон (37—68) — римский император. В начале правления находился под влиянием Сенеки, стремился к соглашению с сенатом. Затем перешел к репрессиям, разгромил патрицианский заговор во главе с Пизоном, уничтожил многих выдающихся людей, а также своих ближайших родственников. Преследовал христиан. Нерон считал себя великим поэтом и актером, любил публичные выступления.

Нестор — имя старейшего из греческих вождей в «Илиаде» Гомера. Переносно — старейший.

Нетопырь — крупная летучая мышь.

Нимфы (греч. миф.) — божества, олицетворяющие силы и явления природы.

Ниоба (греч. миф.) — царица Фив, имевшая много детей. За ее насмешки над богиней Латоной, родившей только Аполлона и Артемиду, боги умертвили ее детей. От горя Ниоба превратилась в скалу.

Нобиль — наименование дворянства в средневековой Западной Европе.

Норманны — германские племена, населявшие в средние века Скандинавию.

Норны (сканд. миф.) — девы судьбы.

Ной (библ.) — библейский праведник, спасший в своем ковчеге некоторых животных от всемирного потопа.

Нумидиец — житель горной страны на северо-западе Африки.

Облыжный — заведомо ложный, обманный.

Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н. э.— ок. 18 н.э.) — римский поэт, автор «Любовных элегий», «Римских элегий», «Писем с Понта» и поэм. Был сослан Августом в г. Томы (ныне Констанца в Румынии), умер в изгнании.

Овн — баран.

Один (сканд. миф.) — верховное божество, бог войны, поэзии, мудрости, колдовства.

Одиссей (греч. миф.) — царь острова Итаки, известный своей отвагой, красноречием и хитроумием.

Олимп — гора в Фессалии. По греческой мифологии, место пребывания богов.

Олимпийские игры — общегреческие состязания в честь Зевса, происходившие раз в 4 года в Древней Греции, в городе Олимпии. Среди олимпийских состязаний был бег колесниц, в котором принимала участие знать.

Ореады (греч. миф.) — нимфы гор.

Орифламма — запрестольная хоругвь храма Сен-Дени в Париже, боевой штандарт французских королей.

Ормузд — древнеиранский бог, олицетворяющий доброе начало, брат Аримана.

Оры (греч. миф.) — богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе.

Оссиан — легендарный древний эпический поэт Шотландии.

Остерия — харчевня, трактир.

Остия — древний город в устье реки Тибр, гавань Древнего Рима.

Отворить ворота — завоевать.

Откровение — проявление высшего существа, сообщающего о себе, изъявляющего свою волю.

Откуп — передача частным лицам права взимания налогов и сборов за определенный эквивалент, который эти лица вносят государству.

Оттен (сканд. миф.) — владетель.

Офир (библ.) — страна, обладавшая сказочным богатством.

Охабень — длинная и широкая старинная русская верхняя одежда.

Ошмыга — тертый, бывалый.

Ошмыгать — обтереть, обшаркать, обдержать.

Павзий (IV в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

Паволока — шелковая ткань.

Паки — опять, снова.

Пактол — золотоносная река в Лидии, области Древней Греции.

Паладин — доблестный рыцарь, преданный своему государю или даме.

Паллада — прозвание Афины.

Палестина — территория в Передней Азии у восточных берегов Средиземного моря.

Палестрина — город в римской провинции (древнее название Пренесте).

Паликары — члены полуразбойничьих греческих шаек, которые вели партизанскую войну против турок.

Пан (греч. миф.) — бог лесов и рощ, покровитель пастухов, охотников, рыболовов, изобретатель свирели. В полдень Пан отдыхает и на тех, кто нарушает его покой, нагоняет «панический ужас».

Пандект — систематическое изложение каких-либо материалов.

Панорм — древнее название города Палермо в Италии.

Пантеон — храм, посвященный всем богам. Такой храм был в Древнем Риме; усыпальница выдающихся людей.

Парга — город на берегу Адриатического моря. В 1819 г. был захвачен англичанами и передан ими паше г. Янины. Тогда все жители Парги покинули город и перешли на Ионические острова.

Пардус — гепард.

Парий — человек, принадлежащий к одной из низших каст Индии. В переносном значении: бесправный, угнетенный.

Парис (греч. миф.) — троянский царевич. Зевс предложил ему рассудить, кому из трех богинь — Афродите, Афине или Гере — должно вручить яблоко с надписью «прекраснейшей». «Суд Париса» завершился тем, что «яблоко раздора» было отдано Афродите, которая стала ему покровительствовать и помогла похитить Елену.

Партенопея — древнее название Неаполя.

Партесное пение — вид хорового пения, получивший распространение в русской и украинской церковной музыке XVII — XVIII вв.

Парфяне — древние иранские племена, искусные воины-всадники.

Пассия — страсть.

Пастырь — пастух.

Патент — грамота, свидетельство.

Патер — католический монах, вообще католический священник.

Патриции — родовая знать в Древнем Риме.

Пафос — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты. Жрицы этого храма отдавались за деньги, используемые для храма.

Паша — титул сановников в Османской империи и некоторых других государствах Востока.

Пегас (греч. миф.) — волшебный конь, символ поэтического вдохновения.

Пенаты (римск. миф.) — боги-хранители домашнего очага.

Пени — жалобы, укоры, сетования.

Первосвятитель — титул главы иерархии.

Перепловеньев день — христианский праздник на переломе зимы к весне.

Пери (перс. миф.) — падший ангел, доброе волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины.

Перикл (ок. 490—429 до н. э.) — афинский государственный деятель; с его именем связывается представление о поре расцвета афинской демократии, литературы, искусства.

Перлы — жемчуга.

Персей (греч. миф.) — герой сказаний; добыл голову Медузы Горгоны, взгляд которой обращал в камень все живое.

Персефона (греч. миф.) — богиня, владычица преисподней, дочь Зевса и Деметры, супруга Аида.

Перси — грудь.

Перун — древнеславянский языческий бог грома и молнии, главное божество восточных славян; переносно — молния.

Пески — район в Петербурге, где селилось мелкое чиновничество.

Пестряки — раскольничья секта.

Пестум — город на юго-западном побережье Италии, существовавший с глубокой древности; славился великолепными храмами и розами.

Пиастр — итальянское название старинной испанской монеты песо.

Пиетист — сторонник религиозного течения немецких лютеран XVII—XVIII вв.

Пизон К. (I в. н. э.) — вождь патрицианского заговора против Нерона.

Пилат П. — римский правитель Иудеи. По евангельской легенде, он дал согласие на казнь Христа, не будучи уверен в его виновности.

Пинд — горный хребет в Греции.

Пирей — гавань в 10 км от Афин.

Писание — текст Библии (Ветхий и Новый Заветы).

Пифия — жрица храма Аполлона в Дельфах (Дельфийский оракул).

Пифон (Питон) — чудовищный змей, убитый Аполлоном.

Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель европейского идеализма; проповедовал вечность тела, находящегося вместе с душой в общем круговороте вещества в природе.

Плеяды (греч. миф.) — семь сестер, дочери Атланта, превращенные в созвездие.

Плутон (Аид, греч. миф.) — владыка подземного мира и царства мертвых.

Подолье — подгорье, подгорная часть города.

Подрез — оковка санного полоза.

Подьячий — должностное лицо в Русском государстве XVI — XVIII вв.

Поискать — добиваться.

Полба — разновидность пшеницы.

Полк — поход.

Помона (римск. миф.) — богиня плодов, жена Вертумна.

Поморяне — крайняя западная группа славянских племен.

Помпей Г. (106—48 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель.

Помпейские фрески — стенные росписи, обнаруженные при раскопках города Помпея в Италии, погибшего от извержения Везувия в 79 г. н. э.

Понт — северо-восточная область Малой Азии.

Понт Эвксинский — Черное море.

Понтийское царство — рабовладельческое государство на северо-востоке Малой Азии, существовавшее с 301 г. до н. э. до 64 г. до н. э.

Портон — ворота, подъезд.

Порфир — горная порода типа гранита.

Порфира (порфир) — длинная пурпурная мантия, парадное одеяние монархов.

Посейдон (греч. миф.) — бог морей.

Послушание — приготовление к монашеству.

Постные дни — период предписываемого церковью воздержания от мясной и молочной пищи.

Потир — чаша для причастия.

Пошевни — широкие сани, розвальни.

Пракситель (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Пребысте — пребываете.

Превеза — город близ Янины.

Превыспренний — находящийся в высоте, высокопарный.

Прелат — титул высшего католического духовенства.

Прелестный — обольщающий, прельщающий.

Премысл — супруг Любуши.

Преосвященный — титул епископа.

Претор — одно из высших должностных лиц в Древнем Риме.

Преторианец—воин, входивший в личную охрану древнеримских полководцев.

Приап (греч. миф.) — бог садов и полей, сын Диониса.

Приор — настоятель католического монастыря.

Причастие (еванг.) — главнейшее из христианских «таинств».

Причт — персонал православного храма.

Прованс — провинция на юге Франции. В XI — XIII вв. здесь процветала поэзия трубадуров.

Провинция — территория, завоеванная Древним Римом.

Прозерпина — см. Персефона.

Прозябать — расти, прорастать.

Проконсул — в Древнем Риме лицо, уполномоченное вместо консулов.

Прометей (греч. миф.) — титан, богоборец и защитник людей, для которых похитил огонь с Олимпа. За это Зевс приказал приковать Прометея к скале, и прилетавший каждый день орел клевал его печень.

Проперций (ок. 50 — ок. 15 до н. э.) — римский лирический поэт.

Пропонтида — древнее название Мраморного моря.

Пространное — вольное, свободное.

Прочида — остров в Тирренском море вблизи Неаполя.

Псалом — религиозное песнопение.

Псалтырь — сборник псалмов.

Психея (греч. миф.) — олицетворение души человека.

Пульчинелль — одно из действующих лиц в итальянской народной комедии (комедия дель арте), носитель сатирического начала.

Пуритане — сторонники религиозных реформ в Англии и Шотландии, требовавшие «очищения» церкви от остатков католичества, проповедовали буржуазный аскетизм.

Пустынька — уединенный монастырь или келья.

Пуццоло (Пуццуол) — селение близ Неаполя.

Пэан (пеан) — в Древней Греции гимн в честь богов.

Равви (еванг.) — учитель.

Разно — врозь.

Разрешать — освобождать, распускать.

Рака — массивный металлический ящик, в котором хранятся мощи святых.

Рамена — плечи.

Расплес (плес) — участок реки, отличающийся спокойным течением, большой шириной и глубиной.

Расшива — деревянное плоскодонное судно.

Ратман — член городского совета в западноевропейском средневековом городе.

Рафленый — изысканный, утонченный (о каком-либо блюде).

Ревекка — жена библейского патриарха Исаака. Его раб увидел Ревекку у колодца и привел к своему господину.

Регламент — название важнейших законодательных актов Петра I.

Речь Посполитая — наименование польского феодального государства в XVI — XVIII вв.

Ризы — верхнее облачение священников во время богослужения. В поэтическом (иногда ироническом) словоупотреблении — одежда.

Ринда (Ринд, сканд. миф.) — богиня, жена **Одина**.

Ритор — оратор, учитель красноречия в Древней Греции и Древнем Риме.

Рог изобилия (греч. миф.) — рог волшебной козы Амалфеи, обладал свойством давать все, что пожелает его обладатель.

Ромул (римск. миф.) — сын **Марса**. Вместе с братом-близнецом Ремом был вскормлен волчицей. Братья были основателями Рима. Ромул убил в ссоре Рема и стал первым царем Рима.

Руны — эпические песни финнов и карел; переносно — эпическая поэзия, древний эпос.

Руны — древние письмена германских племен, населявших Скандинавию.

Рустический — сельский.

Рыдван — старинная большая карета для дальних поездок.

Рюрик — полулегендарный предводитель дружины варягов, основатель русской княжеской династии Рюриковичей.

Сабины — горная страна в юго-западной части Апеннин. Здесь было имение Горация.

Савская царица (библ.) — правительница страны савеев на юге Аравии.

Салгир — река в Крымской области, впадающая в залив Сиваш.

Сальтарелла — старинный итальянский народный танец.

Самаритяне (библ.) — один из народов древней Палестины, враждовавший с иудеями.

Самуил (библ.) — последний из судей израильских, тайно помазал на царство Давида.

Самум — сухой горячий ветер пустынь Аравии и Северной Африки.

Сан-Дженарро — монастырь в Неаполе, названный в честь святого Януария (Дженарро), покровителя города.

Сан-Пабло — собор св. Павла в Севилье.

Сан-Яго — город на северо-западе Испании.

Сардам (Саардам) — город в Голландии, где в 1697 г. Петр I учился корабельному мастерству.

Сардис (сардоникс)—драгоценный камень, разновидность агата

Саронский залив — Саронический залив, на его побережье стоит г. Афины.

Сатир (греч. миф.) — лесное божество, демон плодородия, входит в свиту Диониса.

Сатрап — правитель провинции в Мидии, Древней Персии, в империи Александра Македонского. В переносном значении — самодур-администратор.

Сатурн (римск. миф.) — бог земледелия.

Сатурналии — веселые римские праздники в честь Сатурна, проходившие в декабре.

Сафо (конец VII — VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. По преданию, была безнадежно влюблена в Фаона и, когда он переселился в Сицилию, покончила с собой, бросившись в море.

Свевы — собирательное название нескольких древнегерманских племен.

Свейский — шведский.

Светоний — Транквилл (ок. 70 — ок. 140) — римский историк и писатель, автор сочинения «Жизнь двенадцати цезарей».

Святополк (ок. 980—1019) — великий князь киевский, овладел престолом, убив своих братьев Бориса, Глеба и Святослава, за что получил прозвище Окаянный.

Святые дары — хлеб и вино, которые в результате особого православного церковного обряда якобы пресуществляются в тело и кровь Христа.

Сговор — обручение.

Семеновский полк — один из двух первых полков русской гвардии, сформированных Петром I в 1687 г. на основе потешных полков.

Сенат — один из высших государственных органов в Древнем Риме. В России сенат учрежден Петром I в 1711 г. и также являлся одним из высших правительственных органов.

Сенека (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римский философ-стоик и политический деятель. Родился в Кордове. В Риме стал воспитателем Нерона и его приближенным. Впоследствии был приговорен к смертной казни и покончил жизнь самоубийством. По преданию, не имея возможности из-за запрета Нерона оставить друзьям свое имущество, он завещал им свой образ жизни.

Сенешаль — в государстве франков управляющий дворцовым хозяйством; позже — одно из главных должностных лиц французского королевства.

Сень — навес в алтаре над престолом.

Серафим — в христианской мифологии ангел высшего чина с шестью крыльями.

Сибарит — житель древнегреческой колонии Сибарис в южной части Апеннинского полуострова. В переносном значении — изнеженный, праздный человек.

Сибиллы — легендарные женщины-прорицательницы. В католической церкви почитаются наравне со святыми.

Сивер — холодный северный ветер с дождем и снегом.

Сигтуна — город в Швеции. В средние века — политический центр, резиденция епископа. В Сигтуне процветали различные ремесла.

Сигурд (сканд. миф.) — герой сказаний, конунг.

Сидон — один из крупнейших финикийских городов на побережье Средиземного моря, возникший в четвертом тысячелетии до н. э.

Сиена — город в Италии со знаменитым готическим собором XIII — XIV вв. Здесь жили и работали многие известные скульпторы, архитекторы, живописцы (сиенская школа), а также искусные мастера художественной обработки металла.

Сикомора — тутовое дерево. Иногда так называют платан и явор.

Силен (греч. миф.) — демон, сын Гермеса, наставник Диониса. Древние представляли его в виде пьяного, добродушного, толстого, лысого старика.

Сильван — см. фавн.

Сильфы — по средневековым поверьям, духи огня, воды, воздуха, земли.

Синель — сирень.

Синклит — собрание высших сановников в Древней Греции.

Синод — высший орган управления православной церковью в России, созданный Петром I в 1721 г.

Сион — гора близ Иерусалима.

Сирены (греч. миф.) — полуптицы-полуженщины, увлекающие пением моряков и приводящие их к гибели.

Сирокко — южный ветер, приносящий в Южную Европу горячий воздух пустынь Аравии и Северной Африки.

Сирский — сирийский.

Сицилия — остров в Средиземном море и южная часть континентальной Италии, объединенные в самостоятельное государство — Королевство обеих Сицилий. В 1860 г. вошли в состав Итальянского королевства.

Скальд — певец-поэт в Древней Норвегии и Исландии.

Скамандр — река на Троянской равнине, которую питали два источника: горячий и холодный.

Скептики — в Древней Греции представители философского направления, отрицающего возможность познания действительности.

Скифы — ираноязычные племена, в древности населявшие Северное Причерноморье.

Складень — створчатая икона.

Скоморох — в Древней Руси — народный поэт-музыкант и актер.

Скрижали (библ.) — две каменные плиты, на которых были высечены десять заповедей закона Моисея.

Слово — в древнерусской литературе ораторское произведение, эпическое повествование.

Словутич — славный, славянский.

Слуцк — город в Минской области. Впервые упоминается в летописи в XII в.

Смарагд — изумруд.

Советник — название некоторых должностей и лиц, их занимающих.

Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — греческий философ-идеалист; был приговорен к смертной казни, покончил с собой, выпив яд.

Соловки — Соловецкие острова в Белом море. В XV в. здесь был основан монастырь, который в середине XVII в. стал оплотом раскола.

Сорбонна — старейшее учебное заведение Парижа, часть Парижского университета. В средние века — богословский центр и школа для подготовки высшего духовенства.

Софизм — формально кажущееся правильным, но умышленно ложное по существу заключение.

Софист — учитель философии, поэтики, красноречия и других наук в древних Афинах.

София — главный храм в Новгороде.

Спарта — рабовладельческое государство в Древней Греции. Нравы его жителей отличались суровым аскетизмом.

Спаса храм на бору — древнейший собор Кремля, построенный при князе Юрии Долгоруком, основателе Москвы.

Спирит — верующий в загробную жизнь и возможность общения с душами мертвых.

Станица — стая.

Старицы — пожилые монахини.

Старцы — пожилые монахи.

Статский советник — один из высших гражданских чинов в дореволюционной России (5 класс Табели о рангах).

Стикс (греч. миф.) — река, окружающая царство мертвых.

Стоицизм — одно из значительных философских учений, возникшее в Афинах в III в. до н. э.

Стрелецкий приказ — центральное правительственное учреждение в России XVI — XVII вв., ведавшее делами стрелецкого войска.

Стрибожьи внуки — ветры (выражение восходит к «Слову о полку Игореве»).

Стрикс — сова.

Стримон — Стримонский залив Эгейского моря.

Сули — горное селение греко-албанского племени сулиотов.

Сура — приток Волги, впадающий в нее у города Васильсурска.
Сфинкс (греч. миф.) — крылатое чудовище с головой женщины; обитало близ г. Фивы, убивало путников, которые не могли разгадать задававшуюся им загадку.

Таблетка — навощенная дощечка, которая использовалась в Древнем Риме для письма.
Таврида — Крым.
Таврические скалы — Крымские горы.
Таганий Рог — мыс на Азовском море, где в 1698 г. Петр I основал крепость и гавань — город Таганрог.
Тайгет — горный хребет в Греции.
Тамбурин — небольшой барабан.
Тартар (Аид, Эреб, греч. миф.) — глубочайшие недра земли, под земное царство.
Татры — горный массив в Польше и Чехословакии.
Тать — вор, разбойник, злодей.
Татьба — похищение, кража.
Тацит К. (ок. 58 — ок. 117) — римский историк, создатель «Анналов», «Истории».
Тевтонский орден — немецкая католическая духовно-рыцарская организация, осуществлявшая захватническую политику в Прибалтике в XIV — XV вв.
Тевтоны — древние племена германского происхождения, первоначально жившие в нижнем течении Эльбы.
Телец златой — богатство, власть денег, золото (восходит к Библии).
Термы — общественные бани в Древнем Риме, которые были одновременно спортивными и увеселительными учреждениями.
Теснота — трудности, тяжести.
Тиара — головной убор папы римского.
Тиберин (греч. миф.) — бог реки Тибр, на которой стоит город Рим.
Тибур — древний город в Италии, близ Рима, ныне Тиволи.
Тимпан — древний ударный музыкальный инструмент, род литавр.
Тиндар — (греч. миф.) царь **Спарты**, отец Клитемнестры, на которой женился один из **атридов** — **Агамемнон**.
Тир — рабовладельческий город — государство в Древней Финикии.
Тирс — атрибут **Диониса**, жезл, увитый плющом и виноградными листьями.
Титаны (греч. миф.) — божества старшего поколения, дети **Урана** и Геи. Они боролись с богами-олимпийцами, были побеждены и ввергнуты в **Тартар**.
Тиэст (греч. миф.) — родственник **атридов**.
Тмутаракань — Таманский полуостров.
Токмо — только.
Тонзура — выбритое место на макушке головы у католических духовных лиц, знак отречения от мирских интересов.

Т о р (сканд. миф.) — бог грома и молнии, побеждающий силой, а не умом. Его оружие — каменный молот Мьёлльнир.

Т о р а — древнееврейское название пяти первых книг Библии.

Т о р д е н о н (Тор-да-Нона) — театр в Риме.

Т о р н е о — город на северо-западе Финляндии, у границы со Швецией.

Т р а п п и с т — член католического монашеского ордена, отличающегося очень строгим уставом.

Т р а я н (53—117) — римский император.

Т р и б у н ы — высшие выборные должностные лица из плебеев в Древнем Риме.

Т р и р — город на реке Мозель, центр старейшего в Галлии епископата.

Т р и р е м а — древнеримский весельный военный корабль, оснащенный также и парусами.

Т р и т о н (греч. миф.) — морской демон, сын П о с е й д о н а.

Т р и у м ф — в Древнем Риме торжественное вступление в столицу полководца-победителя и его войска (по специальному ритуалу и с разрешения с е н а т а).

Т р о п — слово, употребленное не в обычном, а в переносном значении.

Т р о я (Илион) — древний город-государство на азиатском побережье Эгейского моря.

Т р о я н — по некоторым толкованиям, языческий бог славян.

Т р о я н с к а я в о й н а — война греков с Т р о е й.

Т р у б а д у р ы — средневековые провансальские поэты XI — XIII вв.

Т у г а — скорбь, печаль.

Т у л л — друг П р о п е р ц и я, к нему обращено несколько стихотворений Проперция.

Т у л у з а — город на юге Франции. В 1229 г. здесь была учреждена инквизиция и основан университет для борьбы с ересью.

Т у л ы —колчан.

Т у н и к а — нательная одежда древних римлян.

Т у р а н — мифическая страна иранского героического эпоса.

Т у р о в — город в Гомельской области. В XI — XII вв. центр Турово-Пинского княжества.

У б р у с — платок, покрывало, расшитое золотом, жемчугом.

У г о р с к а я з е м л я — Венгрия.

У л и с с — см. О д и с с е й.

У л у с ы — государственные образования и отдельные поселения кочевых племен Центральной и Средней Азии.

У н и я — объединение православной и католической церкви на условиях признания главенства римского папы.

У р а н (греч. миф.) — древнейшее верховное божество, олицетворение неба, отец К р о н о с а.

Ф а б и и — римский патрицианский род, представители которого не раз занимали важные государственные посты.

Ф а в н (Сильван, римск. миф.) — бог лесов, полей, покровитель стад и пастухов. Отожествлялся с П а н о м.

Ф а л е р н — местность в Италии, известная своими виноградниками и вином, любимым вином Г о р а ц и я.

Ф а р и с е и — религиозно-политическая секта в Древней Иудее, отличавшаяся фанатизмом и лицемерным выполнением правил благочестия. В переносном значении фарисей — лицемер, ханжа.

Ф а р с — вид народного театра, распространенного в XIV — XVI вв. в Западной Европе.

Ф е б — см. А п о л л о н.

Ф е л ь д ъ е г е р ь — военный или правительственный курьер.

Ф е н р и р (сканд. миф.) — волк, порождение Л о к и. Его когда-то связали боги, но когда он вырвется, то проглотит солнце и настанет гибель богов.

Ф е о к р и т (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор пастушеских «идиллий» и городских сценок («мимов»).

Ф е р я з ь — старинная русская мужская и женская одежда. В средние века ее носили цари и бояре.

Ф е с — город в Марокко.

Ф е с к а (фес) — шапочка из фетра в форме усеченного конуса.

Ф е с с а л и я — область на северо-востоке Греции.

Ф е т и д а (греч. миф.) — морская богиня, мать А х и л л а.

Ф и а л — древнегреческий сосуд, широкая плоская чаша.

Ф и а с к а — бутылка.

Ф и в а и д а — местность близ Ф и в, которая с III — IV в. стала убежищем христианских отшельников.

Ф и в ы — древняя столица Египта.

Ф и д и й (р. нач. V в. до н. э.— ок. 432—431 до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Ф и л а н т р о п — благотворитель нуждающихся.

Ф и л о м е л а (Прокна, греч. миф.) — девушка, превращенная З е в с о м в соловья.

Ф и м и а м — благовонное вещество, ладан; приятный запах, благоухание.

Ф л о р а (римск. миф.) — богиня цветов, юности, изображалась в виде прекрасной девушки.

Ф о л и а н т — объемистая книга большого формата.

Ф о л ь с т и н г — народное собрание.

Ф о р т у н а (римск. миф.) — богиня счастья, случая, удачи.

Ф о р у м — в Древнем Риме площадь, рынок, место, где собиралось много народа. С VI в. до н. э. центральной площадью Рима стал Римский форум между Палатинским, Капитолийским и Квиринальским холмами.

Ф р а н к и — германские племена, в начале н. э. обитавшие на территории современной Франции, в мусульманских странах так называли французов и вообще западноевропейцев.

Ф р а с к а т и — город в Италии, близ Рима, построенный на месте древнего города Тускулума.

Ф р е й р (сканд. миф.) — бог плодородия.

Ф р и г г (сканд. миф.) — богиня, жена О д и н а, мать Б а л ь д у р а.

Фригийский колпак — головной убор жителей одной из областей Малой Азии; высокий колпак с узким верхом, который загибался вперед. Впоследствии стал эмблемой свободолюбия, был образцом для шапочки якобинца.

Фрина (IV в. до н. э.) — греческая гетера, возлюбленная Алкивиада, натурщица Праксителя.

Фряжский — итальянский.

Фура — большая длинная повозка.

Фурия (римск. миф.) — богиня мщения.

Халдея — Вавилония, древняя страна в устье Тигра и Евфрата.

Халиф — в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока титул государей, которые одновременно возглавляют общину верующих.

Халкис — Халкида, город на острове Эвбея, на берегу Эвбейского залива.

Хартия — в средние века документ, подтверждающий какие-либо права; в древней Руси — грамота, послание.

Хед — см. Годр.

Хельс — см. Гелла.

Хермод — см. Гермод.

Херувим — ангел высшего чина.

Химера (греч. миф.) — чудовище, изрыгающее пламя; в средневековых храмах изображение чудищ, олицетворяющих порок; в переносном значении — пустая мечта, плод фантазии.

Хиос — остров в Эгейском море.

Хламида — мужской плащ древних греков. В переносном значении — нескладная, неудобная одежда.

Ходжа — почетный титул, распространенный в средневековых мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока.

Хоругвь — церковное знамя с изображением Христа или святых.

Царьград — название г. Константинополя, принятое на Руси с древности до XVII в.

Цветник — старинное русское название сборников, состоящих из фрагментов, изречений, выписок, примеров, извлеченных из разных изданий.

Цевница — старинный русский музыкальный инструмент, род флейты.

Цезарь — первоначально в Древнем Риме имя одной из ветвей патрицианского рода Юниев. Позже это имя принимали все римские императоры, и оно стало императорским титулом.

Центурион — командир подразделения (центурии) в древнеримском легионе.

Церера — см. Деметра.

Цесарцы — подданные Священной Римской империи, в которую входил ряд государств Европы. Во главе ее стояли императоры (цезари).

Цибела — см. Кибела.

Циклоп (греч. миф.) — одноглазый великан.

Циники — одна из философских школ Древней Греции, ведущая свою родословную от учения Сократа. Циники стремились к духовному и бытовому опрощению, разрыву связей с обществом, видя в этом высшее благо: духовную свободу.

Цинтия — возлюбленная Проперция; к ней обращено множество стихотворений поэта.

Цинциннат (р. ок. 519 до н. э.) — римский полководец и политический деятель; у древних римлян считался образцом доблести и скромности.

Цирцея (греч. миф.) — волшебница с острова Эа. Переносно — обольстительная красавица.

Цитерея — см. Афродита.

Цицерон М. (106—43 до н. э.) — римский оратор, государственный деятель, философ.

Цуг — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Право езды цугом было привилегией высшего дворянства.

Чело — лоб; в челе — во главе.

Челядь — прислуга, слуги.

Чепрак — нарядная покрышка под седло.

Червленый — темно-красный, багряный.

Черень — рукоять.

Четвертая стража — охраняла Древний Рим в предрассветные часы.

Чичисбей — в Италии XVIII в. постоянный спутник состоятельной замужней женщины.

Чухны — пренебрежительное именование финнов, живших в окрестностях Петербурга.

Швабы — областная группа немецкого народа.

Шестерик — шестерка лошадей в упряжке.

Шишак — старинный боевой головной убор, увенчанный шишкой, надетой на острие.

Эван, эвоэ — восклицание участников древнегреческих народных празднеств.

Эвксин — см. Понт Эвксинский.

Эвмениды — см. Эринии.

Эгерия (римск. миф.) — нимфа, супруга легендарного римского царя Нумы Помпилия, который, пользуясь ее советами, ввел ряд религиозных обрядов и учредил важнейшие жреческие коллегии.

Эдда (старшая Эдда) — древнеисландский сборник мифологических героических песен VII — XIII вв.

Эдем (библ.) — земной рай, в котором жили Адам и Ева.

Элида — историческая область на северо-западе Пелопоннесского полуострова.

Элизий (греч. миф.) — загробный мир, где блаженствуют праведники.

Эллада — в древности название небольшой территории в Фессалии, затем наименование Средней Греции, позже — всей Греции.

Эллинский — греческий.

Эммаус (еванг.) — селение близ Иерусалима, куда направился воскресший Христос. На пути он явился двум своим ученикам Клеопе и Луке, также шедшим в Эммаус.

Эней (греч. миф.) — герой Трои, переселился в Лациум; его потомки основали Рим.

Эол (греч. миф.) — бог ветра, выпускающий его из своих мехов.

Эолова арфа — музыкальный инструмент, струны которого звучат от дуновения ветра.

Эос (греч. миф.) — богиня Зари, возлюбленная Кефала.

Эпидавр — город в Греции, на берегу Саронического залива. В древности — центр культа бога врачевания Асклепия.

Эпиктет (ок. 50 — ок. 140) — древнегреческий философ, последователь стоицизма; был рабом, затем отпущен на волю.

Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, утверждал, что цель жизни — удовольствие, т. е. отсутствие телесных и духовных страданий.

Эпикуреец — последователь философии Эпикура. В переносном значении — жизнелюбец, стремящийся к чувственным наслаждениям.

Эпиталама — свадебная песнь древних греков.

Эпитафия — в Древней Греции надгробная речь и надгробная надпись.

Эреб — см. Тартар.

Эринии (греч. миф.) — богини мщения.

Эрот (греч. миф.) — бог любви.

Эспаньолка — короткая и узкая остроконечная бородка.

Эсфирь (библ.) — иудеянка, жена персидского царя; добилась отмены царского указа об избиении своих соплеменников.

Эсхил (ок. 525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург, создатель жанра трагедии.

Этли — см. Атли.

Этрурия — историческая область на северо-западе Апеннинского полуострова, известная своим плодородием, богатством недр.

Эфемер — растение сухих местностей, цветущее лишь в течение краткого периода.

Эфир — по старинным представлениям, — невесомая материя, заполняющая пространство; в поэтическом словоупотреблении — воздух.

Эхо (греч. миф.) — нимфа, полюбившая Нарцисса, иссохшая от мук любви, так что остался только ее голос.

Ювенал (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

Юдольный — земной.

Юпитер — см. Зевс.

Я з ы ц и — народы.

Я м б — стопа античной метрики, состоящая из двух слогов: краткого и долгого.

Я н и н а — город на северо-западе Греции.

Я н у а р и й (III в.) — христианский святой, епископ, казненный гонителем христиан римским императором Диоклетианом.

Я н у с (римск. миф.) — божество дверей, входа и выхода. Изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны.

Я н ы ч а р — солдат пехоты в султанской Турции.

Я р ы й — светлый.

Я с м и н — жасмин.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
произведений А. Н. Майкова, вошедших в 1—2 тт.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1893 ГОДА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Эпиграммы

ПОЭМЫ

Аполлон Николаевич МАЙКОВ

Сочинения
в двух томах

Том II

Оформление художника
Д. Б. Шимилиса

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 802

Сдано в набор 13.04.84. Подписано к печати 13 12.84.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 30.66. Уч. изд. л. 37.76. Усл. кр.-отт. 32,97.
Тираж 700 000 экз. Изд. № 2674. Заказ № 2889.
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137. ул. «Правды», 24.

Индекс 70688